

П.А. ДРУЖИНИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПИСЬМА
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
КНЯЗЮ
А.Б. КУРАКИНУ

П. А. Дружинин

НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПИСЬМА
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ
(1752–1818)

МОСКВА
«ТРУТЕНЬ»
2002

Оформление и художественная редакция
П. А. Дружинина

ISBN 5–94926–001–5

© П. А. Дружинин, 2002.

Предисловие.

В предлагаемой книге мы печатаем сто тридцать одно письмо русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752—1818), подлинники которых сохраняются в княжеском архиве; все они публикуются впервые и представляют значительный историко-литературный интерес. Письма эти представлены в двадцати двух разделах, каждый из которых посвящен отдельному писателю — И. И. Богдановичу, Г. Р. Державину, Д. И. Фонвизину, М. М. Хераскову и другим. В границах каждого раздела письма размещены в хронологическом порядке. Ответные письма самого князя, если они имеются среди его бумаг, публикуются по отпускам и помещены между письмами согласно хронологии. В качестве приложений отдельными разделами являются семь неизвестных ранее произведений русских поэтов, рукописи которых находились между бумагами князя.

Кроме публикации писем и стихотворений мы включили в настоящее издание еще три текста. Первый — это биография князя А. Б. Куракина. Второй, помещенный вслед за биографией князя, посвящен судьбе княже-куракинского архива. Третий наш текст, озаглавленный «Князь А. Б. Куракин — переводчик Фонвизина», первоначально предполагалось уместить во введении к разделу с письмами Д. И. Фонвизина, но в виду значительного объема мы решили напечатать его отдельно после приложений. В конце книги мы печата-

ем составленную нами роспись переписки князя А. Б. Куракина, хранящейся в ОПИ ГИМ.

Теперь коснемся археографических принципов издания: письма печатаются по подлинникам, хранящимся среди бумаг князя, архивная локализация оговаривается в примечаниях. Орфография и пунктуация рукописей сохраняется, кроме нескольких особо оговоренных случаев, когда мы вынуждены были приводить пунктуацию некоторых писем к удобочитаемой; также мы по необходимости заменяли строчную букву на прописную, если речь идет о написанных со строчной именах, фамилиях, топонимах и гидронимах. Буквы старой орфографии переменены на современные. Если письмо написано на французском языке, то публикуется и оригинальный текст, и перевод. В угловых скобках раскрыты допущенные авторами сокращения, или же помещены необходимые примечания (они помечены П. Д.); так же восклицательным знаком в угловых скобках мы помечаем слова, написанные авторами с явными ошибками. Примечания помещены вслед за каждым письмом, поскольку это кажется нам наиболее удобным для читателя. Не стоит думать, что среди куракинских бумаг более не осталось неизданных писем писателей; часть их мы сознательно не публикуем в этой книге — например, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, князя П. Б. Козловского, О. П. Козодавлева, Н. Н. Бантыша-Каменского и других. О причинах этого распространяться не считаем нужным.

За помощь в написании этой книги спешу выразить чувствительную благодарность А. Л. Соболеву, взявшему на себя работу редактора, Е. В. Дружининой, Т. А. Лаптевой, а также всем сотрудникам ОПИ ГИМ, долгое время терпевшим автора этих строк.

Князь А.Б. Куракин.
Опыт Биографии.

Князь Александр Борисович Куракин (1752—1818), которому посвящен настоящий очерк, является одним из самых известных русских вельмож второй половины XVIII — начала XIX века. В памяти совре-

---

Ввиду отсутствия полноценной биографии князя А. Б. Куракина мы решились написать ее и поместить в начале настоящего издания. Думается, это поможет всесторонне представить адресата печатаемых здесь писем. Кроме записок С. А. Порошина, Ф. Ф. Вигеля и прочих, нами были использованы печатные сборники «Архив князя Ф. А. Куракина» и «Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел». Множество сведений, особенно частного характера, почерпнуто нами из рукописных материалов княжеского архива. Все даты даны по старому стилю.

менников он навсегда сохранился под именем «Prince Splendide» — «Великолепного князя». Действительный тайный советник I класса по чину генерал-фельдмаршала, кавалер всех российских орденов, обладатель огромных богатств. Родственники же звали его «другом царей». Изображение князя запечатлено благодаря стараниям лучших живописцев, и по числу портретов он перещеголял даже многих коронованных особ. Также не сыщется в ту эпоху в России более известного, чем князь, *ферлакура* — по примерным подсчетам он имел до семидесяти детей и при этом ни разу не был женат. При дворе он пережил и опалу, и случай, оставаясь на протяжении десятилетий ближайшим другом цесаревича Павла Петровича, а затем и Марии Феодоровны. При Александре I князь сыграл значительную роль на дипломатическом поприще. Он оказал значительное покровительство словесности и изящным искусствам. С ним тесно связаны жизни Д. И. Фонвизина и Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича и М. М. Щербатова. Не будь его участия, наши выдающиеся историки Н. Н. Бантыш-Каменский, Д. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский никогда не стали бы таковыми. Его покровительство А. А. Нартову и Вольному Экономическому Обществу дали силы развитию земледелия и хозяйства в России. Оставшийся после князя архив уникален по полноте и сохранности, являясь выдающимся памятником эпохи.

Европейскую известность князь приобрел прежде всего славой богатейшего и странного русского вельможи. Однако памятен он не своей государственной деятельностью или особенностями поведения, а прежде всего верностью Другу и Государю — Павлу Петровичу, виновнику всех его падений и взлетов. Биография князя не воспринимается отдельно — она постоянно переплетается с жизнью Павла, дружба с которым была настоящей и искренней, без лакейства и рабского служения. Это является отражением характера князя, который на протяжении всей жизни был благороден, независим в суждениях и привязанностях, что, мягко говоря, нетипично для придворных нравов той эпохи. И не хочется, чтобы в нашем восприятии излюбленный князем внешний блеск, чины и награды, затмили главное — роль, от начала до конца сыгранную князем в русской истории, которая была

лаконично определена после смерти князя в 1818 году вдовствующей императрицей Марией Феодоровной и начертана на его надгробном памятнике в Павловске: «Другу супруга моего».

Князь Александр Борисович Куракин родился 18 января 1752 года. Отец его — князь Борис-Леонтий Александрович Куракин (1733—1764) был президентом Камер-коллегии и Коллегии Экономии, мать — княгиня Елена Степановна, рожденная графиня Апраксина (1735—1769), дочь фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина и известная красавица. Дедом его был князь Александр Борисович Куракин I (1697—1749) — конференц-министр, сенатор, обер-штальмейстер, тайный советник в ранге сухопутного генерала, полномочный посол в Париже, дядя императора Петра II. Прадед князь Борис Иванович (1676—1727) — стольник и верный соратник императора Петра Великого, посол в Лондоне, Гааге и Париже; поскольку был женат на родной сестре царицы Евдокии Феодоровны, рожденной Лопухиной, был в близком родстве с Петром I и родным дядей царевича Алексея Петровича. Древний род князей Куракиных берет свое имя от князя Андрея Ивановича, прозванием Курака (ум. 1569), который происходит от Наримунта Гедиминовича, князя Пинского, Мозырского и Новгородского (ум. 1348), сына великого князя Литовского Гедимина (ум. 1340).

Князь Александр Борисович был старшим среди четырех своих братьев (кроме них, еще три брата и две сестры умерли во младенчестве). С пеленок он был записан в лейб-гвардии Семеновский полк сержантом, а в 1761 году уже переведен в лейб-гвардии Конный полк подпоручиком.

Отец в 1763 году отправил молодого князя Куракина в Петербург к своему дяде — графу Никите Ивановичу Панину (дед нашего князя Куракина — князь Александр Борисович Куракин I был женат на Александре Ивановне Паниной (1711—1786), сестре известных впоследствии братьев Паниных (с 1767 года — графов). То есть наш князь Куракин приходился графу Н. И. Панину внучатым племянником).

Граф Никита Иванович Панин (1718—1783), хотя и не пользовался особым доверием ни Петра III, ни затем Екатерины II, неизменно

стяжал уважение августейших особ. Это прежде всего происходило от блестящей образованности графа и осторожности его в делах и суждениях. Также дарования Панина были отмечены императрицей в 1763 году, когда по удалении графа Михайлы Ларионовича Воронцова (1714—1767) он был 27 октября назначен первоприсутствующим членом Коллегии иностранных дел.

Однако главным обстоятельством, повлиявшим на всю дальнейшую судьбу нашего князя Куракина было то, что 29-го июня 1760 года императрица Елизавета Петровна назначила генерал-поручика и действительного камергера Никиту Ивановича Панина обер-гофмейстером при Павле Петровиче (с 27 декабря 1761 года — цесаревиче). Ни воцарение Петра III, ни воцарение Екатерины II не переменили этого положения Панина, кстати, очень дорожившего этой близостью с наследником.

Таким образом наш князь Куракин, приехав в Петербург, познакомился с Павлом Петровичем и стал бывать во дворце чаще других придворных детей. И хотя они не были ровесники (Павел Петрович, родившийся 20 сентября 1754 года, был на два года и восемь месяцев младше), уже тогда завязалась их длительная дружба, с годами не прекращаемая, а лишь только крепнущая на протяжении всей жизни.

Отец позаботился о лучшем домашнем образовании для сына: в Петербурге князь находился на попечении Фридриха Штрубе де Пирмона (1704—1775) — правоведа и члена императорской Академии наук, который сверх общего наблюдения обучал князя латинскому языку. Другим же предметам его обучали известные преподаватели того времени — профессор истории императорской Академии наук Карл Фридрих Модерах (1720—1772), служивший инспектором академической Гимназии, а также главный инспектор Морского кадетского корпуса Григорий Андреевич Полетика (1723 или 1725—1784) — переводчик и знаток французского, немецкого, латинского и еврейского языков. Особенное же внимание отец справедливо обращал на изучение «российскаго штиля», но при таком учителе как Г. А. Полетика всякие беспокойства были излишними.

22 ноября 1764 после тяжелой болезни скончался князь Борис-Леонтий Александрович Куракин, оставив четверых малолетних сыновей: старшего — нашего князя Александра, а также князей Степана

(1754–1805), Алексея (1759–1829) и младшего Ивана (1761–1827). Для воспитания молодых князей Куракиных была учреждена опека, в которую вошли четверо опекунов: Петр Иванович Панин, Александр Федорович Талызин и граф Федор Алексеевич Апраксин, старшим опекуном был Никита Иванович Панин. Когда же 29 октября 1769 году скончалась их мать, то ее малолетним князьям заменила одинокая тетка княжна Аграфена Александровна, причем относилась она к ним действительно по-матерински и любила всех одинаково. Также очень была близка к малолетним князьям их бабка по матери графиня Аграфена Леонтьевна Апраксина (1719–1771).

Здесь отметим, что по отношению к князьям Александру и Алексею остальными родственниками проявлялось большее внимание, нежели к Степану и Ивану, что отчасти объяснялось их лучшими способностями. Князья Александр и Алексей чувствовали это превосходство, что позволяло им относиться к оставшимся двум братьям свысока (князь Степан Борисович, предпочтением коего, несмотря на природные добродушие и лень, сделалась военная служба, частенько жаловался на нашего князя, что тот «поставляет его хуже самого малого ребенка»). Но младший Иван, также в будущем военный, был любим родными меньше всех, возможно, за нелюдимость и дурное поведение в Сухопутном Шляхетном корпусе; да и позже он называется не иначе как своенравным и строптивым. Причем по старинному обычаю, в случае плохого поведения княжеских детей секли не гувернеры и прислуга, а родственники — «княжескою рукою»; нередко именно старший брат выступал в роли этой руки. Неравенство между братьями сохранилось на всю жизнь. Отзвуком этого пренебрежения являются строки, написанные в 1792 году нашим князем брату князю Степану Борисовичу, относящиеся к младшему брату: «И вся кровь моя вскипела от вспоминовенья, что такой истукан от одной утробы с нами родился!».

После смерти князя Бориса-Леонтия граф Никита Иванович Панин решил взять князя Александра жить к себе, и 15 января 1765 года государыня дала милостивое разрешение жить маленькому князю Куракину во дворце. Это обстоятельство еще больше сблизило молодого князя с Павлом Петровичем, а граф Никита Иванович с тех пор стал

для двух молодых людей почти родителем, или, как позже называл его князь Александр Борисович, «вторым отцом».

Замечательным отголоском их детства являются записки кавалера при Павле Петровиче Семена Андреевича Порошина (1741—1769), которые он вел с 20 сентября 1764 по 13 января 1766 года. Порошин, в частности, записывал, что наш князь «живет у Никиты Ивановича, и почти каждой день у Его Высочества обедает и ужинает». Они любили вместе играть — чаще всего в шахматы и карты, среди последних особенной любовью пользовался берлан.

По характеру дети были разными: Павел Петрович очень живой, даже резвый, наш же князь более спокоен и ленив, а сверх того был много крепче изящного наследника. Лениность князя часто была замечена Павлом: «...Все сидит, да ленится, да нежится...».

Очень интересен описываемый Порошиным эпизод, произошедший 4 марта 1765 года, когда Павел Петрович «представлял себя послом Мальтийским, и говорил перед маленьким князем Куракиным речь», что многие годы спустя стало возможным совсем не понарошку, когда, став императором, он принял под покровительство Мальтийский орден.

В начале 1766 года родственники решили, что князю Александру не помешает продолжить обучение за границей, следствием чего было отправление в Киль для обучения там в Христиан-Альбертинской Академии, которая в 1765 году отметила столетний юбилей.

Этот балтийский город-порт, один из важнейших в Европе и некогда бывший одним из ганзейских городов, в то время принадлежал Павлу Петровичу как составляющая часть владения Голштейн-Готторпских герцогов. До момента передачи Киля в 1773 году датской короне там обучалось достаточное число русских студентов. Проехав через Варшаву, Берлин, Ширензе и другие города, молодой князь Куракин прибыл в Киль летом 1766 года. 17 июля он, как и все обучающиеся там юноши, был приведен к присяге и таким образом причислен к сообществу студентов.

За границей отношение к фамилии князей Куракиных было более чем уважительным, поскольку слава об их богатстве и могуществе проникла в Европу еще с начала XVIII века (даже в России такое уваже-

ние заметно еще в местнических счетах XVI столетия, когда князья Куракины ставились выше многих из князей Рюриковичей, даже знаменитейших). Первым из оставивших в Европе высокое о себе понятие был прадед нашего князь Борис Иванович (1676—1727).

Обучаясь около года в Кильской академии, одновременно князь Александр Борисович с июня 1766 года был причислен к штату русской миссии в Копенгагене и, завершив свое обучение в декабре 1766 года, переехал туда. Жизнь в Копенгагене, при том, что князь продолжал занятия науками, была совершенно отличной от кильской, и слова воспитателя Павла Петровича барона К. И. Остен-Сакена что «пробывание в Копенгагене заставит вас скоро позабыть о вашем кильском студенчестве», оказались вполне справедливыми. В том же году королева Датская Юлиана Брауншвейг-Вольфенбюттельская (вдова умершего 16 января 1766 года короля Фредерика V) пожаловала четырнадцатилетнему князю Куракину датский орден Данеброга или Совершенного согласия (иначе называемый орденом Верности). Несомненно участие в этих милостях Н. И. Панина.

График учебных занятий был типичным для того времени: расписание их в копенгагенский период жизни князь подробно передает в письме к «Павлушке», как он с детства называл великого князя, интереснейшую и обширную переписку с которым он не прерывал никогда: «Я встаю ежедневно в 6 часов утра, от 7 до 8 занимаюсь правом, с 8 до 9 латинским языком, с 9 до 10 математикой, с 10 до 11 упражняюсь в переводах с латинского на немецкий язык и обратно, а час, от 11 до 12, употребляю на свой туалет. В 12 часов приходит учитель французского языка. После обеда с 4 часов до 5 я три раза в неделю беру уроки на клавикордах и 3 раза уроки фехтования. Урок истории и географии назначен от 5 до 6. Три раза в неделю я езжу верхом в королевском манеже с 7 до 9 часов утра». Вместе с князем обучались еще несколько дворян, в числе которых был А. Г. Теплов.

В Копенгагене тогда царил праздничная обстановка, сопровождающая состоявшуюся в мае 1767 года коронацию датского короля Христиана VII (1749—1808). Князь Куракин также был в числе приглашенных на коронационные торжества. «Копенгаген мне до известной степени нравится», — писал он тогда домой. К этому же вре-

мени, по косвенным свидетельствам, относятся первые галантные похождения князя. В начале лета 1767 года князь выехал из Копенгагена для совершения небольшого путешествия по немецким землям. В конце июня пятнадцатилетний князь Куракин прибыл в город Пирмонт, где 4 июля 1767 года у него произошло знакомство, перешедшее в кратковременную, но очень пылкую дружбу с герцогом Эрнестом Мекленбург-Стрелицким (род. 1742). В память их знакомства князь Куракин подарил Эрнесту кольцо, на котором была выгравирована дата их первой встречи, а герцог поднес князю свой живописный портрет.

Герцог Эрнест-Готтлиб-Альбрехт Мекленбург-Стрелицкий, старший князя на десять лет, был братом герцога Адольфа-Фридриха IV и братом английской королевы Софии-Шарлотты, супруги короля Георга III. История их отношений с князем Куракиным известна нам только по чувственным письмам самого герцога, несколько отрывков из которых мы здесь приводим: «Как я счастлив иметь вас другом! Как доволен, что не ошибся в своем выборе! Вы делаете мне дорогим воспоминание о моем пребывании в Пирмонте: оно было началом нашей связи, смерть будет ее концом, по крайней мере с моей стороны. Мои пожелания сопровождают вас, я следую за вами мысленно и повторяю беспрестанно, что вас люблю» (9 августа 1768 года); «Мне неприятно думать о расстоянии, которое будет между нами, но оно, надеюсь, не изменит чувств нашей обоюдной дружбы, в чем мы друг другу поклялись. Как мне приятно исполнять свое обещание! Я так к вам привязан и чувство это растет во мне с каждым днем» (29 июля 1768 года); «Не забудьте также обещанного вами портрета: я так томлюсь в ожидании его» (11 ноября 1768).

Князь возвратился в Петербург в конце 1768 года. Фривольные похождения князя не нашли большой поддержки у дядюшки, но еще больше расстроили графа Панина неудовлетворительные знания, полученные молодым князем. Граф был сильно раздосадован, что и послужило причиной отправки князя Куракина в январе 1770 года для дальнейшего обучения в Лейденский университет. Стоит ли говорить, что князь упирался как мог и еще длительное время просил дядюшку графа Н. И. Панина вернуть его обратно, чем делал графа еще более одержимым в своих намерениях. Князь даже пытался поступить во-

лонтером под командование графа Петра Ивановича, но и здесь ничего не вышло.

В конце весны 1770 года князь выехал в Лейден, а уже 14 июня 1770 года его имя было внесено в списки студентов Лейденского университета. Первое впечатление «ссылки» сменилось удовлетворением от прекрасного обучения. Позже князь писал: «Сколько познаний имел я случай приобрести в Лейдене!».

Князь Куракин вместе с графом Н. П. Шереметевым был в числе первых русских вельмож, обучавшихся в Лейдене, которые в период 1770—1776 годов составили целую колонию представителей русской аристократии. В их числе были и граф С. С. Апраксин, и князь Н. Б. Юсупов, и троюродные братья князя графы Н. П. и С. П. Румянцевы, а под конец и братец князь Алексей Куракин. Руководил обучением всего этого российского юношества граф Карл-Генрих Сальдерн — младший брат известного дипломата. Кроме Сальдерна, главными преподавателями были лейденские ученые Фридрих Вильгельм Пестель (1724—1805) и Жак-Никола-Себастьян Алламан (1713—1787), причем с первым князь Куракин сохранил дружеские отношения и многолетняя их переписка суть вернейшее тому доказательство. В числе прочих у них преподавал известный филолог, профессор истории и красноречия Давид Рункениус (1723—1798).

Предметами занятий в Лейдене были: ежедневно — латинский язык и математика, четыре раза в неделю философия в сочетании с физикой и естественной историей, и с такой же периодичностью история и естественное право. Кроме того, изучались французский, немецкий и итальянский языки, а сверх всего музыка и фехтование. Интересно, что при обучении за границей русские брали для себя псевдонимы, и князь Куракин оказался *Monseigneur de Borissov*.

Занятия продолжались пятнадцать месяцев, после чего в начале октября 1771 года князь Куракин в компании своего давнего друга графа Н. П. Шереметева (1751—1809) отправились в путешествие по Европе (Шереметев путешествовал под фамилией Мещеринов). В Гааге к ним присоединился еще один путешественник — князь Г. П. Гагарин (1745—1808), имевший псевдоним Пензин. И хотя князь Куракин и так был с ним знаком, поскольку тот был его дальним род-

ственником, граф П. И. Панин посылал следующую его характеристику: «Он хотя имением не богат, но чувствием истинных добродетелей и прилежанием к познаниям изобилен».

После путешествия по территории тогдашней Голландии они в конце года переплыли в Англию. В Лондоне их встретил русский посланник граф Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1730—1817), причем он настолько радушен был в своем приеме и попечении о гостях, что стал на долгие годы одним из ближайших друзей князя Куракина, как, впрочем, и его жена графиня Софья Алексеевна, которую князь Куракин в шутку называл татап.

Князь Куракин, путешествуя по пригородам Лондона, посетил Кембридж и Оксфорд. В самом Лондоне он с живым интересом осмотрел Британский музей, а 21 января присутствовал на открытии сессии английского парламента, где беседовал с сыном знаменитого виконта Болингброка.

Находясь в Лондоне, князь получил известие, что императрица пожаловала его 1 января 1772 года чином камер-юнкера. Но награждение чином совпало с настигшим его в Лондоне же известием о смерти 28 октября бабки Аграфены Леонтьевны Апраксиной. «Лишились мы и матери, и благодетельницы», — писал он тетке М. С. Талызиной 10 января.

В марте месяце путешественники переплыли обратно на континент и вскоре прибыли в Париж. Здесь они осматривали достопримечательности, посещали Королевские Библиотеку и Оперу, ездили в Версаль. Обо всем князь писал к цесаревичу очень подробно и интересно. Из Парижа они выезжали в Лион, но затем вернулись опять в Париж, который князь называл не иначе как «сколь славной, столь же и великолепной» столицей. Ко времени отъезда из Парижа в марте 1773 года, князь настолько хорошо изучил город, что даже девять лет спустя путешествующие графы Северные не смогли найти себе лучшего *cicerone*.

В Париже в то время он повстречался со многими русскими, причем, по сути, это был первый выход князя в свет в самостоятельном качестве. Русские путешественники, в виду многочисленности, образовывали тогда подобие русской колонии в Париже. Это были барон

Григорий Николаевич Строганов (1731—1771), путешествующий с супругой Александрой Евтихиевной заводчик Никита Акинфиевич Демидов (1724—1789), князь Сергей Сергеевич Гагарин (1745—1798), известный любитель древностей граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817). Тогда же князь Куракин познакомился с обитающими в Париже известными художниками и скульпторами — Ж.-А. Гудоном, Ж.-Б. Грезом, А. Росленом. Там же он впервые увидел учившегося в Париже русского скульптора Ф. И. Шубина (1740—1805), которого по своем возвращении рекомендовал графу Н. И. Панину.

В марте 1773 года князь Куракин и граф Шереметев направили свои стопы в сторону Отечества. По пути они посетили множество европейских городов, в числе которых — Вена, Франкфурт-на-Майне, Берлин, Дармштадт, Кенигсберг, Рига.

Наконец в самом начале июня 1773 года путешественники прибыли в Петербург. Сказать, что князь был доволен путешествием, — значит не сказать ничего. Все мировоззрение его переменилось, особенно после вольной жизни в Париже. Единственное, что расстраивало его осенью 1772 года — так это что он не посетил «отечество всех цветущих художеств» — Италию. Но в будущем он еще сможет это наверстать в свите графов Северных.

Князь сильно изменился не только внутренне, но и внешне. Он сам писал тогда, что «большая часть старых моих знакомцев нашла меня очень перемененного, особливо в росте и толщине, уверяя, что с трудом, выключая главнейших лица черт, меня узнать можно». Вернулся князь уже повзрослевшим, таким, каким запомнили его современники, — красивым, крепко, даже атлетически сложенным. «Толщина» всегда была предметом его соревнований и взаимных острот с братом князем Алексеем.

Такое путешествие, продолжавшееся почти два с половиной года, не могло быть дешевым: оно потребовало от опекунов почти двадцати тысяч рублей, из коих половина пошла на его пребывание в Англии и Франции. Это были значительные траты, потребовавшие согласия опекунов и уговоров в необходимости этих затрат; но граф Н. И. Панин уговорил всех. Здесь, кроме родственной заботы, нам видится расчет графа Никиты Ивановича. Дело в том, что князь Александр Борисо-

вич был пока единственным из всего многочисленного родства, подававший надежды стать государственным человеком. И уже отправляя его во второй раз за границу, родственники желали будущего назначения его на пост министра при одном из иностранных дворов.

Положение графа Никиты Ивановича Панина здесь понятно: в то время о женитьбе он уже не помышлял, у младшего брата графа Петра Ивановича было семнадцать детей от первого брака с А. А. Татищевой, но все они умерли в малом возрасте, а от Марии Родионовны был только малолетний Никита Петрович. У князя Н. В. Репнина сыновей не было, а выпускник Страсбургского университета Ю. А. Нелединский-Мелецкий (сын Татьяны Александровны, рожденной княжны Куракиной) вел тогда разгульную жизнь и славился лишь своим обжорством, и государственного человека из него явно не выходило; князья же Лобановы-Ростовские (дети Екатерины Александровны, рожденной княжны Куракиной) также больших надежд не подавали. Таким образом, из всех внучатых племянников графа Никиты Ивановича большими способностями обладал прекрасно образованный князь Александр Борисович. Да и сам молодой князь желал пойти по стезе своих прославленных предков.

Кроме рвения по службе, у князя Куракина была еще одна страсть, силою которой он отличался от всех своих современников. То была страсть к женскому полу. Возможно, она была косвенно унаследована князем именно от графа Н. И. Панина, который, по словам митрополита Платона, «к гуляниям был склонен».

Поэтому, первое, о чем думал князь по возвращении — это о женитьбе, причем даже в свои молодые лета он при всех благородных порывах не желал упустить выгоду. Князь пытался объяснить свое желание ближайшим родственникам и сам пытался разобраться в себе. В письме к графу П. И. Панину от 16 декабря 1773 года князь писал: «Что есть мне полезнее, — оставаться холостым или приступить к предприятию приобрести себе жену, почтенную, добродетельную и со всеми нашим желаниям соответствующими качествами? Правда, что я еще молод, что от меня время не ушло, что всегда можно будет по сердечной страсти решиться; но сей страсти самой более всего опасуюся: ею быв ослеплены, редко можем зло от блага отличать. А я предпочтительно желаю,

чтобы столь важный выбор во мне единою силою рассудка и полезными советами истинных друзей руководствован был, и чтобы, вместо жаркого любовного пламени, между мною и будущею моею женою сильная, тесная, твердая и неразрушимая стояла дружба».

Первой невестой в Москве тогда была дочь графа Петра Борисовича Шереметева (1713—1788) графиня Варвара Петровна Шереметева, внучка государственного канцлера князя А. М. Черкасского со стороны матери и фельдмаршала графа Б. П. Шереметева со стороны отца. Происхождением, связями и богатством она превосходила тогда всех невест. И хотя она и была двумя годами младше нашего князя, брак этот, наилучший по всем резонам, был возможен и укрепил бы добрые отношения между двумя семьями, продолжавшиеся на протяжении четырех веков. Возможно, молодость князя смутила графа Петра Борисовича, но, скорее всего, сам князь был нерешителен, как, впрочем, в дальнейшем всегда в подобных обстоятельствах. Свадьба их расстроилась, и графиня Варвара Петровна вышла в феврале 1774 года за графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822), старшего на четыре года князя Куракина.

Граф Петр Иванович Панин, которому не нравились поиски князем Куракиным выгодной партии, писал ему в январе 1774 года: «Вы, любезный друг, позволяете себе брать пример из Князя Алексея Кирилловича, затмеваясь, что он к подражанию своему ничего другого в предках своих не имеет, как в отце припадками счастья обогащенного празднеца, а в деде уже пастуха».

Оставалось только две именитых невесты: первая — княжна Анастасия Михайловна Дашкова, дочь княгини Екатерины Романовны. Но она была очень молода, а главное — против нее возражала княжна Аграфена Александровна Куракина, что было решающим. Второй была графиня Елизавета Гавриловна Головкина, но она, по-видимому, чувствовала отвращение к семейной жизни и также не стала супругой князю (она так и скончалась девицей в один год с ним).

В следующий и последний раз князь сватался уже в 1803 году к тогда двадцатилетней камер-фрейлине графине Анне Алексеевне — Орловой-Чесменской. И ее отец — граф А. Г. Орлов-Чесменский был рад этому, да и сама невеста была без ума от князя, но и тут nere-

шительность его вновь сыграла свою роль; история закончилась лишь длительной их дружбой, и позже князь назвал это сватовство «заблуждением».

И, таким образом, сказанные князем в том же письме к графу П. И. Панину слова стали отчасти пророческими: «Рассмотрим, милостивый государь, несчастные и часто необходимые, от холостой жизни происходящие следствия: разврат в нравах, удаление от добродетели, похищение невинности, забвение собственных дел и собственного домо-строительства и разные подобные тому неурюстройства». Так князь Александр Борисович и в этом пошел по стопам графа Никиты Ивановича Панина, также холостяка. Но если о последствиях походов графа мало что известно, то князь Александр Борисович имел до семидесяти побочных детей, в том числе баронов Сердобиных и Вревских.

Но вернемся к 1773 году. Приехав в Петербург, князь Куракин сделался одним из наиболее близких к цесаревичу Павлу Петровичу людей. Интриги при дворе (суть которых — противоборство сил графов Паниных и графов Орловых), закончившиеся победой Орловых, также не повлекли за собой никаких последствий для князя.

Одновременно граф Никита Иванович, будучи к тому времени убежденным масоном, желал привлечь к этому и своего племянника, что ему удалось без особого труда: самим графом князь Куракин почти сразу по возвращении из-за границы был посвящен в масоны и вступил в масонский орден тамплиеров, а именно в петербургскую его ложу *Caritulum Petropolitanum*. Эта ложа была заимствована И. П. Елагиным из Англии и была подчинена с 1772 года лондонской материнской ложе.

Что же касается графа Н. И. Панина, то после состоявшегося 15 августа 1773 года в церкви Зимнего дворца миропомазания принцессы Гессен-Дармштадтской Вильгельмины-Луизы, нареченной великой княжной Наталией Алексеевной, и последовавшего на следующий день обручения с цесаревичем, дело его отставки от цесаревича казалось решенным. И действительно, в день коронации — 22 сентября 1773 года — Екатерина дала графу Панину отставку, при этом буквально осыпав его наградами, первой из которых было награждение чином

первого класса в ранге генерал-фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами по чину канцлера. И хотя ему было оставлен пост в Коллегии иностранных дел, все же он уже навсегда потерял былое влияние при дворе. Среди пожалованного было и имение Дугино в Смоленской губернии, ставшее гнездом не только для Паниных, но и для всех их родственников.

Бракосочетание Павла Петровича состоялось 29 сентября 1773 года в Казанской церкви, а торжества по этому случаю продолжались до 11 октября. Цесаревич полюбил свою супругу и, хотя не был допущен матерью к государственным делам (что особенно сильно огорчало графа Никиту Ивановича), получал удовольствие от семейной жизни. В то время вокруг Павла Петровича и Наталии Алексеевны сформировался кружок ближайших друзей, который составляли гофмейстера графиня Е. М. Румянцева, фрейлины княжна А. М. Белосельская и П. И. Леонтьева, наш князь Куракин, граф А. К. Разумовский и назначенный 5 ноября 1773 года состоять при цесаревиче Николай Иванович Салтыков со своей супругой. Также был вхож в круг этих лиц граф А. П. Шувалов с супругой, которые принесли с собою дух французских просветителей.

Сообщество малого двора, следуя веяниям времени, увлекалось французской литературой и искусством. Они вместе разыгрывали спектакли, гуляли пешком, танцевали на балах, причем князь Куракин танцевал едва ли не лучше всех.

Первое время Екатерина взирала на эту идиллию с благоволением, но ко второй половине 1774 года отношения императрицы и великой княгини испортились, на что оказало влияние и честолюбие Екатерины и скверный характер Наталии Алексеевны. Императрица видела, что цесаревич попал под тяжелый каблук супруги, которая находилась, в свою очередь, под влиянием интриг князя А. К. Разумовского. Кроме этого, Павел Петрович вошел в открытую ссору с новым фаворитом Г. А. Потемкиным. Также Екатерине не давала покоя Пугачевщина, закончившаяся лишь 10 января 1775 года со смертью бунтовщика.

Эти отношения и продолжали бы быть такими же прохладными, если бы не известие о беременности великой княгини. Императрица

была рада предстоящему рождению наследника. Приближение родов великая княгиня почувствовала 10 апреля 1776 года, но разрешиться от бремени в виду физического недостатка ей суждено не было: после сильных мук 13 числа была констатирована смерть ребенка, попытки спасти великую княгиню также оказались тщетными: 15 числа в 5 часов пополудни она скончалась.

После смерти великой княгини Екатерина лично разбирала бумаги покойной, среди которых, кроме политических идей графа Разумовского, ею были обнаружены и другие подробности его интриг, которые явились подтверждением слухов о близости графа с умершей. Хотя, зная характер Екатерины, можно предположить, что отец ребенка мало ее беспокоил. Конечно же, ее волновал наследник престола, а кто истинный отец — было все равно, тем более саму императрицу трудно было заподозрить в верности Петру Федоровичу в бытность великой княгиней.

Граф Разумовский был удален от двора, а Павел Петрович, узнав от матери об открывшихся обстоятельствах, стал еще более подозрительным. Теперь уже только два человека были достойны его доверия и близости — гофмейстер Н. И. Салтыков и друг детства князь Александр Борисович Куракин.

И хотя князь еще в 1775 году получил определение в Сенат к столу генерал-прокурора, это не отняло радостной доли его при дворе, а поручения 1776 и 1777 годов практически лишили его возможности заниматься непосредственными делами по службе в Сенате.

Поскольку князь Александр Борисович придавал очень большое значение своим придворным обязанностям, то до самого своего удаления от двора в 1788 году он присутствовал практически на всех празднествах и обедах. В одной только первой половине 1776 года он не менее двадцати раз бывал за столом государыни.

Тем временем императрица приняла решение о втором браке цесаревича — на принцессе Виртемберг-Штуттгартской Софии-Доротее-Августе-Луизе. Местом их знакомства стараниями Фридриха Великого был избран Берлин. Павел Петрович выехал из Царского Села 13 июня 1776 года в сопровождении шести лиц, среди которых находился и князь Александр Борисович Куракин.

Первая длительная остановка их была в Риге, после чего через Митаву, Мемель и Кенигсберг процессия 10 июля достигла наконец Берлина. Весь путь от российских пределов их сопровождали почетные депутации, триумфальные арки, дожди букетов и венков, спектакли и концерты, поднесения медалей, декламирование стихов и провозглашение речей.

На торжественном обеде вечером того же дня Павел Петрович впервые увидел свою невесту, а 12 июля уполномоченный Екатериной принц Генрих сделал предложение, предъявив заранее написанное письмо императрицы. Предложение было принято, и адъютант Фридриха немедленно поскакал в Петербург известить императрицу.

13 июля берлинская академия, которая во времена Фридриха Великого была в ореоле славы как никогда, собралась на торжественное заседание в честь Павла Петровича. Речь в тот день читал непрменный секретарь Формей. Но это было, пожалуй, самым серьезным мероприятием, поскольку с того дня и вплоть до воскресенья 24 июля — даты большого обеда у королевы, непрерывно продолжалась череда концертов, спектаклей, фейерверков, маневров и смотров войск ночных и дневных праздников в Шарлоттенбурге, Монбизу и Сан-Суси.

На следующее утро Павел Петрович со своей свитой покинул Берлин, затем, остановившись на два дня в Рейнсберге и увидевшись еще раз с невестой, поспешил в Петербург для приготовления к свадьбе. 8 августа они были в Риге, а уже вечером 14 числа въезжали в Царское Село.

Стоит ли говорить, что путешествие это оставило в сердцах и Павла Петровича, и нашего князя Куракина неизгладимое впечатление. Хотя князь Куракин был знаком и с придворной жизнью, и с балами и празднествами, но все равно он был ослеплен размахом устроенных Фридрихом Великим увеселительных мероприятий, да и место на этом празднике (в отличие от коронации датского короля в 1767 году) было у князя далеко не последним. Князь был очень рад невесте, являвшей собой разительное отличие от почившей супруги Павла Петровича.

Миропомазание невесты, при котором она была наречена Марией Феодоровной, было совершено 14 сентября, 15 числа состоялось обручение, а 26 сентября 1776 года в церкви Зимнего дворца состоялось

бракосочетание. Все происходило с обычной для таких торжеств роскошью. Вскоре, 7 октября, императрица подписала именной указ, которым князь Куракин отправлялся в Стокгольм к шведскому королю Густаву III для сообщения о браке цесаревича Павла Петровича с великой княгиней Марией Феодоровной. Инструкция для поездки была выдана князю 13 октября за подписями графов Н. И. Панина и И. А. Остермана. Это поручение было первой дипломатической миссией князя, причем в недружественную Россию страну.

Кроме встречи с Густавом III, важнейшей частью его путешествия было выполнение миссии, возложенной на него русскими масонами. Предводители русского масонства, среди которых были И. П. Елагин и граф Н. И. Панин, давно выражали свою неудовлетворенность системами, принятыми русскими ложами до 1775 года, и решили обратиться с просьбой открыть доступ к тайнствам шведской системы, славившейся древностью происхождения, чистотой правил и глубокими познаниями в тайных науках. Именно с этим предложением и был направлен князь Куракин к Верховной орденской власти Швеции.

Ознакомившись с желаниями русских единоверцев, шведские масоны с радостной готовностью откликнулись на предложение, а брат короля герцог Карл Зюдерманландский лично посвятил князя в тайны шведского обряда в декабре 1776 года. В силу выданных ему полномочий князь подписал акт подчинения (это сопровождалось восторгом шведских собратьев), после чего ему была вручена конституция (т. е. учредительная грамота) на основание в Петербурге главноуправляющей ложи шведской системы под названием «Капитул Феникса», диплом своему ближайшему другу князю Г. П. Гагарину на звание управляющего префекта капитула в России, а также обрядовые предметы: клейноды, знамя орденское, великий орденский меч, корону мудрости, скипетр, жезлы, лампаду, колокол, ключ, секиру, молот, рыцарские доспехи и прочее.

Кроме исполнения масонских поручений, эта поездка связана с бурным романом князя с графиней Софией Ферзен — дочерью шведского фельдмаршала графа Фридриха-Акселя Ферзена. Чувство князя было столь сильным, что все, в том числе и цесаревич, советовали ему жениться и уже не сомневались в таком исходе дела, как опять все

расстроилось, оставшись в памяти лишь трогательной перепиской, сохраняемой в архиве князя. Особенную честь эта история дает самой графине Ферзен, которая (по слухам), несмотря на чувства, устояла перед красавцем-князем, слывшим одним из самых искусных обольстителей XVIII столетия.

Все пребывание князя Куракина в Стокгольме составило около трех месяцев. Он неоднократно беседовал с Густавом III и сумел расположить его к себе. Кажется, исключительно заслугой князя Куракина можно считать то, что крайне недоброжелательный к России Густав III в 1777 году посетил Петербург с визитом. В январе месяце, 3 числа, практически перед отъездом, князь был избран почетным членом Королевской Академии наук. При этом князь выступил с обращением к Академии, а ответную речь к князю держал генерал-губернатор Стокгольма граф Карл Спарре.

Приветственная речь князя Куракина столь понравилось Академии, что в том же году она была издана на шведском языке с параллельным французским текстом — *Ta³, hallne för Kōnge. Vetenskaps-Academien, den 3 januarii 1777, de prins de Kourakin ... intog sit rum i Academien, sasom Utläudsk. Stockholm, tryckt hos Johan Georg Lange, 1777.— 24s.* Это издание столь редкое, что нам известен лишь один экземпляр, хранящийся в Королевской библиотеке в Стокгольме. Вскоре князь возвратился в Петербург.

В Петербурге он получил новую статскую должность — обер-прокурора Третьего департамента правительствующего Сената. Этот департамент представлял собой высший апелляционный суд по гражданским делами. Но эта должность никак не повлияла на его отношения с малым двором.

В 1777 году князь отдал дань изучению вошедшей в моду натуральной истории: в Петербурге известным медиком и ботаником, доктором медицины Лейденского университета Григорием Федоровичем Соболевским, называемым тогда не иначе как «российским Линнеем», были организованы публичные лекции. Князь был знаком с ученым со времени обучения в Лейдене, а потому и в числе сорока пяти человек подписался вместе с братом Алексеем на его лекции. На эти лекции, где интереснейшие повествования сопровождались демонстрацией эк-

спонатов из личной естественнонаучной коллекции ученого, приходил весь цвет столичного общества, в том числе князь Г. А. Потемкин, князь А. А. Вяземский, князь М. М. Щербатов, граф Н. И. Панин, граф А. А. Безбородко, А. В. Храповицкий и Г. Р. Державин.

В 1778 году, 21 апреля, императрица дала дозволение князю возложить на себя присланный от его величества короля датского Христиана VII орден Данеброга, а 28 июня того же года князь был пожалован государыней действительным камергером.

Едва ли не ежедневно со времени возвращения из Швеции князь находился при Павле Петровиче, будучи почти секретарем своего царственного друга и посредником негласных сношений цесаревича с людьми, главной надеждой которых было его воцарение на уже, как казалось, изрядно просиженный материнский трон. На имя князя адресовали свои письма граф П. А. Румянцев-Задунайский и князь Н. В. Репнин, граф А. С. Мусин-Пушкин, бывшие слуги Петра III, то есть практически все, кто хотел без привлечения к себе особенного внимания донести многие свои мысли до великого князя.

Шведские масоны, пытаясь воспользоваться близкой дружбой князя с Павлом Петровичем, пытались увлечь цесаревича своим учением. Также мнения о польском вопросе постоянно пытались пробраться к цесаревичу через письма поляков к князю Куракину. Через князя наш известный меценат И. И. Шувалов посылал к Марии Феодоровне умные книги.

Граф Никита Иванович Панин до весны 1781 года — когда он стал отходить от дел — передавал тайком Павлу Петровичу через князя Куракина для просмотра депеши и реляции русских министров при иностранных дворах.

Князь Куракин, хотя и был самым приближенным к цесаревичу в 1777—1782 годах, входил также в число приближенных к малому двору лиц. Кроме великокняжеской четы и князя Куракина, в него входили граф Н. И. Панин, Н. И. Салтыков, граф Н. П. Румянцев, Ф. Г. Лаферрьер и Г. Л. Николаи; позже к нему присоединились Ф. Ф. Вадковский и С. И. Плещеев. Душой этого кружка была Мария Феодоровна. И хотя Павел Петрович любил размеренную семей-

ную жизнь, он не был далек от развлечений — устраивал спектакли, балы и праздники, которые стараниями великого князя были интересны и разнообразны.

Это положение князя Куракина при малом дворе, как кажется, начало потихоньку настораживать Екатерину. И в 1779 году, чтобы дать князю возможность больше быть занятым делами по службе, императрица присоединила к его имеющейся должности обер-прокурора Третьего департамента такую же должность во Втором.

В 1780 году, при учреждении Санкт-Петербургской губернии, по большинству дворянских баллов князь был избран первым губернским предводителем Санкт-Петербургского дворянства. 9 апреля 1781 года цесаревич Павел Петрович лично, с соизволения государыни, возложил на князя Александр Борисовича орден св. Анны.

Тем временем по своим внешнеполитическим резонам императрица посредством князя Н. В. Репнина возбудила в великокняжеской чете желание совершить путешествие по Европе, с каковой просьбой в середине июня 1781 года они и обратились к государыне. Согласие последовало неожиданно быстро, и началась подготовка.

Екатерина, которая уже много раз успела все обдумать, назначила состав свиты, продолжительность путешествия и примерные страны, которые надлежало посетить. Супруги со всем согласились, осмелившись просить лишь о двух милостях: включить в свиту князя Александра Борисовича Куракина и позволить посетить Версаль, на что и было дано высочайшее соизволение. Таким образом, в окончательный состав их свиты вошли: генерал-адъютант Н. И. Салтыков с супругой, фрейлины великой княгини Н. С. Борцова и Е. И. Нелидова; камергеры князь А. Б. Куракин и князь Н. Б. Юсупов, известный знаток искусства и древностей; камер-юнкер Ф. Ф. Вадковский, подполковник Х. И. Бенкендорф с супругой, капитан-лейтенант С. И. Плещеев, поручик Ф. И. Клиnger, Ф. Г. Лафермьер, Г. Л. Николаи, доктор К. Ф. Крузе и священник А. А. Самборский.

В воскресенье 19 сентября 1781 года, около половины шестого вечера после нервных приготовлений их императорские высочества выехали из Царского Села. Путешествовать они отправились под именем

графа и графини Северных, причем они очень держались своего инкогнито, что скорее было игрой, поскольку скрыть истину было вряд ли возможно.

Описывая их свиту, австрийский император Иосиф II не упустил возможность дать характеристику и нашему князю: «Князь Куракин, сопутствующий их высочествам по чувству личной преданности, состоит при них уже в течение многих лет. Будучи племянником графа Панина, он уже этим имеет право на признательность великого князя и пользуется доверием и отменным вниманием Их Высочеств. Он человек любезный и с обращением высшего общества».

Маршрут их лежал через Псков, Полоцк, Могилев, Чернигов и Киев, с заездами в Шклов к С. Г. Зоричу и в Гомель к графу П. А. Румянцеву. После российских границ они проехали через Польшу, погостив в Вишневец, где их встретил король Станислав-Август. В Австрии они были встречены в Троппау Иосифом II и сопровождены до Вены, куда они приехали 10 ноября. Пробыв шесть недель в Вене, они направились в Венецию. 14 января 1782 года они отправились из Венеции через Парму и Болонью в вечный город. После путешествия по Италии они 26 апреля приехали в Лион, а 7 мая прибыли в Париж.

Если знанием Италии, бесспорно, более всех славился князь Н. Б. Юсупов, то уж в Париже князя Александра Борисовича заменить было трудно. В Париже цесаревич мог проверить все те восторженные рассказы, которые направлял к нему князь Куракин за девять лет до этого.

Но радостное настроение и графов Северных и князя Куракина было сильно омрачено полученным из Царского Села письмом императрицы к Павлу Петровичу от 25 апреля 1782 года, суть которого, несомненно, должна была отразиться на судьбе князя Александра Борисовича:

«На сих днях приказала я арестовать флигель-адъютанта моего Павла Бибикова, по причине предерзостных его поступков, кои суть пример необузданности, развращающей все обязательства; из слога письма его, писанного князю Куракину, можете осмотреть сие пространно. Он сам уже признался вралем неблагодарным и совершенным невеждою военных регул и дисциплины, которая, однако, есть душа

службы. Я уверена, что вы, увидя вышереченное письмо, наполненное столь черными выражениями, будете иметь к таковой корреспонденции должное презрение».

Павел Александрович Бибиков был в числе коротких друзей князя Куракина. Письмо, о котором идет речь, было послано 1 апреля 1782 года из Петербурга, в нем Бибиков неодобрительно отзывался о положении дел в России, высказывал недовольство двором и надежду на цесаревича, о преданности которому говорил и даже был готов доказать это; также досталось и князю Г. А. Потемкину, которого он называл в письме одноглазым. Естественно, арест последовал сразу же.

Впрочем, и другие письма Бибикова, сохраняющиеся до сих пор среди бумаг князя, резки, саркастичны, одновременно крайне любопытны, а характеристика современников там зачастую дана стихотворным матерком, в них почти всегда сквозит ненависть к князю Потемкину.

Ко всему прочему императрица до своего послания цесаревичу затеяла собственную интригу: письмо Бибикова отправлено к князю Куракину, а его ответ также был перехвачен. В этом письме князь отвечал, что таковой образ мыслей достоин сочувствия всех честных людей.

О том, что ответ князя Куракина небезызвестен Екатерине, стало понятно лишь тогда, когда сам князь послал объяснение государыне (которое, естественно, было отлично от ответа Бибикову), а императрица в свою очередь написала 7 июня очередное письмо путешественникам:

«О деле Бибикова я должна сказать вам, что этот человек, осыпанный мною благодеяниями, как и все его семейство, человек неблагодарный, исполненный самой едкой злобы против вашей матери. Этот разрушительный порок всех обществ не принадлежит к числу занятий, заслуживающих поощрения. <...> Что касается до большого письма, написанного мне князем Куракиным, то я велю, если он того пожелает, положить его в архив рядом с ответом Бибикову, чтобы оно служило доказательством, как он отрекается от чувств неблагодарности своего корреспондента и опровергает то, что тот легкомысленно осмелился заявить в своем письме, что он с детства не имел от него никаких тайных мыслей».

Такой поворот дел очень пугал и великокняжескую чету, да и самого князя. Они даже ожидали, что государыня отзовет князя, правда,

этого не случилось, хотя пренебрежение, наполнявшее второе письмо, было недвусмысленным намеком князю об окончании его придворной карьеры.

Великий князь был сильно расстроен, поскольку князь Куракин был самым давним, самым близким и самым преданным его другом. Этим, возможно, и объясняется резкий диалог Павла Петровича с Людовиком XVI — на колкий вопрос короля правда ли, что в его свите нет лица, на которое цесаревич мог бы положиться, последовал ответ: «Ах, как бы я жалел, имея в свите своей даже преданного мне пуделя; матушка велела бы утопить его даже не дожидаясь отъезда из Парижа».

7 июня 1782 года графы Северные оставили Париж, а 8 числа Версаль. После проезда через Орлеан, Тур, Анжер прибыли в Брест, после чего через Ренн и Лилль переехали в Австрийские Нидерланды.

При посещении Лейдена Павел Петрович допустил еще одну выходку в сторону матери — он решил посетить Лейденский университет — alma mater князя Куракина. Там в присутствии своей свиты он обратился к лейденским профессорам с кратким словом: «Я очень обязан вам тем, господа, что благодаря вашим трудам, многие из моих соотечественников сделались способны служить с пользою своей родине». И хотя сопровождавший его князь Юсупов также учился в Лейдене, высказывание это, надо думать, имело непосредственное отношение к князю Куракину. Вполне естественно, что императрица в своем следующем письме от 28 июля с холодностью констатировала, что подробности их пребывания в Голландии ей уже известны (она получала массу сведений о путешествии графов Северных по дипломатическим каналам). Эта выходка только еще больше охладила государыню в отношении князя Куракина, над которым висело нерешенное дело Бибикова.

Из Нидерландов графы Северные отправились в Маастрихт и Спа, затем направились в Германию и посетили Франкфурт. После этого они 21 июля прибыли в Этюб — родину Марии Феодоровны — близ Монбельяра. Пробыв там месяц, они через Швейцарию и затем через Штутгарт возвратились в Вену. Из Вены 7 октября 1782 года они выехали в Россию, а 20 ноября прибыли в Зимний дворец.

Путешествие великокняжеской четы продолжалось 428 дней, в том числе дорога заняла 190 дней, а проделали они путь в 13 115 верст. Кроме радостных впечатлений, ими была привезена горечь истории с князем Куракиным, а также огромные наделанные ими в путешествии долги, оплата которых была лишним козырем в руках государыни.

Думается, что князь Куракин со страхом и трепетом ожидал решения императрицы по делу Бибикова, поскольку его ложь уже была обличена государыней. Князь Александр Борисович должен был помнить участь его предков, умерщвленных Иваном Грозным: боярин князь Иван Андреевич Куракин был насильственно пострижен в 1565 году в монахи, а в 1567 году казнен; также и брат его, боярин князь Петр Андреевич Куракин, который был казнен в 1575 году. Вряд ли эти фамильные предания прибавляли князю оптимизма.

Сразу по прибытии князь Александр Борисович был удален от двора с приказанием отправиться на жительство в саратовские имения. Впоследствии Павел Петрович все-таки исходатайствовал у матери право принимать князя в одном из своих пригородных дворцов раз в два года. А заключенный сперва в крепость флигель-адъютант Бибиков был осужден устроенной по этому случаю специальной комиссией и послан на поселение в Астрахань, где удивительно скоро — в 1784 году — скончался.

Весной князя Куракина и цесаревича постигло еще одно горе: 31 марта в Петербурге скончался граф Никита Иванович Панин. И цесаревич и князь Александр Борисович потеряли в графе Панине и верного наставника, и почти родителя.

Когда в ночь с 12 на 13 апреля скончался граф Г. Г. Орлов, Екатерина писала барону Ф. М. Гримму (который, кстати, был также многолетним корреспондентом князя А. Б. Куракина): «...Граф Панин был от природы ленив и обладал искусством выдавать эту леность за обдуманную осторожность; от природы он не был ни так добр, ни так прямодушен, как князь Орлов; но он больше жил между людьми и лучше умел скрывать свои недостатки и свои пороки, а среди них были у него и большие».

Таким образом, угнетенный насколько это вообще было возможно, князь был отторгнут от придворной жизни и карьеры. С этого момента надолго прервалась жизнь князя Куракина — придворного вельможи, уступив место жизни князя Куракина — барина.

Для своего местопребывания князь избрал село Борисоглебское (Куракино) Сердобского уезда Саратовской губернии, в 12 верстах от уездного и 198 от губернского города. Это место, образуемое углом рек Хопра и Сердобы, холмистое, покрытое вековыми дубовыми лесами, благодаря рекам является одним из наиболее живописных в вообще безводном и степном Сердобском уезде. Издавна Борисоглебское считалось вотчиной князей Куракиных: еще в 1700 году, 12 января, по грамоте из Приказа казанского дворца были стольнику князю Борису Ивановичу Куракину отказаны земли «из диких поль» на реках Хопре и Сердобе по урочищам; а с 1717 года упоминается село Борисоглебское-Сердоба.

По приезде в Борисоглебское, он переименовал его в Надеждино, что, как говорил его брат князь Алексей Борисович, «изображает мысли, в то время утешительно его занимавшие».

В Надеждино князь устроил свою резиденцию. Он перенес господский дом на более высокое место, на самый берег Сердобы — там был сперва построен большой деревянный дом. Потом князь разбил из росшего тут прекрасного леса регулярный парк, проторил дорожки — «просеки», строил беседки, аллеи, дома. Все дорожки имели свои названия — Нелидовой, брата Алексея, Цесаревича и прочие, а также храмы — Славы, Терпения, Благодарности, Дружбы... План усадьбы со всем этим сонмом названий был издан князем в 1795 году.

Прожив девять лет в деревянном доме, князь решил построить на новом, самом высоком месте берега Сердобы каменный дом в три этажа с усадьбой. На дом пошло более 700 000 штук кирпича, и заключал он в себе около 80 комнат. Именовали этот дом не иначе как дворец.

Если в Петербурге он всегда выделялся среди прочих особ обилием слуг и лошадей, то в уединении своем он даже увеличил свой «придворный штат», насчитывавший только дворовых более трехсот человек, а также составил распорядок для приезжающих к нему гостей, который мы считаем нужным здесь привести:

«1. Хозяин, удаляясь от сует и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное и от оногo проистекающее счастливое и ничем неколебимое спокойствие духа.

2. Хозяин почитает хлебосольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общежитии, следственно, видит в оных приятные для себя должности.

3. Всякое здесь деланное посещение хозяину будет им принято с удовольствием и признанием совершенным.

4. Хозяин, наблюдая предмет и пользу своего сюда приезда, определяет в каждый день разделять свое время с жалующими к нему гостями от часу пополудни до обеда, время обеда и после обеда до семи часов вечера.

5. Хозяин, по вышесказанному наблюдению, определяет утро каждого дня, от семи часов до полудня, для разных собственных его хозяйственных объездов, осмотров и упражнений; а вечер каждого дня, от семи до десяти часов, определяет он для уединенного своего чтения или письма.

6. Хозяин просит тех, кои могут пожаловать к нему на один или два, или на многие дни, чтоб, быв в его доме, почитали сами себя хозяевами, никак не помня о нем единственно в сем качестве; приказывали бы его людям все надобное для их услуги и, одним словом, распоряжались бы своим временем и своими упражнениями от самого утра, как каждый привык и как каждому угодно, отнюдь не снравливая к проведению времени самого хозяина, который чрез то, с новою к ним благодарностию, получит всю свободу им предпринятое безостановочно и с продолжительным тщанием выполнять.

7. Хозяин никогда не ужинает, но всякий день, в девять часов вечера, будет у него ужин готов для всех прибывших к оному; и он, прося дозволения от оногo всегда отлучаться, просит также своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за оный садиться и за оным самим хозяйничать».

По этим правилам можно видеть и размеренный образ жизни самого князя, который не только наслаждался деревенскою жизнью, но и самостоятельно вел все принадлежащее ему хозяйство. Если сделать небольшое отступление и рассказать о взаимоотношениях Куракина с

прекрасным полом, то Надеждино является родиной мощного клана баронов Сердобиных, обязанных своему существованию неисчерпаемым силам князя Александра Борисовича. Для исполнения желаний князя служили и коммуникации надеждинского дома, например от его спальни, расположенной на втором этаже, в стене висела лестница на третий этаж, где имелось подобие гарема.

Живую картину его барской жизни воспроизводят следующие строки: «В великолепном уединении своем сотворил он себе, на подобие посещенных им дворов, также нечто похожее на двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворцовых управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров; потом секретарь, медик, капельмейстер, библиотекарь и множество любезников без должностей составляли его свиту и оживляли его пустыню. Всякий день, даже в будни, за столом гремела у него музыка, а по воскресеньям и праздничным дням были у него большие выходы; распределение времени, дела, как и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображения великого князя Павла Петровича находились у него во всех комнатах; в саду и роще там-сям встречались не весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам. Он наслаждался и мучился воспоминаниями Трианона и Марии Антуанетты, посвятил ей деревянный храм и назвал ее именем длинную ведущую к нему аллею».

Конечно, князю, привыкшему обращаться в высшем обществе, окружение мелким провинциальным дворянством не очень льстило. К тому же князь, хотя и находился в уединении, все же желал быть в курсе столичной и московской жизни. С целью приблизить себя к происходящим событиям он получал газеты обеих столиц. Но большинство по-настоящему интересующих его сведений князь получал из обширной личной переписки. Наиболее информативными были письма к князю от переводчика Московского архива Коллегии иностранных дел (а с 1800 года Управляющего оным) Николая Николаевича Бантыш-Каменского: их переписка завязалась в мае 1774 года, когда последний сочинял родословие князей Куракиных, напечатанное затем Н. И. Новиковым в Древней Российской Вивлиофике. Окончилась же переписка только со смертью Бантыш-Каменского в 1814 году.

Эти письма поражают своими подробностями, даже напоминают газеты, причем Николай Николаевич посылал свои послания к князю с завидной частотой. В частности, из этой переписки князь узнавал подробности положения дел в объятый революцией Франции, а позже — о деле и судьбе опального А. Н. Радищева. (Значительная часть этих писем, а именно числом 97 за 1791–1795 годы была напечатана П. И. Бартеневым в «Русском архиве»). С цесаревичем Павлом Петровичем князь Александр Борисович также не прерывал переписки.

Умело ведя свою экономию, князь Куракин лично объезжал собственные имения и хозяйства, а также делал выезды. Одно из таких путешествий увековечено в книге «Описание путешествия в 1786 году его сиятельства двора ея императорского величества действительного камергера и разных орденов кавалера князя Александра Борисовича Куракина, вниз по Суре от Красноярской до Чирковской пристани, находящейся при устье впадающей в Суру реки Инзы, с приобщением известия о той реке» и напечатанное в Императорской типографии в Петербурге в 1793 году. Также князь посещал своих близлежащих родственников князей Голицыных в Зубриловке на Хопре (в сорока верстах от Надеждина, где жил Сергей Федорович Голицын, женатый на Варваре Васильевне Энгельгардт), бывал у живших неподалеку дворян А. Е. Столыпина и Ф. М. Колокольцова. Надеждино в свою очередь также было местом поклонения местных помещиков и саратовских губернских начальников.

Князь Куракин, который еще в 1776 году был избран членом Вольного Экономического Общества, получил возможность применить свои познания по части сельского хозяйства. Он постоянно заботился о земледелии, его не оставляли равнодушным вопросы строительства и, если можно так выразиться, практической агрономии. До конца своих дней он жертвовал средства на конкурсы Общества, выписывал изобретенные сельскохозяйственные машины (это особенно видно из помещенной в этой книге переписки его с А.А. Нартовым).

Особенной статьей доходов князя были откупа, бывшие в том столетии самым быстрым и довольно легким способом обогащения. Но поскольку законом было запрещено входить в откуп людям, занимавшим высокое положение, да к тому же общественное мнение таких клей-

мило, то был быстро придуман верный способ: князь освободил от крепостной зависимости несколько человек, у которых доставало смекалки, и добыл для них откуп, а затем делил полученный барыш. Это был не самый редкий способ в то время; но узнав подобное о нашем князе, Екатерина 12 апреля 1789 года (как записал А. В. Храповицкий) сказала: «Князь Александр Куракин дурак, вошел в откуп, не умея и своим домом управлять».

Но князь, ничуть не смущаясь, наделил своих бывших крепостных откупками по Саратовской и Пензенской губерниям. Самым знаменитым из куракинских откупщиков был Михаил Андреянович Устинов, который нажил сам многомиллионное состояние и купил только в Саратовской губернии сто тысяч десятин земли и построил себе в том же Сердобском уезде в селе Бекове усадебный дом, который был уменьшенной копией Надеждинского. После 1812 года тот же Устинов купил у куракинских родственников Талызиных дом на Воздвиженке (сохранившийся до сего дня). По этим масштабам можно полагать, что барыши князя тоже были не малыми.

По выхлопотанному цесаревичем у государыни разрешению, князь Александр Борисович раз в два года стал приезжать в Петербург для свиданий с Павлом Петровичем и Марией Феодоровной. 15 июля 1788, находясь в Петербурге, князь Куракин писал ближайшему в то время другу цесаревича камергеру Ф. Ф. Вадковскому: «Я все еще нахожусь при Государыне Великой Княгине, которую люблю более с каждым днем за безграничную ее привязанность к ее мужу, к этому дорогому Павлушке, котораго я также люблю всем сердцем».

После поездки в Петербург тем летом князь Александр Борисович решил, что милость государыни к нему уже не вернется никогда; вследствие чего он решил формально уйти в отставку, поскольку, даже находясь в опале, он числился в отпуску. Вот как записал об этом в своем дневнике 8 октября статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий: «Прочитав просьбу Кн. Александра Куракина об отставке сказали: хорошо, он пятое колесо; но заготовленный указ не подписан и велено оставить до завтра». На следующий день императрица была занята другими делами и приказ об отставке был подписан только 10 октября

1788 года. После этого князь поехал в Москву, где и провел всю зиму и весну, уехав в имения только в мае 1789 года.

С Павлом Петровичем князь Александр Борисович по-прежнему сохранял близкие и безоблачные отношения, думается, в силу того, что очень редко с ним виделся. А между тем характер цесаревича претерпевал изменения, особенно после бракосочетания в 1793 году великого князя Александра Павловича. Павел Петрович все больше находил радости в уединении в Павловске и Гатчине, становился более мрачным и раздражительным. Он сознательно удалялся от тех, кто сохранял привязанность к нему, поскольку знал, что императрица будет к ним проявлять отнюдь не лучшее свое волеизъявление. Так государыня последовательно удалила от малого двора ближайших на то время друзей цесаревича — в 1793 году А. Л. Нарышкина, в 1794 — С. И. Плещеева и в том же году Ф. В. Ростопчина.

События в революционной Франции сделали цесаревича подозрительным и болезненно воспринимающим многие невинные вещи как отголоски якобинства и духа революции. Павел Петрович с ужасом воспринял смерть Людовика XVI и Марии Антуанетты, с которыми он еще несколько лет назад виделся в Версале, и всерьез начал опасаться за твердость всероссийского престола. Призывы многочисленных французских эмигрантов к абсолютизму монархии нашли в Павле Петровиче сочувствие. Также ходили многочисленные слухи о том, что уже написан и будет обнародован манифест о назначении наследником великого князя Александра Павловича и о заключении Павла Петровича в замок Лоде.

Эти и многие другие обстоятельства, даже несмотря на многие старания Марии Феодоровны умиротворить Павла Петровича, повлияли крайне сильно на характер будущего императора, что, очевидно, и сделало четыре года его будущего правления «незабвенными по жесткости».

Князь иногда приезжал для свиданий с Павлом Петровичем. Например, в 1793 году, в воскресенье 13 марта он присутствовал на торжественном приеме, данном в Царском Селе по случаю приезда внука Людовика XV графа Шарля-Филиппа д'Артуа, а затем на обеде, дан-

ном их императорскими высочествами. И в том же году второй раз он встречался с Павлом Петровичем в день его тезоименитства — 29 июня.

В 1790-х годах князь потихоньку осмелел и стал чаще выезжать, но самым громким было устроенное 30 августа 1792 года — в день Ангела князя — огромное празднество, куда съехались до тысячи гостей (думается, это с учетом крестьян). В тот день была освящена новая каменная церковь в Надеждине, а также был дан огромный бал. На этот случай княжеский управляющий П. С. Молчанов сочинил стихотворение (оно публикуется в приложениях).

Кроме Надеждина князь много жил в своих пензенских поместьях. Изредка местом его пребывания было Архангельское-Куракино (расположенное на границе двух уездов — Городищенского Пензенской губернии и Кузнецкого Саратовской), в 60 верстах от Пензы, на реке Юлова, незадолго перед впадением ее в Суру. А в середине 1790-х годов он почти переехал в Павловское-Куракино того же уезда, расположенное в двух верстах.

Павловское-Куракино на Юлове, где располагалась суконная фабрика, заняло — по выражению самого князя — второе место по привязанности после Надеждина. Топоним Павловское встречается впервые только в конце XVIII столетия, что, несомненно, говорит о вмешательстве самого князя, переименовавшего село Александровское. В Павловское князь перенес из Надеждино деревянный дом, а с 1784 года занимался сооружением каменной церкви, но построена была только деревянная. Там же в 1791 году им было учреждено училище для крестьянских детей.

Павел Петрович, который с 1789 года даровал в местечке Ингербург (по названию одноименной крепости, ныне в черте Гатчины) своим приближенным земельные участки под строительство домов, осмелился пожаловать в 1794 году князю Александру Борисовичу земельный участок в Ингербурге для строения дома (указом своим от 2 сентября), что есть свидетельство смелости цесаревича, но одновременно и показатель того, что государыня немного отошла от своих антикуракинских настроений.

Наконец настал 1796 год, когда княжеские мечты, повелевшие некогда переименовать село Куракино в Надеждино, ничуть не обманули князя Александра Борисовича. Утром 5 ноября 1796 года поражена была апоплексическим ударом императрица Екатерина Великая. Около девяти часов вечера цесаревич с великой княгиней прибыли из Гатчины в наполненный людьми Зимний дворец, где все ожидали с трепетом кончины императрицы. Прием, оказанный во дворце Павлу Петровичу, «был уже в лице государя, а не наследника». Цесаревич увидел мать, уже лишенную чувств.

Павел Петрович провел всю ночь во дворце, отдавая приказы и принимая приближенных для разговоров в угольном кабинете (при этом все его посещавшие вынуждены были проходить через спальню с телом страждущей государыни). Утром следующего дня доктора на вопрос Павла Петровича о шансах императрицы ответили неутешительно. Получив этот ответ, Павел Петрович, наконец, почувствовал себя самодержцем. Тогда же, не дожидаясь смерти государыни, Павел Петрович начал разбирать ее бумаги, где хранился перевязанный черной лентой пакет с манифестом об отстранении цесаревича от престола, который и был немедленно предан огню. Наконец, в тот же день, 6 ноября 1796 года, пополудни, в три четверти десятого, после 36-часовых страданий, императрица скончалась.

С воцарением Павла I на князя Куракина излились огромные милости, сполна вознаградившие князя за все огорчения прежнего царствования, за четырнадцатилетнее удаление от двора и от придворной карьеры.

Еще 6 ноября Павел I дал поручение вызвать князя Куракина из деревни, и в тот же день князь Александр Борисович был награжден чином тайного советника. 14 ноября, сразу по прибытии в столицу, князь был назначен членом Совета при новом императоре; 16 ноября — членом Коллегии иностранных дел и в тот же день вице-канцлером; 21 ноября ему был пожалован дом графа Моркова в Петербурге; 22 ноября он был произведен в действительные тайные советники, затем получил орден св. Андрея Первозванного, а также 150 000 рублей на уплату долгов. В день коронации, 5 апреля 1797 года, Павел I пожаловал князю Куракину 1437 душ в Петербургской губернии и 2863 души

в Псковской. Вместе с братом князем Алексеем он тогда же получил вотчину Велье с 7000 душ в Псковской губернии, отошедшую в казну после генерал-лейтенанта А. Д. Ланского, и сверх того 20 000 десятин порожних земель в Тамбовской губернии. Через пять дней после этого, 10 апреля 1797 года, обоим братьям были пожалованы в вечное пользование астраханские рыбные ловли и казенные учуги на особых условиях (что было особенно значительно, поскольку князья Куракины получали дохода от них до 400 тысяч рублей в год; однако уже в царствование Александра I именным указом от 27 августа 1802 года эти ловли были переданы в прежнее общее употребление).

Сразу по возвращении в свет князь Куракин вернулся в тесный круг ближайших лиц нового императора и императрицы. Примечательно, что бал во время коронации Павла I в Грановитой палате Кремля был открыт императрицей менюэтом с князем Александром Борисовичем Куракиным — одновременно с высочайшим расположением это говорило о том, что князь сохранил способность прекрасно танцевать.

В первые полтора года царствования императора Павла I при дворе образовалась особая партия, сильно напоминавшая былой павловский кружок. Это было время необыкновенного и крайне благотворного влияния, которое оказывала на императора камер-фрейлина императрицы Екатерина Ивановна Нелидова. В этот небольшой круг лиц входили братья князья Александр и Алексей Куракины, С. И. Плещеев, граф Ф. Ф. Буксгевден и его супруга графиня Н. А. Буксгевден.

Взросшее в то время значение князя Александра Борисовича подтверждает огромное количество получаемых им жалобных и верноподданнических писем с просьбами о покровительстве или выражением преданности; их количество сопоставимо разве что с объемом писем, которые направлялись некогда фаворитам почившей императрицы.

Ко времени, когда князь Куракин являлся вице-канцлером, относится знаменательное для истории России, а особенно для павловского царствования, событие — принятие Мальтийского ордена под покровительство императора Всероссийского. И хотя это обстоятельство сильно смешало карты нашей внешней политики, все-таки наконец Павел смог сделаться тем, кем он давно был в душе и мечтах — рыцарем.

Князь Александр Борисович Куракин принимал деятельное участие и в процессе переговоров, а потом и в церемонии возложения государем на себя титула великого магистра Ордена, состоявшейся 29 ноября 1798 года. При подписании 4 января 1797 года конвенции об установлении Ордена в России князь был назначен полномочным представителем русского императора; его титул звучал следующим образом: «князь Александр Куракин, вице-канцлер, действительный тайный советник, член Совета, действительный камергер и орденов святого апостола Андрея Первозванного, святого Александра Невского, святой Анны большого креста первой степени и королевских датских орденов Данеброга и Совершенного Союза кавалер».

Князь входил в состав Священного совета ордена, с бальяжем, что было для него очень подходяще, поскольку бальи не имел права быть женатым.

17 июля 1797 года князь Куракин был пожалован командорством (он стал командором за №6) ордена св. Андрея Первозванного в Московской губернии, которое составляло вместе 6741 десятина земли.

Со временем характер нового императора вкупе с царившими вокруг двора интригами разрушил и это мирное придворное устройство. К слову скажем, что все давние, близкие и верные друзья и сторонники нового императора в разное время царствования были удаляемы Павлом I от двора. В этот раз интриги партии Лопухиных повлекли за собой удаление от двора самых преданных императору лиц.

Еще в 1797 году князь подал прошение Павлу I с просьбой об отставке, но государь не соизволил дать ее князю, правда, поумерил свой пыл по отношению к нему.

Уже начиная с лета 1798 года отношения между императором и его прежней партией во главе с Нелидовой начали ухудшаться. Доставалось и князю Куракину, один из таких эпизодов воспроизводит в своих записках Карл Генрих Гейкинг: «Однажды государь так дурно обошелся с вице-канцлером князем Куракиным, что тот вследствие этого захворал. Императрица хотела было замолвить слово в его пользу, но Павел очень гневно отнесся к этому». Князь вновь подал государю свое прошение.

9 сентября 1798 года Павел I подписал следующий рескрипт: «Князь Александр Борисович. Удовлетворив прошению вашему вновь ныни повторенному увольнением вас от всех дел, желаю чтоб вы благополучно пользовались покоем вам данным. Будьте впрочем уверены в моем непрременном к вам благоволении с которым на всегда остануся к вам благосклонным Павел. в Гачине <!> Сентября 9. 1798 года».

После проезда через Москву князь отправился в свои деревни. Из Москвы он писал тогда к графу С. Р. Воронцову: «Обрадуясь душевному спокойствию, коим братец ваш несколько лет уже в уединении своем наслаждается, еду я теперь такового же искать в моих Саратовских деревнях и оттуда буду всякий год только на три зимние месяца сюда возвращаться».

Эту отставку князя, конечно, ускорил новый взлет Ф. В. Ростопчина, ненавидевшего князя Куракина. Необыкновенно ярко характеризуют его отношение к нашему князю строки из письма к тому же графу Воронцову от 18 апреля 1799 года: «Это такой болван, что следовало бы ему быть немецким принцем, изгнанным из своих владений, или же идолом у дикарей».

Но отставка была непродолжительной. 1 февраля 1800 года князь Александр Борисович Куракин присутствовал на обеде по случаю переезда императора в новый Михайловский замок, а 20 февраля Ф. В. Ростопчин, уже к тому времени ставший графом, получил отставку от всех дел, и того же числа князь Александр Борисович Куракин вступил в свою прежнюю должность вице-канцлера.

Отношения между императором и его другом восстановились, и с того времени князь Куракин стал по-прежнему близок к государю, постоянно бывая за столом. На день рождения — 18 января 1801 года — государь подарил князю прекрасную шубу. Присутствовал князь и за обедом у императора Павла I в понедельник 11 марта 1801 года. На последнем ужине его не было (очевидно, вследствие привычки князя не есть вечером).

12 марта 1801 года Россия встречала уже с новым императором. Это не означало для князя Куракина особой перемены, да и о заговоре он, скорее всего, ничего не знал. Если обратиться к подробностям этой

трагической ночи, то для нас наиболее интересно сказать немного о конфликте наследника и императрицы.

Этой ночью в отношениях Марии Феодоровны со своим старшим сыном, произошло, пожалуй, наиболее сильное столкновение. Как писал в своих записках А. Ф. Ланжерон, императрица, узнав о смерти супруга, «воскликнула, что она коронована, что ей подобает царствовать, а ее сыну принести присягу». И хотя Мария Феодоровна почти не участвовала в политических вопросах, она еще в будущность великой княгиней чувствовала к этому вкус (впрочем, не подкрепленный особыми способностями). Но в данном случае у императрицы попросту не было ни малейшей возможности победить. Исход был предreshен, и Александр I вышел победителем.

Хотя Александр и не ожидал умерщвления Павла I, он, кажется, был вполне осведомлен о планах заговорщиков добиться от отца отречения в его пользу. И хотя современники в один голос толковали о подавленности и скорбности Александра, скорее это уже было осознанием ранее непредвиденного отцеубийства. Как нам кажется, если бы Александр не знал о заговоре, то царствовать бы без особого труда, воспользовавшись замешательством Александра Павловича, осталась вдовствующая императрица. И тогда если бы Мария Феодоровна стала полновластной правительницей государства, то, без всяких сомнений, первым лицом в этом государстве после нее самой стал бы князь Александр Борисович Куракин.

Александр I по кончине своего отца поручил князю Александру Борисовичу разбор бумаг покойного государя. Среди них находилось и завещание Павла I, в 14 статье которого упоминалось и о нашем князе: «Звезду и крест прусского ордена Черного Орла бриллиантовые и шпагу французскую, идущую от графа д'Артуа, и золотые мои пряжки, которые всякий день ношу, отдаю моему верному другу князю Александру Борисовичу Куракину». Причем бриллиантовые знаки прусского ордена Черного Орла прежде снял с себя и подарил Павлу Петровичу сам прусский король Фридрих Великий. Кроме этого князю Куракину были завещаны знаки ордена св. Анны I степени, которые были прежде на государе; внутри аннинской звезды был вставлен

медальон с проектом знака IV степени для ношения за храбрость на военных шпагах, сделанный Павлом собственноручно еще в бытность наследником. Здесь отметим, что во время разбора бумаг Павла I князь Куракин не только составил их опись, но и списал часть документов для себя, также князь помогал Марии Феодоровне выполнять по завещанию распоряжения покойного государя.

При Александре I князь Куракин сохранил место вице-канцлера, уступив его лишь 5 сентября 1802 года графу А. Р. Воронцову. А в иерархии угасающего Мальтийского ордена князь еще более возвысился: 29 июня 1801 года князь был назначен одновременно Великим бальи и Великим канцлером Ордена.

Александр I сохранил благожелательное отношение к князю. Оно было продемонстрировано во время коронации Александра, состоявшейся в Москве в воскресенье 27 сентября 1801 года: на следующий день император почтил своим присутствием великолепный бал, данный князем Куракиным в честь него в Басманном доме. По этому случаю тогда князем П. Б. Козловским были написаны впоследствии изданные стихи.

Что касается внешней политики России, то князь Александр Борисович Куракин в павловское, а особенно в александровское время, имел возможность быть деятельным ее участником.

Еще со времени Павла I Россия вела усиленную политическую борьбу, связанную с вопросом индемнизации германских князей. Этот вопрос возник после победоносной войны Французской республики против участников первой антифранцузской коалиции (1792–1797) и последовавшего присоединения к Франции левого берега Рейна. Принцип компенсации князей Священной Римской империи, лишившихся рейнских земель, за счет секуляризации духовных княжеств на правом берегу Рейна, был установлен Кампоформийским мирным договором 1797 года между Францией и Австрией, а затем был подтвержден решением Имперской делегации на Раштадтском конгрессе в 1798 году и Люневильским мирным договором 9 февраля 1801 года между Францией и Австрией. Но вся Европа оказалась вовлечена в дипломатическую борьбу по этому вопросу.

Россия также активно вмешалась в этот вопрос и не подписывала мирный договор с Францией без соблюдения известных «пяти условий», изложенных в ноте Ф. В. Ростопчина 26 сентября 1800 года, где требовала сохранить целостность Баварии и Вюртемберга. Эти требования России были вполне справедливы, поскольку еще Тешенским конгрессом 1779 года было определено право России на участие в вопросах устройства Священной Римской империи.

Первый план распределения индемнизаций был сформирован в марте 1801 года и был продиктован Павлом I вице-канцлеру князю А. Б. Куракину в первых числах месяца, а затем был направлен князем русским посланникам в Берлине и Париже А. И. Крюденеру и С. А. Колычеву. Основным моментом данного плана было предложение курфюршества Ганноверского в качестве компенсации Пруссии, однако прусское министерство отнеслось к такому плану сдержанно, опасаясь сложностей с будущим урегулированием с Англией.

Позиция России была сформулирована уже после смерти Павла I на русско-французских переговорах, проходивших в Париже и закончившихся подписанием договора 26 сентября 1801 года и секретной конвенции 28 сентября. Дальнейшие переговоры по поводу индемнизаций, в том числе договоренности нашего посланника в Париже графа А. И. Моркова с министром иностранных дел Шарлем Морисом Талейраном в 1802 году, велись также при участии князя (при этом граф В. П. Кочубей высказывался против этого плана). Но князь Куракин отстоял свою правоту, и декларации об индемнизациях были подписаны князем А. Б. Куракиным в Петербурге 4 июля 1802 года, а Талейраном в Париже 6 августа, и были вручены 18 августа Имперскому сейму. Содержащиеся в них положения легли в основу «Окончательного постановления» Имперского сейма от 25 февраля 1803 года.

Также князь в царствование Павла I участвовал как полномочный представитель со стороны России в подписании конвенции об обоюдном разделе Польши (подписана 15 января 1797 года) и Трактата с Великобританией о торговле и мореплавании (подписана 10 февраля того же года). Стоит сказать, что в этих двух дипломатических предприятиях первенствующее положение, конечно же, принадлежало графу А. А. Безбородко.

Однако со смертью императора Павла I русские дипломатические сношения надобно было вновь приводить в нормальное состояние, особенно отношения с Англией. Отказ Александра I от исключительных притязаний на о. Мальту ускорил подписание 5 июня 1801 года Англо-русской морской конвенции, в подготовке которой князь Куракин принимал ближайшее участие, а затем также содействовал ее ратификации. Часто князь действовал на свой страх и риск, особенно в трудных переговорах с английским посланником бароном Фицгербертом Сент-Эленсом.

Дания и Швеция не участвовали в переговорах, официально доверив России участие в них от своего имени. 10 июня 1801 года князь А. Б. Куракин послал конфиденциальную ноту шведскому послу в Петербурге барону Курту Штедингу с просьбой о присоединении, также был оповещен и датский посланник граф Франциск Даннескольд-Левендаль. После ратификации Англией указанного трактата, состоявшейся 5 июля 1801 года, последовали ратификации посланниками Дании (11 октября 1801 года) и, после некоторого промедления, Швеции (18 марта 1802 года). С российской стороны они были подписаны и князем А. Б. Куракиным.

Немногом ранее — 1 марта 1801 года — князь Александр Борисович подписал в качестве полномочного представителя Договор дружбы, торговли и мореплавания, заключенный между императором всероссийским и королем шведским.

Также князь участвовал в восстановлении руинированных силами Павла I русско-австрийских отношений. Приехавший в середине июня 1801 года в Петербург от императора Франца князь Карл Шварценберг (посещение которого в Париже через несколько лет стало для князя Куракина роковым) передал ему датированное 27 мая 1801 года письмо австрийского кабинет-министра графа Франца Коллоредо. Граф в письме излагал соображения о необходимости сближения Австрии и России, увязываемые кабинет-министром с планом индемнизаций.

По поводу увеличивающегося могущества Франции князь нисколько не обманывался. В марте 1802 года в ответ на предложения австрийского министра в Петербурге Франца Саура заключить оборонительный союз Англии, Австрии, Пруссии и России князь от-

вечал отказом, поскольку считал, что Англия и Пруссия под разными предложениями откажутся от такого союза.

Кроме того, князь Александр Борисович приложил руку к назревшей отставке графа Никиты Петровича Панина, который с марта 1801 года управлял Коллегией иностранных дел со званием присутствующего в ней. Во-первых, граф Никита Петрович был близким и младшим на восемнадцать лет родственником, подчинение которому несколько ущемляло нашего князя, да и политические воззрения графа противоречили куракинским; однако главной причиной было предвзято-критическое отношение самого графа к князю Куракину, которое и послужило решительной причиной. 30 сентября 1801 года граф Н. П. Панин подал просьбу об отставке.

Постепенно все-таки князь Александр Борисович был оттеснен с первых ролей внешнеполитического ведомства. Конкуренция была трудна для князя, привыкшего более получать от жизни удовольствие, нежели выживать в сложных условиях постоянной придворной борьбы. Князь Куракин, к тому времени только избавившийся от хвори, подал императору прошение об отставке.

5 сентября 1802 года Александр I подписал именной указ, где говорилось: «Уважая причины, представленные Нам в прошении вице-канцлера, действительного тайного советника, князя Куракина, всемилостивейше увольняем его от Департамента иностранных дел, изъявляя ему справедливую признательность за усердное и ревностное в сем месте служение, к пользе отечества и к собственному Нашему всегдашнему удовольствию продолжаемое. При сем случае, желая дать ему новый знак отличного Нашего к достоинствам и заслугам его внимания, соизволяем быть ему Канцлером орденов российских, с сохранением прежних мест в Государственном Совете и в Правительствующем Сенате, и с полною свободою отлучаться не только в деревни свои, но и в чужие края, когда и на сколько времени, для поправления здоровья, или домашних дел своих, сам он заблагорассудит». При увольнении император возложил на князя орден св. Владимира I степени с формулировкой «за искусное управление политическими делами».

Получив отставку, князь, проехав через свое псковское имение Врев, в двадцатых числах ноября 1802 года приехал в Москву и остановился в своем дворце на Басманной. А 12 декабря князь дал грандиозный праздник: утром была освящена домовая церковь во имя св. Петра и Павла, а после был дан обед «на восьмидесяти кувертах».

Отставка, однако, не мешала князю и дальше интересоваться политикой. Еще при образовании Государственного совета князь А. Б. Куракин был назначен в число его членов и постоянно сохранял свое место в числе первых сановников государства. Кроме того, в адрес его, как канцлера российских орденов, опять поступало огромное количество различных просьб о награждениях и благодарственных писем от награжденных.

В 1804 году князь прославился неординарным поступком, одновременно говорящем о его характере, — он даровал свободу своим крестьянам, уволив до 3000 жителей 22 хуторов слобод Белокуракинской и Павловки (Старобельский уезд Харьковской губернии) вечно и потомственно в вольные хлебопашцы и уступив им до 60 000 десятин земли. Со своей стороны крестьяне обязались внести в продолжение двадцати пяти лет один миллион рублей ассигнациями в Петербургский опекунский совет в пользу воспитанников князя баронов Сердобиных — сумму, ничтожную по сравнению с реальной стоимостью княжеского жеста. Этому событию была посвящена статья Е. А. Энгельгардта в журнале «*Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch*».

После этого князь решил включить в свое завещание еще один пункт — даровать после его смерти свободу 1372 крепостным душам надеждинского имения за их многолетнюю службу при князе в годы его опалы. Это решение также получило широкую огласку и одобрение, но воля князя после его смерти наследниками исполнена не была.

12 декабря 1805 года, в день рождения Александра I, после сражения при Аустерлице, князь Куракин и старший кавалер кавалерской думы св. Георгия князь А. А. Прозоровский за храбрость, проявленную государем при сражении, подносили Александру I знаки ордена св. Георгия I степени. Но император соизволил принять только орден IV степени.

Тогда же, после поражения при Аустерлице, 31 декабря 1805 года князь Александр Борисович подал императору записку, где изложил свое видение международной обстановки. Характеризуя европейскую политику к концу 1805 года, князь из анализа внешнеполитического положения отдельных стран и их взаимоотношений с Россией и Францией делал вывод, что поддержки ждать не от кого. Единственным выходом из сложившейся ситуации князь Куракин видел переговоры с Бонапартом о заключении мира и союза.

Предложения князя, да и вообще вся внешняя политика России, обсуждались на заседаниях Государственного совета в конце декабря 1805 — начале января 1806 года. Все члены Совета ощущали опасность, но наш князь настаивал на переговорах. Граф Н. П. Румянцев возражал, говоря, что «скоропостижные искания мира» унижительны для достоинства России. Несмотря на возражения графа Н. П. Румянцева и министра военно-сухопутных сил С. К. Вязмитинова, Государственный совет вынес решение послать в Париж русского представителя для ведения неофициальных переговоров с Наполеоном.

Тем временем возникла необходимость в переговорах с императором Францем, желавшем вступить в третий свой брак и искавшем руки великой княжны Екатерины Павловны, которая не была к тому расположена. Для устройства этого щекотливого дела 18 июля 1806 года посланником в Вену на место графа А. К. Разумовского был назначен князь Куракин (к слову, попытки выдать замуж великую княжну оказались тщетными). Но граф Разумовский наотрез отказался уезжать из Вены, задержав до лета следующего года переезд туда князя Куракина; сам же граф Разумовский и после приезда нового посланника оставался жить в Вене, но уже в качестве частного лица.

8 мая 1807 года князь Александр Борисович выехал из Петербурга. Он присоединился к свите государя, который весной и летом 1807 года находился при армии. После побед при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, а затем поражения при Фридланде, князь Куракин был сторонником вынужденного перемирия с Францией. Великий князь Константин, настаивавший на мире еще до Фридланда (что также соответствовало устремлениям Наполеона), пытался сделать князя активным сторонником своих идей, поскольку сопротивление в этом

Александра I и барона А. Я. Будберга, почувавших вкус победы, казалось непреодолимым.

После поражения другого выхода попросту не было: война с Турцией и Персией оттягивала военные силы России; Наполеон тоже еще не имел сил, необходимых для ведения затяжной войны на русской территории. Приближение французских войск к Тильзиту заставило вывести оттуда русские части. Перемирие было выгодно всем.

Генерал-лейтенант князь Д. И. Лобанов-Ростовский начал 7 июня 1807 года в Тильзите переговоры о перемирии; через два дня, 9 числа, князем Лобановым-Ростовским было подписано русско-французское соглашение о перемирии.

10 июня в Шавли состоялся конфиденциальный разговор Александра I с князем Куракиным, в ходе которого император объяснял князю свое решение о заключении перемирия. Эти же слова императора, где государь сожалел о вынужденном перемирии, князь передал в письме вдовствующей императрице Марии Феодоровне, с которой не прерывал интенсивной переписки и по письмам к которой можно видеть сложившуюся в Тильзите сложную ситуацию.

Перемирие с Францией не затрагивало болезненных вопросов, связанных с Турцией. Князя Куракина это тогда сильно беспокоило, а когда 13 июня Наполеон в своей беседе с Александром завел разговор о разделе владений Турции, необходимость более масштабного русско-французского соглашения оказалась совершенно очевидна.

15 июня 1807 года в Тильзите были выданы полномочия князьям А. Б. Куракину и Д. И. Лобанову-Ростовскому на ведение переговоров и заключение мира с Францией. А прибыв в Тильзит 16 июня, князь Куракин получил распоряжение Александра I вместе с князем Лобановым-Ростовским составить проект этого мирного трактата. Тогда же в одном из своих писем к Марии Феодоровне князь писал, что трудится над составлением «благодетельного трактата». Интересно, что государь не был полностью уверен в успехе переговоров и поручение их князю Куракину говорит о большом оказываемом ему доверии.

Наконец 25 июня 1807 года в Тильзите был подписан русско-французский договор о мире и дружбе. Он состоял из мирного дого-

вора (29 статей), семи отдельных секретных статей и союзного наступательного и оборонительного договора (9 статей). С русской стороны он был подписан князем А. Б. Куракиным и князем Д. И. Лобановым-Ростовским, с французской — Шарлем Морисом Талейраном. 27 июля договор был ратифицирован обоими императорами, в тот же день в резиденции Александра I состоялся обмен ратификационными грамотами.

В этот день Александр I поручил князю Куракину поднести Наполеону от его имени пять знаков ордена св. Андрея Первозванного, предназначенных самому Наполеону, королю вестфальскому Иерониму, И. Мюрату, Ш. М. Талейрану и Л. А. Бертье. Одновременно генерал Жерар Дюрок передал императору Александру I пять знаков ордена Почетного Легиона, предназначенные для государя, великого князя Константина Павловича, барона А. Я. Будберга, князя Куракина и князя Д. И. Лобанова-Ростовского.

Несомненно, подписание Тильзитского трактата было самым знаменательным событием в дипломатической карьере князя. 22 июля 1807 года государь подписал именной указ правительствующему Сенату, который гласил: «Обращая внимание на отличное усердие, труды, ревность к службе и к пользам Нашим действительного тайного советника Князя Александра Куракина, во изъявление особенного благоволения Нашего, всемилостивейше жалуем его в первый класс». Стоит здесь сказать, что по Табели о рангах это соответствовало военному званию генерал-фельдмаршала.

В тексте тильзитского трактата, согласно выданным полномочиям, наш князь был представлен следующим образом: «Князь Александр Куракин, действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор, канцлер всех российских императорских орденов, действительный камергер, чрезвычайный и полномочный посол его величества императора всероссийского при его величестве императоре австрийском и орденов российских св. Апостола Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Анны 1-го класса и св. равноапостольного князя Владимира большого креста 1-й степени, прусских Черного и Красного Орла, баварского св. Губерта, датских Данеброга

и Совершенного союза и державного ордена св. Иоанна Иерусалимского большого креста кавалер».

Во время переговоров с Александром I и Наполеон, и Талейран неоднократно высказывали желание о назначении князя Куракина послом в Париж. Но в виду осторожности и нерешительности князя, он уклонился от почетного предложения и, ссылаясь на преклонный возраст, просил государя не отменять назначения в Вену.

Заключение Тильзитского мира было неоднозначно воспринято современниками, а многими из них — с возмущением и отчаянием от перенесенного Россией унижения. Поэтому и роль князя Куракина становится двойственной, хотя его постоянная осмотрительность вряд ли позволяла ему быть самостоятельным деятельным политиком. Конечно, никто из великих полководцев — ни Петр I, ни Людовик XIV, ни Фридрих Великий — не заключали мира после проигранной битвы, а, напротив, в гораздо более тяжелых условиях добивались затем победы над противником; так что решение Александра было современникам малопонятным. Некоторые стали подозревать советников государя в умышленном приведении переговоров к позорному миру: граф С. Р. Воронцов в своем письме к графу М. С. Воронцову от 12 августа 1807 года открыто говорит о том, что подлое и предательское поведение князя Куракина при заключении этого мира невозможно оправдать.

Да и сам князь Куракин вынужден был давать объяснения; к тому же в жесткую оппозицию к Тильзитскому миру встала императрица Мария Феодоровна, которая как осуждала действия сына, так и просила объяснений от своего ближайшего друга. Она стала центром оппозиции: «Все недовольные, которых множество, сомкнулись вокруг нее, ее превозносят до небес, и никогда ее двор не был столь многолюдным, никогда он еще не привлекал так общество», — писала 29 августа 1807 года своей матери императрица Елизавета Алексеевна. Позже Мария Феодоровна направила сыну письмо с призывом отказаться от эрфуртского свидания с Наполеоном. С другой стороны — князь М. И. Голенищев-Кутузов положительно отзывался о Тильзитском мире и с удовлетворением установил после его заключения переписку с нашим князем.

Из Тильзита, получив необходимые наставления от государя, князь Александр Борисович Куракин поехал к своему назначению в Вену, где князь с июля 1807 по сентябрь 1808 года занимал должность чрезвычайного и полномочного посла. Рескрипт о его окончательном назначении в Вену был подписан Александром еще 18 апреля 1807 года, а верительная грамота датирована 29 апреля. Задержка с отправлением была связана с уже упоминавшимся упорством графа А. К. Разумовского, а также разрешением посетить до прибытия в Вену царскую ставку (из коего неожиданно вышло участие князя в подписании Тильзитского договора).

Относительно проводимой князем в Вене политики Александр I писал ему из Тильзита 27 июня 1807 года следующее: «...Что касается того, как надлежит Вам вести себя по отношению к французскому послу в Вене, то Вам, несомненно, нужно оказывать ему внимание и поступать так, как это обычно принято между представителями дружественных держав, и даже проявлять некоторую доверительность и непринужденность. Однако Вам необходимо при этом держаться в рамках, которые ставит еще далеко не окрепшее сближение, так как только последовательность, с какой французское правительство станет в дальнейшем выполнять свои обязательства, позволит мне определить, насколько искренни его намерения в отношении России».

Первоочередной задачей князя Куракина было сближение России и оставшейся между молотом и наковальней Австрии, которая при этом не хотела принимать выпавшей ей роли третьего лишнего. Успокоение бурлившей политики Австрии следовало еще и потому, что после возможного покорения Австрии для Франции в Европе останется только одна большая цель — Россия. А уже с конца 1807 года наш посол в Париже граф П. А. Толстой в своих депешах постоянно взывал к необходимости подготовки войск к серьезному противодействию французам, иначе, предостерегал он в ноябре 1807 года, «внезапно и с удивлением увидим мы французские армии в границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы».

Князь Куракин также был недоволен Францией, уклоняющейся от выполнения своих обещаний по Тильзитскому договору (об этом он

писал графу Н. П. Румянцеву в январе 1808 года, с просьбой уведомить государя). Однако в силу своих обязанностей, князь, ведя доверительные беседы с австрийским министром иностранных дел графом Иоганном Стадионом, постоянно старался доказывать неизбежность русско-французского союза и благополучие Австрии при таком равновесии. Это даже для князя Куракина оказалось затруднительным, поскольку невыполнение французами некоторых статей Тильзитского договора были очевидны.

В своем донесении Александру I от 2 июля 1808 года князь писал: «Я не стану отрицать, государь, что <...> когда речь зашла о Тильзитском договоре, я не удержался и сказал графу Стадиону, что меня — участника заключения этого договора, больше, чем кого бы то ни было, удивляет продолжающееся пребывание французских войск в герцогстве Варшавском и германских владениях прусского короля; что продолжение этой несправедливой оккупации — выше моего понимания, и что она никоим образом не отвечает уважению и соблюдению обязательств, которые Франция взяла на себя по отношению к нам».

На такое излияние откровенности князя 14 августа 1808 года последовал ответ государя: «Оказывая должное рвению и уму, которые Вы проявляете на моей службе, я, признаюсь, был огорчен тем, что вы согласились с мнением графа Стадиона, когда он пытался доказать Вам, что император Наполеон не выполнил обязательств, которые он и я взяли на себя в Тильзите, и что об этом сказано в депеше, которую вы показали графу Стадиону. Вы доставите мне удовольствие, если впредь не будете допускать и признавать, что у меня якобы имеются основания быть недовольным кабинетом Сен-Клу».

Так или иначе, все время своего министерства князь Куракин пытался призывать австрийское правительство к благоразумию и лояльности французам, в том числе признать Жозефа Бонапарта королем Испании и Иоахима Мюрата королем Неаполя. Это оставалось единственным средством к недопущению масштабной войны на континенте, поскольку при выступлении Австрии (которая провела к тому времени мобилизацию) против Франции, Россия автоматически оказывалась также втянутой в войну с Австрией. Австрийский император

Франц внял советам русского государя и подготовил для эрфуртской встречи Наполеона I и Александра I благожелательные обращения к императорам.

Однако австрийское упрямство взяло верх; при Эрфуртской встрече австрийский двор отказался признать новых королей, что не удовлетворило ни Александра I, ни Наполеона I. Государь писал князю Куракину 20 сентября 1808 года из Эрфурта: «Император австрийский хочет сохранить мир? Так пусть же он не подрывает его, вызвав инцидент, которого так легко можно было избежать». 26 сентября князь Куракин имел двухчасовую беседу с графом Стадионом, очень эмоциональную. Сам князь, описывая ее пространно государю, заключал: «Я вложил в этот демарш все свои способности и был так красноречив, как только мог. Чувство, вдохновляющее меня при исполнении Ваших повелений, государь, удваивают мои силы. Я не считаюсь ни с бессонными ночами, ни с расстоянием. Буду счастлив, если мое рвение удостоится Вашего высочайшего одобрения. Это единственная награда, на которую я рассчитываю».

Во время эрфуртского свидания Александр I, следуя пожеланиям Наполеона, 1 октября 1808 года уведомил французского императора о своем согласии заменить своего посла в Париже графа П. А. Толстого, и без того долго рвавшегося в отставку, на князя Александра Борисовича Куракина. 4 октября Александр I направил князю рескрипт о его назначении в Париж с двусмысленной мотивировкой чаще «менять служащих по дипломатической части». Вряд ли князь был обрадован, даже осознавая важность этого поста; хотя он и не подозревал того оттеснения от дел и бессилия в решениях, которое он станет испытывать в Париже.

В октябре князь был в Вене, продолжая свои переговоры с австрийским министерством. 24 числа он направил государю пространную депешу, где излагал свое видение европейской ситуации и предлагал Александру I заключить сепаратный мир с Англией. Закрывая свое послание князь писал: «Мудрая политика готовит будущее в настоящем. Кто может предвидеть события, скрытые от нас непроницаемой завесой времени, и какая политика, государь, может быть более благо-

родной, чем политика, имеющая целью употребить силы так, чтобы естественным и необходимым следствием этого явилось всеобщее спокойствие!».

Отъезд князя в Париж был назначен на конец октября. Князь объявил в Вене, что он уезжает в отпуск, но не хотел уехать, не попрощавшись с двором, а потому и договорился об аудиенции с Францем I, которая произошла 22 октября в Прессбурге. Приведем фрагмент депеши самого князя к Александру I от 27 октября: «Его величество со-благоволит выразить сожаление по поводу моего отъезда и того, что его усилия удержать меня не увенчались успехом; он сказал, что тем не менее он надеется, что рано или поздно обстоятельства заставят меня вернуться в Вену. Я опускаю подробности, имеющие личный характер. Когда я выходил от императора и двери его кабинета еще не закрылись за мной, ко мне подошел главный камергер и передал мне закрытую шкатулку, сказав, что, как надеется его государь, я не откажусь от знака его дружбы и благожелательности. Он хочет, чтобы я сохранил о нем приятное воспоминание, и поэтому просит меня принять шкатулку с его портретом. Я был крайне удивлен этим подарком. Я не имел никаких оснований ожидать его, так как не вручал отзывных грамот. Я выразил свое удивление графу Стадиону и самому императору в тот же вечер на балу в палатине, куда меня пригласили, и повсюду я встретил свидетельства, которые, быть может, польстили бы моему самолюбию, если бы я не понимал, государь, что они предназначались только послу вашего императорского величества и что это является открытым проявлением уважения к Вам со стороны государя, видящего в Вас свою единственную надежду и опору».

По отъезде князя Куракина из Вены в Париж его дела в начале ноября 1808 года принял Иван Осипович Анстет (1770—1835), с 1801 года служивший советником венского посольства. Дела он принял в ранге поверенного в делах. Князь Куракин еще долго следил за ситуацией в Вене и имел возможность влиять на поверенного в делах, чему свидетельством является их обширная переписка, сохраняющаяся в бумагах князя.

Во время жизни князя в австрийской столице дом его был всегда полон гостей, но сам князь не очень любил приемы, а столь модный

тогда европейский романтизм не находил в нем никакого отголоска. Мадам де Сталь не жаловала князя, поскольку он не собирал в своем доме постоянного салона; а князь и не чувствовал нужды в этом, поскольку возвышенных разговоров он не любил, да и навсегда остался по характеру русским вельможей XVIII века. Служивший при посольстве в Вене молодой граф С. С. Уваров, корреспондент и знакомец мадам де Сталь, с начальником не ужился, что, может быть, и повлияло на такое ее отношение к князю.

В Париже, куда князь Куракин прибыл 14 ноября 1808 года, он был поставлен в совершенно иные условия, нежели в Вене. Он по сути был лишен надлежащей самостоятельности русской стороной и должного отношения стороной французской.

Официальное признание князя Куракина в качестве посла задерживалось, поскольку Наполеон 29 октября 1808 года уехал в Испанию из-за ухудшения положения во французской армии, а вернулся в Париж только 11 января 1809 года. В то время в Париже уже находился министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев, фактически исполнявший функции представителя Александра I при Наполеоне (он прибыл в Париж 14 октября 1808 года, а уехал в Россию 3 февраля 1809 года). То есть фактически князь Куракин оставался не у дел; собственно, он и писал в своем донесении государю 10 января 1809 года, что «ни один из министров императора Наполеона, ни Шампаньи, ни князь Беневетский со мной еще не говорили о делах».

Единственное, что как-то поддерживало князя — это хорошие отношения с находившимся там же графом Николаем Петровичем Румянцевым, который приходился нашему князю троюродным братом (мать его графиня Екатерина Михайловна Румянцева была дочь петровского фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына от второго его брака с княжной Татьяной Борисовной Куракиной, родной сестрой деда нашего князя).

По прибытии Наполеона в Тюильри состоялась публичная аудиенция, данная императором новому русскому послу. Ее описывает в своих воспоминаниях граф Е. Ф. Комаровский: «Съезд во дворец был премноголюдный; весь дипломатический корпус, все первые члены, военные, штатские и придворные составляли двор превеликолепным.

Несколько маршалов в мантиях, полном своем мундире, и всякий из них с жезлом в руке, придавали оному еще более величия. Придворный мундир был красного цвета с серебряным шитьем по борту и обшлагам. Посреди сего двора, блестящего золотом и серебром, Наполеон в простом офицерском, егерского полка, мундире делал величайшую оттенку. Я признаюсь, что вид его произвел на меня впечатление, которого я никогда не забуду. В сей день Наполеон имел, по мундиру, нашу Андреевскую ленту. Посол наш князь Куракин превзошел всех богатством своего одяния: на нем был золотой глазетовый кафтан, пуговицы, пряжки, эполет, — который поддерживал на плече ленту, — звезда Андреевская, шпага, петлица на шляпе и пуговицы на оной были все брильянтовые».

Вечером того же дня все отправились в Гранд Опера. «Каково было наше удивление, — продолжает граф Комаровский, — когда мы увидели посла нашего, князя Куракина, сидящего одного в своей ложе, в том самом кафтане и во всех брильянтах, в которых он был поутру на аудиенции у Наполеона. Признаюсь, что самолюбие наше очень страдало, когда мы увидели, что весь партер обратился на него и занимался им более, нежели оперою. Князь А. Б. Куракин имел прекрасные качества; он был гостеприимен, весьма добр и учтив, но слишком держался старинного обыкновения и имел слабость выставять на себе множество орденов и драгоценных вещей, без коих его редко можно было видеть».

Приезд князя в столицу империи был омрачен бестактностью французского министра иностранных дел Жана Шампаньи, которая имела явный характер антирусской выходки: министр пригласил князя Куракина и графа Румянцева на торжественную церемонию в честь третьей годовщины победы французских войск под Аустерлицем, состоявшуюся в Париже 22 ноября 1808 года. Естественно, что ни один ни другой подобного приглашения не приняли.

С другой стороны, император Александр I обходил князя Куракина, ведя наиболее важные переговоры с Наполеоном через французского посла в Петербурге генерала Армана Коленкура. Также государь знал о переписке князя с вдовствующей императрицей Марией Феодоровной, отрицательно относившейся к союзу с Наполеоном, и, без

сомнения, имел представление о сформировавшемся критическом взгляде на русскую политику самого князя. Эти обстоятельства играли против князя Куракина, которому государь не спешил раскрывать свои замыслы и планы; да и инструкции стали поступать к князю значительно реже. Для специальных поручений Александр I посылал из Петербурга в Париж А. И. Чернышева. Донесения князя Куракина на высочайшее имя часто оставались безответными.

Только после настоятельных просьб князя, за день до своего отъезда из Парижа — 2 февраля 1809 года — граф Н. П. Румянцев изложил князю общие «принципы, от которых не следовало бы отходить». После перечисления самых болезненных для князя Куракина вопросов (континентальная блокада Англии, отношения с Австрией), граф заключил следующим безрадостным предложением: «Вообще, князь, при таком монархе, как наш, который сам печется о благе своих дел и вследствие этого сам следит за подробностями, не следует слишком много брать на себя; лучше всего ждать его решения и даже не пытаться предугадывать его».

Таким образом князь оказался в крайне трудных условиях, однако нужно отдать должное его способностям, поскольку даже в вышеуказанном положении он неоднократно раскрывал русскому правительству завоевательные планы Наполеона и отстаивал русские интересы. Одновременно князь радовался тому, что вопросы разведки и подкупа французских должностных лиц не были частью его миссии.

Наполеон в начале пребывания князя в Париже был очень вежлив с ним. «Не было случая, чтобы император Наполеон и члены императорской фамилии не осыпали меня милостями» — писал князь 18 января 1809 года к государю. В свою очередь князь Александр Борисович, высоко оценивал способности французского императора: «Я мог лишь восхищаться его гением и познаниями, когда он говорил о национальном духе и о принципах, на которых он основал нынешнее монархическое правление во Франции».

Но князь ни на минуту не заблуждался по поводу истинных устремлений императора французов. 23 февраля 1809 года князь передал Александру I текст записки, которая была составлена для Наполеона и по его поручению. Эта записка раскрывала самые ковар-

ные замыслы французского императора, которых никак не мог усвоить император русский: новые завоевания, «закрепление» своей династии и «разрушение» других государств.

Наполеон скоро отчетливо смог понять, что князь не поддается на различные уговоры и демарши французской стороны. Особенно это касалось вопроса об Австрии, к которой Наполеон был заведомо отрицательно настроен. Однако для нашего князя, которому, кстати, очень понравилась Вена, такие ничем не подтвержденные речи были ясны, поскольку их единственной целью было завоевание Австрии. Да и вообще князь Куракин, пожалуй, и в Вене, и в Париже сделал едва ли не более всех остальных, чтобы не допустить войны с Австрией. Однако 9–10 апреля 1809 года Австро-Французская война все-таки началась, а 21–22 мая французские войска были уже в Вене. В ночь на 12 июля 1809 года было заключено Знаймское перемирие сроком на один месяц. 14 октября 1809 года был заключен Венский мирный договор.

3 ноября 1809 года князь Куракин направил государю пространное письмо, где изложил свое видение сложившейся в Европе ситуации. С одной стороны, князь высказывал свое недовольство многими аспектами Венского мирного договора, с другой стороны предостерегал Александра I: «...Вы должны будете иметь дело со скрытым недоброжелательством Франции. Эти рассуждения неопровержимы. Никогда честолюбие завоевателей не ставило себе границ, продиктованных умеренностью или хотя бы осторожностью, и ничто не дает основания думать, что настало наконец время покоя! Напротив, только что заключенный мир, как видно из всего содержания договора, есть лишь новый шаг к осуществлению новых замыслов...».

В том же послании князь рисовал печальную картину притеснения его, как русского посла, при французском дворе: «Я должен рассматривать также как факт <...> отношение ко мне ее величества императрицы <Жозефины Богарнэ — П. Д.>, когда по возвращении ее из Страсбурга и Пломбьера в Мальмезон я попросил разрешения нанести ей визит. Она отказала мне, передав через графа Сегюра, что утомлена после путешествия, но что намерена пригласить меня к обеду в ближайшее время, а о дне уведомит позже. Этого уведомления не

последовало в течение двух месяцев, тогда как к ее утреннему выходу допускались не только многие высокопоставленные обоюбого пола, но и многие посланники государств Рейнского союза со своими женами. Теперь я не могу сомневаться, что причиной этого было запрещение императора». Также Наполеон перестал уделять особое внимание князю, так что теплое отношение Александра I к французскому посланнику Коленкуру резко контрастировало с охлаждением французского императора к князю Куракину.

Одновременно менялось отношение к проводимой внешней политике в русском обществе. Оппозиционные настроения к действиям императора и правительства возрастали. Все более явной была угроза французского вторжения. Этими причинами объясняется крайняя непопулярность министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева; хотя он и страдал французофильством, вопиющее небрежение Россией должно было, наконец, преодолеть все его предрассудки. Но этого не происходило. В то время граф Румянцев стал мишенью для огромного количества критики, которая по сути была направлена против Александра I.

Князь Куракин, понимая всю опасность, в 1809—1810 годах стоял на стороне министра и считал сохранение союза с Францией «пока еще выгодным и необходимым для спокойствия империи». Интересно, что такого же мнения придерживался граф М. М. Сперанский, чье влияние тогда на внешнюю политику было значительным.

Одним из наиболее важных поручений, которым князь был занят в 1809—1810 годах, был вопрос о денежном кредите для России. В 1809 году были подготовлены все бумаги, гарантии и контракты, чтобы получить у генуэзских банкиров 6 миллионов ливров (5 миллионов франков), а к началу 1810 года — чтобы получить не менее 30 миллионов франков во Франции (затем была установлена сумма в 50 миллионов). К началу весны 1810 года князю Куракину были привезены секретные бумаги за подписью государя (они донныне сохраняются среди бумаг князя). Но охлаждение Наполеона, согласием которого первоначально заручился князь, и единственно от воли которого зависела судьба займов, свела все тщания русского правительства на нет. Сперва стало

ясно, что Россия не получит займа в Париже, а 9 декабря князь сообщил графу Н. П. Румянцеву и о полном аннулировании проекта генуэзского займа.

Летом 1810 года произошло событие, вследствие которого здоровье князя сильно пострадало, но и слава его в Европе сильно возросла. 1 июля австрийский посол в Париже князь Карл Филипп Шварценберг давал роскошный бал по случаю бракосочетания императора Наполеона с эрцгерцогиней австрийской Марией-Луизой, дочерью австрийского императора Франца I. Этот бал был одним из наиболее грандиозных мероприятий, устроенных для парижского высшего света по поводу состоявшегося 13 марта 1810 года в Вене бракосочетания. Важность его доказывается еще и тем, что князь Шварценберг был тем, кто подписал 7 февраля с австрийской стороны брачный контракт.

Князь Александр Борисович был одет в золотой глазетовый кафтан, именно тот, в котором он был на представлении Наполеону в качестве посла в Париже, украшенный множеством бриллиантов. В ходе бала случился пожар, в результате чего вся танцевальная зала выгорела и погибло множество гостей, в том числе, спасавшая своих детей княгиня Паулина Шварценберг; в случившейся большой панике князь Куракин, по своей церемонности и вежливости пропускавший вперед спасавшихся дам, был сбит с ног и скатился вниз по лестнице, был ударен горящими досками, после чего потерял сознание. В результате князем были получены сильные «обжоги», особенно кистей рук, нижних частей ног и головы; затем сильно разболелся седалищный нерв, поскольку, спасая князя, его волочили за ноги. В дополнение ко всем ранам он лишился большей части своих бриллиантов, на сумму около 70 000 франков. Но спасен он был единственно роскошным глазетовым кафтаном, толщина золотой нити которого была ему кольчужой от огня.

Вскоре после этого случая, едва придя в ровное состояние, он переехал на свою дачу в Нейи. Торжества по случаю переезда напоминали нечто среднее между свадебными и похоронными мероприятиями: князя несли на золоченом кресле, в длинной процессии; впереди в два ряда шли его лакеи, а сзади следовали все чины русского посольства. Не-

презентабельный вид, который имел тогда князь, был запечатлен в гравюре Ж. Руа, выполненной в августе 1810 года. В память избавления князя от смерти его сын барон А. Н. Сердобин распорядился выбить медаль, которая и была выполнена французским медальером Ж. Дрозом, а одним из французских врачей князя была написана небольшая книга об этом происшествии. Также по случаю избавления князя была устроена в Надеждине церковь во имя Божией Матери «Всех скорбящих радости», постройкой которой руководил управляющий надеждинской вотчиной Е. С. Бутягин.

Прослышав о чудесном избавлении князя, крестьяне его села Архангельское-Куракино Городищенского уезда Пензенской губернии пустили молву, что по такому случаю князь решил крестьян этого села отпустить на волю, подарив им землю, и отразил это в завещании. А когда по смерти князя ничего подобного не оказалось, крестьяне решили, что завещание скрыли и подняли бунт, для усмирения которого была послана воинская команда, жившая в Архангельском-Куракине около года.

Случайно в то время находился в Париже брат нашего князя, привезший в Париж собственноручное письмо Александра I французскому императору с поздравлениями по поводу бракосочетания, князь Алексей Борисович Куракин (1759—1829). Он прибыл в Париж 1 мая, а 26 мая был принят Наполеоном, последняя же аудиенция состоялась 7 августа.

Наступивший 1811 год был для миссии князя еще тяжелее. 19 декабря 1810 года были обнародованы два постановления, оказавшие значительное влияние на политику империи. Речь идет о принятых на заседании Государственного совета 2 декабря 1810 года «Положении о нейтральной торговле на 1811 год...» и «Росписи товаров» (тарифе). В принятом новом тарифе Франция приравнивалась к другим государствам, а к тому же была сильно увеличена пошлина на ввозимые из Франции в Россию товары, в частности, на вина, что делало практически невыгодным их ввоз в Россию. И хотя это не противоречило русско-французскому торговому договору от 31 декабря 1786 года, сила которого была восстановлена XXVII статьей Тильзитского договора, возражения Франции раздавались все с большей силой.

Французское правительство не замедлило выразить протест по поводу введения нового тарифа (об этом князь докладывал графу Румянцеву в своей депеше от 28 января), одновременно французский министр иностранных дел Шампаньи просил князя о решении вопроса о льготах для Франции. Обстановка быстро накалялась.

Уже 6 февраля 1811 года князь Куракин в письме государю выразил свое мнение, что после введения нового тарифа война с Францией становится весьма вероятной. Князь советовал немедленно начать переговоры с Австрией и Пруссией, дабы выяснить их позицию в случае возможной войны, а также немедленно заключить мир с Турцией.

Одновременно русское правительство выступило с нотой по поводу захваченного Францией 30 декабря 1810 года герцогства Ольденбургского, что открыто нарушало XII статью Тильзитского договора. Текст ноты был разослан всем русским министрам при иностранных дворах. Вручение ее французам оказалось затруднительным: нота, текст которой был прислан при письме от графа Румянцева, была передана князем 8 февраля 1811 года, но министр иностранных дел Шампаньи, не распечатав, прислал ее с курьером обратно; в тот же день князь Куракин вторично отправил ее, но тогда министр лично привез ее обратно, опять не прочитанную, ссылаясь на запрет Наполеона принимать ноту по поводу герцогства Ольденбургского. Повествуя об этой истории в депеше графу Румянцеву, князь предложил в качестве ответной меры возвращать, не читая, все протесты Шампаньи по поводу нового тарифа. Александр I, узнав об этой истории, выразил князю неудовольствие по поводу принятия им ноты протеста обратно (об этом писал в ответной депеше в Париж граф Румянцев 14 марта 1811 года).

Вообще, как мы и писали выше, положение князя в Париже было сложным. Он не имел свободы в рамках инструкций, одновременно будучи занят исключительно протокольными делами, да и здесь, принимая по своему разумению некоторые шаги, не получал одобрения. Скорее всего, только дружба с графом Н. П. Румянцевым оставляла его на этом посту, потому как отношение Александра I к князю изменилось в худшую сторону. Вдобавок к постоянно приезжающему с поручениями государя полковнику А. И. Чернышеву, с марта 1810 по август 1811 года в Париже в качестве советника русского по-

сольства с особыми поручениями жил граф Карл Васильевич Нессельроде, имевший постоянную переписку с графом М. М. Сперанским и через него информировавший Александра I о парижских настроениях.

Отрадно, что весь это русский триумвират — А. И. Чернышев, граф К. В. Нессельроде и князь А. Б. Куракин — с весны 1811 года как бы сговорившись и все настойчивее писали каждый в самостоятельном качестве об одном и том же — о надвигающейся и неизбежной войне Франции и России.

Однако, как нам кажется, князь все-таки во внешней политике иногда обманывался. 25 апреля 1811 года император Наполеон при своей встрече с князем заявил, что положение в России говорит о подготовке к войне и что Франция также готовится к ней, хотя и не желает ее. В своем донесении государю того же числа князь писал, что договориться с Наполеоном будто-бы еще не поздно и просил полномочий для ведения переговоров. Об этом же князь писал два дня спустя графу Румянцеву.

Граф в своих депешах от 12 и 14 марта 1811 года, отправленных в Париж с А. И. Чернышевым, предписывал князю Куракину вступить в переговоры с французским правительством по урегулированию вопроса об Ольденбурге и о заключении нового торгового договора. 30 марта князь Куракин сделал предложение о начале переговоров министру иностранных дел Шампаньи и просил его сообщить об этом Наполеону. В ответ на это, 2 апреля министр Шампаньи, сославшись на отсутствие у него каких-либо указаний от Наполеона, а у князя Куракина — полномочий на переговоры, отказался вести их.

17 апреля на место французского министра иностранных дел был назначен Гюг Бернар Марэ, герцог Бассано. Он продолжал уверять князя Куракина о готовности начать франко-русские переговоры, но ссылаясь на отсутствие у князя все тех же полномочий. Русское правительство, прекрасно зная о военных приготовлениях Наполеона и предвидя безрезультатность затеянных князем переговоров, не считало нужным наделять князя специальными полномочиями и инструкциями, ссылаясь на то, что полномочий князя как посла для этого вполне достаточно.

Неудавшиеся переговоры и временное затишье сменились бурей 15 августа 1811 года. Вооружения французов так продвинулись вперед, что они предприняли в отношении России демарш: это была беседа Наполеона с русским послом князем Куракиным. Она напоминала по тону памятные беседы императора французов с английским послом лордом Чарльзом Уитвортом в 1803 году и с австрийским послом графом Клементом Меттернихом в 1808, которые являлись началом войн. На сей раз не посчастливилось нашему князю.

3 августа на приеме в Тюильри, в присутствии дипломатического корпуса и всего двора, Наполеон более двух часов беседовал с князем Куракиным, публично исторгая из себя все накопившиеся у него поводы к неудовольствию против России. Среди его слов одними из наиболее обидных оказались следующие: «Не понимая ничего в ходе дел, которому у вас следуют, я поступаю как человек в первобытном состоянии, который, когда не разумеет, выказывает недоверчивость. В России есть таланты; но то, что там делается, доказывает, что у вас или потеряли голову, или таят задние мысли. В первом случае вы походите на зайца, у которого дробь в голове и который кружится то в ту, то в другую сторону, не зная, ни по какому направлению он следует, ни куда добежит». Также Наполеон говорил о желательности переговоров по всем спорным франко-русским вопросам.

Все присутствующие на этом выступлении Наполеона иностранные министры расценили слова императора как начало разрыва франко-русского союза. Этот разговор Наполеона с князем быстро получил большой резонанс в Европе, а поскольку он породил множество слухов о разрыве России и Франции, то французский император попытался смягчить сложившееся за границей неблагоприятное впечатление. Министр иностранных дел герцог Бассано по его приказу разослал 25 августа 1811 года французским дипломатическим представителям в Австрии, России, Пруссии, Неаполе, Соединенных штатах и германских государствах циркулярное письмо с изложением французской версии этой знаменательной беседы.

Несмотря на ожидания, наступило затишье. Силы для войны были приготовлены, но Наполеон стремился завершить все свои операции в Испании и окончательно договориться с союзниками против России.

Князь Куракин после потрясений 1810 года все больше болел и осенью 1811 года почти не выезжал из дома, однако принимал многих у себя, в том числе и французского министра иностранных дел. К декабрю месяцу уже даже тем, кто долго не желал того понимать, было понятно что война неизбежна. Князь Куракин начал принимать меры к отправке в Россию архива русского посольства в Париже.

В конце 1811 — начале 1812 года граф М. М. Сперанский подал государю записку, где он проводил анализ франко-русских отношений. Самым лучшим выходом из сложившейся накаленной обстановки он считал начало переговоров по всем спорным вопросам через посла в Париже князя Куракина. В заключении он писал: «Сими средствами, кажется, можно удалить войну. Но никакими средствами нельзя отратить ее на долгое время. Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать его торговых последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако ж, непрестанно к ней готовиться».

Граф Сперанский имел в виду еще одни переговоры с французами, подготовка которых была инспирирована графом К. В. Нессельроде. Первоначально было решено отправить в Париж самого графа Нессельроде, но в виду сложностей остановились на кандидатуре князя Куракина. Тем более, что и сам князь в своей депеше 12 февраля 1812 года к графу Румянцеву находил надобность в переговорах.

Но 19 марта князь в письме к государю опять начал говорить о неизбежности войны, предлагая заключить союз с Швецией, Англией, а затем и с Турцией. В том же письме князь предлагал свое тактическое видение военных действий в войне с французами — он предлагал избегать крупных сражений и взять за образец действия испанцев.

27 марта вопрос о переговорах, направленных на подписание русско-французской примирительной конвенции, принял реальные очертания: граф Румянцев направил в Париж князю Куракину инструкцию о ведении переговоров, в основу которой были положены соображения на этот счет графа Нессельроде, одобренные государем. В тот же день сам Александр I известил Наполеона о своем решении пойти на

переговоры, а граф Румянцев послал письмо французскому министру иностранных дел.

16 апреля князь наконец достиг договоренности с французским министром иностранных дел о возможности заключения предварительного соглашения между двумя державами, после чего князь принялся за составление проекта конвенции. И хотя совместный проект в результате так и не был выработан, князь предложил свой текст конвенции, который в тот же день отослал в Петербург. Но дело опять не двигалось.

18 апреля князь Куракин передал министру иностранных дел Марэ ноту, в которой требовал переговоров, а также предупреждал, что в случае отъезда французского посла из Петербурга он также немедленно затребует паспорта и покинет Париж. Но опять переговоры не двигались. 25 апреля князь передал министру еще одну ноту, в которой заявил, что в случае непринятия русских условий он на следующий день будет требовать паспорта на выезд. 26 апреля Наполеон ответил согласием на переговоры, но тут опять началась волокита министра Марэ с полномочиями, которых у князя будто-бы нет, тогда как их и не нужно, поскольку князь является полномочным послом. В результате 29 апреля 1812 года князь, в своей уже четвертой ноте, затребовал паспорта для выезда в Россию, причем не только для себя, но и для всего состава русского посольства, вплоть даже до служителей посольской церкви. Он уведомлял министра о том, что покидает Париж и будет дожидаться паспортов в предместье Парижа Севре.

Это решение было принято князем без согласования с Александром I, который был раздосадован столь резким шагом своего посла. В свое оправдание князь писал государю: «Хотя такое важное решение, которое я должен был приять, может быть, требовало бы особенного на то приказания Вашего императорского величества, но я позволяю себе надеяться, однако же, что Вы удостоите в том положении, в котором в настоящее время представляются дела, усмотреть достаточное полномочие для меня, чтобы решиться на такой поступок».

10 июня граф Румянцев послал князю Куракину письмо, где осуждал «излишнюю настойчивость» князя и просил оставаться в пригороде Парижа и, сохраняя спокойствие и оставаясь в прежнем качестве,

забыть о требовании паспортов. Но уже 12 июня французский министр ответной нотой уведомил князя Куракина о том, что по указанию Наполеона высылают ему паспорта и рассматривает требование на их выдачу как объявление Россией войны Франции. Одновременно и французский посол в Петербурге граф Жак Лористон 10 июня 1812 года передал ноту управляющему министерством иностранных дел графу А. Н. Салтыкову, где, ссылаясь на Наполеона, писал: «Он приказал мне затребовать мои паспорта, так как моя миссия окончилась, поскольку просьба князя Куракина о выдаче ему паспортов означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией».

Так князь Куракин неожиданно оказался формальным виновником войны, Отечественной войны 1812 года. Французские войска перешли русские границы и напали на русских при Ковно. А 13 июня государь подписал в Вильно приказ по русской армии и отправил председателю Комитета министров князю Н. И. Салтыкову рескрипт, который и являлся, по сути, манифестом о начале войны с Францией. Оставшиеся дни июня князь не мог выехать из Франции, поскольку его не отпускали до тех пор, пока граф Лористон беспрепятственно не покинет России. В июле князь Александр Борисович Куракин покинул Францию.

Из Франции князь возвращался не один. Кроме многочисленных детей — частью сопровождавших его изначально, а частью народившихся на месте, вместе с князем выехал его секретарь и библиотекарь Жан-Мари Шопен (1796—1870), который позже обрел известность многими своими сочинениями о России, которые ныне составляют часть примечательную часть *Rossica* середины XIX столетия.

Окончание дипломатического поприща по сути означало для князя и прекращение его масштабной государственной деятельности, поскольку пошатнувшееся его здоровье все более ухудшалось. В последние годы князь часто бывал за границей, в основном для лечения.

Возвратившись в Россию, 18 мая 1813 года в обгоревшей Москве нашел он свой роскошно отделанный дом на Старой Басманной, в приходе церкви Никиты мученика. Дом был цел и невредим — французы пощадили его из уважения к имени князей Куракиных. (Уже позже, в

1826 году, при коронации Николая I, в этом его доме останавливался и давал роскошный бал руководитель французского посольства маршал Огюст Мармон, который записал тогда: «Я занимал дворец Куракина, один из самых больших в Москве...».)

Наиболее значительным эпизодом придворной жизни князя в последние годы были лишь события августа 1814 года, когда Александр I, проезжая через Голландию, посетил Брухзал. Там князь Александр Борисович Куракин, генерал граф А. П. Тормасов и граф А. Н. Салтыков в качестве депутатов от Святейшего Синода, Государственного совета и Правительствующего Сената, поднесли государю прошение, где объявлялось: 1) о принесении государю императору от лица торжествующей России всеподданнейшего поздравления и живейшей благодарности за труды, подъятые им для усугубления славы и благоденствия державы его; 2) о решении приложить к священному имени его титул Благословенного, «тем более приличного скромности и благочестивому смирению государя императора, что великие подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительством Всевышнего Промысла»; и 3) о предложении выбить медаль и воздвигнуть в столице памятник с надписью «Александрю благословенному, императору всероссийскому, великодушному держав восстановителю, от признательной России».

Находясь на покое, князь занимался устройством своих вотчин — открытием школ и строительством церквей. В этой связи интересно сказать о борьбе князя Александра Борисовича с расколом в собственных имениях, особенно в Александровке Сердобского уезда. Узнав в 1816 году от барона А. Н. Сердобина о раскольниках и о потворстве им местного духовенства, он начал с увещаний, переходя к угрозам: «Но когда пренебрежете мои советы и наставления духовного вашего отца, более вас знающего, то тогда, для прекращения вашего своевольства и в отвращение всех дурных последствий, принужден я буду прибегнуть к насильственным мерам; тогда увидите вы справедливый мой гнев: предпишу я годных отдавать в рекруты в зачет очередных; в которых же семьях к отдаче способных в рекруты нет, то те семьи перевести в псковские мои деревни; богомольни и кельи уничтожить и сжечь, а престарелых девок, служивших вместо попа, и всех коснеющих оста-

вить раскол распродать киргизцам или татарам. Долг необходимости к сему меня побуждает». В результате строгих мер уже к лету 1816 года с расколом удалось справиться.

Также князь, вспоминая молодые годы, занялся изданием своего дневника, писанного им во времена путешествия по Англии и Голландии в 1770—1772 годах. Спустя сорок пять лет князь по-иному смотрел на многие вещи и не допустил к печати многие строки, в которых ярко выражалось его юношеское настроение; собственная «цензурная» рукопись князя до сих пор хранится среди его бумаг. Предпринятое князем издание было издано под криптонимом и оттиснуто в малом числе экземпляров осенью 1815 года (цензурное разрешение датировано 19 сентября) под заглавием «*Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre, par le P. A. K., a sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772*».

Скончался князь Александр Борисович Куракин 24 июня 1818 года в Веймаре, возвращаясь с лечения и ожидая вдовствующую императрицу Марию Феодоровну. Тело покойного князя было перевезено в Петербург и выставлено в Александро-Невской Лавре. 23 августа там происходила торжественная панихида, на которой присутствовал наследник великий князь Николай Павлович, а на следующий день — императрица Мария Феодоровна, отсутствовавшая накануне по болезни. Тело князя было предано земле 29 августа в Павловске «без всякой пышности»; на церемонии присутствовали только близкие, в том числе и великий князь Николай Павлович.

Князя похоронили в церкви «Церковного Инвалида» в Павловске — богадельни, основанной императрицей Марией Феодоровной в 1784 году в каменном флигеле около храма св. Марии Магдалины. В 1819 году над его телом был поставлен памятник с барельефом князя и надписью «Другу супруга моего».

Как мы писали выше, женат князь не был и, следовательно, законных детей не имел, но сумел обрести за жизнь не менее семидесяти незаконнорожденных детей (или, как тогда называли, воспитанников), причем речь идет о количестве детей, доживших как минимум до совершеннолетия. Из общего этого значительного числа стоит отметить две ветви, которые, собственно, и составляли семью князя. Сперва это

были бароны Сердобины, а затем к ним присоединились бароны Вревские. Князь заботился о них как настоящий отец, следил за воспитанием, нашел способ приобрести им баронский титул, не забыл их князь и при написании завещания.

Бароны Сердобины (их фамилия происходит от названия реки Сердобы, давшей, в свою очередь, имя уезду в Саратовской губернии), были старшими «воспитанниками» князя, и все были отчеством Николаевичи. Их всего было девять братьев и сестер: бароны Александр Николаевич Большой, Александр Николаевич Меньшой, Алексей Николаевич, Павел Николаевич, Михаил Николаевич и баронессы Екатерина Николаевна, Лукерья Николаевна, Софья Николаевна и Анна Николаевна. Баронское достоинство Священной Римской империи даровано было им императором Священной Римской империи Францем I в 5 июля 1802 года, а 15 июля того же года Александр I своим именованным указом все милостивейше дозволил пользоваться им баронским титулом и в России. Герб баронов Сердобиных, внесенный в Седьмую часть Общего гербовника дворянских родов российской империи (Л. 172) схож с третьей частью герба князей Куракиных.

Бароны Вревские (их фамилия образована от принадлежавшего князю имения Врев Островского уезда Псковской губернии) являются детьми князя Александра Борисовича от Акулины Самойловны Зименковой и от Ирины Васильевны Н. Возможно, что Акулина Зименкова происходит из Врева. Их дети суть: Борис Александрович, Степан Александрович и Мария Александровна, по мужу Траскина. От Ирины Васильевны Н: Александр Александрович (рано умерший), Павел Александрович и Ипполит Александрович. В 1806 года Борису, Степану и Марии Вревским «со всеми их законными прямыми потомками» император Франц I пожаловал баронское Священной Римской империи достоинство, а 21 апреля 1808 года император Александр I подтвердил своим именованным указом их право пользоваться баронским титулом в России. Таким же указом государя 14 мая 1822 года это право было распространено и на их младших братьев от Ирины Васильевны.

Трудно определить жизненное кредо князя Куракина, но, кажется, наиболее подходящей будет вторая строфа из оды Радищева «Вольность», которая как нельзя лучше описывает его жизненные стремления и привычки:

Я в свет исшел и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой воля есть моя.

Судьба архива князя Куракина.

Судьба бумаг князя Александра Борисовича Куракина, составляющая большую часть огромного фамильного княжеского архива, складывалась непросто, но в результате счастливо. Почти весь княжеский архив, расколотый после смерти князя на несколько больших частей, был к концу XIX столетия воссоединен и ныне сохраняется в Москве в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея; лишь небольшие его фрагменты находятся в других архивохранилищах¹.

Архив князей Куракиных в ОПИ ГИМ представляет собой большой комплекс документов, насчитывающий около 3500 единиц хранения, причем по преимуществу это большие томы, сформированные еще в XVIII — XIX веках и не подвергавшиеся архивной обработке. По своему значению и объему этот массив исторических документов может быть сопоставим разве что с архивами князей Голицыных (РГАДА, ф. 1263) или графов и князей Воронцовых (СпбФИРИ, ф. 36 и РГАДА, ф. 1261).

Однако архив Куракиных известен намного меньше, нежели два последних. Это обстоятельство связано с его судьбой, излагаемой далее.

Князь Александр Борисович Куракин на протяжении всей жизни крайне бережно относился к своим бумагам и переписке. Его бумаги, в том виде, в каком мы имеем возможность их видеть, есть превосходный образец личного архива вельможи и государственного деятеля века

Просвещения. Его переписка сохраняется в красных сафьянных тисненых переплетах, разделенная князем по годам и лицам. Переплетал князь письма почти сразу — в том же году, разбивая иногда по месяцам, поскольку со временем уже невозможно было переплести все в один том. Некоторые бумаги, пришедшие позже, либо отправленные кому-то для переписывания, затем переплетались, что называется, вдогонку — по достижении этими «забытыми» бумагами необходимого для переплета объема. Еще Петр Иванович Бартенев, близко знакомый с княже-куракинским архивом, отмечал смекалку князя, который специальным образом перевязывал и затем опечатывал стопы своих бумаг, при котором их можно было переплести, но нельзя было прочесть. При этом часть переписки князь постоянно возил с собой. Также несомненно, что именно князь привел в порядок и переплел переписку своего прадеда князя Б. И. Куракина.

Удивительно, но князь сберегал и те письма, которые отправители настоятельно просили не сохранять, «по прочтении разодрать» и т. п., причем часть писем были небезопасными для самого князя. К слову, его прадед из-за подобного страха был вынужден некогда уничтожить всю переписку свою с племянником царевичем Алексеем Петровичем; впрочем, и времена были другие.

Единственной публикацией писем князя при его жизни была опубликованная в 1812 году в 190 номере парижского *Le Moniteur Universel* часть его переписки с французским министром иностранных дел герцогом Бассано, но сделано это было по инициативе французской стороны.

Вопрос о судьбе эпистолярной Куракина сделался государственным немедленно по смерти фондообразователя, последовавшей 24 июня 1818 года в Веймаре. В сентябре князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, бывший тогда министром юстиции, писал по поручению императрицы Марии Феодоровны князю Алексею Борисовичу, призывая его принять меры, чтобы переписка его покойного брата с царственными особами не разошлась по рукам. О том же 13 ноября 1818 года писала к нему из Майнца сама вдовствующая императрица. Князь Алексей Борисович отвечал, что на бумаги его брата в Веймаре были наложены печати, которые останутся нетронутыми до момента достав-

ления бумаг в Петербург. Царственная корреспонденция тогда немногим позже была привезена из Веймара сыном князя Александра Борисовича бароном Александром Николаевичем Сердобиным, после чего князь Борис Алексеевич Куракин, племянник и наследник нашего князя, поднес ее императрице Марии Феодоровне.

Вышеописанными обстоятельствами и объясняется то, что письма Павла Петровича и Марии Феодоровны сохранились среди бумаг князя лишь случайно, по большей части в отпусках, а основной их корпус был передан императрице. Вместе с этими письмами Марии Феодоровне были переданы почти все письма фрейлины Нелидовой, Александра I и великого князя Николая Павловича.

Но основное ядро архива сохранялось, и постепенно к бумагам нашего князя добавились бумаги племянника — князя Бориса Алексеевича, унаследовавшего большую часть архива дяди. Значительная часть документов осталась у барона А. Н. Сердобина. В 1857 году в Надеждино из принадлежавшего князьям Куракиным села Степановского Тверской губернии была перевезена часть княжеских бумаг (числом 268 в кожаных переплетах и десять в тетрадах)². Таким образом, основной корпус бумаг княжеского архива, так же как и замечательная библиотека (насчитывавшая до десяти тысяч томов), сохранялся в Надеждине Сердобского уезда Саратовской губернии.

Новый интерес к архиву возник через почти двадцать лет, когда на фоне общего увлечения памятниками отечественной истории и дворянских родов, сходное чувство обуяло потомка князя Александра Борисовича — князя Федора Алексеевича Куракина.

Князь Федор Алексеевич Куракин запомнился современникам по преимуществу бесшабашной жизнью и гомерическим пьянством в компании офицеров Кавалергардского полка, в котором он служил. Досуг его скрашивала происходившая из казачек София Владимировна Мокиевская, имевшая ко времени знакомства с князем незаконнорожденного сына.

Как-то днем князь Федор Алексеевич, будучи в сильном подпитии, разделся чуть не догола, сел в карету и поехал на Дворцовую набережную. Поскольку было как раз время великосветских прогулок, то он около каждой придворной дамы останавливал карету, отворял

дверцу и делал реверанс. После этого случая Александр III выслал князя в ставшее традиционным для ссылки князей Куракиных от двора Надеждино.

София Владимировна последовала за ним и принудила князя обвенчаться с нею. Когда же известие о свадьбе сделалось достоянием княжеских родственников, они прекратили с новобрачными всякое общение. Затем новоявленная княгиня решила узаконить троих их дочерей (одна была рождена после свадьбы, две до этого), чего и добилась, правда, им полагалась фамилия без титула.

Со временем князь поостыл, и в Надеждине ему сделалось грустно. Унаследованная им тяга к придворной жизни и вообще к деятельности, долго терзавшая его, наконец нашла себе применение: еще в 1870 году вышла из печати первая книга сорокатомного Архива князя Воронцова, подготовленная к печати П. И. Бартевым; это монументальное издание увековечило и без того славную русскую фамилию. Тогда и задумал князь Ф. А. Куракин восстановить былое уважение к себе и своим предкам. С этой целью князь предложил опубликование куракинских бумаг тому же П. И. Бартеву, который приезжал в Надеждино и в 1876 году издал в Русском Архиве 97 писем Н. Н. Бантыш-Каменского к князю А. Б. Куракину за 1791–1795 годы. На этом помощь Бартева прекратилась, поскольку он был погружен в издание Архива князя Воронцова, да и сам князь не мог внятно сформулировать свои планы и предложения.

Но во второй половине 1880-х годов князь Федор Алексеевич, полный энтузиазма, начал подробно изучать собственный архив, а также стал посещать заседания Саратовской ученой архивной комиссии, действительным членом которой он и был избран 7 декабря 1887 года. В деле изучения архива князю Федору Алексеевичу помогала его супруга, изучавшая томы княжеской переписки и нумеровавшая постранично некоторые из них. Ныне на таких стоит ее запись черными чернилами: «Том сей занумерован властною рукою Ея Сиятельства Княгини Софии Владимировны Куракиной». Она также через полгода, 6 июня 1888, была избрана действительным членом комиссии.

Как раз летом этого 1888 года князь Ф. А. Куракин пригласил посетить Надеждино тайного советника и редактора-издателя Русской

старины Михаила Ивановича Семевского, традиционно совершавшего свои поездки по России. Побывав в июле в Надеждине, Семевский писал князю: «...Первый раз в жизни моей мне довелось встретить в одном и том же доме удовлетворение моей страсти к отечественной истории, — как богатый исторический архив — дает обильную пищу для удовлетворения этой склонности и, в тоже время, — семейство, в котором отдыхаешь душою, — чувствуешь себя бодрым, веселым, добрым и молодеешь. Спасибо вам, добрые обитатели и обительницы Надеждина, за милые дни под сенью Вашего дома проведенные».³

Семевского в Надеждине встречал князь, а также человек, которому мы по сути обязаны изданием архива — саратовский дворянин, известный деятель Саратовской ученой архивной комиссии Владимир Николаевич Смольянинов. По дороге обратно Семевский писал: «... Нет сомненья, что самая задача составления издания «Архив князя Куракина», — при вашем и В. Н. Смольянинова участии, не раз привлечет меня в с. Надеждино и даже не далее как весною будущего года...»⁴.

В результате этой поездки Семевского в Надеждино была достигнута договоренность об издании Архива. Выход первого тома, по замыслу М. И. Семевского, планировался не позднее января 1889 года, но, как обычно бывает, все затянулось, особенно это понятно, если учитывать удаленность Надеждина.

30 августа 1889 года князь Ф. А. Куракин послал Семевскому официальное предложение: «Намереваясь издать в свет архив моего рода, прошу Вас принять на себя главную редакцию означенного издания на нижеследующих условиях:

1. В первый том издания вы возьмете на себя труд поместить наиболее интересные материалы из моего архива, равно как и письма императора Петра I-го к предку моему князю Борис Ивановичу Куракину.

2. На издание первого тома я обязуюсь выдать авансом не более двух тысяч рублей, включая в эту сумму и расход на переписку, находящуюся под заведыванием В. Н. Смольянинова.

3. Весь доход от распродажи I-го тома предоставляю в Ваше распоряжение для обработки и печатания второго тома и так далее, не пользуясь лично доходами с издания.

4. Заведывание архивом моим, состоящим из семисот пятидесяти рукописных томов, равно как выборку материалов и переписку оных с Вашего согласия и по Вашему указанию предоставляю дворянину Владимиру Николаевичу Смольянинову с тем однако, что пользоваться матерьялом и брать рукописи на дом он может лишь с моего позволения и по мгновении в них надобности обязан возвращать мне их обратно». ⁵

Об этом предложении князя М. И. Семевский писал В. Н. Смольянинову: «Вышеозначенное предложение уважаемого князя Ф. А. Куракина я принимаю с полною готовностью трудом и заботами моими содействовать к осуществлению его намерения послужить издателем «Архива Князя Куракина» интересам истории добраго нашего Отечества и к сохранению на ее скрижалях памяти достойных подвижников славы и величия России⁶».

Для работы над первым томом — в части писем Петра I — был привлечен А. Ф. Бычков, который согласился «весь том подлинных писем Петра Великого к князю Борису Ивановичу Куракину заботливо дешифровать». Документы в издании были расположены в хронологическом порядке; в первых четырех томах публиковались родословные материалы и бумаги князя Б. И. Куракина, а с пятого тома начали печататься и бумаги нашего князя А. Б. Куракина.

Первый том Архива князя Ф. А. Куракина вышел в 1890 году в Петербурге. Редактором его был М. И. Семевский. В ноябре месяца он вышел из типографии. Часть тиража первого тома, как и всех остальных томов, была отпечатана на особой бумаге и переплетена в особые переплеты. Тогда же, в десятых числах ноября, М. И. Семевский через Елисавету Алексеевну Нарышкину передал подносные экземпляры их императорским величествам государю и государыне. Тираж первого и последующих томов Архива составлял около 600 экземпляров (тираж из-за разного числа экземпляров на веленовой бумаге постоянно варьировался). На корешке томов Архива было напечатано: «Князь Ф. А. Куракин. Архив села Надеждина».

Семевский редактировал и второй том, изданный там же в 1891 году. 9 марта 1892 года, когда третий том был уже сверстан, Михаил Иванович, которому едва исполнилось 55 лет, скончался. Стоит ска-

зять, что современники ставили ему издание Архива в особую заслугу, говоря что этим он «оказал русской исторической науке неоценимую услугу»⁷. А сами вышедшие под его редакцией тома Архива подтвердили мнение Семевского, что «положительно все документы, составляющие его, имеют огромное значение для науки»⁸.

Со времени ухода из жизни М. И. Семевского все труды по подготовке издания окончательно легли на В. И. Смольянинова, по какому поводу и был 11 апреля 1792 года заключен договор между ним и князем на издание Архива. Отметим, что за время издания Архива, Смольянинов быстро взбирался по служебной лестнице — в начале был директором Александровского Саратовского дворянского пансиона, затем директором Астраханской гимназии, а после этого директором московской Десятой гимназии.

Третий том был издан в Петербурге в 1892 году, и на титульном листе его были помещены фамилии двух редакторов. А с четвертого по десятый том Смольянинов был единоличным редактором сборника. Однако требовался опытный историк для написания примечаний, тогда и было сделано предложение П. И. Бартеневу, который получал за каждый откомментированный том по триста рублей.

Тома с четвертого по восьмой издавались в Саратове в 1893, 1894, 1896, 1898 и 1899 годах. После издания пятого тома было решено попытаться продать вышедшие тома Архива за границу, для чего в Саратове в 1894 году тиражом в 4800 экземпляров был отпечатан 14-страничный проспект издания на французском языке. Девятый том вышел в 1901 году в Астрахани, где тогда служил В. Н. Смольянинов, а десятый — в 1902 году в Москве, куда он же сумел к тому времени переехать.

Уже во время подготовки девятого тома князь Ф. А. Куракин понял, что это издание, уже начинавшее его отягощать, может продолжаться вечно, тем более что до наиболее интересных по времени бумаг — касающихся павловского времени — было еще очень далеко. И в результате десятый том оказался последним томом Архива князя Ф. А. Куракина, который вместил в общей сложности 2094 документа с 1661 по 1779 годы. Хронологическими рубежами эпистолярной стали 1714 год для князя Бориса Ивановича и 1778 для князя Александра

Борисовича. Соответственно, большая часть переписки нашего князя туда не вошла.

Не совсем понятно, почему все-таки князь Федор Алексеевич прекратил печатать Архив, но, судя по всему, он просто остыл. Когда-то, начиная издавать Архив князя Воронцова, светлейший князь Семен Михайлович Воронцов сказал П. И. Бартеневу: «Если бы даже дела мои расстроились, то я скорее соглашусь ездить во втором классе по железной дороге, чем прекратить издание моего Архива». Князь Ф. А. Куракин оказался менее принципиальным, да и то, что сборник был назван не просто Архив князя Куракина, а именно Архив князя Ф. А. Куракина, говорит в пользу тщеславия издателя. А издатель к тому времени уже пожал плоды своей деятельности — в 1891 году он был избран почетным членом Археологического института и пользовался известностью не только по проделкам молодости.

В десятом томе объявлялось, что «владелец архива заканчивает издание в свет бумаг своих в хронологическом порядке». Для того, чтобы печатать только самые интересные документы было решено издавать два сборника — «XVIII век» и «XIX век». Поскольку эти заглавия ранее уже использовались П. И. Бартеневым, то Смольянинов поделился с ним своими идеями. 7 февраля 1902 года издатель Русского Архива дал разрешение использовать эти заглавия для издания куракинских бумаг.

29 апреля 1902 года князь заключил с В. Н. Смольяниновым новый договор на издание вышеуказанных сборников⁹. Причем в девятом пункте было указано, чтобы выходил не более одного тома в год. Бартенеv по-прежнему должен был дополнять их комментариями.

Из запланированных пяти томов (трех — Восемнадцатого века и двух Девятнадцатого) вышли лишь три тома. Первый том Восемнадцатого века составили письма князя Алексея Борисовича Куракина к брату — нашему князю Куракину (М, 1904), а второй том — сборник «Княже-Куракинские церкви» (М, 1905, вышел в конце 1904 года). Первый том Девятнадцатого века включил в себя дневник княгини Н. И. Куракиной за 1816—1830 гг. и некоторые другие материалы (М, 1903).

Издание этих сборников оказалось невыгодным, и князь, к тому времени решивший продать Надеждино, прекратил и их издание. После этого В. Смольянинов предпринял всего одну публикацию документов куракинского архива — в издаваемом графом С. Д. Шереметевым сборнике «Старина и новизна»¹⁰, куда, по-видимому, он включил небольшую выборку из материалов, предполагавшихся для третьего тома XVIII века.

Всего князь Федор Алексеевич на издание десяти томов Архива и трех томов сборника на протяжении семнадцати лет (с 1888 по 1904 год) истратил 49 766 рублей¹¹. Стоит сказать, что издание фамильных бумаг помогло князю Ф. А. Куракину не только вернуть к себе уважение, но и сохранить архив, причем даже возвратив туда документы, оказавшиеся к концу XIX века в чужих руках. Так, князь купил бумаги, хранившиеся у барона П. М. Сердобина, в императорском Археологическом институте, да и у самого М. И. Семевского, приобретенные им в годы работы над куракинским архивом. В этой связи очень интересно письмо В. Н. Смольянинова к князю¹²:

«Высокочитимый князь
Федор Алексеевич!

Надеясь, что вы еще не уехали в Петербург, спешу сообщить Вам нечто, очень важное для Вашего архива и, полагаю, удобоисполнимое. Повидайте в Петербурге барона Павла Михайловича Сердобина, поручика Саперного батальона, сына Михаила Александровича, владельца села Александрова Псковской губернии Островского уезда (адрес его можно узнать в адресном столе) и убедите его в интересах науки передать все куракинские бумаги в архив села Надеждино. У М. И. Семевского также, по его собственным словам, целый шкаф с куракинскими томами: попросите их уступить в Ваш архив, теперь, я знаю, он исполнит эту просьбу.

В Археологическом институте также до 150 томов из Вашего фамильного архива: побывайте там вместе с Семевским и похлопочите, нельзя ли и их передать в Надеждино. Вы в настоящую минуту почетный член сего высокого учреждения, и Ваш голос там не может остаться втуне. Главное, поменьше вашей аристократической деликатности и

побольше настойчивости!! Ведь для России Ваш архив — сокровище, более ценное, чем весь Сердобский уезд, взятый вместе.

Преданный Вам и Вашим интересам

Historiografo furioso

Вл. Смольянинов

Саратов, II/19. 91».

Здесь интересно рассказать о путешествиях куракинских бумаг. Что касается описанных в этом письме, то князь в конце концов получил часть архива из Археологического института и от барона П. М. Сердобина. Что же касается бумаг, которые хранились у М. И. Семевского, полученные им от барона Михаила Николаевича Сердобина, их путь был сложнее.

После смерти в 1892 году Михаила Ивановича Семевского хранившиеся у него бумаги куракинского архива (и надеждинские, которые он просматривал, да и его собственные) были отправлены в Надеждино. Но только за исключением полутора десятков томов, которые не попали к князю Куракину: в 1896 году они появились в Москве в антикварной торговле.

Историк С. А. Панчулидзеv писал 19 июля 1896 года к князю Ф. А. Куракину, что «какой-то букинист» принес коллекционеру П. И. Щукину несколько томов куракинского архива¹³, а 28 августа сообщил что «в книжной лавке Семенова (Мясницкая, против Почтамта, дом Худож. об-ва) продается 11 томов из Вашего архива в общей сложности за 104 рубля». ¹⁴ Действительно, эти рукописи были куплены Петром Ивановичем и уже в Историческом музее были присоединены к куракинскому архиву¹⁵.

Постепенно князь Федор Алексеевич старел, и княгиня понимала, что в случае его смерти Надеждино с сорока тысячами десятин прекрасных земель может стать предметом спора с сестрой князя Е. А. Нарышкиной. Тогда, запугивая князя революцией, супруга уговорила его продать Надеждино целиком тамбовскому суконному магнату Михаилу Васильевичу Асееву (впоследствии эмигрировавшему и бывшему советником президента США Д. Эйзенхауэра по вопросам

суконной промышленности), что и произошло в 1904 году. Асеев, в свою очередь, перепродал имение в несколько рук.

При продаже почти все богатейшее внутренне убранство дворца было перевезено в Москву, в дом у Красных ворот, много досталось при этом трем дочерям, жившим отдельно. Куракинский архив был помещен там же. Он включал в себя (кроме некоторого количества россыпи) 1375 объемистых томов, заключающих в себе 380 000 страниц текста, или более 150 000 документов. Вместе с архивом для его хранения в Москву переехал В. Н. Смольянинов, занявший место директора московской Десятой гимназии. С 1902 года уже речь шла не столько об издании документов архива, сколько о детальном его описании и издании архивных описей. С этой целью с 1904 года составлялась подробная картотека, состоявшая из двух разделов — *personalia* и хронологического. В 1908 году она составляла уже 30 900 карточек, а к лету 1910 года — 53 866 карточек (23 666 алфавитных и 30 200 хронологических), составленных по 173 томам княжеского архива.

Великолепное Надеждино оказалось покинутым, но революция 1905 года пощадила его. Интересны воспоминания видевших его с разницей в два года В. А. Мамуровского и А. А. Гоздаво-Голомбиевского.

Исследователь усадеб Мамуровский вспоминал: «Когда мы посетили дворец в 1908 году, он представлял собою картину полного запустения. — Анфилада парадных зал, бесконечное количество обыкновенных комнат — все это, пустое и заброшенное, производило гнетущее впечатление. Оставались на местах только, забытые своими владельцами, библиотека и домовая церковь. Большая библиотека, расположенная (в шкафах) по стенам в 3-х этажах по винтообразной лестнице, громадный глобус внизу и старинные фолианты в кожаных с позолотой переплетах производили сильное впечатление»¹⁶.

А историк А. А. Гоздаво-Голомбиевский, посетивший Надеждино в июле 1910 года, писал: «Как только отперты были двери, сразу пахнуло плесенью, сыростью и холодом, почувствовался особый запах склада со старыми книгами, гниющей бумаги и затхлости старогохлама<...> Взойдя в средний этаж, в первой комнате мы увидели

шкафы с книгами, две-три статуэтки, бюстик Павла I, несколько поломанных вещей и модель дома на столе; во второй комнате, совершенно пустой, стояла только модель всей усадьбы и шкафы с нотами...»¹⁷.

Странно, что куракинские книги были оставлены, по крайней мере, еще в 1899 году Смольянинов писал: «Любовь к чтению является отличительною чертою всех князей Куракиных, и превосходная библиотека села Надеждина в Сердобском уезде Саратовской губернии, составленная несколькими поколениями и доселе пополняемая нынешним владельцем ее, князем Федором Алексеевичем Куракиным, служит лучшим тому доказательством»¹⁸.

Издатель и владелец архива князь Федор Алексеевич Куракин скончался в Москве 19 января 1914 года. Ему посчастливилось не увидеть революции и разграбления его московского дома. Княгиня София Владимировна прожила после революции лет шесть. Жила она после смерти князя в большом доходном доме на набережной храма Христа Спасителя, купленном князем в 1905 году, и занимала в нем весь бельэтаж, который был убран надеждинской обстановкой. Она сразу после смерти князя начала распродавать вещи и ценности, и умерла, не зная нужды и горя.

Архив в числе более 1400 переплетенных томов (часть постепенно формировалась из россыпи) переехал в 1920 году с согласия княгини в Исторический музей, правда, позже София Владимировна забрала из музея несколько памятных ей документов, которые, видимо, отнесла антикварам. Годы спустя к тому же фонду оказались присоединены документы вотчинных правлений Куракиных, представляющие уже меньший интерес, а также немногочисленные касающиеся князей Куракиных документы из фондов И. Е. Забелина и Е. В. Барсова, и рукописи из библиотеки МГУ.

Что касается картотеки, то Татьяна Алексеевна Бакунина в своей книге про куракинское хозяйство в Надеждине¹⁹ сообщает, что она также была перевезена в Музей, где описанием всего архива занялась К. Д. Смирнова. Первая опись документов, получившая название Старой, была составлена уже около 1922 года, а в 1940 году была закончена «Новая», включающая документы вотчинных правлений и дела,

не описанные ко времени составления первой описи. Также имеется третья дополнительная опись. Картотека считается утраченной, возможно она была сочтена ненужной при одном из переездов фондов ОПИ.

Стоит сказать, что продажа Надеждина в результате спасла весь архив, который иначе разделил бы судьбу княжеской библиотеки: она была сперва брошена, а затем большей частью сожжена и расхищена в годы революции, так и не дождавшись описания²⁰. Только около тысячи уцелевших томов поступили в библиотеку Саратовского пединститута²¹.

Таким образом, куракинский архив, хранившийся в Надеждино, затем у Красных ворот, после — в главном здании Исторического музея, с 1988 года сохраняется на острове в Измайлово. Изучен он неудовлетворительно. Существует только карточная опись с указаниями заглавий дел. Всякий справочный аппарат отсутствует. Абсолютное большинство прочитанных нами нескольких сотен весьма объемных дел выдавалось впервые.

Этому есть несколько причин. Основная, на первый взгляд, даже не вполне очевидна: это существование печатного издания «Архив князя Ф. А. Куракина». Именно существование печатного издания с таким названием отталкивает исследователей от архивных поисков. Примерно так же (правда, все-таки лучшим образом) обстоит дело с архивом Воронцовых, сорок книг документов которого издал П. И. Бартнев. По этой причине имеется странное мнение, что документы Воронцовых и князей Куракиных напечатаны. А между тем, например, Бартнева в документах интересовала больше политика, нежели литература и искусство. В архиве князей Куракиных хронологически публиковались «интересные» по мнению составителей документы. А что интересно одним, как известно, может быть безразлично другим.

Так и произошло с куракинскими бумагами. После окончания хронологии опубликованной переписки князя А. Б. Куракина оказались неизвестными сорок лет его эпистолярии, к которым, таким образом, не проявлялось никакого внимания.

Собственно говоря, и мы набрали на этот неисследованный комплекс довольно случайно — в поисках документов по истории изыска

зительного искусства. И хотя куракинский архив поразил нас скудостью искомым документов, многолетнее чтение княжеской корреспонденции подарило нам богатейший новый материал, часть которого мы решили поместить в настоящем издании.

¹ В РГАДА в документах Сената, в СПб ФИРИ, в ОР РГБ, АВПРИ и ГАРФ. Небольшой фрагмент архива, не имеющий прямого отношения к нашему князю А. Б. Куракину, сохраняется в РГАДА (Ф. 2104, 333 е. х.).

² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 800. Л. 145.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1029. Л. 3об. Из Саратова, 3 августа 1888 года.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 11—11об.

⁶ Там же. Л. 11об—12.

⁷ Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская Старина», его жизнь и деятельность 1837—1892. СПб, 1895. С. 217.

⁸ Там же.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е. х. 896. Лл. 1, 1об, 3, 3об. Копия рукой В. Н. Смольянинова.

¹⁰ Отклики прошлого. Извлечено из Архива князя Ф. А. Куракина В. Н. Смольяниновым. // Старина и новизна, исторический сборник. Кн. XIV. М. 1911. С. 1—184.

¹¹ ОПИ ГИМ. Дело фонда 3. № 18.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1029. Л. 131—131об—132. Странно написанная дата означает 19 февраля 1891 года.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е.х. 895. Л. 158.

¹⁴ Там же. Л. 159.

¹⁵ В числе рукописей, которых князю Ф. А. Куракину также не удалось обратить в свою собственность, были куракинские бумаги, хранившиеся у сына известного коллекционера и военного Н. И. Шенига (1795—1860), женатого на Софье Николаевне, рожд. баронессе Сердобиной. Из этих бумаг С. Н. Шениг предоставил П. И. Бартеневу отпуски писем князя А. Б. Куракина к графу Н. П. Румянцеву, опубликованные в 1873 году в Русском Архиве. Ныне все бумаги С. Н. Шенига хранятся в СПб ФИРИ.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Е. х. 366. Л. 19.

¹⁷ Голомбиевский А. А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных. // Старые годы. СПб, 1911. Январь. С. 22—23.

¹⁸ АКК, VIII. С. 453.

¹⁹ Bakounine T. Le Domaine des princes Kourakine dans le Gouvernement de Saratov. Paris, 1929. P. II.

²⁰ А это планировалось: Смольянинов, посылая 10 октября 1890 года к князю Ф. А. Куракину список с рецензии на выход описания Волочановского книжного собрания С. Д. Шереметева, писал при этом: «Подобного каталога должна дожидаться и Ваша библиотека, а помещен он может быть в виде приложения к одному из томов «Архива князя Ф. А. Куракина», а также и в отдельных оттисках». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1134. Л. 80). В куракинских бумагах есть лишь небольшой список надеждинских книг, составленный не ранее 1842 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1037.— 75 лл).

²¹ Вывоз даже части уцелевших куракинских книг воспринимался тогда как удивительное спасение. Сердобская уездная газета «Голос коммуниста» в №29 за субботу 18 января 1919 года на с. 3 в статье «Задачи отделов искусств в провинции» писала: «Ценнейшие библиотеки дворянских имений разобраны по рукам, редкие издания употребляются на цигарки или на крышки для горшков. <...> Сердобский уезд получил богатое наследство: достаточно упомянуть о Куракинском дворце <...>, воздвигнутом славным зодчим екатерининской эпохи, куда в течение почти 2-х веков собирались картины, бронза, хрусталь — где теперь все это? (Библиотека заботами начальника военных заготовок 1-й армии — вывезена)».

Рассеянные книги надеждинской библиотеки теперь трудно даже определить, поскольку Государственный Книжный фонд туда не добрался, а своего экслибриса они не имели. Единственным куракинским знаком, некоторое количество книг с которым явно присутствовали в Надеждине, был гербовый суперэкслибрис дочери князя Алексея Борисовича княжны Елены Алексеевны Куракиной, в замужестве графини Зотовой (1784—1869). Описание см.: Дружинин П. А. Русский геральдический суперэкслибрис. М, 2000. С. 99. Происходили эти книги из другой куракинской усадьбы — Степановское (Волосово) Зубцовского уезда Тверской губернии.

Иван Иванович
Богаевский

Иван Иванович Богаевский (1750 — после 1801) сперва учился в Академической гимназии (с 1765), после чего остался при Академии наук. Служа там в Ведомостной экспедиции и зарекомендовав себя добросовестным чиновником (в 1778 году он получил чин титулярного советника), он с целью дополнительного заработка занимался переводами, по количеству которых оказался весьма плодовитым¹. Публикуемое письмо является единственным свидетельством каких-либо отношений между князем Александром Борисовичем Куракиным и известным переводчиком. Для полноты сведений мы поместили здесь же приложения, препровожденные автором письма к князю.

¹ Вот перечень переводов И. И. Богаевского: *Контан д'Орвиль. Судьба человеческая или Повесть о приключениях кавлера Дампьера*. Ч. 1–2. Спб, 1768 (СК, II, 3112); *Препровождение праздного времени в собрании шуточных повестей*. Спб, 1769 (СК, II, 5640); *Койе Г. Ф. Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского*. Ч. 1–2. Спб, 1770–1773 (СК, II, 3017); *Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния*. Ч. 1–4.

СПб, 1772—1778 (СК, III, 8742); Пфейль И. Г. Б. Похождения дикого американца. СПб, 1773 (СК, II, 5773) и то же вторым изданием М, 1779 (СК, II, 5773); Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... Ч. 1—3. СПб., 1776—1777 (СК, I, 1374); Лексель А. И. Исследования о новой планете, открытой г. Гершелем и нареченной Георгиевою звездою... СПб, 1783. (СК, II, 3579). Также Богаевский является переводчиком отдельных статей, помещенных в Академических известиях, месяцесловах и Санктпетербургских ведомостях. Им же переводилось множество русских статей и заметок для немецкого издания Ведомостей.

[1]. 22 августа 1781 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь.

Претерпевая безвинно притеснения от учрежденной при Императорской Академии наук комиссии² приемлю смелость прибегнуть под покров правосудия Вашего Сиятельства и предложить вам вкратце обстоятельства службы моей при Академии.

Возвращаясь из чужих краев в 1765 году, где обучался я на иждивении отца моего³, имел я щастие быть рекомендован Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу Панину⁴ от находящегося при Прусском дворе Российского министра, Его Сиятельства Князя Владимира Сергеевича Долгорукова⁵.

К определению в Академию для продолжения наук рекомендован я от Его Сиятельства Графа Никиты Ивановича Панина.

Службу мою продолжал я при Академии с 1765 до 1776 года без всякаго производства и на весьма малом жалованье.

В 1776 году нынешний Академии наук г. директор⁶ вступя в Академию и увидев переведенную мною книгу Юстия основание силы и благосостояния царств, которая составляет около 400 печатных листов⁷, принял меня за трудолюбие и успехи мои в переводах под свое покровительство и от времени до времени

удостоверяясь более о моих способностях, представлял обо мне Правительствующему Сенату к производству.

Г<осподин> директор по приведении в порядок Императорской Кунсткамеры и Библиотеки, которыя снабдил он разными монументами в прославление мудрости покровительствующей Академии великой Екатерины, и по возстановлении порядка в Географическом, и гравировальном департаментах, так же и в глобусной башне, бывшей в наивеличайшем неустройстве обратил попечение свое на типографию, в которой дела по причине помещения ея в разных отдаленных между собою местах имели тихое течение, и препоруча мне привести ее в лучшее состояние, вскоре увидел желанной в том успех к чести Академии и к приращению казеннаго интереса.

Потом г<осподин> Директор стараясь пресечь и в книжной лавке безмерно всякое неустройство и запущение щетов, препоручил сперва г<осподину> Академику и Коммиссии члену Котельникову⁸ возстановить в сем департаменте порядок: но не увидя по прошествии целаго года никакого в том успеха, и при том узнав некоторыя препятствовавшия тому обстоятельства, препоручил мне же возстановить в книжной лавке порядок, которой я сколько можно было при первом случае и возстановил. Для удобнейшаго же разположения книг и ландкарт на будущия времена, и для предохранения их, от повреждения, представлял я г. директору письменно о переводе книжной лавки в другое место, с приложением щета от архитектора, по которому сие перемещение обошлось бы не дороже как 200 или 300 рублей. Г. директор был на предложение мое согласен и предписал по оному исполнить. Но Коммиссия враждуя противу всех к пользе и славе Академии служащих распоряжений г<осподина> директора, и почитая, что сие перемещение не знаю по какому щету станет в несколько тысяч рублей, отменила повеление г<осподина> Директора и наистрожайше подтвердила чтобы онаго не исполнять⁹.

Сверх всего вышеписанного способствовал я, для приращенія интереса казеннаго, к разпространению продажи академических книг сочинением на оныя рецензий; приготовил для книжной лавки с немалым трудом новой каталог¹⁰, хотя сие до должности моеѣ и не касалось; споспешествовал печатанию необходимо нужных для публики книг, а особливо учебных, и нравоучительных; пресек неправильной платеж заработанных денег типографским служителям, от чего чрез многия годы экономическая при Академии казна претерпевала немалой ущерб; снабдил типографию в короткое время разными литерами, коими они до меня недостаточны были, и вообще содержал типографию в чистом порядке, что когда от Его Сиятельства господина Генерал-прокурора и Кавалера¹¹ дано было мне повеление приготовиться к печатанию устава для Российских мореходцов¹², то оный старанием моим оканчивался набором прежде, нежели в Комиссии зделано было о том определение.

О протчих же трудах моих, как то издаванію Академическаго журнала, Немецких ведомостей¹³, календарей и разных переводов предоставляю я судить г<осподину> директору.

Все таковыя мои в трудах успехи приобретали мне благоволение г<осподина> директора и негодование комиссии, которая ныне в отсутствие г<осподина> директора¹⁴ возросло до того, что комиссия отрешила меня без ведома г<осподина> директора от всех препорученных мне директором департаментов, как усмотрите Ваше Сиятельство из приложенной при сем копии с комиссской резолюции, не взирая на данныя прежде г<осподином> директором Комиссии ордера, коих копии при сем прилагаю. Я не знаю за собою ни непорядков, ни же самовластия: ибо я распорядился и поступал по приказаніям г<осподина> директора а не сам собою. При том же все безпристрастные судии дел моих обще с г<осподином> директором могут засвиде-

тельствовать, что все мои предложения клонились к сущей пользе Академии, а не ко вреду.

Но ежели вся моя правота и все мое рвение к пользе Академии затмеваемы будут какими нибудь представлениями со стороны комиссии; то всепреданнейше прошу Вашего Сиятельства не лишить меня правосуднаго вашего покровительства, дабы я мог принести пред вышним Правительством мое оправдание по возвращении г. директора так как моего шефа и повелителя во всех делах, кои мною не во вред но в пользу и честь Академии производимы были.

Впротчем ежели бы случилось, чтобы г<осподин> директор после всех своих трудов кои клонились единственно к возстановлению чести Академии в ученом свете и к прославлению в Отечестве, по каким либо обстоятельствам принужден был Академию оставить, и ежели бы притеснения Комиссии принудили меня удалиться от Академии; то приобретенныя мною знания, трудолюбие и рвение к рачительной и безпорочной службе, подают мне надежду, что я везде могу сыскать себе правотдных¹⁵ покровителей, препоруча себя милостям Вашего Сиятельства, которыя заслуживать в главный долг себе вменю, и в несомненном уповании на оныя имею честь именоваться

Сиятельнейший Князь

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

всепокорнейший и всепреданнейший слуга

Иван Богаевской

Августа 22 дня

1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 342–344. Автограф.

Проблемы, описываемые Богаевским в письме князю, возникли у переводчика исключительно из-за того, что он пользовался особым расположени-

ем Домашнева: с приходом нового директора Богаевский приобретал в Академии все больший вес. С начала 1780 года до июля 1781 он был редактором Академических известий (вместо отъехавшего к родным И. Ф. Богдановича). В 1779 году Домашнев сделал его заведующим Ведомостной экспедицией, в 1781 — 17 марта — управляющим академической типографией и книжной лавкой, а с 14 июля поручил надзор над всеми письменными делами Академической канцелярии. Дополнительно Домашнев, распоряжаясь выплатой гонораров за переводы, выполненные для Собрания старающегося о переводе иностранных книг, выплачивал Богаевскому неоправданно высокие гонорары. В дополнение ко всему в 1780 году, по представлению Домашнева, Сенат пожаловал ему чин коллежского асессора, дающий право на потомственное дворянство.

При общем отрицательном отношении к Домашневу со стороны академиков, таковое же отношение распространилось и на его верного подчиненного, который к тому же вступил в борьбу с Академической комиссией. В результате академики добились смещения Богаевского (см. прилагаемый самим Богаевским документ), а 17 ноября 1781 года приняли решение навсегда исключить его из академической службы. Тем не менее, 1 декабря Домашнев назначил его редактором Санктпетербургских ведомостей вместо И. Ф. Богдановича, что он и исполнял до 1791 года.

Как кажется, написать это письмо И. И. Богаевский мог только с подачи И. Ф. Богдановича, состоявшего в переписке с князем Куракиным и пользовавшимся его покровительством. Кроме того, князь Куракин мог и не знать о конфликте академиков с С. Г. Домашневым (до получения в декабре месяце обширного письма самого Домашнева, которое мы поместили в примечаниях к его письмам к князю) и, соответственно, еще не имел своей точки зрения.

² Речь идет о Комиссии «для разобранья и приведения в лучшее состояние всех академических департаментов», созданной согласно указа ее императорского величества от 30 октября 1766 года. По определению Канцелярии Академии наук, оглашенному 31 октября того же года, в состав комиссии вошли Я. Штелин, Л. Эйлер, И. А. Эйлер, С. К. Котельников, И. Г. Леман и С. Я. Румовский. Руководство комиссией возложено на тогдашнего директора Академии наук графа В. Г. Орлова (см.: *Летопись РАН. С. 541*). В бытность Домашнева директором Академии, в эту комиссию входили академики Я. Я. Штелин, С. Я. Румовский и С. К. Котельников. Непростые взаимоотношения Комиссии с С. Г. Домашневым подробно рассмотрены К. С. Веселовским (см.: *Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым // Русская старина. СПб, 1896, № 9, сентябрь. С. 457—492*); стоит сказать, что статья

Веселовского довольно тенденциозна и автор изначально настраивает читателя против Домашнева, пыгавшегося в Академии ввести казенные порядки. Приведенное письмо Богаевского и приложенное в соответствующем разделе письмо самого Домашнева дают нам права усомниться в однозначности трактовки ситуации в Академии.

³ Отец автора — Иван Богаевский — был полковым священником и служил в годы Семилетней войны «при главной армии».

⁴ Граф Никита Иванович Панин (1718—1783) — первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, действительный тайный советник. Здесь несомненно, что Богаевский умышленно ссылается на Панина, зная о близости его с князем Куракиным. Тем более, что большее участие в судьбе Богаевского принял его брат, граф Петр Иванович Панин, которому Богаевский посвятил перевод книги Кюйе «Описание жизни Иоанна Собеского».

⁵ Князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1717—1803). Действительный тайный советник, русский чрезвычайный посланник в Пруссии в 1778—1786 годах.

⁶ Сергей Герасимович Домашнев (1743—1795), поэт, назначенный директором Академии Наук исключительно посредством покровительства Орловых. Что касается даты вступления Домашнева в должность, то Богаевский ошибается, поскольку еще 22 июля 1775 года состоялось экстраординарное заседание Академии, где было зачитано письмо Домашнева о назначении его директором Академии Наук, а 14 августа того же 1775 года на публичном заседании был зачитан императорский указ о назначении Домашнева (См.: *Летопись РАН. С. 627*). А 11 декабря 1775 года Домашнев уже окончательно занял место директора и произнес в публичном собрании Академии вступительную речь (*Там же. С. 629*).

⁷ Речь ведется о книге Иоганна Генриха Готлоба Юсти (Justi; 1720—1771) «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Сочинил И. Г. Г. Юстий, а с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский» (Ч. 1 — 4. Спб., при Императорской Академии Наук, 1772—1778. 4о). (Описание см.: *СК, III, с. 453—454, № 8742*). За перевод этой книги Богаевскому было заплачено 2 507 рублей (см.: Семенников В. П. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1873. Спб, 1913. С. 41). Перевод Юстия является наиболее значительным из всех трудов Богаевского на этом поприще.

⁸ Семен (Симеон) Кириллович Котельников (1723—1806) — адъюнкт по математике в Академии Наук (с 1751 года), с 1756 года — экстраорди-

нарный профессор высшей математики, с 1760 по 1797 — ординарный профессор, с 1797 года — почетный член Академии Наук. Когда Богаевский учился в академической гимназии, Котельников занимал должность ее инспектора.

Домашнев, исполняя должность директора Академии, Котельникова не жаловал, но уже совсем явно это стало 8 апреля 1782 года, когда директор приказал передать от С. К. Котельникова к П. С. Палласу руководство Кабинетом естественной истории и редкостей. Конференция Академии не согласилась, решив что «подобный авторитарный акт перевернул бы всю систему академических обязанностей, и каждый академик в будущем стал бы опасаться подобной немилости, если бы только от начальника зависело отнять у него должность». (См.: *Летопись РАН*. С. 688). Противостояние все продолжалось, а 22 августа академики на собрании решили «настаивать, чтобы заведывание Кабинетом естественной истории продолжал С. К. Котельников» (*Там же*. С. 693). Только с назначением императорским указом от 27 января 1783 года Е. Р. Дашковой во главе Академии на место Домашнева этот конфликт разрешился сам собою.

⁹Ужасающую обстановку, царившую во время противоборства с Домашневым в Академии наук, прекрасно иллюстрирует французское письмо самого Домашнева к князю Куракину, перевод которого мы поместили в примечаниях к письмам Домашнева в настоящем издании.

¹⁰Единственный сколько-нибудь объемный каталог изданий академической типографии, вышедший в период директорства Домашнева был напечатан в 1778 году: *Роспись российским книгам и портретам, которые при императорской Академии наук в Санкт-Петербурге напечатаны и в книжной лавке при оной же Академии без переплету продаются*. [Спб. Типография Академии наук], 1778.— 24 с. 8о. Хотя, возможно, речь идет о каком-то большом рукописном каталоге.

¹¹Князя Александра Алексеевича Вяземского (1727—1793), с 1764 года генерал-прокурора правительствующего Сената.

¹²В 1778 и 1780 годах при императорской Академии Наук было напечатано два издания упоминаемой книги: 1) Книга Устав морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Напечатано повелением царского величества. Пятым тиснением. Спб, 1778; 2) То же. Шестым тиснением. Спб, 1780. Эти книги представляют собой переиздания «Устава морского», написанного под руководством Петра I в 1715—1720 годах и впервые изданного в Петербурге в 1720 году. Устав был составлен на основе опыта Северной вой-

ны и просуществовал без существенных изменений до 1853 года, за исключением 1797–1804 годов, когда действовал «Устав морской» Павла I.

¹³ Речь идет о газете «St. Petersburgische Zeitung» — немецком варианте Санктпетербургских ведомостей, выходившей параллельно с русским.

¹⁴ В конце мая 1781 года императрица дозволила Домашневу поехать в Херсон. Он выехал на первой неделе июня и собирался вернуться к концу сентября месяца, но возвратился только в ноябре и присутствовал на заседании 22 ноября (см.: *Летопись РАН*. С. 680, 684). Именно время его отсутствия было с успехом использовано академиками.

¹⁶ Так в оригинале.

Приложение I.¹

Копия.

Ордер Коммиссии Академии Наук.

По дошедшим до меня рапортам усмотрел я, что некоторые чины при Академии поступают несходственно с высочайше данным Академии регламентом; то по силе 33 артикула онаго, предписывающаго мне хранить и наблюдать учрежденной при Академии порядок с крайнею строгостию, напечатать онаго регламента потребное число экземпляров, и раздать кому следует; также наблюдать, чтоб данные от меня учреждения исполняемы были во всей точности по силе 11, 44 и 64 пунктов того же регламента. Коммиссии же не дается права вновь вводить ничего, но исполнять учрежденное, и в случаях требующих какого новаго учреждения, относиться к общему собранию, что наблюдать наистрожайше. Коммиссии приказывается: ибо по силе высочайше данного правителю Академии 1766 года указа образ управления устроить ему предоставлено.

Сергей Домашнев

Июля 8 дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345. Автограф И. Богаевского.

Приложение II.¹

Копия.

Выписка из журнала Комиссии Академии наук, июля 30 дня 1781 года.

Хотя г. Ассессор Богаевской по воле Его превосходительства, Академии наук господина директора Сергея Герасимовича Домашнева, и учрежден главным смотрителем над книжною лавкою, також над книжною и портретною типографиями: но в разсуждении не долженствующих ему г. Богаевскому в казенных делах производить собою непорядки и самовластие с ущербом интереса Ея Императорскаго Величества, от всех дел тех трех департаментов, то есть от книжной лавки, книжной и портретной типографий сего времени его отрешить, и более ему до оных ни какого дела не иметь, кроме обыкновенных своих дел по переводческой должности.

Подлинной за подписанием господ Комисских присутствующих.

Секретарь Василей Басов.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345об. Автограф И. Богаевского.

Ипполит Федорович
Богданович

Ипполит Федорович Богданович (1743(1744)—1803) был тесно связан сперва с братьями графами Паниными — 26 мая 1763 года он был определен в Военную коллегию в штат графа Петра Ивановича переводчиком, а через год, 30 апреля 1764 года, он был определен на ту же должность к графу Никите Ивановичу в Коллегию иностранных дел. Через графа Никиту Ивановича Богданович получил благорасположение Павла Петровича, который стал покровительствовать поэту. К этому же времени относится знакомство Богдановича с князем Александром Борисовичем. Однако время наиболее интенсивного общения Богдановича с нашим князем относится уже к середине

— второй половине 1770-х годов, когда князь возвратился из европейских вояжей.

По своей любви прекрасно выглядеть князь Александр Борисович очень импонировал Богдановичу, который тоже, в свою очередь, любил щеголять в дорогом кафтане на французский манер и бывать в петербургском великосветском обществе. Своими сочинениями и способностями, а также связью с малым двором и принадлежащими к нему вельможам, поэт приобрел многих покровителей, в числе коих оказался и князь Куракин.

Переписка с князем временами была довольно оживленной, по крайней мере, сам князь Куракин в описи писем к нему разных особ указывает десять писем за 1777 и два за 1779 год (АКК, VIII. С. 436, 438). Помимо этих упоминаний, уже увидели свет семь писем к князю, напечатанные в Архиве князя Ф. А. Куракина: от сентября 1776, французское (АКК, VIII. С. 250–251), от 26 сентября 1776, французское (Там же. С. 252), от 16 мая 1777, французское, с русскими стихами (АКК, IX. С. 350–351), от 29 мая 1777 (Там же. С. 356–357), от 2 июня 1777, с французскими стихами (Там же. С. 357–358), от 20 июня 1777, французское, с русскими и французскими стихами (Там же. С. 363–364) и от 27 июня 1777 (Там же. С. 364).

Здесь мы помещаем пятнадцать писем Богдановича за 1776–1802 годы. Столь значительное количество неизвестных писем поэта публикуется впервые и является значительным приращением к корпусу из двадцати пяти писем поэта, изданных в прежние годы. Кроме эпистолярной, в приложении к настоящему изданию мы поместили его неизвестное стихотворение, посланное князю при одном из писем.

[1]. 28 апреля 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александра<!> Борисович.

Приговор в Сенате о моем произвождении, сказывают подпisan всеми Сенаторами, однако, по тому што Князь Александр Алексеевич² не совсем соглашался произвести меня в Ассесоры, дело остановлено на несколько дней по моей просьбе. Я был у

Князь Александра Алексеевича и просил Ево об милости: Он сказал посмотрю. Покорно прошу Ваше Сиятельство за благо- временно словами или письмом принять труд уговорить Князь Александра Алексеевича; не сопротивляяца моему повышению в Ассесоры, когда он уже согласны после двенатцати лет моего терпения³ дать мне чин Ассесорской; или по малой мере, когда Князь Александра Алексеевич не захочет сделать мне етой милости, упросить что б ето дело остановлено было до времени. Я есмь всегда с истинным к вам почтением и преданностию

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

усерднейший и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

Середа.

<С.-Петербург, 28 апреля 1776 года.>

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 441 («Письма разных особ к А. Б. Куракину. Том 1, 1771 год»). Л. 112–112об. Автограф. Без даты. Фактически в томе собраны разные письма за 1771–1776 годы. На этом письме красным карандашом рукой В. Н. Смольянинова нанесена ошибочная дата: «1775». На л. 115об. — адрес рукой Богдановича: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александр Борисовичу Куракину». Датируется по содержанию.

² Князь Александр Алексеевич Вяземский (1727–1793) — генерал-прокурор Сената, действительный тайный советник.

³ С 30 апреля 1764 года, когда Богданович был принят в Коллегию иностранных дел переводчиком, он не получал повышения по службе.

[2]. 7 мая 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Произхождение мое в Сенате решилось так как я желал, и указ уже послан. Приношу Вашему Сиятельству мою за то благодарность, так как виновнику многих моих благополучий. Я ожидаю на

сих дней решения судьбы и моего Брата о котором я вас просил². Сенаторы согласились определить Ево в Красноярск; уповаю что Князь Александр Алексеевич³ не поспорит. Получа предстательством вашим столик милостей надлежало бы удержатца просить вас еще о себе; однако не полагая границ моей к вам преданности, я не полагаю их и в прозьбах к моему Благодетелю, зная что Ваше Сиятельство не устанете делать добро людям, которые ценят ево по мере чувств своих. Прозьба моя состоит в том что б выпросить у Графа Никиты Ивановича⁴ мне от Коллегии полное Ассесорское жалованье, хотя из министерской суммы я оставлен теперь на прежних трех стах рублях. Ваше Сиятельство легко можете судить нужно ли мне желать, в моем состоянии чина без жалованья по чину. Я крепко на вас надеюсь что вы не отречетесь довершить ваши ко мне милости; я же совершенно пребываю с истинным к вам почитанием и преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
Пятница.
<7 мая 1776, С.-Петербург>.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 441 («Письма разных особ к А. Б. Куракину. Том 1, 1771 год»). Л. 133–133об. Автограф. Без даты. Фактически в томе собраны разные письма за 1771–1776 годы. На этом письме красным карандашом рукой В. Н. Смольянинова нанесена ошибочная дата: «1775». На л. 138 об рукой Богдановича написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александру Борисовичу Куракину в Сарском Селе».

Датируется по содержанию: письмо написано сразу после 5 мая 1776 года (среда), когда указом правительствующего Сентата Ипполит Богданович был произведен в коллежские ассесоры.

² Имеется в виду Николай Федорович Богданович. Состоял в службе с 1754 года. Подробнее о нем см. прим. 2 к письму 10.

³ Вяземский.

⁴ Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — первоприсутствующий член Коллегии Иностранных дел.

[3]. 19 августа 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Барисович.

Не имея счастья найти вас во Городе, я не могу остановить моего усердия поздравить Ваше Сиятельство с счастливым приездом, чертами производящими от самой искренней моей к вам преданности. Между тем прилагаю к вам мой Журнал столико месяцев сколко без вас здесь в Свет вышло². Нет для меня приятнее случаев как доказывать вам всячески что я есмь с истинным и глубоким к вам почитанием

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

нижайший и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

19 августа

1776.

в С<анкт> П<етербурге>.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 230. Автограф.

² Богданович имеет в виду издававшийся и редактировавшийся им в Петербурге журнал «Собрание разных сочинений и новостей, ежемесячное издание, содержащее в себе новые на российском языке сочинения и переводы; новые успехи в науках и художествах, новые для человеческого рода полезные изобретения, главные происшествия настоящего времени во всех частях света, особливо же в России, и протчие любопытные вещи, служащие к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния», всего вышло 4 номера в 1775 году (сентябрь-декабрь) и полный 1776 год (январь-декабрь). С февраля 1776 года журнал стал печататься в типографии Академии наук, куда переехал на службу И. Ф. Богданович. Упоминаемый журнал являлся в то

время одним из самых интересных периодических изданий России. (Описание см.: СК, IV, № 241).

[4]. 2 мая 1777 года¹.

Je sais, mon Prince, que c'est beaucoup prétendre que de vous entretenir et vous amuser dignement par un commerce de lettres. Le choix même des matières devient court, lorsque je songe aux lumières de votre esprit et à l'insuffisance des miennes. Les nouvelles de la ville les plus intéressantes ne parviennent pas toujours dans le quartier où je demeure, encore moins dans ma retraite. Celles qui s'impriment dans les gazettes, il n'y a point de mérite à vous les répéter; il vaut mieux vous les envoyer. La lecture me fournit souvent des sujets à penser, mais vous êtes si familier avec les livres, que vous m'offrez encore cette ressource. Il n'y a que la bonté de votre cœur qui supplée à tout. Souffrez donc, mon Prince, que je donne au moins le cours à mon penchant qui est de vous prouver mon respect et mon attachement autant que je peux. Je crois cependant trouver un sujet assez intéressant pour votre cœur avide de faire les heureux. Je ne crains pas de vous accabler par là, ma précaution vous ôterait un des plus beaux plaisirs que vous vous formez de constituer mon bien-être. Voilà comme je deviens intéressé: je veux tout tenir de vous et je veux encore que vous m'honoriez toujours de ces marques de bonté qui caractérisent votre belle âme; et tout ceci est fondé sur la vraie idée que j'ai de vos qualités bienfaisantes, qu'elles ne peuvent y trouver que de l'aliment pour être nourri. Si jamais je puis vous excéder, c'est en m'empressant de me rendre digne de vos bontés, ne fut-ce que par un simple dévouement de cœur qui s'exhale en expression au défaut des

faits, car c'est avec l'attachement le plus sincere et le plus respectueux que j'ai l'honneur d'ktre,

mon Prince,

votre tris humble et

tris obйissant serviteur

H. de Bogdanovicz

Ce 2 mai

1777

A S<aint>P<йtersbourg>

Перевод:

Любезный князь,

Знаю, что самонадеянно полагать, будто письмами своими смогу вас должным образом позабавить. Самый выбор предметов затруднителен до крайности, как подумаешь об обширности познаний ваших и о скудости моих. Городские вести любопытнейшие в ту часть города, где обитаю, не всегда досягают, да и живу я уединенно. Вести же, кои в газетах являются, повторяют — дело нехитрое; больше толку будет от посылки вам сих газет. Чтение нередко мыслям моим пищу доставляет, однако же для вас чтение есть дело столь обычное, что и сие средство вы у меня отымаете. Одна надежда на доброту вашего сердца. Дозвольте же, любезный князь, по крайней мере душу облегчить и высказать вам все почтение мое и привязанность. Впрочем, предмет сей, пожалуй, довольно увлекателен для сердца вашего, любящего благодетельствовать. Не боюсь вас сим занимать, дабы удовольствия мне добро делать у вас не отнять. Вот как стал я корыстен: все от вас хочу иметь, да при том еще и те знаки доброты, кои прекрасной вашей души суть следствия, за честь почту воспринять; причиною же всему ваши свойства благодетельные, кои в благодетеле-

нии пищу себе находят, а я им истинную цену знаю. Если когда-либо и наскучу вам, то тем лишь одним, что достойным стремлюсь соделаться ваших милостей, сердце же мое за неимением дел словами преданность свою изъявляет, ибо честь имею быть с искреннейшей преданностию и величайшим уважением,

любезный князь,

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

И.Богданович

2 мая

1777,

Санкт-Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 218—219. Автограф. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[5]. 9 мая 1777 года¹.

Mon Prince,

Puisque vous avez bien voulu, mon Prince, encourager ma main droite, je crois en faire le plus bel usage en me rappelant toujours a vos bontés. J'ose me flatter qu'au milieu de vos occupations champêtres la vôtre, accoutumée a souscrire le bonheur de ceux qui vous sont attachés, ne dédaignera pas, quand vous aurez un moment de loisir, de tracer quelques lignes nécessaires pour me tirer de l'abattement qui me ferait succomber, si je n'étais persuadé par l'intérêt que vous prenez a moi, que je n'espère en vain, mon Prince, vous faisant l'Arbitre de mon sort, et que vous ne pouvez qu'agréer l'estime la plus respectueuse et l'attachement le plus sincère avec lequel j'ai l'honneur d'être,

mon Prince,

votre tris humble et tris obÿissant serviteur
Hippolite de Bogdanovicz
Ce 9 mai
1777
A S<aint>P<ÿitersbourg>

Перевод:

Любезный князь,

Угодно вам было ободрить правую мою руку, посему полагаю, что достойное ей найду применение, коли напомню о себе вашей милости. Лыщу себя надеждой, что среди занятий деревенских ваша рука правая, коей подпись счастье составляет всех людей, вас окружающих, благоволит в минуты досуга начертать несколько строк, потребных, дабы меня от уныния убересть, коему предался бы я вполне, не знай я, что вы участие во мне принимаете, а посему не вотще надеюсь, любезный Князь, что судьбу мою станете вы вершить и не принять не сможете уверения в величайшем уважении и искреннейшей преданности, с коими честь имею быть,

любезный князь,

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

Ипполит Богданович

9 мая

1777,

Санкт-Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 220–220об. Автограф на французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[6]. 30 июня 1778 года¹.

Mon Prince

L'on viens de m'annoncer, mon Prince, Votre avancement, ou plutot la justice rendre a Votre merite. Je m'en rejonis autant que je prends part sencirement a tout ce qui vous touche. Агрийс mon Prince, mes complimens de felicitations, aussi bien que l'estime respectueux avec le quel l'honneur d'etre

Mon Prince

de Votre Excellence

tres humble et tres obeissant serviteur

Hippolite de Bogdanovicz

Ce 30 Juin

1778.

Перевод:

Любезный князь!

Только что дошло до меня известие о Вашем по службе продвижении², что справедливой данью уважения к вашим заслугам является. Я присоединяюсь к поздравлениям так же, как я искренне разделяю все, что Вас касается. Примите благосклонно, князь, мои поздравления, равно как и почтительное уважение, с коим имею честь оставаться,

любезный князь,

вашего превосходительства

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

Ипполит Богданович

30 июня

1778.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 237. Автограф. На французском языке.

² Речь идет о пожаловании князя Александра Борисовича Куракина действительным камергером (указ от 28 июня 1778 года).

[7]. 5 мая 1779 года¹.

Милостивый Государь.

Князь Александр Борисович.

Имею честь послать Вашему Сиятельству обещанную вторую Книгу Душиньки², только прошу вас по прочтении мне Ею возвратить, потому что я бруліон³ изодрал и другой у меня списанной не осталось; так же есть ли вам угодно и списать приказать можете. Прилагая здесь пакет к князь Гавриле Петровичу⁴, которой беру вольность просить вас ему доставить, есть ли вам угодно чрез самих вас, потому что тут вложены бумаги до ложи надлежащие⁵. Есмь с глубочайшим почтением и преданностию

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

Нижайший и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

5 мая

1779.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 47. Автограф.

² Поэма «Душинька» является, несомненно, самым замечательным произведением Богдановича, оказавшим значительное влияние на современников. Полное издание (книги 1—3) ее вышло в Москве в 1783 году (Душинька. Древняя повесть в вольных стихах. СПб. 1783), а первая книга издавалась в первоначальной редакции пятью годами ранее (Душинькины похождения, скаска в стихах. М. 1778).

Вторая книга поэмы повествует о перенесении Душеньки во дворец Амура и свадьбе Душеньки с ним; встречи их происходят только под покровом

ночи либо днем в темноте грота. Сестры уговаривают Душеньку зажечь ночью лампаду, чтобы рассмотреть амура и если он окажется чудовищем убить его. Душенька слушается, но амур при свете лампы оказывается прекрасен. Случайно на его бедро Душенька проливает каплю горячего масла и будит его. Амур покидает Душеньку.

Указание здесь на законченную вторую книгу Душеньки чрезвычайно важно, поскольку, кроме датированных печатных изданий (первоначальной редкции первой книги и первого полного издания), никаких возможностей проследить хронологию написания поэмы не имелось. И таким образом можно скорректировать уже устоявшееся в среде исследователей мнение, что «работу над поэмой следует предположительно датировать 1775—1782 гг.». (Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. / Библиотека поэта. Большая серия, второе издание. Л, 1957. С. 225).

³ Т. е. черновик

⁴ Князь Гавриил Петрович Гагарин (1745—1808) — сенатор, действительный тайный советник, родственник графов Паниных.

⁵ Как известно, и князь Куракин, и князь Гагарин, кроме того что являлись близкими друзьями и дальними родственниками, были и выдающимися масонами.

Князь Куракин, будучи внучатым племянником убежденного масона графа Н. И. Панина, был посвящен им в масонство в возрасте 21 года. А в декабре 1776 года, во время поездки в Стокгольм для объявления шведскому королю о втором браке Павла Петровича, герцог Карл Зюдерманландский лично посвятил князя Куракина в тайны шведского обряда. Тогда же ему была выдана конституция (т. е. учредительная грамота) на основании в Петербурге главноуправляющей ложи шведской системы под названием «Капитул Феникса», прочие бумаги, а также множество масонских обрядовых атрибутов. (См.: Соколовская Т. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822 гг.) Пг. [1916]. С. 2 — 5).

Граф Гавриил Петрович Гагарин был двоюродным племянником графов Паниных и тоже не избежал влияния масонства. Год вступления его в орден неизвестен, но в начале 1770-х годов его имя внесено И. П. Елагиным в списки кандидатов на т. н. высокие посвящения. А в 1776 году он был посвящен князем Куракиным в высокие степени шведской системы. Князь Куракин из своей поездки в Стокгольм привез «диплом князю Гавриилу Петровичу Гагарину на звание управляющего префекта капитула». Капитул Феникса, префектом которого был поставлен князь Г. П. Гагарин, был открыт с опозданием в феврале 1778 года. К весне 1779 года успехи шведской системы в России были столь

очевидны и одновременно столь несомненными были заслуги князя Гагарина, что герцог Карл Зюдерманландский утвердил его в звании обер-мейстера всех лож, работавших по шведской системе в России. По этому поводу 7 мая 1779 года верховными лицами шведского масонства был выписан князю Гагарину патент, а 25 мая в Петербурге под его председательством состоялось торжество открытия Великой Национальной ложи. Вскоре шведские ложи стали именовать «гагаринскими» (см. там же. С. 5–7, 94–95).

Что же касается самого Ипполита Богдановича, то ранее было известно, что в 1774 году (состоя в службе в Коллегии иностранных дел) Богданович был обрядона начальником ложи «Девять муз» (*СРП. Вып. I. С. 106*). Поясним, что эта петербургская ложа (английской системы) была открыта в 1770 году Великим наместным мастером русской провинциальной ложи И. П. Елагиным и собиралась у него во дворце на Елагином острове, а 16 июня 1772 года получила конституцию.

И хотя больше о масонстве Богдановича сведений не встречается, настоящее письмо говорит о том, что, во-первых, Богданович и позднее оставался в рамках этого религиозного ордена, а во-вторых, что он сменил ложу, причем был заново посвящен уже по шведскому обряду. Это логически вытекает из того, что Богданович знал о документах, которые, видимо, касались присвоения князю Гагарину звания обер-мейстера и открытия Великой Национальной ложи.

[8]. 9 августа 1779 года¹.

Милостивый Государь.

Князь Александр Борисович.

Прилагаю при сем письмо, под вскрытою печатью, написанное по вашему милостивому наставлению. Из него усмотреть изволите что вам надобно будет сказать Князь Александру Алексеичу² и кому еще из Сенаторов вы за благо разсудите, и что ваше благодетельно сердце вам скажет, о месте и чине³. При сем осмелюсь включить мое почтение Препочтеннейшему⁴; и есмь с истинным к вам почитанием и глубочайшею преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
августа 9.
1779.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 48. Автограф.

² Вяземскому

³ В марте 1779 года Ипполит Богданович «за излишеством людей» был переведен из Коллегии иностранных дел в ведомство департамента Герольдии правительствующего Сената, но без жалованья, а уже 12 марта подал прошение на высочайшее имя с просьбой о помощи, которое осталось безответным. Вследствие этого в том же месяце он подал в отставку, которую и получил 25 апреля 1779 года (см.: *СРП. Вып. 1. С. 106*).

Эту просьбу Куракин оставил без последствий. Точно так же он поступил в сентябре 1776 года, когда еще в бытность свою при Коллегии иностранных дел Богданович пытался посредством покровительства Куракина получить место при дворе цесаревича (см. его письма, опублик. в *АКК, VIII. С. 250–252*).

⁴ Здесь имеется в виду цесаревич Павел Петрович.

[9]. [1780 год]¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Я просил некогда Ваше Сиятельство о деле в Департаменте вашем родственников моих Богдановичей и их тютки², с дареными от недвижимова имения которых им принадлежит часть во владение. Дело давно доведено к слушанию, а как соперники их всячески стараются дело продлить чтоб между тем польоватца их частью, то я ныне возобновляю мою прозьбу так как они мне в том старание препоручили. Ведая же что вас нет нужды просить

о зделании справедливости, ограничиваю прозьбу мою тем что б дело их не замедлить решением. Я напоминаю вам о том с тем большим упованием, что Ваше Сиятельство, при первой моей прозбе, сами приказали по времени вам о том напомнить. Я же за твердое правило себе поставляю никогда не обременять моих благодетелей не справедливою прозьбою, и хотя бы дело моих родственников не было так правдиво как оно мне кажется, я прошу только о решении. Один из них не богатой и об одной ноге³ приехал ныне опять ходить за делом, и проживая остатки в надежде на будущую часть о которой они просят. Я же есмь с глубочайшим почтением и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
Середа.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453 («Письма разных особ к князю А. Б. Куракину. Том 13. 1780 год»). Л. 337–337об. Автограф. На л. 340 об. рукой Богдановича написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю князь Александру Борисовичу Куракину, Ея И-го В-ва Камергеру Кавалеру и проч».

² В правительствующем Сенате в те годы рассматривалось только одно дело Богдановичей: «В Шестом департаменте по апелляции из Вотчинной коллегии смоленской шляхты отставного полковника Григорья Петрова сына Богдановича в споре с отставным каптенармусом, а ныне прапорщиком Козмою Семеновым сыном Щербовым о недвижимом дорогобужском имении». Дело было начато по челобитной Щербова еще в 1772 году, а в 1776 году решено в Вотчинной коллегии в пользу Богдановича, после чего Щербов подал апелляцию в правительствующий Сенат. Речь идет о селе Карачарово Троицкого стана Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Оно досталось Щербову по купчей от Ивана Денисова сына Дукшты, однако еще до этого Денис Павлов сын Дукшта поступился этим селом отчиму Андрею Косовскому, который в 1742 году продал село капитану Петру Юрьеву сыну Богдановичу. От Петра Юрьевича село перешло к сыну Григорию Петрови-

чу Богдановичу. Дело было решено в правительствующем Сенате 20 октября 1783 года в пользу Богдановича. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 5190. Л. 1—152).

Нам не совсем ясно, в каких родственных отношениях состоял Ипполит Федорович и его братья с упоминаемыми Богдановичами. В сенатском деле есть краткие поколенные росписи участников спора (Там же. Л. 89, 115), из которых видно, что у умершего Юрьи Богдановича было два сына — Петр и Семен Юрьевичи (умершие к 1783 году), а также две дочери — Мария и Авдотья. Мария была первым браком за Михаилом Подобедовым, вторым — за Андреем Косовским; Авдотья — за Афанасием Седлецким. У Семена Юрьевича была только дочь Татьяна, замужем за Степаном Кладухиным, а у Петра Юрьевича — сын Григорий Петрович, который был единственным наследником Юрья Богдановича по мужской линии.

Как указано в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Смоленской губернии (точной даты нет), принадлежавшая ему деревня Гридина Дорогобужского уезда досталась сперва Ивану Богдановичу, а затем Николаю Федоровичу Богдановичу (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1481. Л. 28об).

³ Очевидно, Григорий Петрович Богданович.

[10]. [Начало 1782 года]¹.

Ваше Сиятельство имеете случай обязать меня чувствительным образом. Брат мой родной Николай Федорович Богданович² которой был двенадцать лет Секретарем в Иркутске, и которой ныне без места, на сих днях приехал из Сибири просить в Герольдии о произведении ево в Колежские Ассесоры и о помещении Ево опять в Сибирь в Воеводы, в Товарищи или в комисары. Просит так же в Первом Департаменте о выдаче ему не доданнаго в Иркутске Жалованья. По обеим ево челобитным прошу принять ево в ваше покровительство. Челобитную в Герольдию он подаст сегодня или в понедельник. Между тем как откроется приличное для него место я бы желал что б по малой мере он был произведен, а может и места есть готовья, по тому что в Сибирь ехать мало сыскивается охотников. Я был с ним у

князя Михайла Михайловича Щербатова³. Он приказал справитца о местах ему приличных какия есть в Сибири. А челобитная о выдаче жалованья в Департамент уже подана. Чаятельно в первую пятницу доложено будет об нем и по Герольдии. По малой мере мы таво желаем. К произведению же в Колежские Ассесоры он удостоен атестатом от Иркутской Губернской Канцелярии.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 107 («Бумаги покойнаго дяди Князя Александра Борисовича сохраненныя по любопытному их содержанию» <1750-е — 1810-е гг>; в зеленом полукожаном переплете первой четверти XIX века, типичном для бумаг князя Бориса Алексеевича Куракина.)

Л. 86 — 86об. Автограф. Без подписи и даты, датируется по содержанию.

Интересно, что в этом же томе перед публикуемым письмом (на лл. 84—85) находится рукописное масонское обращение «Высокопочтеннейшия братья NN!», писарскою рукою.

² Богданович Николай Федорович. В службе с 1754 года, с 1760 года коллегии юнкер, с 25 июня 1764 года — губернский секретарь. С 30 июля 1764 года состоял на службе в Сибирской соляной конторе, с 1765 года в Иркутской губернской канцелярии. 24 марта 1772 года подал прошение об отставке и награждении чином. Коллежским ассессором пожалован 7 апреля 1782 года, затем в с 1785 года до 1792 года служил в Иркутске прокурором в губернской верхней расправе, 31 декабря 1791 года пожалован надворным советником и назначен в Верхнеудинск уездным судьей, а с 31 декабря 1797 года — прокурором в Иркутском губернском магистрате. В 1770-х годах имел крестьян 55 душ в Дорогобужском уезде. (РГАДА: Ф. 248. Кн. 6312. Л. 298; Ф. 248. Кн. 6346. Л. 725; Ф. 248. Кн. 6386. Л. 45; Ф. 286. Кн. 571. Л. 330—345.)

³ Князь Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — историк и публицист. В 1771 году был назначен герольдмейстером в ранге сухопутного генерал-майора.

[11]. 18 декабря 1796 года¹.

Милостивый Государь

Сиятельнейший Князь

Помню с давних лет ваши, Милостивый Государь, ко мне милости; помню что во всех случаях, где взор ваш или разговоры ваши меня встречали, я был столько щастлив, что мог числить вас на ряду с небесными человеческими хранителями. Судите, Ваше Сиятельство, с каким обрадованием услышал я о Государских к вам милостях². Обрадование мое тем не ограничивается, что отделено от всего вас люблю и почитаю; но слышу ежедневно новыя радостные вести о милосердии, о правосудии, о попечении Государя Императора чтоб быть ему окружаему достоинствами. Не буду простирать далее моего вам поздравления, в осторожности чтоб изъяснения моих чувствий не походили на обыкновенныя поздравительные комплименты всем знатым вельможам. Скажу только что не могли выйти из моей памяти те дни приятной моей молодости, когда, в дежурствах при покойном Графе Никите Ивановиче³, удостоивался я обедать, ужинать и целое лето провести в Сарском Селе при молодом государе, котораго самые еще юные лета восхищали всех окружающих его, приятнейшею надеждою; и вы то конечно помните. Не преминул бы поехать ныне повергнуть к стопам Монаршим мои верноподданническия поздравления, если бы издержки дальней поездки дозволяли мне, в моем ограниченном состоянии, пускаться на роскоши душевных моих услаждений. Охотно вновь вступил бы также в службу, по моему усердию; но должен в моих летах судить сам себя строго по справедливости: не могу уже ни каждый день рано вставать, ни понести многих служебных трудов, какие в доброты лет моих не были трудны. Гожусь ныне, по мере сил, разве только хранить вверенные вещи, или иметь о садах попечение, и знаю что таких способностей около Государя находится много. Признаться должен однако, что,

в покойной жизни и утешениях моих, впадаю в уныние когда мышлю что оставшие мои малые силы и усердие почти погребены, и в такой отдаленности, что даже временны поездки, есть ли бы пожелал я быть в Петербурге, не удобоносимы по моему состоянию.

Ваше Сиятельство конечно же удивитесь что поздравительное письмо мое соделалось длинно от исторжения пред вами всех чувствий какие около пера моего столпились, как скоро писать к вам начал. Равно уповаю не усумнитесь о истинне глубочайшаго почитания и приверженности с каковыми имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайшой и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

18 Декабря

1796

Сумы.

Еще поздравляю с Новым Годом. Желая от сердца Вашему Сиятельству, всего что вы себе желаете.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 147. Л. 30—31об. Автограф.

² Богданович имеет в виду многочисленные милости воцарившегося Павла I, которые излились на князя.

³ Панине. Речь идет о службе Богдановича при Панине в период с 30 апреля 1764 по начало 1766 года. Именно тогда Богдановичем была написана поэма «Сугубое блаженство» (СПб, 1765, напечатана в апреле месяце) — дидактическое сочинение, посвященное Павлу Петровичу, которое хвалил граф Н. И. Панин.

[12]. 5 февраля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

С чувствием совершенной к Вам, Милостивый Государь, приверженности, и достодолжного благодарения, имел я честь получить письмо Вашего Сиятельства от 8-го Генваря. Во всех чертах письма познаю несумненно благодущность моего князя: и на вопрос касательно до усердия моего к службе, какое имянно желал бы я иметь место, не останавливаюсь в выборе Иностранной Коллегии службы, которая, сверх счастья какое имел я в молодости быть частым зрителем надежды, совершающейся ныне в особе Государя Императора, доставила мне также и ваши милостивыя ко мне разположения; в выборе, повторю, такой службы, от которой я, по возвращении моем из чужих краев, отклонился потому только что оставлен был при Коллегии на малом жалованьи, в то время когда, переводами и другими литературными трудами, мог выработать в год до двух тысяч рублей на безнужное себе содержание. Прибавьте милостиво к тому, что другие младшие и в чины поступали, мимо старинных питомцев Иностранной Коллегии. Таково всегда дворянское любочестие, что должно уклониться от службы, есть ли в ней дворянин излишним будет. Руским же, прилично, по примеру Спартян, радоваться умножению достоинств, не перебивая дороги у достойных. А когда ныне так будет угодно Богу и Государю, чтоб я опять пригодился к делам в Иностранной Коллегии, то знаю что не получив при отставке моей, по сороколетней безпорочной службе, последующаго чина штатскаго советника, могу осмелиться, со справедливым упованием, позвать в помощь мою Ваше предстательство и милость Государскую: дабы место штатскаго советника с жалованьем по сему чину в Иностранной Коллегии, при выслужанной, за сорок лет, теперешней моей пенсии, могло соделать житье мое в Петербурге удобосносным,

ибо других доходов не имею. На случай же когда Департаменты Штатских Советников найдутся ныне достойными людьми наполнены, то не могу ли быть пригоден к посторонним работам по комиссии учрежденной для Сочинения Законов? В течение моей службы довелось мне собрать кой какие на Законы примечания, в теперешнем письме моем неудобовместительныя; но есть ли бы Бог привел опять вас увидеть, то ласкалось что могли бы удостоиться Вашего разсмотрения. По малой мере, руководство Вышних нашло бы во мне охотнаго их мыслей изъяснителя. По ежедневному же журналу опубликованных деяний добраго и рачительнаго нашего Монарха, вижу что он достождно печется по сей нужной части в Империи.

Что надлежит до путеваго затруднения, какими деньгами мне со своим всяким грузом, опять в Петербург подняться, то кажется само собою вызывает Милостивое Монаршее решение, — есть ли усердие мое благоугодно покажется Его Величеству. Думаю что довольно объяснил Вашему Сиятельству мысль мою касательно до усердия моего к службе Государевой.

Остается ответить вам, Милостивый Государь, на другой вопрос что я теперь в Сумах делаю? Доношу о том чистосердечно, не придавая себе никаких важных упражнений; Делаю здесь то что делается только в Царствованиях добротворительных Государей, а именно, благодаря Бога и Государя, наслаждаюсь покойною и тихою жизнью между моими родными. В Сумах имею роднаго брата вдоваго с двумя детьми², и так же других ближних в окружности. При их помощи пенсия моя делает удобовозможность здешняго моего содержания. Между тем само собою выходит то, что я наслаждаюсь и дружбою и уважением малаго моего общества. К тому привез с собою несколько книжек, которые могут и самые праздные часы наполнить приятным образом.

Из двух планов моей жизни, последний, так как исполненный, не имеет затруднительностей. Первый же осуществить

остается Вашему Сиятельству, есть ли, по вашим милостивым ко мне благоразположениям, найдете то удобным в исполнении. Прибавлю только что, в том и другом случае, апробация ваша усовершит мое благополучие так как есмь с глубочайшим к особе вашей почитанием и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Нижайший и Покорнейший Слуга
Ипполит Богданович
5 февраля
1797 года
Сумы.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 874. Л. 18—18об—19—19об. Автограф.

² Возможно, имеется в виду младший брат поэта Иван Федорович Богданович (1752 или 1753—1831) — начал службу в 1768 году солдатом в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1769 — капрал, в 1771 — фурьер, в 1772 — подпрапорщик, в 1773 произведен в сержанты. 1 января 1781 года вышел в отставку прапорщиком. В мае 1786 года назначен городничим в Сумы, в каковой должности и состоял в течение 18 лет, а в 1811—1813 был там же уездным предводителем дворянства. Известно, что в будущность городничим за неправильные приговоры по делам на него 28 апреля 1801 года был наложен штраф в 50 рублей (ПСЗ, XXVIII. С. 1088). Умер в имении Басы под Сумами. Известен как автор педагогических сочинений и менее значимых стихотворных произведений.

Дата его рождения указана в СРП, 1. С.102 как «1764, по др. данным 1758», однако в формулярном списке, составленном в мае 1786 года, он значится в возрасте 33-х лет (РГАДА. Ф. 286. Кн. 743. Л. 134—136). Тогда он был еще холостым.

[13]. 17 апреля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

С душевною радостию приемлю смелость поздравить Вас, Милостивый Государь, с новою монаршею милостию, то есть с наградою вас деревнями². И ест ли Ваше Сиятельство будете мерять мое щастие на сей случай, по степени моего в том обрадования, то можете и меня с тем поздравить, как бы с собственным моим благополучием, в совершенном удостоверении о чувствах высокопочитания и преданности с каковыми имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорный слуга
Ипполит Богданович
17 апреля 1797
в Сумах.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 151 («Письма разных особ князю А. Б. Куракину. Июль 1797 года). Л. 147. Автограф.

² Здесь Богданович не совсем точен — речь идет о пожаловании 10 апреля 1797 года братьям Куракиным астраханских рыбных ловель, почему Павлом I и был подписан следующий указ Сенату: «Астраханские рыбные ловли и казенные учуги, состоящие ныне в содержании у купцов того города, которыми, по указу 1762 года, следовало воспользоваться всему обществу купечества астраханского, но кои, по вкоренившимся тамо злоупотреблениям, городу никакого дохода не приносят, повелеваем отдать в вечное владение князьям Куракиным, с получением от них в казну нашу ныне платимый купцами оклад, да в пользу города по двенадцать тысяч рублей в год». А дохода от этих ловель братья получали до 400 тысяч рублей в год (см.: АКК, VII. С.V).

[14]. 24 декабря 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

При усердном поздравлении вас, Милостивый Государь, с новым годом, не могу ограничить строк моих общим почитателей ваших изъявлением искренних желаний, какими ваши достоинства и добродетели достолично всюду сопровождаются. Безтрудно простираю вольность мою дале общей словесности, всякой раз когда чувства мои заедают от пера и бумаги способы удостоиться Вашего Сиятельства благоволения.

С таким твердым на вас, Милостивый Государь, упованием, не остерегаюсь препоручаться Вашему Сиятельству с прозвбам, хотя бы оне могли встретиться с трудностями; и разрешение их, какое бы ни-было, не входит в основу моей незыблемой к особе вашей преданности.

Есть ли однако теперешняя моя прозвба найдется незатруднительною, то почту себя в числе обрадованных, удостоиваясь быть участником благотворений ваших. И так приемлю смелость представить Вашему Сиятельству и нужды и особья побудительныя причины в прозвбе.

В Курской Губернии, в Фатежской Округе, из числа Камаричских Государевых крестьян, розданных от щедрот Государя Императора разным особам, остаются в селе Кузнецовке, верстах в трех от жилища родной сестры моей², сорок или около сорока душ с подлежащею им землею, ни кому не пожалованные; и такое малое число душ находится теперь в некотором безприятном положении, между Господскими вокруг их крестьянами. Странно, Милостивый Государь, с первого вида может представиться, что отставленной коллежской советник, по надежде сорокалетней своей заслуженности, при щедротолубии благотворящаго Государя, вздумал утрудять Ево о сорок ду-

шах крестьян, которые мало принесут подкреплению просителю, мне ни единого двора неимущему. Но я уже упомянул что такой остаток от раздач случился в самом ближнем соседстве от сестры моей, которая сверх родства соединена со мною дружбою. Умерение прозбы происходит также от познания бывших в жизни моей безоюзных обстоятельств, независимых от человеческих благоразположений. В течение сорокалетней моей службы, сколь бы ни было усердие мое к Государю ревностно и деятельно, я не только не имел предстателей которые бы службы мои Государскому воззрению предлагали к награждениям, но имел еще я иногда и завистников, каковые имеют наилучшую благонамеренность уничтожать или обезобразивать. Не простираю более о том материи, которая, по собственным Вашего Сиятельства дознаниям, вам более нежели мне сведения.

Таким образом испрашивая и самую малость, чтоб иметь на старости какое-нибудь собственное обиталище, прихожу в некоторую безсловесность, на время когда не услуги а только прозбы мои чрез Вас Государю представиться могут. Осмеливают же меня к тому, с одной стороны не укорная моя перед Государем совесть, с другой ваше известное благодушие, и пространное сведение о молчащих и не молчащих чувствованиях. Думаю что Ваше Сиятельство не найдете надобности в формальном от меня прошении к Государю Императору. Во всяком же случае всенижайше вас прошу удостоить меня вашим о том отзывом. И есть ли я могу быть столько щастлив, то приказания ваши не благоугодно ли будет адресовать ближе через Севск, для доставления мне в село Петровское Шагаровых³, где я у сестры нахожуся ныне. Я же всегда пребываю со всеглубочайшим почитанием и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства

нижайший и искренний слуга
Ипполит Богданович

24 декабря
1797 года
в Петровском
Шагаровых.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 50–51об. Автограф.

² Возможно, имеется в виду Анна Федоровна, рожд. Богдановичева, которая была автором единственного прижизненного портрета И. Ф. Богдановича, который был многократно гравирован (см. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I. Спб, 1889. Стлб. 369–370).

По поводу сестры поэта мы осмелимся предположить, что она в замужестве была Шагарова. Что касается Кузнецовки, то такой деревни в Фатежском уезде Курской губернии при Генеральном межевании не упоминается, однако в Экономических примечаниях (РГАДА. Ф. 1355. Е.х. 680. Л.20) там упоминается село Тифенское (Ивановское), в числе владельцев которого написан Александр Иванович Шагаров, возможно, муж сестры Богдановича, о нем подробнее см. ниже.

³ Город Севск (ныне Брянская область), являлся тогда уездным городом Орловского наместничества. Село Петровское Севского уезда, почти на границе с Малороссией, принадлежавшее Шагаровым, ныне считается в Хомутовском районе Курской области, а рядом в том же районе располагается село Шагарово. Ранее ничего о пребывании Богдановича в тех местах известно не было. Стоит сказать, что нынешний Хомутовский район граничит с Сумской областью.

Что касается Шагаровых, то они, видимо, ведут свой род от подъячего Севской приказной избы Лазаря Шагарова (упоминается под 1696 годом: РГАДА. Ф. 233. Кн. 354. Л. 959 об). В конце XVIII века в Севском уезде наиболее известен был коллежский, затем статский советник и ордена св. Владимира IV класса кавалер Александр Иванович Шагаров — из военных, вступил в службу в 1755 году в гвардию, в 1762 году пожалован в кавалерийский полк ротмистром, в 1786 — секунд-майором, в 1770 — премьер-майором, а 12 января 1771 года отставлен подполковником. В 1779 году выбран севским уездным предводителем дворянства. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6380. Л. 789об–792).

Однако села Петровского ни в его владениях, ни во владениях его родственников (прочих Шагаровых) не значится, а упоминаются только пустошь

Остров Казбицкой, село Ретаровка, село Аннинское и пустошь Брусиловская (РГАДА. Ф. 1355. Е.х. 1016. ЛЛ. 5, 5об., 10 об., 17).

[15]. 9 мая 1802 года¹.

Милостивый Государь,
Сиятельнейший Князь!

Древняя Вашего Сиятельства ко мне милости, осмеливают меня всегда питать в душе моей справедливую на вас, Милостивый Государь, надежду. Получив не давно от Господина Президента Императорской Российской Академии письмо², весьма благосклонное, и прилагая здесь, для сокращения строк, копию с моего ответа³, всенижайше Ваше Сиятельство прошу, воспринять труд содействовать в мою ползу у престола Благодетельнейшаго Монарха; а как из копии удобно усмотреть изволите. Я же всегда пребываю с глубочайшим высокопочитанием и совершенною к особе вашей преданностию,

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

Маия 9.

1802 Года

в Курске.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 60—60 об. Автограф. К настоящему письму прилагается автограф стихотворения И. Ф. Богдановича, помещенный нами в приложении в конце настоящей книги.

² Т. е. от Андрея Андреевича Нартова (1737—1813).

³ Собственноручная копия письма Богдановича А. А. Нартову от 9 мая 1802 года. Прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 62—63об.) Письмо уже ранее было напечатано М. И. Сухомли-

новым по экземпляру, направленному Богдановичем непосредственно Нартову и сохранявшемуся в архиве императорской Российской Академии (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Ч. 7. СПб, 1885. С. 46–48).

Павел Иванович
Голенищев-Кутузов

Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829) — поэт и переводчик, считал своим литературным учителем И. Ф. Богдановича. Русской словестности Голенищев-Кутузов остался памятен не столько вышедшими из-под его пера творениями, сколько литературной борьбой с Н. М. Карамзиным и его сторонниками. Также не стоит забывать о том, что Павел Иванович был весьма деятельным масоном, а потому и был давно знаком с князем Куракиным. Во время написания этого письма Голенищев-Кутузов имел чин действительного статского советника и занимал должность куратора Императорского Московского университета.

[1]. 15 апреля 1801 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Толь издавна продолжающееся личное ко мне благорасположение Вашего Сиятельства налагает на меня священный долг препроводить Вам присем Оду моего сочинения²; которую я на сей же почте имел щастие поднести Его Императорскому Величеству. Примите оную, Милостивый Государь, яко всегдашний Покровитель муз, умеющий ценить стихотворческия произведения; примите сей дар, яко малый знак того беспредельнаго почитания и совершенной преданности, с каковыми я за честь и щастие поставляю называться

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Павел Г<оленищев-> Кутузов.
Москва
Апреля 15 дня 1801 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 194. Л. 326. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду его сочинение: «Ода его императорскому величеству, Александру Первому, во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского Университета, удостоившегося получить высочайшее благоволение, с благоговением посвящает университета куратор Павел Голенищев-Кутузов». М. В университетской типографии у Хр. Клаудия. 1801.— 9с.

Гавриил Романович
Державин

Гавриил Романович Державин (1743—1816) был на девять лет старше князя Александра Борисовича. Познакомились они не раньше 15 августа 1777 года, когда поэт был назначен на должность экзекутора Первого департамента правительствующего Сената, где в Третьем департаменте князь Куракин занимал должность обер-прокурора.

Что касается отношений Державина и Куракина, то они были вполне типичными — как людей совершенно разного положения, хотя князь и не страдал излишним честолюбием (как, например, непосредственный начальник поэта князь А. А. Вяземский). В то время князь Александр Борисович притягивал людей не столько даже своими манерами и образованностью, сколько непосредственной близостью к Павлу Петровичу, к которому, кстати, Державин относился с уважением и сочувствием.

Державин не вел с нашим князем постоянной переписки, но иногда она вдруг оживала, поскольку по службе они периодически были друг другу надобны. Хронологически первое известное нам письмо к князю было написано Державиным 9 мая 1780 года и было опубликовано Я. К. Гротом в еще 1865 году «с собственноручного отпуски в одной из тетрадей Державина» (*Державин*, V. С. 356–357, без указания числа, которое мы и уточняем по оригиналу письма, сохраняющемуся среди куракинских бумаг: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 478. Л. 203). Тогда же было напечатано письмо от 2 октября 1786 года (*Там же*. С. 586–587; Оригинал там же. Е. х. 363. Л. 147–147об). В том же издании были помещены два письма князя Куракина к Державину — от 25 сентября 1786 года (V. С. 578–579) и от 20 ноября 1801 (VI. С. 371–372).

Сам князь Александр Борисович, который составил список входящих писем, хотя и неполный, за 1772–1782 годы упоминает лишь четыре письма от Державина за 1780 год, они все в наличии — одно гrotовское и три печатаются здесь.

Хотя в куракинском архиве сохранялось немало писем Державина, издание Я. К. Гротом академического собрания сочинений не натолкнуло потомков князя на разыскание посланий поэта. А ведь князь Александр Борисович Куракин-младший знал об этом издании — 30 декабря президент императорской Академии Наук граф Д. Н. Блудов отправил ему один экземпляр первого тома с просьбой «принять на себя труд поднести оный великой княжне Марии Николаевне» (письмо его сохраняется в куракинском архиве — ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 452. Л. 146–147об).

Стоит сказать еще об одном письме поэта к князю Куракину, которое нам известно: от 10 февраля 1798 года, касающееся поведения Рославлева. Оно хранится в собрании АВПРИ МИД РФ (Ф. 13. Оп. 2. Д. 297. Л. 1) и было представлено на выставке «Деятели русской культуры на службе в Министерстве Иностранных дел XVIII — I четв. XIX вв» в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве в июле 1992 года.

Мы печатаем здесь восемнадцать писем Гавриила Романовича за 1780–1807 годы и помещаем в виде приложений три ответа самого

князя. Ответы печатаются по отпускам из княжеского архива и расположены в хронологическом порядке меж письмами поэта. Стоит отметить, что с момента издания Я. К. Гротом собрания сочинений Державина, одновременно таких значительных приращений к корпусу эпистолярной поэты не происходило.

[1]. 17 мая 1780 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Будучи несколько дней болен, умедлил я благодарностию моею за письмо Вашего Сиятельства. Сколько чувствую милости в хodataйстве вашем за меня, сколько добродетели в скором исполнении всепокорнейшей моей прозбы², но несравненно более щедрот и поражающаго удовольствия, черплет Серце мое в благоволении высочайшаго Покровителя моего! Хотел бы я изъяснить то полутче, но не могу. Скажу только, На кого Надеяться, и На ком основывать более Надежду, как не на словах Самой Надежды? Должно ли быть столь малодушному, или лутче сказать безсовестному, чтоб убеждать прозбыми Могущаго, когда Он не возможет. В сем бы случае почел я самую щедроту, за наивеличайшее себе злополучие. Истинная милость благодетеля не принужденная воля, коль же скоро производится Она с неудовольствием Его, нещастлив получающий: он за единый раз щедроты, теряет всегдашнюю. Сверх сего мои правила ни когда дерским не быть и ни когда ни у ково нагло не искать корысть моей, тем же более, чтоб я настоял в том, угнетая скукою Государя моего, боже меня избави! Я и без того довольно щастлив. Я имею толь високаго покровителя семье моей и себе; а вас у него с добродетельною душою предстателя. Я слышу Его чрез вас благоволения, чего мне более? Самое терпение наложенное на меня есть дар мне самый безценный. А потому всепокорнейше прошу

Вашего Сиятельства, ежели то можно будет и дастся к тому случай, донести мою величайшую благодарность Его Императорскому Высочеству отцу моей семьи, за милостивейший Его отзыв на письмо мое к вам. Истинная только нужда моя, изторгла из меня смелость, коснуться слуха Его оным. Но я весьма довольным себя нахожу, ежели в прибытке Его Сиятельства Графа Брюса³ приказано будет пересрочить банковской мой долг с прежним поручительством. В прочем прошу у Вашего Сиятельства Милостиваго Государя себе извинения, что длинными моими и пустыми письмами навлек может быть Вам некоторую скуку и отнял несколько минут, которые бы вы посветили приятному долгу быть пред лицом Его Императорскаго Высочества. Я же с прежним моим нелицемерным высокопочитанием и никогда не прерывающоюся Преданностию Есмь.

Вашему Сиятельству
Милостивый Государь!
Всепокорный Слуга
Гавриил Державин
17го Мая
1780 Году
С. Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 146 —147об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о просьбе Державина, изложенной им в письме к князю от 9 мая 1780 года (*Державин. Т. V. С. 356—357*, без указания числа). Суть в том, что при встрече в 1778 году цесаревича Павла Петровича перед свадьбой Державина первым браком на Екатерине Яковлевне, рожд. Бастидон (1760—1794; которая была молочной сестрою будущего императора), цесаревич прилюдно дал матери невесты (и одновременно своей молочной матери) Матрене Дмитриевне Бастидон обещание в том, что он пожалует невесте приданого «сколько в его силах будет», а затем забыл об этих своих словах. Тем временем Державин занял денег на свадебные расходы (свадьба состоялась 18 апреля 1778 года), а летом 1779 года — дабы отдать долг — заложил

свои деревни и получил в дворянском банке ссуду. Поскольку он и раньше в банке занимал деньги, то к маю 1780 года он уже был должен около десяти тысяч рублей, да на уплату процентов выходило по 500 рублей в год, тогда как жалованья с трудом набиралось 1 500 в год. Державин просил князя, дабы тот просил цесаревича дать распоряжение управляющему дворянским банком графу Брюсу пересрочить долг под тот же самый залог еще на год.

Судя по настоящему письму, князь Куракин сумел удовлетворить просьбу поэта.

³ Граф Яков Александрович Брюс (1721–1792) — генерал-аншеф, сенатор, управляющий дворянским банком, затем московский генерал-губернатор.

[2]. 3 июля 1780 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Неизреченно Милостивейшия Его Императорскаго Высочества отзвывы, на прежния мои к Вашему Сиятельству письма, ободрили меня столько, что я не так как к моему Государю; но как к отцу и покровителю моему осмеливаюсь, чрез предстательство Вашего Сиятельства брибегать² с нижеследующею моею прозбою:

Уведомился я, что у Его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкова³ отпускается воспитательнаго дома обер директор Господин Моллер⁴, и он на место его ищет человека. Место сие дает в год жалованья по 2000 рублей, а при том и дом казенной. Ежели б я был столько щастлив, и милостивым Его Императорскаго Высочества покровительством удостоился Его получить, я бы счел себя и с моим семейством преблагополучным; и продолжая мою Службу, оставалось бы мне только ревностно исполнять мой долг и в благодарном сердце носить к всевышнему молитву за Его Императорское Высочество.

О сем то Ваше Сиятельство Милостивый Государь! всепокорнейше Вас прошу, как благосердаго моего и надежнейшаго

у Его Императорскаго Высочества предстателя, не упущая времени, чтоб не потерять сие место, внушить Его Императорскому Высочеству: ежели я и мое Семейство, достойны отеческаго Его призрения, то благоволено будет, сказать Его Высокопревосходительству, чтоб я определен был на сие место, с тем самым жалованьем и выгодами как Моллер.

Впрочем оканчевая сию мою всепокорнейшую прозьбу предаюь благодетельному попечению Вашего Сиятельства, что вы изволите избрать время, и доложите Его Высочеству так, что я не буду иметь опасности потерять, всю то мое щастие составляющие, высочайшее Его покровительство: я же с нелицемерным высокопочитанием и преданностию именуясь

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Всепокорнейший слуга
Гавриил Державин
3го июля
1780 Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 149—149об. Автограф.

В то время Державин состоял в должности экзекутора в Первом департаменте Сената (каковую должность он исправлял с 1777 года) при генерал-прокуроре князе А. А. Вяземском, с которым был в дружеских отношениях. Однако отсутствие продвижения по службе сильно тяготило Державина. Ранее считалось, что начало неудовольствий относится примерно к 1782 году, когда им была подано прошение на Высочайшее имя (*Державин, VIII. С. 250*), однако настоящее письмо дает новые сведения.

² Так в оригинале.

³ Бецкий (Бецкой) Иван Иванович (1704—1795) — генерал-майор, президент Академии Художеств, директор сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Один из самых приближенных сановников Екатерины II, имел славу первого в России педагога. Им основан в 1764 году Смольный институт, в том же году Воспитательный дом в Москве, а в 1770 году — в Петербурге.

⁴ Моллер Иван Иванович. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1762 году — поручик. Указом Екатерины II от 6 сентября 1772 года об

учреждении Петербургского отделения императорского воспитательного дома, будучи уже полковником назначен за-опекуном и одним из директоров Петербургского воспитательного дома (*ПСЗ, XV. С. 1010; XIX. С. 569*), затем был назначен опекуном; также состоял начальником в конторе строения Воскресенского Новодевичьего монастыря. В 1780 году имел чин статского советника.

[3]. 30 октября 1780 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Болезнь Вашего Сиятельства препятствовала мне вас увидеть и самолично, как милостивому моему благодетелю донести, что обстоятельства мои переменились и я не имею нужды ни какою прозвобью обременять Вашего Сиятельства, и для того ежели вы получа облехчение изволите иметь свой выезд, то всепокорнейше прошу о сем недокладывать. Пребываю в прочем с моим Глубочайшим Высокопочитание

Вашего Сиятельства

Милостивый Государь

всепокорнейший слуга

Гавриил Державин

Октября 30 дня

1780 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 150. Автограф.

В конце 1780 года в ведении генерал-прокурора Сената были учреждены четыре экспедиции, составившие государственное казначейство — о доходах, расходах, счетах и недоимках. При образовании этих экспедиций в число советников экспедиции доходов и был переведен Державин. Это повышение удовлетворило Державина, почему он и отзывал свою просьбу о новом месте. (*Державин, VIII. С. 248*).

[4]. 10 марта 1798 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Сей час получил вашего Сиятельства письмо, которым вы изволите требовать, по высланному от графа Семена Романовичу² <!> из Лондона векселя на имя Ваше, 1812 рублей, за плаченных за Г. Раславлева³, находящагося у меня в опеке, оныя к Вам с вручителем сего письма препроводить честь имею, прося покорнейше, чтоб приказать изволили, комулибо из Канцелярии вашей, дать в приеме оных росписку или вексель мне выдать для очистки по опекунству. Елико же касается до прочих обстоятельств объясненных в письме к вам графа Семена Романовича относительно невоздержанной жизни и долгов Господина Раславлева, так и перемещения его в Константинопольскую Мисию, то я уже письмом моим от февраля 9 числа имел честь Ваше Сиятельство уведомить, что я как с графом Семеном Романовичем, так и с Васильем Степановичем Тамарою⁴ зделал сношение; и зависит сие от правительства, чтоб Его Ему позволить переехать из Лондона в Константинополь. равномерно на zapлату еще зделанных им долгов, я имею еще несколько наличных денег и по высланному векселю неудержно заплачены будут, ежели только сумма оных не превзойдет имеющихся у меня. Сколько ж ему потребно будет на годовое содержание, те по прошению моему, уповаю я уведомит меня Василей Степанович, когда он к нему приедет.

Пребывая с глубоким высокопочитанием и таковою же преданностию

Вашего Сиятельства
всепокорнейшии слуга
Гавриил Державин

10 Марта
1798 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 105. Л. 417, 417об, 418. Автограф.

² Граф Семен Романович Воронцов (1744—1832). Действительный тайный советник, посол в Венеции, а с 1784 года в Лондоне. Уволен в 1799 году, но восстановлен Александром I в должности и окончательно уволен в 1806 году. Отвыкнуть от английской жизни он уже не смог и остался жить в Англии, где и умер. Граф Воронцов состоял в многолетней переписке с князем Куракиным.

³ Рославлев — Камер-юнкер Коллегии иностранных дел.

Что касается скверного его поведения в Лондоне, то граф Воронцов писал Державину об этом в своем письме от 23 марта (3 апреля) 1798 года (*Державин, IX. С. 316—317*, из Лондона), где кроме прочего говорил: «Распутные поступки г. Рославлева не подают другого вида, как токмо к дальнейшему и крайнейшему его разорению и к бесчестию всех находящихся здесь Русских. Для того наусильнейше прошу вас взять труд снабдить меня повелением об отправлении его отселе». В тот же день граф Воронцов отправил письмо подобного тона к Куракину (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 105. Л. 451—451об.), где в том числе писал: «В ответ на почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства касательно Коллегии Юнкера Раславлева не имею я ничего другого сказать теперь, как токмо скорее прислать мне повеление отправить его отсели в Санктпетербург». Еще годом раньше граф Семен Романович говорит князю Куракину о дурном поведении камер-юнкера (письмо от 18/29 марта 1797: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 991. Л 184—186).

Но не иначе как гласом вопиющего воспринимаются следующие строки из письма С. Р. Воронцова П. В. Неклюдову: «Покорно прошу и заклиная вас, Петр Васильевич, из жалости ко мне, по вашей ко мне дружбе, избавить меня от невозможного моего надзирания над сим молодым человеком и из жалости к нему возвратить его в Россию: ибо он по истине пропадет здесь в Англии». (1797 год, без числа: *АКВ, XI. С. 303*.) П. В. Неклюдов (1735—1797) был приятелем Державина и занимал должность обер-прокурора 4 департамента правительствующего Сената.

⁴ Тамара Василий Степанович (1740—1813). Тайный советник, в 1797—1802 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе.

[5]. 31 марта 1799 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович

Извините меня великодушно Ваше Сиятельство, что я сим письмом осмеливаюсь несколько обременить спокойствие ваше. По делам высочайше мне вверенным, графа Григорья Ивановича Чернышева², встретилось обстоятельство, которое не иначе как отзывом вашего Сиятельства разрешится может. — Управитель дома объясняет что ваше сиятельство изволили торговать серебряной большой французской работы сервиз чрез посредство господина надворного советника Кривцова³, которой у него в закладе находился, за которой вы изволили давать 5 500 рублей; но как в то время у вашего Сиятельства наличных денег не случилось, то пожаловали в задаток на графа Сологуба⁴ два векселя, каждой по пяти тысяч рублей; или по крайней мере по позволению вашего сиятельства Кривцов оныя отдал, Графу Чернышеву, который и находились действительно, уже пре бытности моеи попечителем у его Сиятельства в его канторе. — Но как покупка, того сервиза несостоялась, то будто те два векселя и возвращены вашему сиятельству, о чем однако я сведения не имел; то покорнейше прошу вашего сиятельства, приказать справится по делам вашим и милостивым уведомлением меня неоставить. — 1-е, известны ли вы были о тех векселях и с позволения ли вашего, Кривцовым они отданы были Графу Чернышеву — 2-е, возвращены ли они к вам чрез Кривцова или управителя графа Чернышева и наконец 3-е, от вашего ли имени в знесены во вспомогательной банк и оттуда за них получены билеты; а равно и те билеты на государственныя асигнации променены от вашего ли имени и деньги ваше сиятельство получили ли? Таковым уведомлением обязать изволите, с глубоким почтением и таковою же преданностию пребывающаго. —

вашего Сиятельства
Милостиваго государя
всепокорнейшаго слугу
Гаврилу Державина

Ч<исла> 31 марта
1799-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 164. Л. 52 — 52об. Писарское, с подписанием-автографом.

Это и несколько последующих писем Державина и прилагаемых отпусков самого князя относятся к опеке Державина над имением графа Г. И. Чернышева, каковое служебное предприятие было очень трудным, но сделало Державина еще более знаменитым.

6 апреля 1798 года императором Павлом был подписан следующий указ Сенату: «По случаю отъезда действительного тайного советника Сиверса по начальству его над водяными коммуникациями увольняя его от попечительства над имением тайного советника графа Чернышева, соизволяем принять оное тайному советнику Державину и вступить в управление оного так, чтоб, разобрав долги, кредиторы в удовлетворении своих претензий были обеспечены». (*Державин, VI. С. 177*).

Как уже следует из существования вышецитированного указа, дела графа Чернышева были расстроены. И расстроены чрезвычайно, поскольку стоимости всего его имения не доставало на расплату с его огромными долгами, сумма которых по предъявлениям кредиторов доходила до трех миллионов. И если предместник Державина граф Яков Ефимович Сиверс (1731—1808) просто пытался отдать имение князя на расплату (в результате чего граф с семьей остались бы без имущества и средств), то Державин начал разбираться с долгами. После ознакомления с делами он посчитал большую часть долгов несправедливыми, в том числе и долг в 200 000 рублей казне. С этими мыслями он и отправил письмо государю, где просил об исследовании всех частных долгов в судах, а о казенном — если не об отмене, то, по крайней мере, об отмене платы процентов. Такое заявление, особенно касаясь несправедливости казенного долга, не было рядовым явлением в царствование Павла. Но Павел ответил благожелательным рескриптом, что, возможно, объясняется очень теплым отношением государя к отцу графа — Ивану Григорьевичу Чернышеву (1726—1797), которого император пожаловал титулом генерал-фельдмаршала по флоту. В рескрипте Павел оставил казенный

долг, но с отменой процентов и с рассрочкой на потребное для его погашения количество лет, причем без всякого залога. Что же касается частных кредиторов, то сомнительные долги он распорядился отправить на рассмотрение судов, а родительские и справедливые заплатить, взяв на то суммы из банка под залог имения. Тем самым, как писал сам Державин, неожиданно «нерешимый узел всех долгов графа Чернышева развязался» (*Державин, VI. С. 710*).

Дела графа Чернышева занимали Державина несколько лет — до начала 1806 года, когда граф, которому за эти года наскутила спокойная жизнь, пожелал быть свободным от опеки. Это объясняется его склонностями к мотовству и роскоши, что красочно описывал князь Алексей Борисович Куракин в письме к нашему князю еще 18 июня 1795 года: «Сынок его <графа И. Г. Чернышева> празднует здесь, навез пропасть вещей из Италии и Вены, щеголяет в них и многие дарит; смотря на него, не скажешь, чтоб отец был при смерти болен» (*XVIII век. Т. I. С. 208.*).

Свидетельством благодарности за все сделанное Державиным служит письмо к нему от графа Чернышева, датированное 4 апреля 1806 года (*Державин, VI. С. 177–178*). Граф кроме прочего пишет: «Признательность мою к шестилетним подвигам вашим на существенные пользы мои и на освобождение меня с семейством моим от предлежавших мне горестных последствий, преодоленных вашим высокопревосходительством с толиким беспокойством и пожертвованием времени, я за священный долг себе вменил изъяснить вам не токмо чрез сие, но и чрез публичные ведомости как в Российской Империи, так и в прочих государствах, где только имя ваше по достоинствам вашим известно. Я не скрою в них ни единого из тех благотворений ваших мне, которыми вы успокоили жизнь мою и сохранили для потомства имение, доставшееся мне в наследство, уплатив более миллиона долгов и возвратив чрез выкуп родительский дом мой на немалозначущую сумму. Пусть всякий благомыслящий увидит, что вы из единого побуждения к соделанию добра ближним предавались толиким заботам и попечениям для составления счастья многим фамилиям, и определит в сердце своем достойное воздаяние. Мне остается, в подкрепление чувств искренней моей вам благодарности, запечатлеть в душе моей на всю жизнь мою ваше имя и оставить оное детям моим в предбудущие времена незабвенным памятником».

² Граф Григорий Иванович Чернышев (1762–1831) — тайный советник, затем обер-шenk двора.

³ Кривцов Антон Кононович (1740 или 1741–1806), надворный советник, скончался в чине коллежского асессора.

⁴ Нет возможности сказать точно, но, скорее всего, это граф Иван Антонович Соллогуб (ум. 1812), генерал-майор, он с 1781 года был женат на Наталии Львовне Нарышкиной.

[Приложение 1]

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 23 апреля 1799 года¹.

Надеждино

апреля 23 дня 1799 года.

Милостивый Государь мой Гаврил Романович!

Я имел честь получить письмо Вашего Превосходительства от 31 марта, которым по встретившемуся вам обстоятельству в делах графа Григорья Ивановича Чернышова, высочайше вам вверенных спрашивать меня изволили справедливо ли, как вам донесено, что я серебряной столовой, сервиз Графа Григорья Ивановича сторговал за 5500, что продававшему его Надворному Советнику Кривцову выдал за него в задаток два векселя на графа Соллогуба каждой в 5000 рублей которья от него Кривцова Графу Григорью Ивановичу переданы, а потом мне опять возвращены были и от моего ли имени сии два векселя были наконец внесены в вспомогательный Бнанк <sic!> для дворянства, заплаченными между билетами, сии Билеты от меня ли были представлены в Банк для размену и получил ли я ассигнации? Поспешаю милостивый государь мой в ответ на все сие следующее сказать: Сервиз Графа Григорья Ивановича я торговал и смотрел, продавал мне его Надворный советник Кривцов, котораго я по сему случаю только и узнал, не купил я однако сего сервизу и в задаток ничего не дал, что же касается до векселей Графа Соллогуба, то у меня никогда никаких векселей его не бывало и следовательно никому я их не передавал и в Банк не представлял.

Весьма мне чувствительно показание Г. Кривцова будто он их от меня имел. Исполнив сим Требование ваше пользуюсь я с сердечным удовольствием сим случаем для засвидетельствования вам моего искреннейшаго отличнейшаго почтения, с каковым я всегда есмь.

Его Превосходительству Державину.

¹ ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ех. 178 («Копии с писем Александра Борисовича Куракина к разным особам.») Л. 77–78. Автограф.

[6]. 9 мая 1799 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Повторя покорнейшую прозьбу мою к Вашему Сиятельству от 31-го числа марта неоставить меня уведомлением относительно данных в задаток за сервиз графа Чернышева² двух векселей на Графа Сологуба³ в 10 000 рублях, получили ли вы оныя обратно?

С Глубочайшим почтением моим и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга

Гавриил Державин

Маия «9» дня

1799-го Года

Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 478. Л. 203. Писарское, с подписью-автографом.

² См. примечания при предыдущем письме.

³ То же.

[Приложение 2].

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 28 мая 1799 года¹.

Надеждино мая 28 дня 1799 года.

Милостивый Государь мой Гаврило Романович!

На письмо Вашего Превосходительства от 9-го сего месяца которым изволите повторять отношение ваше ко мне от 31 марта по делу графа Чернышева имею честь уведомить вас, что я на оное отношение в свое время без отлагательства с перьвою почтою вам ответствовал. Препровождаю к вам при сем и Копию с того ответа соего, пребываю впрочем с совершенным почтением и искренною преданностию.

Его Пре<восходительст>ву Державину.

¹ ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ех. 178 («Копии с писем Александра Борисовича Куракина к разным особам».) Л. 88об. Писарский.

[7]. 13 июня 1799¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович.

Усерднейше поспешаю извинить себя пред Вашим Сиятельством, что я умедлил нижайшею благодарностию за отзыв ваш по делу сервиза Графа Григорья Ивановича Чернышева, который послужил мне решительною развязкою с господином Кривцовым, так, что принужден он был без дальних хлопот, оное кончить и возвратить сервиз Графу, приняв на щет свой с управителем Байковым² Графа Сологуба векселя и прочия его неумеренныя требования уничтожить. Пребываю в прочем с глубоким моим высокопочитанием и истинною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейшии слуга
Гавриил Державин

Июня «13» дня

1799-го года

Его С<иятельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 164. Л. 80. Писарское, с подписью-автографом.

² Не оказалось возможным установить сведения о нем.

[8]. 16 ноября 1801 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович !

По милостивому обещанию Вашего Сиятельства, исходятельствовать <!> высочайшую волю, об определении племянника моего Сенатскаго Юнкера Александра Львова² в Юнкеры Государственной Коллегии Иностранных дел, имею честь присем представить онаго Вашему Сиятельству для принятия вашего повеления: какую Ему подать прозбу, на имя ли Вашего Сиятельства, иль по форме в коллегию? Таковое Вашего Сиятельства ему благоволение, приму, с особливую <!> моею благодарностию; и племянник мой будет весьма щастлив находиться <!> под руководством Вашего Сиятельства. Впрочем с отличным моим высокопочитанием и истинною преданностию пребываю

Вашему Сиятельству
Милостивому Государю моему
Всепокорнейшии Слуга
Гавриил Державин

16 ноября
1801 году
С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 197. Л. 467 — 467об. Писарское, с подписью-автографом.

Письмо было доставлено князю Куракину А. Н. Львовым 19 ноября 1801 года.

² Львов Александр Николаевич (1786—1849) — сын ближайшего друга Державина Н. А. Львова (и родственника, поскольку Державин и Львов были женаты на родных сестрах). Четырнадцать лет от роду был отправлен отцом в Курляндию на воспитание в доме пастора, впоследствии служил в Министерстве юстиции под начальством князя П. В. Лопухина, а затем И. И. Дмитриева. После войны 1812 года служил в Москве по ведомству богоугодных заведений и был пожалован чином камергера. Державин много пекся о нем: не имея детей, решил передать свою фамилию одному из своих родственников с правом наследства всего имения после смерти обоих супругов; выбор поэта пал на Александра Львова, но тот отказался, говоря, что недостойн такой чести и что не будет знать, куда деваться от стыда. Также Львов чрезвычайно страдал близорукостью, что и родило в Державине однажды желание женить его на жившей у него в доме девице Вере Петровне Лазаревой, тоже близорукой, но этот брак разошелся (она вышла за Петра Петровича Львова, двоюродного дядю Александра).

Среди бумаг Державина сохранился ответ Куракина, опубликованный Я. К. Гротом (*Державин*, VI. С. 371—372), датированный 20 ноября 1801 года, где князь просит переписать прошение с указанием возраста Львова и обещает исполнить просьбу (что он впоследствии и вправду выполнил).

[Приложение 3].

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 21 июля 1802¹.

Его Высокопрев<осходительст>ву Г. Р. Державину.
Доставленную от вашего высокопр-ва записку к Генерал Про-

курору² а от него ко мне препровожденную в следствие Высочайшаго Соизволения от меня Ему объявленнаго, о удовлетворении Г-на Арштейнера³ по его вексельному иску на Гр-фе <так!> Гр. Ив. Чернышеве, приказал я перевезти на французская язык и поелику от имени помянутаго Арштейнера дана по сему делу доверенность находящемуся здесь Коммерции-Советнику Бергину⁴; то я и счел нужным препроводить ее к нему с тем чтобы он по Содержанию той записки зделал с своей стороны нужные по сему обстоятельству возражения на все заключенные в ней Статьи в следствие чего и получил я от него прилагаемую при сем записку, с тремя следующими к ней приложениями объясняющими настоящее положение требования его.

Я нахожу, что кажется можно на основании оных приступить к окончанию единожды навсегда сего столь долгое время продолжающагося дела и что ваше высокопревосходительство и сами усмотреть изволите что по теперишнему курс гульденов голандских и венских большой розницы не состоит. и что в Вене все обороты денежные считаются не голандскими, а тамошними гульденами, то самой удобной представляется случай и для пользы Гр<афа> Чернышева выгодной, к совершенной разделке с помянутым Арштейнером не теряя время новым по сему делу перепискам в Вену к послу нашему Графу Разумовскому⁵ обратиться. Сообщая вам М<илостивый> Г<осударь> мой таковое мнение мое по сему предмету, буду я ожидать вашего на то отзыва и ласкаясь что оное послужит к прекращению впредь всякаго обоюднаго попечения нашего по сему делу, пребываю, &. &.

¹ ОПИГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 993. Л. 249об—251. Писарский.

² Имеется в виду генерал-прокурор Сената Александр Алексеевич Беклешов (1743—1808).

³ Имеется в виду знаменитый венский еврей и банкир Иосиф фон Арштейн (Arnstein), пожалованный в 1783 году баронским достоинством Свя-

щенной Римской империи. Он был знакомым князя Александра Борисовича.

⁴ Бергин Иван — известный петербургский купец. Именным указом Павла I от 19 января 1798 года назначен в Кантору для внешних переводов, платежей и комиссий и ведал в ней внутренними расчетами (*ПСЗ, XXV. № 18331*). Затем был пожалован коммерции советником и занимался в том числе подготовкой сенатских постановлений по вопросам торговли, например в, 1803 году «Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и другого промыслов» (*ПСЗ, XXVII. С. 832*). Князь Александр Борисович продал ему в 1801 году бриллиантов на двадцать тысяч рублей, а также имел с ним обширную переписку.

⁵ Граф Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836). С 1784 по 1786 — полномочный министр в Копенгагене, с 1786 по 1788 — в Стокгольме. В 1790 году определен в Вену в помощь послу князю Д. М. Голицыну, после смерти которого в 1793 году занял его место. Скончался в Вене.

[9]. 25 июля 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович.

По слову Вашего Сиятельства и милостивому расположению ко мне, племянник мой иностранной коллегии юнкер Александр Львов² отпущен был в отпуск на 28 дней с тем, что еще отсрочено будет, Он теперь с отцем³ его в Риге и не весьма здоров; а при том Еще нужно Ему время для окончания немецкаго языка. Всепокорнейше прошу ему изходатайствовать у всемилостивейшаго Государя годовой отпуск, для Вышесказанной Надобности. Нота Г<осподина> Бергина⁴, доставленная мне от Вашего Сиятельства, еще не принесена мне от переводчика. Коль скоро получу и сообщу с возможностью удовлетворить претензию Г. Арстенберга⁵, не оставляя исполнить воли Вашего Сиятельства. — Об отпуске Львова, я ныне же просил и графа Виктора Павловича⁶. Предуведомляю о сем и прося в согласном ходатайству. Пребывая с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
всепокорнейший слуга
Гавриил Державин
25 июля
1802 года
С Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 200. Л. 317—317об—318. Автограф.

² См. примечание 2 к письму 7.

³ Николай Александрович Львов (1751—1 янв1804) — ближайший друг и позже родственник Державина. Поэт, переводчик, архитектор, рисовальщик.

⁴ См. прим. 4 на стр. 159.

⁵ Имеется в виду Арнштейн, см. прим. 3 на стр. 159.

⁶ Виктор Павлович Кочубей (1768—1834) — граф (с 1799), а с 1831 — князь. Интересно, что Кочубей воспитывался в доме своего дяди — графа А. А. Безбородко, который, в свою очередь, покровительствовал Державину в екатерининское время. С 30 сентября 1801 по 2 сентября 1802 года В. П. Кочубей управлял Коллегией иностранных дел.

[10]. 7 августа 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

На почтенное отношение Вашего Сиятельства от 20-го истекшаго июля, касательно претензии Г-на Арстейнера² на графа Григорья Ивановича Чернышева³, имею честь ответить: Я читал все приложения Г-на Бергина⁴ защищающия ту претензию, но оне мне давно известны. А потому не входя в дальнейшее объяснение сего дела удовольствуясь токмо сослаться на мою записку, доставленную к Вашему Сиятельству от Господина Генерал прокурора⁵, ис которой видно, что сия претензия веденная судебным порядком, решением здешняго уезднаго суда позако-

нам не уважена, почему граф Чернышев и от платежа Ея освобожден. А сверх того из бумаг самим Г<осподином> Бергиным представленных означается, что Г<осподи>н Арстейнер из венскаго правительства должен был получить положенныя Его Сиятельством в залог драгоценныя вещи по процессу с Г-м Оливieri⁶. Которой как видно и проигран был там адвокатом Монади⁷ приятелем Г-на Арстейнера по единственному нестаранию сего последняго. Следовательно Граф Чернышев и подвергается двойным убыткам напрасно, и особливо теряя драгоценныя свои вещи без всякаго щета, коих и Г<осподин>н Бергин представлением поныне нимало невызывается. Но однакож несмотря на все то, я охотно желаю войти с Г<осподино>м Бергиным по той претензии в согласное примирение, и тем более, что как вы сами изволите объявлять, что по сомнительству в сумме венския гульдены голландских не многим числом в щоте превышают; следовательно Г<осподину>ну Бергину и хлопотать о той малости было бы ненужно. Почему я и готов преждеданное мною на то слово исполнить и прекратить сии излишния переписки. Токмо с тем, чтоб заплату сию зделать в будущем 1803-м году, а в нынешнем за учиненным уже распоряжением доходов Графа Чернышева, на уплату протчих ево долгов зделать невозможно. Сего ради Вашего Сиятельства покорнейше прошу употребить ваше старание к преклонению Г<осподина>на Бергина на примирение со мною, и чтоб он взял на себя как означенныя драгоценныя Графа Чернышева вещи доставить, так и векселя Алливиери⁸, по коим Г<осподин>н Арстейнер состоял за Его Сиятельство порукою, и кои из венскаго правительства должны быть ему выданы, ко мне представить.

В протчем пребываю с отличным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя моего
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
Августа 7 дня
1802-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 200. Л. 358 — 358 об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 3 на стр. 159.

³ См. прим. 2 к письму 5.

⁴ См. прим. 4 на стр. 159.

⁵ князя А. А. Вяземского.

⁶ Оливieri — венский купец, который предъявил к графу Чернышеву несправедливый иск на сумму 6930 гульденов, зафиксированный нотариусом Меланде. (Об этом иске Державин подробно писал к графу Н. П. Панину еще 4 апреля 1800 года, см.: АВПРИ МИД РФ. Ф. 12. Оп. 2. Е.х. 298. Л. 1—1об.)

⁷ Моналди — очевидно, венский банкир.

⁸ Имеется в виду Оливieri, см. прим. 6.

[11]. 16 сентября 1802 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович,
По воле Вашего Сиятельства я имел щастие испрашивать у Государя Императора высочайшаго соизволения на напечатание в ведомостях обеих столиц грамоты, при коей пожалованы вам орден Св. равноапостольнаго Князя Владимира 1-й степени. Его Императорское Величество приняв со всемилостивейшим благоволением сие желание ваше отозваться соизволил, что по высочайшей милости к вам во всяком случае вы были бы во оном конечно удовлетворены; но как грамоты такого роду не печатаются в ведомостях, потому что оне все пишутся одинаковою формою, то вышло бы то из общаго порядка и подало бы к тому пример и другим.

Между тем в ведомостях обеих столиц напечатано будет о пожаловании вас тем орденом². Имея честь сообщить о сем Вашему Сиятельству пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Гавриил Державин

Сентября 16 дня

1802 Года

Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 201. Л. 97. Писарское, с подписью-автографом.

² Вопреки обещаниям, ни в Санкт-Петербургских, ни в Московских ведомостях этого сообщения напечатано не было.

[12]. 22 октября 1802 года¹.

Милостивый Государь мой

Князь Александр Борисович !

Почтеннейшее Вашего Сиятельства письмо, коим угодно было вам известить меня о получении отправленных к вам бумаг, я имел честь получить. С чувствительнейшею благодарностию приемлю удостоверение в искреннем и благосклонном ко мне расположении Вашего Сиятельства и сохраняя навсегда отличное к достоинствам вашим уважение, постараюсь самым опостом показать искреннюю к Вашему Сиятельству преданность и не пренебрегаемое почтение, с коим имею честь быть

Милостивый Государь Мой!

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Гавриил Державин.

№ 354.

Октября 22 дня 1802 года.

Его Сият<тельст>ву Князю А Б Куракину
в Велье².

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 202. Л. 251—251 об. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду село Велье (иначе Вельё) в Опочецком уезде Псковской губернии. В 1777 году имение Велье было пожаловано князю Г. А. Потемкину, в 1780 году там побывала Екатерина II и будто бы решила построить дворец. В 1782 году императрица пожаловала Велье, с согласия Светлейшего, А. Д. Ланскому, который заказал Д. Кваренги проект дворца. После смерти Ланского в 1784 году оно было взято в казну.

В 1796 году Павел I в день своей коронации пожаловал волость Велье братьям князьям Александру и Алексею Куракиным, а император Александр I 12 февраля 1802 года дал на нее жалованную грамоту. В 1804 году князь Александр Борисович, предварительно переселив часть крестьян в село Павловское-Куракино Городищенского уезда Пензенской губернии, продал это имение в Удельное ведомство. Еще до начала XX столетия в Велье существовала березовая роща под названием Куракинской.

[13]. 24 декабря 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович,

По всегдашнему уважению моему к Вашему Сиятельству совершенно лестны для меня все изъявления в почтенном письме вашем, полученном мною чрез Г. Молчанова². Примите, Милостивый Государь мой, искреннюю мою благодарность за оныя и в месте истинное мое уверение, что я сердечно готов на всякия по мере моей возможности доказательства моих преданных и почтительных к вам чувствований. В разсуждении дела Вашего Сиятельства о рыбных астраханских ловлях я ничего еще не могу сказать вам, кроме того, что сюда ожидается Астраханский

Гражданский Губернатор Князь Тенишев³ для нужных объяснений об оных; что же касается до польз ваших по сему делу на предполагаемая вами случаи, о коих известен и Государь Император, то я ничего конечно не упущу к оправданию вашей ко мне доверенности, сколько то от возможности моей зависеть будет.

Имею честь быть с отличнейшим почитанием и преданностию.

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Гавриил Державин

в С. Петербурге

декабря 24 дня

1802 Года

Его Сия<тельст>ву Князю А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 198. Л. 87 — 87об. Писарское, с подписью-автографом.

В этом и последующих двух письмах речь идет по поводу тяжбы об астраханских рыбных ловлях. Суть ее в следующем: 10 апреля 1797 года именным указом императора Павла I братьям князьям Куракиным в вечное владение были пожалованы «астраханские рыбные ловли и казенные учуги», находившиеся с 1762 году на содержании у астраханского купечества. В результате недовольств местных помещиков тем, что из-за учугов рыба не может входить из Каспия в устье Волги, в 1802 году в Сенате было возбуждено дело об отмене монополии князей Куракиных на астраханские рыбные ловли. Несмотря на все тщания князя Куракина, 27 августа 1802 года все-таки был подписан именной указ о предоставлении всех каспийских рыбных ловель в общее употребление. Причем это решение Сената прежде всего основывалось на мнении, поданном Г. Р. Державиным (*Державин, VII. С. 379–381*), где он высказывался за отмену монополии.

Стоит объяснить, что учуги — это «тын поперек реки, для непропуска и улова рыбы, особ. красной, которая по весне идет вверх по реке, и останавливается учугом» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Спб.-М., 1909. С. 1121*).

² Молчанов Петр Степанович (1772—1831) — сенатор, тайный советник, член комиссии прошений, затем статс-секретарь Александра I у принятия прошений и управляющий делами комитета министров. Вышел в люди благодаря князю Александру Борисовичу, у которого служил управляющим еще в Надеждине (там в числе усадебных построек был «дом Молчанова»).

² Князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1769-?). Действительный статский советник, сперва казанский вице-губернатор, а потом (в 1802—1808 годах) астраханский гражданский губернатор и управляющий в астраханской экспедиции соляных запасов, с 1809 года в отставке.

[14]. 14 апреля 1803 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович,

Я имел честь получить письмо Вашего Сиятельства, которым приносите вы жалобу на причиняемые Астраханскими присутственными местами и чиновниками несправедливости и притеснения находящемуся в Астрахани поверенному о делах ваших рыбных ловель. Для доставления законного вам удовлетворения предписал я тамошнему Губернскому Прокурору², чтоб он вошел в рассмотрение всех обстоятельств, содержащихся в приложенной при письме вашем записке и употребил бы по должности своей в пользу вашего поверенного надлежащее в присутственных местах настояние, о сем извещая вас пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Гавриил Державин

С. Петербург

Апреля 14 дня

1803 года

Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 204. Л. 311. Писарское, с подписью-автографом.

² Астраханским губернским прокурором тогда был Никифор Амвросиевич Кузнецов, надворный советник.

[15]. 15 июня 1803 года¹.

Милостивый Государь Мой Князь Александр Борисович!

В почтеннейшем отношении от 19-го минувшаго марта, Ваше Сиятельство, жаловались на причиняемья Астраханскими присутственными местами и чиновниками несправедливости и притеснения по делу вашему о рыбных ловлях. Почему тогда же от меня сделано было надлежащее предписание Астраханскому Губерскому Прокурору²; от коего получил ныне рапорт объясняющий, что Губернское Правление, поручило Уездному Суду, разобрать Дело немедленно судебным порядком, для чего изтребовать не токмо подлежащие документы, но и на самом месте зделать изыскание, взяв в рассмотрение и последовавшия по делу тому упущения; До решения же дела возвратить ловли, в такое владение, как они по назначению казенной палаты были отведены.

О чем долгом ставя известить Ваше Сиятельство, с совершенным почтением и таковою же преданностию пребываю

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя Моего

Покорнейший Слуга

Гавриил Державин

№ 4114.

Июня 15 Дня

1803 года.

Его Сият<ельству>ву Князю А. Б. Куракину в Москве.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Ех. 207. Л. 259 — 259об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 2 к предыдущему письму.

[16]. 14 октября 1804 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович.

В севоднешной высокаторжественной праздник², желал было я всенижайшее мое Ея Величеству всемилостивейшей Государыне принести в Гадчине <!> Поздравление; но встав зделался так болен, что должен был принять лекарство, и для того в надежде милостиваго Вашего Сиятельства ко мне расположения покорнейше вас прошу, ежели удобный случай будет, довести до сведения Ея величества мое усердие. Пребывая впрочем с истинным почтением и чисточердечною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
14 октября
1804 года
С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 218. Л. 220 — 220 об. Автограф.

² 14 октября — день рождения императрицы Марии Феодоровны (1759—1828).

[17]. 12 января 1806 года¹.

Милостивый Государь Мой
Князь Александр Борисович

С самага воскресенья был весьма нездоров, не мог сдержать своего слова и представить лично во вторник Вашему Сиятельству переведенных на немецкий и французский язык стихов моих. Теперь оныя препровождая первыя печатныя², а вторыя песьменныя³ и при них песнь на прибытие Государя Императора на немецком⁴. Покорнейше прошу Вашего Сиятельства по предварению вашему, все милостивейшей Государыне императрице матери поднести⁵. Завтра на бале ест ли только смогу лично благодарить буду Вашего Сиятельства за сию оказанную мне милость. Пребывая между тем с отличным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
12 генваря
1806 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 129–129об. Автограф. В верхней части л.129 карандашная запись рукой М. И. Семевского: «Списано для «Рус<ской> Ст<арины>» с разрешения 7 Авг 1891 г. М. С».

² Речь идет о стихотворении «Глас санктпетербургского общества...», сочиненном в 1805 году по поводу рескрипта императора Александра военному генерал-губернатору Петербурга С. К. Вязмитинову от 29 ноября 1805 года, в котором государь выразил свое благоволение столичным жителям за их «усердные отзывы и добрые желанья», сопровождавшие государя к армии перед сражением при Аустерлице, но которым, увы, не суждено было оправдаться. Книга была издана в четвертую долю листа, без указания даты, с параллельным немецким текстом:

«Глас Санктпетербургского Общества по случаю высочайшего благоволения, объявленного ему главнокомандующим ноября 29 дня. Stimme des Publikums von St.Petersburg bey Gelegenheit des Allerhchsten Gefallens, welches demselben durch den Oberbefehlshaber den 29 November bekannt gemacht worden. Спб., При Императорской Академии наук. <1805>» — 11,[3] с. На четных страницах помещен русский текст, на нечетных — немецкий перевод, выполненный офицером на русской службе Карлом Вольдемаром фон Брюммером и подписанный «Aus dem Russischen von Carl Woldemar von Brummer»; кроме того, переводчик на последних трех нумерованных страницах поместил собственное стихотворение.

Настоящее письмо позволило окончательно датировать выход в свет этого издания, поскольку поэт в своих *Объяснениях* (*Державин, III. С. 697*) пишет: «напечатана в первый раз 1807 на особых листках <т. е. отдельным изданием — П. Д.>», а граф М. А. Корф, составляя картотеку державинских переводов, дал этому изданию следующую характеристику: «Стихотворение это было писано Державиным в 1805-м году, в котором, без сомнения, напечатана и эта книжка» (*Державин, IX. С. 513*). Эта хронологическая несообразность легко разрешается публикуемым письмом и указанием Я. К. Грота при вступлении к *Объяснениям* Державина, что «...память изменяет ему в определении годов...» (*Державин, III. С. 590*).

³ Здесь, судя по всему, упоминается французский прозаический перевод того же стихотворения, так и оставшийся неизданным. О существовании такового говорит Я. К. Грот в комментарии к русскому тексту Гласа: «В бумагах поэта попался нам и рукописный французский перевод в прозе» (*Державин, II. С. 574*).

⁴ Видимо, речь идет о рукописном переводе некоего стихотворения Державина, посвященного возвращению Александра I в Петербург после проигранного Аустерлицкого сражения (государь возвратился в Петербург 21 декабря 1805 года в 4 часа утра), однако среди произведений поэта такого текста либо указаний на него нам отыскать не удалось.

⁵ Императрица Мария Феодоровна (1759–1828), вдова Павла I.

[18]. 27 марта 1807 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович!

Имею честь препроводить Кантату, которую вчера же вам обещаю². Извините, что не в переплете. Во время болезни вашей я думаю поднес Его и Государыне Императрице Матери Александр Николаевич Голицын³. Присовокупляю здесь для любопытства вашего и письменную молитву, которая еще никому неизвестна⁴. Пребывая с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию,

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга
Гавриил Державин
Марта 27 дня
1807 года.

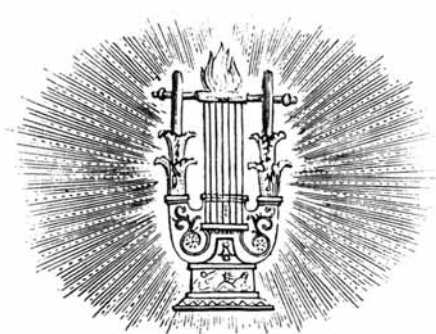
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 247. Л. 83. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду следующее сочинение: Персей и Андромеда, Кантата на победу, одержанную Русскими над Французами, и стихи на выступление в поход Гвардии. Спб. 1807. -[6 с.] 4-о. Эта кантата написана на победу в сражении при Прейсиш-Эйлау 27 января 1807 года.

³ Князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844) — министр Народного Просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода, Канцлер капитула Российских императорских и царских орденов. Основатель Библейского общества, масон. Был любимцем императора Александра I.

⁴ Речь идет о стихотворении «Молитва по высочайшем отсутствии в армию его императорского величества». В том же году оно было напечатано отдельным изданием: «Молитва по Высочайшем отсутствии в Армию Его Императорского Величества 1807 года марта 16 дня сочиненная Г. Р. Державиным, положенная на музыку Нейкомом» (Спб, при Императорской Академии Наук, [1807]. — [4]с). Указание на музыкальное переложение

происходит от того, что Молитва в том же году была положена на музыку австрийским композитором Сигизмундом Нейкоммом и исполнялась в Филармоническом обществе придворными певчими (этим композитором была сочинена музыка и к нескольким другим сочинениям Державина). Ноты к Молитве были напечатаны Гротом в приложении к последнему тому собрания сочинений (*Державин, IX. С. 5–13 второй пагинации*).

Сергей Герасимович
Домашнев

Сергей Герасимович Домашнев (1753–1795) познакомился с князем Александром Борисовичем около 1773 года. В начале июня месяца князь приехал из-за границы, а после свадьбы Павла Петровича и Наталии Алексеевны в начале октября 1773 года по указу государыни Домашнев был отправлен ко двору прусского короля Фридриха Великого с сообщением о женитьбе цесаревича. Таким образом, они, вне всякого сомнения, должны были увидеться. Вернулся Домашнев в Петербург вместе с флотом своего покровителя графа А. Г. Орлова-Чесменского, где 11 июля был назначен директором Академии наук. Домашнев, подобно князю Куракину, был избран в Королевскую Академию в Стокгольме. В январе 1783 года Домашнев получил отставку, чему предшествовала необыкновенной силы «борьба», а попросту масштабная свара академиков и директора, о которой мы говорили в разделе, посвященном И. И. Богаевскому; прочувствовать эту чисто академическую атмосферу можно, прочитав приложенное в конце раздела письмо.

Все послания, направляемые к князю Куракину, были им написаны в бытность директором Академии. Первая записка к князю датируется 19 июня 1777 года (АКК, IX. С. 363, на французском). Завершает их корреспонденцию письмо от 3 января 1783 года, когда Домашнев уже почти оставил дела при Академии.

[1]. 1 июня 1779 года¹.

Препровождая сим к Вашему Сиятельству записку о деле Г<осподина> профессора Безака² покорнейше прошу соединить милость с неразлучным от вас правосудием в скорейшем предложении сего дела чем одолжите Ваше Сиятельство честнаго и добродетельнаго человека в лице профессора Безака с коим разделит чувствительность его и благодарность Вашего Сиятельства покорнейший и послушнейший слуга

С. Домашнев

1 июня 79.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 457. Л. 157. Автограф.

² Безак Христиан Христианович (Besack, Gottlieb Christian; 1727—1800). Уроженец Пруссии, сын пастора. Учился в Лейпцигском университете и в звании магистра философии приехал в 1760 году в Петербург, где поступил на службу профессором исторических и нравственных наук в Сухопутный Шляхетный кадетский корпус. Под руководством И. И. Бецкого принимал деятельное участие в преобразовании учебной части корпуса, за что был неоднократно поощряем. Также является автором русских и немецких сочинений. Домашнев, скорее всего, просит от решения дела Безака в Сенате.

[2]. 24 апреля 1781 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Для некоторой Академии надобности нужны справки о покойном Сенаторе Василье Евдокимовиче Адодурове⁴ как о бывших его в чинах происхождениях, так и ежели употребляем он был в какия либо особливия комиссии к исправлению препорученных дел. В сем случае позвольте мне Ваше Сиятельство иметь к вам прибежище по сугубой причине и по известному вашему способствованию во всех делах, так и по особливой милости ко мне, которая столь мне драгоценна, сколь мое оной признание и особое к вам почтение истинно и отменно.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший
слуга С. Домашнев
Апреля 24го дня
1781го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 127. Писарское, с подписью-автографом.

² Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — почетный член Академии наук, действительный тайный советник. Внес значительный вклад в развитие русского языка и регламентирование языковых норм, известен как переводчик (переводы его см.: СК, I. №№ 575, 1529, 1530; II. № 3282; III. №№ 8481, 8485, 8489, 8496, 8567, 8568). Первым из русских воспитанников Академии наук в 1733 году получил звание адъюнкта по кафедре высшей математики у Л. Эйлера. В 1744 году был пожалован тайным советником и назначен преподавать русский язык будущей императрице Екатерине II, которая при восшествии своем на престол назначила его куратором Московского университета и президентом размещавшейся в Москве Ману-

фактур-коллегии. В 1778 году не без участия Домашнева был избран почетным членом Академии Наук.

[3]. 3 января 1783 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Ухватывая всевозможные случаи изъявить вам усердие мое и преданность в недостатке больших пользуясь хотя принесением вам календаря² возобновить о себе в памяти вашей и повторить вашему сиятельству свидетельство искреннейшего и непременного моего почтения с коим навсегда и пребываю

вашего сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший слуга
Сергей Домашнев

СПбург
3 генв. 83.

Припроводивши при сем другой покорнейше прошу поднести Его Сиятельству милостивому государю графу Петру Ивановичу Панину⁷. особливым письмом трудить Его я не осмеливаюсь из особливого уважения и высокопочитания.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 460. Л. 75. Автограф.

² Здесь Домашнев имеет в виду следующее издание: Календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1783, содержащее 365 дней, сочиненный в знатнейших местах Российской Империи. Спб. При Императорской Академии Наук. [1782]. (Описание см.: СК, IV, 404).

Этот выпуск календаря готовился в 1782 году и был возвращен в Академию Наук редактором академиком С. Я. Румовским в июле 1782 года, но его печатание, несмотря на протесты академиков, было задержано Домашневым для внесения дополнительных изменений в корректуру.

³ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф, покоритель Бендер.

[Приложение].

Письмо С. Г. Домашнева к князю А. Б. Куракину, <декабрь 1781 года¹>.

Это послание, сохраняющееся среди бумаг князя, должно было войти в третий том издаваемого князем Ф. А. Куракиным исторического сборника «XVIII век», но издание не осуществилось. Тогда хранитель куракинского архива В. Н. Смольянинов напечатал письмо с сокращениями в 1911 году в сборнике «Старина и Новизна»². Написано письмо на плохом французском (применительно к тому времени, можно сказать, просто-таки на ломаном). В виду крайнего интереса письма мы решили напечатать его здесь в полном виде, с переводом. Правописание французского текста было поправлено.

Mon Prince,

La noblesse des sentiments et la fazon de penser qui vous caractйrisent et qui vous rendent aussi cher que respectable a tous ceux qui ont l'honneur de vous connoitre, vous prйsentent a l'esprit le premier dans tous les cas ou les droits de la vйritй et de justice sont blessйes. Cette opinion gйnйrale que vos qualitйs inspirent a tout le monde, est une certitude et une assurance la plus parfaite pour moi qui a l'avantage d'йtre en possession de vos bontйs depuis longtemps. Cela redouble encore le motif que j'ai de rйclamer votre amour pour la justice dans un cas injustement oppressif. Le Sйnat d'aprйs la dйnonciation de quelques professeurs le rebut de deux Academies est intervenu dans l'arrangement que mon devoir m'a fait faire a deux Acadйmies, il en rйsulte, mon respectable

Prince, que je suis peut-être le seul dans l'Empire qui est jugé sans être entendu et au détriment duquel on a écarté tout ce que l'ordre le plus simple prescrit. Que n'a-t-on demandé l'acte par lequel ces arrangements sont faits! On y aurait vu les raisons indispensables. Comment m'aurais-je justifié si dans le même temps ne pouvant pas obtenir pour 15 ans le compte pour plus de 200 000 roubles formant le capital de l'Académie accumulé depuis 50 ans, comment pourrais-je leur confier plus longtemps la recette s'ils y arrivent droit à la bonne heure, mais ils n'en ont point d'autres que ma confiance, puis-je la donner si le sentiment y répugne à des gens convaincus des plus grandes malversations. Mon prédécesseur a payé 3000 roubles pour la librairie où il y avait un grand déficit. J'ai voulu le prévenir ou plutôt l'arrêter, car l'argent est partagé entre Stelin et Roumovsky et pour le cacher il n'y a pas de traces des livres depuis 1767. L'honneur, la réputation de l'Académie m'ont inspiré pour y remédier les moyens les plus doux. J'ai déjà payé 15 mille roubles d'anciennes dettes de l'Académie. Mais cela enhardit les malheureux, et ce qui est inconcevable, ils trouvent la protection la plus forte dans les affaires d'une si grande évidence contre eux. Il a donc fallu que je mets au jour les indignes manœuvres de ces savans voleurs. Des preuves trop nombreuses pourraient anéantir ces malheureux si j'aurais pu m'empêcher d'être indigné de cette triste et humiliante victoire. Je les méprise autant qu'ils le méritent. Tout ce que crois devoir à moi-même, c'est de donner une idée de cette affaire à des personnes que j'estime et respecte — il est honteux pour le corps aussi respectable que l'Académie doit l'être d'avoir dans son sein des gens si méprisables et si vils. Mais ce qui me force le plus de vous en faire confidence, mon respectable Prince, c'est la persécution que le Professeur Roumowsky fait éprouver à tous ceux qui en remplissant leurs

devoirs vont par la voie différente de la sienne. C'est pour ne pas les sacrifier que je réclame votre protection pour eux, mon Prince. L'estime aussi haute que sentie que j'ai pour vous, vous rendront toujours le dépositaire naturel de mes sollicitations et de mes droits en tant qu'ils sont conformes à la vérité et à la justice. Leurs intérêts sont les vôtres et la connaissance, la conviction que j'ai de vos sentiments seront toujours une de plus grandes consolations de ma vie civile.

Agissez, mon Prince, les assurances de l'estime sincère et respectueuse avec laquelle je suis à jamais votre très humble et très obéissant serviteur

Domaschneff

Pour vous donner, mon Prince, un échantillon des mœurs de ces gens-là, je vous dirai qu'un jour j'ai vu le professeur Kotelnikoff tomber à mes genoux me présentant une lettre. Ce que c'était? C'était un aveu qu'il faisait. Disait-il d'un tort à mon égard, sans qu'il sache en quoi il consistait parce que Roumowsky l'ayant invité chez soi, l'a fait boire et lui a fait signer un écrit. Tout ce dont il se rappelle c'est qu'il y ait beaucoup d'injures contre moi. Mais est-ce le seul cas? En dernier lieu on m'écrit que le secrétaire de la commission a fait mettre un écrivain à la place de président. Un procès pareil ne ressemble-t-il pas à des gens qui se croient être au cabaret plutôt que dans une chambre d'audience.

[Перевод:]

Любезный князь,

Благородство чувств и способ мыслей, вам присущие и почтение вызывающие у всех, кто имеют честь вас знать, вас на ум приводят всякий раз, когда попораны бывают права истины и справедливости. Сие мнение всеобщее, кое достоинства ваши всему

свету внушают, есть и для меня истина неопровержимая, ибо давно уже милостями вашими я обласкан. Тем больше оснований у меня уповать на любовь вашу к справедливости, ибо обижен я неправедно. Подали несколько профессоров на меня донос сенату³, и по сему доносу условия мои с двумя академиями⁴ резко разорвали, из чего следует, почтеннейший князь, что, возможно, один лишь меня во всей Империи осудили, не выслушав, и с нарушением всего, что самый простой порядок предписывает. Отчего же не затребовать было бумаги, по какой условия эти заключены были! Сделались бы ясны обстоятельства необходимые. Мог ли я оправдаться, ежели в то же самое время за пятнадцать лет счетов не мог добиться о расходе 200 000 рублей, кои капитал Академии, за 50 лет накопленный, составляют, как мог я долее выручку им доверять, ежели право доступа к ней издавна имели, но право сие на одном лишь доверии моем основывалось, могу ли доверить выручку таковым людям, кои в величайших злоупотреблениях изобличены, и сердце мое от них отвращается! Предшественник мой 3000 рублей заплатил за книжную лавку, в коей обнаружили большие недостатки. Захотел я его предупредить или, скорее, остановить, ибо деньги делят между собой Штелин⁵ и Румовский⁶, а дабы никто о сем не знал, нет и следов расходных книг после 1767 года. Ради чести и славы Академии решился я действовать средствами самыми мягкими. Старых долгов Академии заплатил я уже 15 000 рублей. Однако несчастным сие лишь дерзости прибавило, самое же непостижимое, что в сих делах, где неправота их вопиет, находят они покровительство самое могущественное. Пришлось мне недостойные проделки сих ученых воров громко обличить. Доказательства бесчисленные могли бы сих несчастных погубить, воспрети я себе возмущаться сей победой, печальной и унижительной. Презираю я их так, как того они заслуживают. Долгом своим одно почитаю — о деле сем поведать особам, коих уважаю безмерно, ибо постыдно для

собрания столь почтенного, каковым Академии быть надлежит, членами своими иметь людей столь презренных и подлых. Более же всего побуждают меня обо всем вас известить, почтеннейший князь, те гонения, коим профессор Румовский всех тех подвергает, кто его путем не следуют, ибо долг свой исполняют. Ради их безопасности и молю я вас, любезный князь, почитать их вашим покровительством. Уважение столь же искреннее, сколь и глубокое, кое питаю я к вам, заставляя меня будет всегда к вам обращаться просьбы о защите их прав, ежели не оскорбляют они ни истины, ни справедливости. Их интересы суть ваши, уверенность же моя в ваших чувствах пребудет вечно одним из величайших утешений моих в жизни гражданской.

Примите, любезный князь, уверения в искреннем и почтительном уважении, с коим имею честь быть

Вам покорнейший и почтительнейший слуга

Домашнев

Вот вам, любезный князь, образчик нравов сих людей. Однажды падает профессор Котельников⁷ предо мной на колени и мне вручает письмо. Что же в нем? Признание. Обвинял он меня в проступке, не зная, в чем сей заключается, ибо Румовский его к себе зазвал, напоил и бумагу подписать заставил. Одно лишь то помнит, что было в бумаге сей много оскорблений на мой счет. Да мало ли таковых случаев! Недавно сообщили мне, что секретарь комиссии⁸ писаря на место председателя усадил. Поступают так люди, коим не в зале заседаний быть пристойно, а в кабаке.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454 («Письма от разных особ 1781 года»). Л. 465 — 468. Автограф. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной. Датируется по содержанию.

² Старина и Новизна: исторический сборник. Кн. XIV. М. 1911. С. 109—111, без указания даты.

³ Речь идет о «Покорнейшем рапорте», довольно объемном, который подали 3 ноября 1781 года в Сенат члены Академической комиссии — академи-

ки Румовский, Штелин и Котельников (опубл.: Русская Старина. Спб. 1896. №9. С. 484—490). После этого рапорта на сторону академиков встал генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, что и решило дело не в пользу Домашнева.

⁴ Домашнев говорит об Императорской Российской Академии и Императорской Академии наук.

⁵ Штелин Яков Яковлевич (1709—1785) — академик по кафедре поэзии и красноречия.

⁶ Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — астроном, академик, позднее вице-президент Академии наук.

⁷ Котельников Семен (Симеон) Кириллович (1723—1806) — математик, академик, затем почетный член Академии наук.

⁸ Секретарем комиссии был Штелин, упоминаемый секретарь — очевидно Василий Басов, по крайней мере им в качестве секретаря подписан документ, помещенный нами в разделе настоящей книги, посвященном И. Богаевскому (см. стр. 104).

Герасим Степанович
Лебедев

Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) является основоположником изучения в России новоиндийских языков. Его заслуги в области изучения живых индийских языков и санскрита неоспоримы. Знакомство Герасима Лебедева с князем Александром Борисовичем Куракиным состоялось в 1782 году, во время путешествия Павла Петровича и Марии Феодоровны под именем графов Северных по Европе; причем князь Куракин и его близкий друг протоиерей А. А. Самборский, сопровождавшие Северных, отнеслись к Лебедеву с наибольшим участием. Именно благодаря этому благорасположению Лебедев в 1799 году смог воспользоваться покровительством русского посланника в Лондоне графа Семена Романовича Воронцова.

В 1782 году в Этубе близ города Монбельяра (там Северные со свитой находились с 21 июля по 21 августа) князь Куракин написал Лебедеву рекомендательное письмо для вручения графу С. Р. Воронцову. Но воспользовался Лебедев им только в 1797 году, когда приложил копию с него при своем письме графу из Калькутты от 23 июля, а оригинал

вручил лично в Лондоне только 15 февраля 1799 года. (Напеч. в кн.: Русско-индийские отношения в XVIII в. М. 1965. С. 487—488).

[1]. 11 (27) июня 1801 года¹.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Я при первом случае с наивысочайшим почтением препровождаю Вашему Сиятельству, напечатанную мною в Лондоне Грамматику не смешанных и смешанных Восточной Индии диалектов, произшедших от шамскритского языка, и на Англинском²; и как патриота со отечественников, прошу Ваше Сиятельство оную принять и меня воспровительствовать.

Она в Лондоне уже многими разных Класов Учоными и почтенными жителями от меня куплена, и признана новым откровением для того что онои начальных правил из Европеицов прежде ни кто не мог выразуметь. И как надеюсь будет Употребительна в Россииских Академиях, и для Государственного сношения с народами разных Азиатских нацей: я по усердию души моей дерзаю препроводить при сем одну к Государю Императору, и все-нижайше Ваше Сиятельство прошу оную с проспектусом³ повергнуть Его Императорскаго Величества пред стопы, ради польз Его Верноподданных, которым он по воле всенаипремудраго творца светов, как и всенаипресветлейшия Его прародители Умножает Благосостояние, и трудолюбцам за вножение⁴ Благодарит живот⁵.

В сопровождаемом проспектусе Ваше Сиятельство изволите увидеть, я намерен публиковать наидревнейших Брамгней хронологию⁶; и по находящимся в оном объяснениям, о первоначальных и всенаиважнейших преданиях, я надеюсь Ваше Сиятельство

изволите признать, оной публикация Моя достойна покровительства Государя Императора Отца нашего Отечества. И чтоб сделать Разныя языки Больше известныя в России. Я того ради Ваше Сиятельство всенижайше прошу исходатаиствовать мне всемилостивейшаго Государя позволение оную предписать Его Императорскому Величеству; и предложить, не угодноль будет приказать мне оную напечатать в Лондоне, на Россииском и на Англинском языках; И милостиво пожаловать такую сумму денег для заплата расходов при напечатании, какую Государь Благоволит.

Оне будут стоять мне не менее пяти сот фунтов штерлингов; и издание таковое, каковаго Европа до сего времени не имеет, будет при высочайшем покровительстве точно пользою и славою для всего Россиискаго Государства.

Кроме посланной Грамматики, я имею с буквами полною шамскритский Алфавет, Расположением ею он превосходит всех мне известных Европейских и Азиатских Азбукв. И так же с буквами словарь, Бенгалскую Грамматику, и Арихметику; Хронологи, Этимологи и Астрономи переводы⁷.

Для всего помянутаго Разныя системы писаны древнейшими Брамгенами в первоначальных сего света временах. И которых ради незнания шамскритскаго языка, Англичане не могут выразуметь; хотя оне и установили в Калкоте общество для Узнания Азиатских Наук, и Художеств. О которых по причине объявленнаго недостатка, и ради особливых совершеннейших систем; из Европеицов, не которья о них писали по одному только наслыху от незнающих в Индии наук, и иныя только по догадкам и чрез то, во обширной Раиской той стране, переменены древнейших наипольнейших Народныя Учреждения, помрачили и преобразили чистой мудрости в красоту.

Удостоверить о сем свет, мне нужно только иметь для славы Россиан нашего Государя Императора высочайшее покрови-

тельство, которое я надеюсь Ваше Сиятельство благоволите мне обрести.

По прибытии моем из Индии в Лондон, было донесено переселившемуся в Вечное блаженство Государю Императору Павлу Первому (но жалею не так как бы надлежало) о желании моем публиковать все мои собрания сперва в России. И он все-милостивейше Благоволил ответом объявить, что оной будут напечатаны на казенной щот, и по продаже книг деньги пожаловал мне⁸. Но как не был уведомлен, был ли я за мои <!> ради отечественной пользы великия издержки и труды определен к месту с жалованьем, и не зная сколько Расцветаящая Россияне Расположены покупать книги; то по прибытии из Жаркаго Климату, и по слабости изнуреннаго здоровья, без верности на содержание мое я не мог тотчас отправится от холода в замерзающей.

Помянутыя собрания в восточной Инди <!> мне Истинно стоят, Сиятельнейший Князь, более двух тысяч фунтов штерлингов, и пренаитяжелых трудов, и к сему я был определен ободрениями всенаидостоинных напоминовения великих Российских Государей.

В трех частях света я странствовал ради услуг Государю а Государству сносил невероятныя трудности, не однократно находил в опасности мою жизнь, и растратил трудами идоставшее мне имение. При надежде получить в отечестве признание, и для сего чрез препровождаемую грамматику свидетельствую о моем Усерди, любви, и верности Государю и отечеству.

Я искренне уповаю, Ваше Сиятельство не отречется вашего знакома милостиво воспокровительствовать и исходатайствовать мне от Его Императорскаго Величества такое пристойное место в жалованьем каким Его Императорскому Величеству, и Вашему Сиятельству будет угодно меня оцастливать. И чтоб мог я возвратить несколько моих издержанных денег; обрести Его

Императорскаго Величества благоволение, на печатать оныя на казенной щот, что Его Наипрестветлейшим Родителем уже было мне и назначено⁹.

Случаи позволяет мне теперь удостоверить о моей благодарности за прежде полученныя милости; и чтоб привести себя Вашему Сиятельству в память, я с неизъяснимым удовольствием должен напомянуть 1782 Года то приятное время Вашего Сиятельства в Европе путешествия во свите от шедшаго в вечное блаженство Государя Императора Перьваго Павла, в которое я имел щастие, и особливо в Момпильяре, наслаждатся Его Императорскаго Величества и Вашего Сиятельства благоприятством и милостями¹⁰; и уведомить, что Вашей персоны портрет которой при растани нашем Ваше Сиятельство благоволил мне подарить ради напомянания вояжировал со мною в Инди, и Африке, и как совершенно превосходной наилутчим сокровищам, в путешествии на морях, и в пребывании в селениях был мною с обожением храним, для того что я по бесмертию души Тебя благодетеля моего буду обожать и в бесконечности.

После растаяния нашего я скоро отправился в восточную Индию, и в ней, был 12 годов. Что там видел, слышал и написал к сему в допование, о! Сколько бы я был щастлив сделать персональное уведомление.

При ожидании призрения, предавая себя в Патриотическое Вашего Сиятельства покровительство и милость, с истинным моим высокопочитанием имею щастие навсегда пребыть

Сиятельнейший Князь
Вашего Сиятельства
Милостивый Государь
Всенаипокорнейший Слуга
Герасим Лебедев.

Лондон
 $\frac{11}{27}$ июня 1801.

NB. Сие письмо послано чрез сухопутнаго Г. Куриера, и такое ж, с прошением к Его Императорскому Величеству послано чрез морскаго Куриера Господина Рикард¹¹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 505–506. Автограф.

² Имеется в виду составленная Г. Лебедевым грамматика калькутской формы разговорного хиндустанского «The Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed... arranged... accordity to Brahmenian system, of the Shamscrit language... with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit alphabet... By Herasim Lebedeff» (London, printed by J. Skirven, for, and sold by the author Debreff. 1801).

Издание прилагается при публикуемом письме и включено переплетчиком в том корреспонденции князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 507–656), разрезано не полностью.

Упомянутая грамматика построена Лебедевым по собственной оригинальной схеме, в которой он использовал в основном собранный самим материал. Лебедевым была сделана попытка объединить европейскую и индийскую грамматическую традиции, наряду с европейскими грамматическими терминами он приводит и санскритские в бенгальском произношении.

При составлении Грамматики Лебедев пользовался в том числе имевшимися на тот момент пособиями по хиндустанскому Дж. Фергюссона и Г. Хэдли, причем экземпляр книги последнего, снабженный рукописными пометами самого Лебедева, хранится в библиотеке Института Востоковедения РАН (Headley G. A. A compendious Grammar of the Current Corrupt Dialect of the jarg on of Hindoostan... 4 ed. London, 1796. Шифр IX — 3/20).

³ Здесь говорится о рекламной печатной афише к книге, размером в открытый лист, о существовании коей ранее известно не было. Сама афиша прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 506).

⁴ Вероятно, имеет место неверно написанное слово «вношение» (от глаг. вносить, внашивать), которое по смыслу здесь употреблено как «вклад» или «усердие»; тогда как глаг. «вножить, внаживать» означает «вонзить, занозить».

⁵ Экземпляр Грамматики был Александру I действительно преподнесен, но это был уже другой экземпляр, а этот (как мы, собственно говоря, и видим) князь Куракин оставил у себя. Экземпляр, который дошел до императора, был приложен Лебедевым к своему прошению на имя Александра I; об

этом писал 29 января 1802 года статс-секретарь Д. П. Трошинский барону А. Л. Николаи (Русско-индийские отношения в XVIII в. М. 1965. С. 506).

⁶ Речь идет о книге, изданной Лебедевым в 1805 году в Петербурге под заглавием: «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их, и народных обычаев; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте, Герасимом Лебедевым» (СПб, в типографии сочинителя). Издание посвящено императору Александру I. Одновременно издание было также выпущено на английском и французском языках.

Типография, где была напечатана эта книга, была основана Лебедевым в 1804 году и явилась первой в Европе, оборудованной бенгальским шрифтом. А первенцем этой типографии, судя по всему, является брошюра с бенгальскими стихами и параллельным русским переводом Лебедева, она состоит из [8] страниц и сохраняется среди бумаг Г. Р. Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 5).

⁷ Из указанных Лебедевым здесь сочинений до нас дошла лишь рукопись арифметики (беловая рукопись хранится в Петербурге — Институт востоковедения РАН, архив востоковедов, ф. 90, № 1/1226/1).

⁸ Действительно, обратившись в 1799 году по приезду из Индии в Лондон через нашего там посланника графа С. Р. Воронцова к Павлу I, Лебедев получил уверение в напечатании его трудов на казенный счет. Но вследствие 1) доносов на него священника лондонской миссии Я. И. Смирнова о дружбе Лебедева с якобинцами; и 2) несвоевременного ходатайства на высочайшее имя о награждении англичанина Д. Уайта за спасение русского судна, эта милость Павла I последствий на деле не имела (СРП, 2. С. 192.)

⁹ Неизвестно, ходатайствовал ли князь Куракин за Лебедева, хотя нам кажется, что нет. Уже после возвращения в октябре 1801 года в Россию Лебедевым было написано еще одно прошение на высочайшее имя, в котором он описал свои странствования и просил опять об издании на казенный счет своих переводов и трудов. Александр I повелел выделить ему на издание книг десять тысяч рублей. А в январе 1802 года был подготовлен императорский указ о присуждении Лебедеву звания профессора восточных языков и зачисления его в штат, но из-за интриг президента Академии барона А. Л. Николаи назначение не состоялось.

¹⁰ Лебедев летом 1782 года был представлен в Этуобе (провинция Монбельяра) цесаревичу Павлу Петровичу и Марии Феодоровне, путешествовавшими по Европе под именем графов Северных. Тогда же он познакомился и с князем Куракиным.

¹¹ Речь идет о лейтенанте русского флота Петре Ивановиче Рикорде (1776—1855), который путешествовал в 1810-х годах с В. Ф. Головниным и впоследствии стал адмиралом. Немногим позже — в 1803 году — он приехал в Англию в качестве волонтера и до 1806 года служил на судах английского флота.

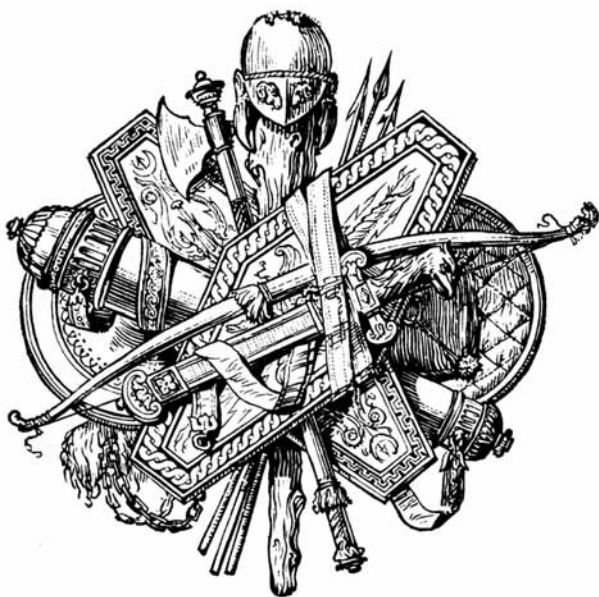
Что касается упоминаемого послания на высочайшее имя, то, по-видимому, оно либо не достигло адресата вовсе, либо появилась еще какая-то причина, побудившая Лебедева обратиться к государю в том же году еще раз (см. прим. 8).

Павел Артемьевич
Левашов

Письма Павла Артемьевича Левашова (Левашева; 1720? –1820) вводят нас в многочисленное семейство князей Куракиных и их родственников, в том числе графов Паниных и Апраксиных. Павел Артемьевич Левашов, сведения о котором можно почерпнуть из приложенного к письму 18 формулярного списка, за время службы своей с 1750 по 1778 год при Коллегии Иностранных дел сблизился с графом Никитой Ивановичем Паниным, через которого познакомился с его родственниками. Это отчасти объяснялось веселым нравом Павла Артемьевича, который всегда становился душой компании — был мастером шутить и по-русски, и по-французски, а также излагал множество веселых историй, запас коих казался собеседникам неисчерпаемым.

Литературные интересы объединяли его с другой родственницей князя — княгиней Е. Р. Дашковой.

Хотя по возрасту он и годился князю Куракину в отцы, но в 1770-х годах сдружился с ним и был практически постоянным партнером его по игре в карты (а князь Александр Борисович в молодости очень уважал рокамболь, берлан и ломбер). В те же годы Левашов пытался сватать молодого князя и подыскивал ему невест, но, как известно, старания многих на этом поприще так ничем и не увенчались.

Левашов иногда посылал князю Александру Борисовичу свои произведения, например, в 1777 году рукопись книги о нашествиях татар (издано в Петербурге в 1792 году под заглавием: «Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков и тут их браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно чрез восемьсот лет продолжавшихся... »).

Здесь мы печатаем 19 неизвестных писем Левашова за период с 1774 по 1804 годы, да сверх того неизвестную оду в приложениях. Наибольший интерес вызывает шестнадцатое письмо от 19 февраля 1797 года, при котором Левашов посылает оду на восшествие на престол императора Павла I. Вообще стихи Левашова пользовались известностью, а Н. И. Новиков хорошо отзывался о них в своем словаре: «Много писал лирических стихов, которые от знающих людей похвалу заслуживают» (*Новиков. С. 116*). Но по причине того, что из стихов его сохранилось лишь послание к Г. Р. Державину (*РНБ, арх. Державина, т. 22. № 55. Л. 297*), в современной науке вдруг устоялось мнение, что некий Павел Левашов-поэт является однофамильцем нашего Павла Артемьевича Левашова (*СРП, 2. С. 196*). Теперь этим несообразностям можно положить конец, поскольку сам Левашов в указанном письме сообщает, что он «с лишком сорока лет не писавши стихов вдруг сделался в новь поетом».

Кроме помещаемых здесь девятнадцати писем Павла Артемьевича за 1774—1804 годы, известно еще восемь его писем к князю Куракину — семь были напечатаны прежде — от 9 января 1774 года из Петербурга (*АКК, VII. С. 268*), 15 мая 1774 из Полоцка (*Там же. С. 296—297*), 27 февраля 1777 из Москвы (*АКК, XI. С. 287*), 1 августа 1777 из Дугина (*Там же. С. 394—395*), 18 августа 1777 оттуда же (*Там*

же. С. 407), от 23 августа оттуда же (Там же. С. 411) и оттуда же от 26 августа 1777 (Там же. С. 412). Последнее — восьмое известное письмо от 21 мая 1774 года хранится в собрании ИРЛИ РАН (ф. 265. Оп. 2. №1434, см. СРП, 2. С. 196). Сам князь в описи входящим письмам указывает на 18 писем Левашова за 1772 — 1782 годы (АКК, VIII. С. 440).

[1]. 13 января 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Вторичным сим моим писмом повторяю вам мое усерное желание в событии всех ваших там благих предприятий, и чтоб такое там в пользу вашу ни случилось прошу без известия меня неоставить дабы я мог по моей к вам преданности принять соучастие в вашей радости,

Присем прошу засвидетельствовать всенижайшее мое почтение Ея С<иятельству> Милостивой Государыне моей Княгине Александре Ивановне² и Е<я>. С<иятельству>. Княжне Аграфене Александровне³, також при случае удостоверить о моем особливом Глубокопочитании Е<го>. С<иятельство>. Графа Петра Ивановича⁴ и Е<я>. С<иятельство>. Графиню Марью Родионовну⁵.

Его Сиятельство Граф Никита Иванович⁶ и все наше сообщество вам известное находится в добром здоровье. Новаго ничего нет. Герцог Курляндской⁷ уехал в свою резиденцию, откуда чрез 3 недели возвратится и потом будет Его Свадьба⁸. Буде ваша собственная вас там неудержит то просил приезжать сюда поскорей

Милостивый Государь
мой Вашего Сиятель
ства всепокорнейший
слуга Павел Левашов

в С. П. бург
Генваря 13 дня
1774

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 347. Автограф.

² Княгиня Александра Ивановна Куракина (1711–1786), рожд. Панина, родная сестра графов Паниных. Супруга посла в Париже обер-шталмейстера Александра Борисовича Куракина-старшего. Бабка нашего князя Куракина.

³ Княжна Аграфена Александровна Куракина (1734–1791) — третья дочь князя Александра Борисовича Куракина-старшего. Фрейлина императрицы Елизаветы Петровны, а в правление Екатерины II считалась «в отпуску». Жила главным образом в Москве при матери, Александре Ивановне; замужем не была.

⁴ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф, покоритель Бендер, выйдя в отставку жил в Москве. Являлся одним из столпов оппозиции, ориентированной на цесаревича.

⁵ Графиня Мария Родионовна Панина, рожд. Вейдель (1746–1775) — вторая супруга графа Петра Ивановича, мать графа Никиты Петровича, отличавшаяся весьма сварливым характером.

⁶ Панин.

⁷ Имеется в виду Петр Бирон, герцог Курляндский и Семигальский (1724–1800), сын знаменитого регента Эрнста-Иоганна Бирона. Крестник Петра Великого, стал герцогом при активной помощи Екатерины II.

⁸ Он 6 марта 1774 года сочетался браком с княжной Евдокией Борисовной Юсуповой (1747–1780), причем брак этот устроен был также при помощи императрицы. Брак долго не продержался — не считая нужным сносить грубость мужа, Евдокия Борисовна развелась с ним, оставшись жить в Петербурге (к слову, так же поступила с ним и первая его супруга герцогиня Каролина-Луиза Бирон, рожденная принцесса Вальдекская).

[2]. 2 февраля 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Мне весьма приятное письмо ваше я к немалому моему удовольствию получить честь имел, но весьма сожелею что исполнением

ваших желаний так долго медлил, но я уповаю получить вскоре от вас приятную о том ведомость,

Его Сиятельство Граф Никита Иванович² все в добром здравии находится и все вам известное наше общество, двор вчера поехал в Царское село где сказывают пробудет недели две. В протчем здесь все старое по старому.

Смею просить засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Ея Сиятельству М<илостивой>. Г<осударыне>. м<оей>. Княгине Александре Ивановну³ <!>, Княжне Аграфене Александровне⁴, Его Сиятельству Графу Петру Ивановичю⁵ и Ея Сиятельству Графине Марье Радионовне⁶. Прошу отдать мне справедливость верить что я есмь с истинным моим много почтением и без пределною преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший
Слуга Павел Левашов
В С. П. бурге
Февраля 2 дня
1774 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 348. Автограф.

² Панин.

³ Куракиной. См. прим. 2 к письму 1.

⁴ Куракиной. См. прим. 3 к письму 1.

⁵ Панину. См. прим. 4 к письму 1.

⁶ Паниной. См. прим. 5 к письму 1.

[3]. 5 мая 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Завтре или непременно послезавтрева я намерен в путь мой отправится. Крайне сожелею что не могу персонально с вами про-

стится, как я Вашему Сиятельству объявляя о намерении моем, чтоб и в Москве побывать и вы мне позволили въехать к вам в дом но как оное без вашего приказанія там быть неможет и для того прошу пожаловать мне письмо к вашему там дворецкому или управителю. И оное письмо прислать ко мне со вручителем сего человеком моим нарочно к вам посланным вы меня тем крайне одолжить изволите. А для меня довольно будет покоя два да для людей моих один покой. Сверх сего какія будут ваши в Москву приказанія я оныя охотно все исполнить почитаю, и с моим не-пременным почтением и совершенною преданностию честь имею пребывать,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший Слуга

Павел Левашов

В С. Петербурге

Маия 5 дня

1774 года

Р. С. Письмо от Его С<иятельства> Г<рафа> Петра Ивановича² я получил исправно.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 349. Автограф.

² Панина.

[4]. 21 июня 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.

По претерпении в дороге разных безпокойств я сего июня 20 дня в Москву приехал несколько больно́й и по милости вашей въехал к вам в дом сего дня нарочную послал я естафету с письмом к Его Сиятельству милостивому Государю Графу Никите Ивано-

вичу² с покорною прозбою о позволении мне остаться здесь до первого числа июля месяца для поправления моего здоровья. Какая же на то воспоследует резолюция покорно прошу удостоить меня слугу вашего неукоснительным ответом я себя лщу что оная резолюция конечно будет милостивая.

Графа Петра Ивановича³ моего отменнаго милостивца уже имел я честь видеть, и Ея Сиятельство Милостивую Государыню Княгиню Александру Ивановну⁴ и принят от них с обыкновенною ея ко мне милостию Они меня всячески уговаривали чтоб с ними хотя дней на пять шесть остаться Неожиданно увидел я здесь и Ея Сиятельство Княгиню Наталию Александровну⁵. я сюда приехав услышел радость за радостию что Его Сиятельство Граф Никита Иванович⁶ и вы все при нем живы здоровы и веселы находитесь.

Завтра воскресенье и будет гулбище в саду. я хотя и не очень здоров однакож нарочно поеду смотреть для Вашего Сиятельства новости которые выберу к вам опишу с описанием всех хороших качеств.

Прошу принесть мое нижайше почтение Милостивой Государыне моей Марье Степановне⁷ Софии Степановне⁸ Александру Федорович⁹ Петру Федорович¹⁰, Степану Степанович¹¹ и обеим вашим братцам¹².

в прочем честь имею пребывать с особливым моим почтением
Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший и преданнейший слуга
Павел Левашов
Из Москвы
Июня 21 дня
1774 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 322—322 об. Автограф.

² Панину.

³ Панина. См. прим. 4 к письму 1.

⁴ Куракина. См. прим. 2 к письму 1.

⁵ Княгиня Наталия Александровна Репнина, рожд. княжна Куракина (1737—1798). С 1754 года замужем за Н. В. Репниным, после фельдмаршала. С 1794 года — статс-дама. Павел I 5 апреля 1797 года наградил ее орденом св. Екатерины I класса.

⁶ Панин.

⁷ Талызина Мария Степановна, рожд. графиня Апраксина (1741—1796), дочь фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина. Родная тетка нашего князя Куракина. С 1763 года жена А. Ф. Талызина (см. ниже).

⁸ Не вполне ясно, кого Левашов имеет в виду. Это, конечно, не София Степановна Апраксина, которая родилась в 1798 году.

⁹ Талызин Александр Федорович (1749—1790; ошибочно годом смерти его везде пишется 1787) — тайный советник и сенатор, опекун малолетних князей Куракиных, один из пособников Екатерины II при восшествии ее на престол и впоследствии один из приближенных к императрице людей. Через свою жену Марию Степановну, рожд. Апраксину, и ее племянников князей Куракиных был в свойстве с графами Паниными. Правильный год смерти установлен по княжеской переписке.

¹⁰ Граф Петр Федорович Апраксин (1728—1811) — генерал-поручик

¹¹ Граф Степан Степанович Апраксин (1747—1827) — генерал от кавалерии, родной брат матери князей Куракиных княгини Елены Степановны (то есть дядя братьев-князей), единственный сын фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина. Он вместе с нашим князем Куракиным учился в Лейдене. Злые языки уверяли, что он был сыном графа Петра Ивановича Панина. Граф Апраксин, наряду с нашим князем, был знаменитым дамским сердцеедом, но в отличие от князя еще был невероятным циником.

¹² Здесь имеются в виду его родные младшие братья — князья Степан Борисович (1754—1805) и Иван Борисович (1761—1827). Князь же Алексей Борисович Куракин находился в это время в Лейдене, где учился в университете.

[5]. Февраль 1776 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович.

Я посылал вчера в банковую кантору справятся естли какая резолюция о выдаче мне моих денег, на что сказали мне что еще нет а представление в Сенат подано уже в декабре месяце прошлова года.

Потом я также посылал и в Сенат в первой департамент осведомится что учинено по представлению Банковой канторы о выдаче мне денег, там сказано что подан доклад Ея И. Вел. в прошедшем генваре месяце, но еще резолюции не последовало, между тем векселя сроки прошли и мне платить нечем: и здесь корреспондент Господина Жамеса² почти каждой день ко мне ходит и требует денги которые я у него занял на покупку деревни равно как и у вас самих. И сие зависит от Его Сиятельства Князь Александра Алексеевича³ чтоб оные денги поскорее мне были выданы: о чем покорно прошу от себя Ево Сиятельство попросить. Я au cas⁴ к нему ездил но не получил дома⁵ а ныне выезжать немогу по причине моей диеты. А на дворе очень холодно.

Всего болше сожелею что не могу быть севодни у Вашего Сиятельства и воспользоваться толь приятною вашею кампаниею,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший и преданнейший

Слуга П. Левашов

в С. Петербурге

февраля дня

1776 года

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 240–240об. Автограф. На л. 243об. рукой Левашова написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю моему Князь Александру Барисович Куракину. в Ево доме».

² Здесь Левашов имеет в виду банкира Джона Джеймса (Jonh Jamesz), который имел контору «Jamesz & Comp». в Москве.

³ Вяземского.

⁴ По сему случаю (фр.).

⁵ Т. е. не застал.

[6]. 2 апреля 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович
Наиприятнейшее Вашего Сиятельства письмо от 8 марта я имел
честь получить будучи в моей белоруской деревне², не могу до-
вольно изобразить сколь много оное меня обрадовало, а наипаче
усмотря из того непременность ваша ко мне милости и дружбы.

Что же принадлежит до претензей Его Сиятельства моего
милостивца Князь Николая Васильевича³, то я надеюсь по воз-
вращении моем в С. Петербург сам обо всем пространнее изъяс-
нится и уничтожить все те слухи которыя до ваших ушей дошли,
между тем однакож я не менее Его Сиятельству благодарен за то
что он меня еще почитает быть в состоянии делать дела прилич-
ныя вашим молодым летам. Изъевленное же ваше в сем случае
обо мне сожаление покорно прошу совести тайной более для меня
полезной случай. И верить, что я завсегда ваши оказуемые мне
благодеянии прямою же ценою, почитать буду. Как и есмь зав-
сегда с безпредельною моею преданностию,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

нижайший и покорнейший

слуга Павел Левашов

В Могилеве

Апреля 2 дня

1777

Р. S. Всепокорно вас Милостиваго Государя моего прошу принести мое всенижайшее почтение Его Сиятельству Милостивому Государю моему и патрону а вашему дядюшке Гр. Н. П.⁴ и удостоить меня уведомлением о его здравии чем меня наичувствительнейше одолжить изволите, також прошу засвидетельствовать мое должное почтение Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Николаю Васильевичу⁵ и Ея Сиятельству М. Г. Княгине Наталье Александровне⁶ и всей ея дражайшей фамилии,

Милостивою Государыне моей Марие Степановне⁷ и Александру Федоровичю⁸, любезным вашим братьям и невестушке⁹, Степану Степановичю¹⁰, Матвею Федоровичю Кашталинским¹¹ и всем нашим общим приятелям.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 244—244об. Автограф.

² Имение Старое Село в Рогачевском уезде Могилевской губернии, рядом с польской границей, которое было пожаловано ему государыней.

³ Князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801) — генерал-фельдмаршал, последний представитель рода.

⁴ Здесь описка Левашова, следует читать Н. И., т. е. Панину

⁵ Репнину.

⁶ Княгиня Наталья Александровна Репнина. См. прим. 5 к письму 4.

⁷ Талызиной. См. прим. 7 к письму 4.

⁸ Талызину. См. прим. 9 к письму 4.

⁹ Речь идет о всех трех братьях, в то время находившихся в Петербурге — Степане Борисовиче (1754—1805), Алексее Борисовиче (1759—1829) и Иване Борисовиче (1761—1827). Невестка может упоминаться только одна — супруга Степана Борисовича, поскольку Алексей Борисович женился на Наталье Ивановне Головиной в 1783 году, а Иван Борисович на графине Екатерине Андреевне Бутурлиной в 1788.

Супругой же князя Степана Борисовича была княгиня Наталья Петровна Куракина, рожденная Нарышкина (1758—1825) — дама весьма примечательная. После свадьбы в 1775 году она была радушно принята всей большой фамилией князей Куракиных, но через одиннадцать лет оставила мужа, страстно влюбившись в его родного дядю и первого красавца Степана Степанови-

ча Апраксина, который не устоял и ответил взаимностью. Их связь сделалась через некоторое время известной, после чего Степан Борисович, влюбившись сам в девицу Екатерину Дмитриевну Измайлову, начал добиваться формального развода, который и был утвержден Синодом в 1799 году благодаря отношению Павла I к князьям Куракиным. Причиной развода, происходившего с согласия княгини, названа «неизлечимая болезнь» жены. Вообще решиться на развод было очень редко для высшего света того времени (поскольку для жены в данном случае это означало отказаться от почестей, блестящего положения и богатства). Необычность этого случая подтверждается тем, что позже при вопросе о разводе великого князя Константина Павловича он был принят во внимание в виду похожих обстоятельств формальной стороны дела.

¹⁰ Апраксину, о котором только что говорилось. См. прим. 11 к письму 4.

¹¹ Кашталинский Матвей Федорович (ум. после 1810). В службе с 1741 года, с 1765 года заведывал Экспедицией церемониальных дел Коллегии иностранных дел, с 1778 года обер-церемониймейстер. С 1783 — тайный советник. Павел I 25 января 1797 года пожаловал его сенатором, а 5 апреля — действительным тайным советником. Вышел в отставку по собственному прошению 26 апреля 1798 года. Имя Кашталинского известно среди первых покупателей книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в лавке купца Г. К. Зотова.

[7]. 30 мая 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Уже с неделю времени, что я в здешнюю резиденцию приехал толико вас моего милостивца еще за отсутствием вашим видеть не удостоился.

Имея же неутолимое желание как наискорее увидеть Ваше Сиятельство, покорно прошу прислать ко мне билет для приезда в Царское Село, получа которой я тотже день нарочно к вам туда приеду, естли толко сие вас неможет обеспокоить, а я к вам из Москвы имею множество поклонов отправить. В ожидании же сего толь приятнаго для меня момента честь имею быть с неограниченною преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший Слуга
Павел Левашов
в Санктпетербурге
Маия 30 дня 1777 года.

Р. S: для получения же от рук ваших билет я нарочно послал вручителя сего моего человека, знак что мое желание видеть Ваше Сиятельство очень велико.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 245–245об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

[8]. 2 июня 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Никогда бы я нечаял видеть себя лишенным удовольствия в такой малой прозбе, ибо почти все кто хочет здесь в городе даже и купцы билеты получают, а я надеелся тем наискорее получить оной чрез Ваше Сиятельство но в надежде моеи краине обманулся. Мне не столко прискорбно сие что я ныне принужденным нахожусь к кому другому адресоватся для получения билета, как то что чрез оное предвижу я сколь мало и впредь могу я возлагать на вас надежду в случаях болшей для меня важности, но невзирая на все то я как был и есмь, и завсегда пребуду с неперменным моим почтением и совершенною преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Павел Левашов

в Санктпетербурге
июня 2 дня
1777 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 255—255об. Писарское, с под-
писью-автографом.

[9]. 28 июня 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович !

Зная сколько вы любите деда Вашего Его Сиятельство Графа Никиту Ивановича² и потому я за долг себе поставляю уведомить Ваше Сиятельство каким образом препроводили мы с ним наш путь и в Дугино³ приехали.

Выезд наш из Санктпетербурга как памятно и вам был с довольно хорошим дождем, которой сопутствовал с нами во всю нашу дорогу целые двенадцать дней и был нам почти несносен тем наиболее что дорогу весьма испортил, особливо от Санктпетербурга до Нова Города, которая уже и без того между наидурнейшими света дорогами справедливо почитается может. Однакож невзирая на все то Его Сиятельство Граф Никита Иванович и мы все находящиеся при нем здраво и благополучно тринадцатым днем в Дугино прибыли.

Я признаюся что мне так медлительно ехать крайне бы наскучило, есть ли бы не был я в такой приятной кампании, но поистине могу сказать без всякой лести что с дядюшкою вашим никак сего случиться не может потому что он сам веселаго и благосклоннаго нрава так что мы с ним во всю дорогу проговорили и просмеялись одним словом весьма весело препроводили. Я усердно желая чтоб Ваше Сиятельство еще наиболее своим добронравием на него походили и к преданным вам друзьям столко же ласковы и благосклонны были, то кажется что nebude уже ничего болше

недоставать к протчим достопохвальным и персону вашу украшающим качествам.

Сколь нидолго то время, которое мы здесь как чайтельно проживем а именно целые два месяца, а может быть и с барышом, но я ласкаюся оные такоже весело и приятно препроводить, особливо когда еще к нам Его Сиятельство Граф Петр Иванович⁴ и Ея Сиятельство Княгиня Александра Ивановна⁵ приедут. Блаженство мое было бы совершеннейшим есть ли бы и Ваше Сиятельство здешние селские пределы посетили и нас Вашего лицезрения удостоили, и когда бы я самолично мог сказать то что я есмь всегда с бесконечною и чистосердечною моею преданностию

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

В Дугине

Июня 28 дня

1777 года.

Р. S. Извините Милостивый Государь мой что я к вам писал письмо не своею рукою, причиною тому что зрение глаз переместилось и я при суждении употреблять ачки а к ним еще не привык. Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение всем тем кто меня жалуует и любит, и кто удостоит меня своим напамытованием.

Ежели ваши в болшом Свете упражнении допустят вам удостоить и нас удаленных своим напамытованием то покорнейше прошу уведомить меня о дражайшем вашем здравии також и о том что у вас есть новаго примечания достойнаго.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 246–247об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Панина.

³ Жалованная усадьба графа Н. И. Панина в Сычевском уезде Смоленской губернии. Летом 1777 года туда съехалось много гостей — кроме хозяина графа Н. И. Панина и сопровождавшего его П. А. Левашова, приехали князь Н. В. Репнин с супругой, княгиня А. И. Куракина, граф П. И. Панин, и князь Алексей Борисович. Разъехались они только в конце лета — князь Н. В. Репнин уехал в Москву 25 августа, несколькими днями позже, 28 числа, княгиня Н. А. Репнина вместе с князем Алексеем Борисовичем Куракиным уехали в Петербург; 30 августа в Москву уехали граф Петр Иванович и княгиня Александра Ивановна. Последним уехал граф Никита Иванович вместе с Левашовым — 3 сентября.

⁴ Панин.

⁵ Куракина. См. прим. 2 к письму 1.

[10]. 21 октября 1778 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Излишно было бы описывать вам какую имел я дурную дарогу от Санктпетербурга до самой Москвы, и сколько должен был претерпеть разных в пути беспокойств, что само собою глубокоосеннее сие время довольно уже доказывает. Вы из сего Милостивый Государь мой ощутительно уразуметь можете сколь мне наконец пришло несносно жить в Санктпетербурге, когда я невзирая ни на время, ни на дурную дарогу, ни на все от разбойников опасности принужден был взять себя в преднозначенной мне путь. Однакож Благодарю Бога что как нибудь сюда доехал и как Ея Сиятельство Княгиню Александру Ивановну², так и Ево Сиятельство Графа Петра Ивановича³ и Ея Сиятельство Княжну Аграфену Александровну⁴ нашел в добром здравии и принет от них с обыкновенною их ко мне милостию и ласкою.

В здешнем городе также неимея чем с благопристойностию жить принужден я отдохнувши несколько дней уехать в свою комоленскую деревенку, и там осудить себя по нынешнему зимне-

му времени на самую скучную жизнь, где и буду я ожидать решения моей судьбы.

Теперь то прямо узнал я каков есть свет. Равно же как истинну сию Святова Писания которое весьма ясно говорит не надеется на князи и на сыны человеческия в них же несть спасения, после чего мне и осталось возложить всю мою надежду на Единого Бога и на известное всему свету великодушие Всеавгустеишии нашей Монархини, и никаво ни о чем болше не просить, и как других, так и себя по напрасну нетрудить, а что вышняя судьба в разсуждении меня определила, то и будет. Правда же и то что хотя и очень мало, однакож находятся в свете и такие князья, на которых в случае нужды еще можно понадеется, в числе которых я конечно Ваше Сиятельство почитаю, и прошу вас содержать меня завсегда в непрерывной вашей любви и милости и удостоить меня иногда вашими начертаниями а я в уединенном моем житии каждую вашу строчку почту новейшими знаками вашего ко мне благоволения и милости. И с моим всеусерднейшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь мой!
Вашего Сиятельства
всенижайший и покорнейший
слуга Павел Левашов
В Москве
Октября 21 дня
1778 Года

P.S. Присем покорно прошу принести мое глубочайшее почтение Его Сиятельству Милостивому Государю Графу Никите Ивановичу⁵, Ея Сиятельству М<илостивой> Г<осударыне> К<нягине> Наталие Александровне⁶, Его Сиятель-

ству К<нязю> Николаю Васильевичу⁷, любезным вашим
братцам⁸ и сватушке⁹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 449. Л. 120—120об—121—121об. Пи-
сарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Куракину. См. прим. 2 к письму 1.

³ Панина. См. прим. 4 к письму 1.

⁴ Куракину. См. прим. 3 к письму 1.

⁵ Панину.

⁶ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁷ Репнину. См. прим. 3 к письму 6.

⁸ См прим. 12 к письму 4.

⁹ Возможно, имеется в виду княгиня Наталья Петровна Куракина. См.
прим. 9 к письму 6.

[11]. 22 ноября 1778 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Вчера Ея Сиятельство Княжна Аграфена Александровна²
изволила мне показывать приписку вашу в письме Ея содержа-
щую ответствие на мои последние к вам два письма за что прино-
шу мою наипризнательнейшую благодарность, и препоруча меня
продолжениям вашае ко мне милости честь имею быть с досто-
должным моим почтением

Р. С. Его Сиятельству Князь Гавриле Петровичю³ присем
свидетельству свое нижайшее почтение,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга

Павел Левашов

В Москве

Ноября 22 дня

1778

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 153. Автограф.

² Куракина. См. прим. 3 к письму 1.

³ Гагарину.

[12]. 30 мая 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Как Вашему Сиятельству из прежних моих писем небезызвестно, что я по отъезде вашем из Москвы и сам в скором времени отъехал сюда в Белорусские мои деревни, где хотя я недумал пробыть более двух месяцев, однакож и поныне принужден здесь жить а причиною тому не столько Економические мои Упражнения сколько с стороны причиненные мне по землям моим хлопоты, а именно некоторые мои беспокойные и алчные соседи вздумали было воспользоваться моим отсутствием, и неправильно захватили в свои кохти многие мои земли и угодьи, и тем привели меня в нужду разводиться с ними приказным порядком. И от таковых несправедливых их притязании себя защищать. Сие то наиболее всего меня здесь ныне занимает, и как думаю до будущего июля месеца в здешнем краю удержит. Освободясь же от всех оных судебных хлопот старатся буду как наискорее в Москву отъехать, а оттуды может быть и к вам в Санктпетербург незамедля отправлюсь, где усердно желаю наитить вас моего милостивца в вожделенном здравии и благополучии. И с моим всенаисовершеннейшим почтением и неограниченною преданностию пребываю навсегда.

Милостивый Государь мой!

Вашего Сиятельства

всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

В Старом Селе

Маия 30 дня

1779 Года.

P. S.

покорно прошу принести мое глубочайшее почтение Е<го> С<иятельству> М<илостивому> Г<осударю> графу Никите Ивановичу², Ея С<иятельству> М<илостивой> Г<осударыне> Княгине Наталье Александровне³, Милостивому Государю моему Князь Алексею Григорьевичу⁴ и всем тем кто жалует меня поклон.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 149–149об–150–150об. Писарское, подпись и посткриптам — автограф.

² Панину.

³ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁴ Возможно имеется в виду князь Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735–1807).

[13]. 3 сентября 1779 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь мой!

Почтенное и мне приятное Вашего Сиятельства письмо третьего августа из Царскова села пущенное нашло меня здесь в отдаленности от света, и живущаго так сказать, в пустынях, я весьма был обрадован видя из того непременность ваша ко мне милости, в чем наиболее еще уверяет меня приемлемое вами участие в прекращении с некоторыми моими соседями споров силою законов и в мою еще ползу ибо ничего неможет быть в свете удовольствительнее как по претерпении обид, на конец видеть себя над врагами своими, то есть над соперниками торжествующим. Я ласкаю себя что Ваше Сиятельство наиболее еще порадуетесь услыша что я чрез судебное прение имел случаи несколько познать и полские права, по которым здесь земские дела болшею частию судятся, и мог бы на некоторую оных часть зделать комментарии, к немалой рода человеческого ползе. Но как и самые наимудрей-

шие законы очень мало людей ползовать могут, когда оные надлежаще не исполняются, а и того еще менее оных коментари, и для того то я разсудил чтоб тем перо мое незанимать напрасно.

Смело могу сказать что целой век с отверстыми глазами над законами сидя неможно столко познать их совершенство и пороки, сколко в самое короткое время будучи принужденным с кем либо иметь тяжбу или судится, и себя защищать, правда что школа сия крайне неприятна, а особливо для такова человека, как я, которои всему в свете предпочитает спокойное и мирное с друзиями своими житие.

Святое Писание говорит Блажен человек Его же еще накажиши Господи, и от Закона твоего научиши. Блажен бы я был сто крат блажен, есть ли бы я знал все то дватцать лет прежде, что ныне знаю, и такое же бы имел о вещах сего света понятие, но лутчеи уж то позабыть, чего более невозвратить.

Желание ваше видеть меня в Санктпетербурге уже и одно силно меня к вам привлекли колми ж паче что я и долг имею туда приехать для изъявления моей благодарности всем моим благодетелям и милостивцам, и потом паки в деревню на уединенное свое житие возвратится, и ожидать с спокойным духом конца безпокойной сего света жизни.

Ежели Вашему Сиятельству нетрудно будет по прошу изъявить мое глубочайшее почтение Его Сиятельству милостивому Государю Графу Никите Ивановичу², милостивои Государыне моеи Княгине Наталие Александровне³, Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Николаю Василиевичу⁴, милостивой Государыне моей Марие Степановне⁵, милостивому Государю моему Александру Федоровичу⁶, Князь Алексею Барисовичу⁷, Матвею Федоровичу Кашталинскому⁸, и всем тем кто пожалует удостоить меня своим напамятованием, и обо мне скажите, ежели кто спросит что я живу, но живу в скуке, и что во многом терплю недостаток, помере того как я уже жить было

привык. Вы не можете поверить сколь тяжело привыкать от хорошева к дурному, а от удовольствия к недостатку: писано есть, претерпев же до конца то и спасен будет. В ожидании чего честь имею быть завсегда с непременною моею преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Павел Левашов
В Тощице
Сентября 3 дня
1779 Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 151–151об–152–152об. Писарское, с подписью-автографом.

² Панину.

³ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁴ Репнину. См. прим. 3 к письму 6.

⁵ Талызиной. См. прим. 7 к письму 4.

⁶ Талызину. См. прим. 9 к письму 4.

⁷ Куракину.

⁸ См. прим. 11 к письму 6.

[14]. 14 августа 1782 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович
Испытанная Вашего Сиятельства ко мне давнoletняя милость и дружелюбие ласкают меня что вы получа сие мое письмо несколько порадуетесь видя что я еще жив, и нахожусь ныне в Дугине у Его Сиятельства моего милостиваго благодетеля Графа Никиты Ивановича². Единственно чтоб увидеть Ево я ехал сюда нарочно около пятисот верст, и принудил себя оставить мое деревенское уединение. Вот что делает преданность моя и почтение к великим и прямо добродетельнейшим мужам.

К болшему моему удовольствию нашел здесь ваша фамилия почти всех тех которых я издавна привык любить и почитать и сними совокупно препровождаем мы здесь наше время весма весело и приятно, правда что блаженство мое было б наисовершенное естли б и Вашего Сиятельства здесь же ныне находились, тем наиболее что я безмерно желателен был видеть вас здесь украшеннаго разными ординами яко знаками отличных достоинств и тем вас самолично поздравить, однакоже я ласкаю себя надеждою что в будущем сентябре месяце в том мое желание неизменно исполница ибо сколко известно вы в проезда ваш чрез Белорусию и наш город Могилев посетить изволите. И так я ныне отложу ездю мою в Москву и Каломну возвращуся отсюды прямо в Белорусию где с протчими моими согражданами и будут ожидать толь вождеденнейших гостей, коликое же притом для меня будет утешением что я увижу там тех кому мое навеки посвященное имею благоговение, и возымею случай удостоверить вас моего милостиваго благодетеля о неперемнной той преданности с которою есмь завсегда,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

P. S.

М<илостивому> Г<осударю> моему Князь Алексею Барисовичу³ Свидетельствую мой нижайший поклон,

В Селе Дугине

августа 14 дня

1782.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 334–334об. Автограф. Князь Куракин в это время путешествовал по Европе в свите Павла Петровича

и Марии Феодоровны, и письмо это он получил в Монбельяре, где они гостили у родителей великой княгини.

² Панина.

³ Куракину.

[15]. 10 марта 1786¹.

Милостивый Государь мой Князь Александра Борисович!

Простясь с вашим сиятельством разстался я с великолепным градом Святого Петра не без сожаления оставя там многих друзей и милостивцов. По выезде же моем продолжал я путь мой в Ригу, из Риги вверх Двиною, между российской и курляндскою границею до тех мест, где начались Двинские пороги, в оных местах невзирая на тогдашнею жестокою стужу вода незамерзла и стремилась по камениям с превеликим шумом, по причине чего принужден я уже ехать берегом самую дурною гаристою дорогою подобною валдаиской на Динабург, Юреславль и на Полоцк, по обеим сторонам реки Двины, очень часто находятся преизрядные господские каменные дома, хорошие местечки и несколько похоже как по реке Рейну в разных местах старинные каменных замков развалины. Я очень был доволен что часть сию России видел, и теперь могу сказать что от самага Балтийскаго моря до впадения реки Днепра в Черное море российской империи граница зделалася мне знакомою. Потом продолжал мой путь на Витебск, на Шклов и Могилев наконец достигнул я к тихому своему пристанищу довезя свой скудельной сосуд благополучно в мой дом, где чрез десять дней успокоения толко что начинаю собирать свои разточенныя силы, и теперь в первые принимаюся за перо принести вашему сиятельству наичувствительнейшее мое признание и благодарение за все оказанные ваши ко мне милости в бытность мою в Санктпетербурге, а наипаче за доставление мне по прежнему входа к их императорским высочествам лишение чего

как вашему Сиятельству известно сколь много меня завсегда печаливало. Сию вашу ко мне отменную милость я в душе моей вечно запечатлею. Ваше Сиятельство не можете себе представить сколь для меня утешительно было наитить в образе вашем новаго благодворителя на место покойнаго деда вашего, а моего прямаго благодетеля и милостивца Графа Никиты Ивановича², котораго я прекращением жизни лишился к крайнему моему сожалению, и тако препоруча меня в продолжение вашей неоцененныя милости честь имею быть завсегда с наиотличнейшим моим почтением и совершенною преданностию.

Милостивый Государь мой!
вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорней-
ший слуга П. Левашов
в Старом селе
марта 10 дня
1786 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117.164–164об. Писарское, с подписью-автографом.

Во время своего путешествия Павел Артемьевич вел дневник, в котором описал путешествие от Риги до Могилева. Этот дневник он послал к своему давнему корреспонденту графу А. Р. Воронцову при письме своем от 24 февраля 1786 года (АКВ, XIV. С. 445–446).

² Панина, который скончался в 1783 году.

[16]. 19 февраля 1797 года¹.

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

Известие о восшествии на престол Его Императорскаго Величества давно всеми усердными и преданными Его Величеству

вожделенное не ожидаемо до меня старца в пустыне живущаго достигшее, произвело во мне такую чувствительную радость, что я оной ни языком, ни пером довольно изобразить не в силах и мне тогда показалось что я сорока летами помолодел чему доказательством есть то, что я с лишком сорока лет не писавши стихов в друг сделался в новь поетом и тогда ж написал пять стров стихов на случай возшествия Его Императорскаго Величества на всероссийский престол, которые во удовольствие Вашего Сиятельства любопытства присем посылаю². Правда я и сам признаюся в несовершенстве красоты их слога, но оно награждается горящим моим из давних лет к Его Императорскому Величеству усердием, которое и было главною причиною моей прежде временной от службы отставки. Я нетерпеливо ожидаю Вашего Сиятельства в Москву прибытия, где из устну буду иметь честь изъяснить вам то отличное почитание и преданность, с коими из давна был, есть и пребуду за всегда

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший слуга

Павел Левашов

в Москве

февраля 19 дня

1797 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 874. Л. 62 — 62 об. Внизу л. 62 рукой Куракина написано: «Павел Артемьевич».

² Ода называется «Дух радостию восхищенный», прилагается при настоящем письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 874. Л. 63 — 64). Писарская копия (возможно, по причине плохой разборчивости почерка самого Левашова). Мы поместили ее, наряду с другими публикуемыми стихотворениями, в приложениях в конце настоящей книги.

[17]. 18 марта 1797 года¹.

Ответствовано 19 марта 1797².

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь мой!

Бумагу которую я имел честь показывать Вашему Сиятельству, уже давно к поданию готова, только остается теперь всепокорнейше просить ваше Сиятельство рекомендовать меня Юрию Александровичу³. Будучи уверен, что таковая ваша рекомендация, в деле моем весьма много весу прибавит.

Милостивый Государь Мой
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорнейший
слуга Павел Левашов
Москва
Марта 18 дня
1797-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 152. Л. 79. Писарское, с подписью-автографом.

² Запись рукой неустановленного лица.

³ Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752–1829) — тайный советник, писатель. Долгое время, до возвышения в службе, был памятен современникам лишь тем, что кутил во время учебы в Страсбурге и любил хорошо поест. Приближенный к Павлу I, причем во многом из-за родства с князьями Куракиными.

[18]. Март 1802 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Пре мудрые Государи в честь истинных заслуг на поприще гражданских и военных подвигов установили разные Ордены для верных сынов Отечества в числе которых в воздаяние трудов и мирных гражданских добродетелей учрежден Государынею Императрицею Екатериною Второю Орден святого и равноапостольного Князя Владимира, а поелику великодушные и правосудные Российские монархи сами велегласно призывают верноподданных своих к получению означенного Ордена имеющих к тому законное право, следовательно уклонение от того Заслуживших оное право было бы нечувствование собственной своей чести и благодарности к высоким установителям таковых орденов. Но как в статуте святого и равноапостольного Князя Владимира между прочим в 7-м пункте Сказано: что всяк кто выслужит беспорочно 35-ть лет имеет право получить сей орден, в пополнение к тому в Указе Государя Императора Александра Перьваго от 12-го декабря 1801-го года в 8-м пункте сказано что получить могут знаки сего ордена те которые в бедствиях от огня или воды и в подобных тому случаях подвергая себя личной Опасности или стараниями своими спасут или сохранят жизнь свою десяти человекам но я признаваю <!> что означенные два пункта мною по службе отечеству в точности выполнены что и дает мне законное право, но куда я в том более прибегнуть могу как токмо не к покровительству Государственной коллегии иностранных дел, в высокославной которой команде наибольшее время моей службы продолжалось и от которые я чрез предстательство и рекомендацию прежде бывших Ея мудрых господ министров имел щастие получить чины, деревни, денги и продолжающуюся поныне пенсию, а сие самое вперяет<!> мне надежду что и ныне к полу-

чению желаемого мною Ордена Государственная Коллегия Иностранных дел и мудрая Ея министры не отрекутся сделать обо мне куда следует надлежащее представление. в доказательство же долговременной и отличной моей отечеству службы представляю при сем формулярный список в чем во всем предаю меня милостивому Вашего Сиятельства благоволению и покровительству честь имею быть завсегда, с глубочайшим моим почтением.

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший слуга

Павел Левашов

Марта дня

1802-го Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Ех. 199. Л. 351 — 351об — 352. Писарское, с подписью-автографом. Просьба осталась без последствий.

[Приложение]¹.

Формулярная ведомость службы действительного статского советника Левашова:

Действительной статский советник Левашов, в военной службе находился с 1737-го года по 1750-й год. бывал в прежних турецких походах в сраженьях и при осаде крепостей; а с 1750-го по 1778-й год находился он Левашов при Государственной Коллегии Иностранных дел, и употребляем был по большей части при миссиях вне государства где занимал он разные важные посты, а что он служил с отличностию оное доказывают разные Монаршие награждения: чинами, деревнями, денгами, и пенсиою; всей же его в военной и статской службах бытности слишком 40 лет. По статуту же Ордена Святого Владимира получают оной все

чиновники выслужившие 35 лет. Следовательно Левашов выслужа с лишком 40 лет имеет законное право к получению онаго ордена.

В пополнение к сему статуту а именно: в указе 1801-го года декабря 12-го дня изданном в осьмом пункте сказано: что получать могут знаки онаго ордена и те, которые в бедствиях от огня или воды или в подобных тому случаях подвергая себя личной опасности или стараниями своими спасут или сохранят жизнь более 10 человекам.

Но как Левашов в бытность его в Константинополе во время когда была объявлена Турками России война и Г<осподи>^н резидент Обресков² посажен был в едикул³; а он Левашов оставался на воле и увидав что послано было от султана турецкаго к хану крымскому керимьегерю секретное повеление чтобы он внезапно учинил нападение на российский границы, то он Левашев противу запрещения от порты подвергая личной опасности угрожающей собственную его жизнь, секретно отправил от себя двух курьеров в Россию с означенным известием единственно для спасения чрез то от неизбежной смерти и пленения многих тысяч христианскаго народу за что хотя и не лишен был жизни но вместо того посажен был за то в едикул где претерпел много бедствии, чрез таковое предварительное о том известие пограничные селения спасены были от всеконечнаго их раззорения и опустошения; каковая важная услуга Левашова и дает ему право к получению означеннаго ордена.

К чему так же можно еще присовокупить и открытой Левашовым секретной способ к разрушению неприятельских понтонов котрой непосредственно служить может в случае нужды ко спасению не токмо нескольких тысяч храбрых воинов, но и целой армии от неприятельскаго с превосходными силами нападения и поражения, каковаго способа действительность Генералом от артиллерии Господином Корсаковым⁴ обще с господином Генерал

адъютантом Уваровым⁵ испытана и найдена полезною; о чем в представленном от него Генерала Корсокова Его Императорскому Величеству доношении пространнее изображено, — во уважение чего он Левашов имел щастие получить от Его Императорскаго Величества бралиянтовой перстень яко знак Его Высокочинаршаго благоволения; но сие не лишает его Левашова предписаннаго по статуту права к получению Ордена но еще более оное подтверждает.

Павел Левашов.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Ех. 199. Л. 353 — 353 об. Писарский, с подписью-автографом.

² Обрезков Алексей Михайлович (1720—1787). В 1751—1768 годах русский резидент в Константинополе, с 1779 года — сенатор, с 1784 — действительный тайный советник.

³ Семибашенный замок.

⁴ Корсаков Алексей Иванович (ум. 1821) — генерал от артиллерии в 1803—1821 годах. Член Военной коллегии, почетный член Академии художеств, президент монетного департамента, директор Горного кадетского корпуса. С 1813 года сенатор.

⁵ Граф Федор Петрович Уваров (1769—1824), генерал-адъютант, единственный из участников заговора 11 марта 1801 года, который продолжал пользоваться расположением Александра I.

[19]. Июнь 1804 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь Мой Князь
Александр Борисович !

Почтенное писание Вашего Сиятельства от 4-го Сего текущего я имел честь получить, которое влияло<!> в здоровье мое новыя силы и особливое в душе моей удовольствие, Усмотря же из онаго что Ваше Сиятельство намерены приехать сею осенью в

Москву куда и я по первому зимнему пути приехать намерение имею, Где за щастие почту увидеть Ваше Сиятельство и лично засвидетельствовать мою безпредельную к вам приверженность и глубокое почитание с которым честь имею быть завсегда

Милостивый Государь Мой

Вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

Июня дня

1804-го Года.

Старое Село.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 212. Л. 259. Писарское, с подписью-автографом.

Николай Александрович
Львов

Письма Николая Александровича Львова (1751—1803/1804) к князю Александру Борисовичу Куракину являются логическим дополнением к просьбам о его детях, фигурировавшим в переписке его друга и родственника Г. Р. Державина с нашим князем и напечатанных в соответствующем разделе.

[1]. 2 марта 1801 года¹.

Милостивый Государь!
Сиятельнейший Князь!
Александр Борисович!

При самом вступлении на престол Императора Ваше Сиятельство удостоивали меня покровительством своим². Печать благо-

дарности осталась навсегда неизгладимою в душе моей. Сие чувство уверяет меня, что не откажете вы и теперь справедливости умираваго, и доселе еще лежащаго на смертной постеле отца³ в незаслуженной обиде, сделанной детям его.

Милостию нашего Монарха и покровительством Вашего же Сиятельства двое сыновей моих⁴ записаны были в юнкеры Иностранной коллегии, и в следствие назначения по службе их, которую они действительно при Архиве Иностранной коллегии продолжали, выучены языкам и приличным сведениям, по выбору и без всякой прослуги исключены, и ныне вторично в недорослях считаются. Ни я ни они, кажется, сего исключительнаго права не заслужили; но я с моей стороны о возстановлении службы их никогдабы просить не осмелился, есть ли бы исключение из оной или по молодости старшинства или по неспособности служащих сделано было. Зная, что на убавку Юнкеров была воля Монаршая, а не на выбор. Почему и осмелюся вторично Ваше Сиятельство просить об определении двух моих сыновей с старшинством к прежней их в Московском Архиве^х, ибо многие по выбору же после реформы приняты были. На благородном чувствовании вашем основана моя надежда. Граф Никита Иванович⁵ благодетельствовал отцу; идущей по стези его не откажет в покровительстве детям его.

Честь имею быть с непреложным и совершенным высокопочитанием и преданностию

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший Слуга

Николай Львов

Марта 2 дня

1801-го года

Москва

Его Сият^{ВУ} Кн. Ал. Бор. Куракину.

Х или в Петербург с коллегиею

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. СТ. Ех. 194. Л. 133–133об. Писарское, приписка и подпись — автограф.

² По вступлении своем на престол, Павел I пожаловал Львову в декабре 1796 года чин действительного статского советника, а указом от 21 августа 1797 года был назначен управляющим созданных по его замыслу школ «земельного битого строения» (*СРП*, 2. С. 244). Традиционно считается, что эти знаки внимания императора были инспирированы покровительством графа А. А. Безбородко (там же).

Думается, что князь Куракин уже не смог повлиять на эту ситуацию, поскольку в ночь с 11 на 12 марта 1801 года Павел I был убит.

³ В сентябре 1800 — апреле 1801 года Львов тяжело болел и провел эти месяцы в постели, думая, что выздороветь уже не сможет.

⁴ Речь идет о двух сыновьях А. Н. Львова — старшем Леониде Николаевиче (1784–1847) и младшем его на два года Александре Николаевиче (1786–1849), заботами князя Куракина восстановленных в Коллегии. Немногим позже об отпуске для Александра Львова просил князя Куракина Г. Р. Державин — родственник и ближайший друг Н. Львова (см. письмо от 25 июля 1802 года, публикуется в настоящем издании).

⁵ Панин.

[2]. 12 апреля 1802 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

Две уже недели, как привезя себя на ходулях в Петербург, по сю пору не могу выехать, простудясь вторично в дороге, и по тому не имел еще возможности отдать Вашему Сиятельству долг личного моего высокопочитания. Между тем получа письмо от жены Министра нашего в Мадрите Господина Муравьева², которой желает, что бы большой сын мой³ послан был к его миссии, и бо-

ясь не пропустить может быть удобнаго к тому времени осмеливаясь убедительнейше просить Ваше Сиятельство, исполнением сей просьбы ошастливить сына моего и к обязанностям многим прибавить новое титло душевной и безпредельной благодарности.

Никакое впрочем добро не может умножить того совершеннаго высокопочитания и безпредельной преданности, с коими будет по век

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший и послушнейший
Слуга Николай Львов
Апреля 12 дня
1802 года.
Его Сият<ельст>ву Кн. А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 199. Л. 408. Писарское, с подписью-автографом.

Князь Куракин выполнил просьбу Н. А. Львова и Леонид Николаевич Львов был отправлен к нашему посольству в Мадриде, откуда возвратился в 1804 году и продолжил службу в Коллегии иностранных дел.

² Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1769? — 1851) — тайный советник и сенатор. С 1799 года наш посланник в Гамбурге. В 1801 году назначен членом Коллегии иностранных дел, с 1802 года — полномочный министр в Мадриде. Затем служил товарищем министра Народного просвещения. После отставки жил в своем рязанском имении Старожилово Пронского уезда.

Жена его — имеется в виду его первая супруга Анна Семеновна Муравьева-Апостол, рожд. Черноевич (ум. 1810), писательница.

³ Леонид. См. прим. 4 к письму 1.

Ефрем Осипович
Мухин

Ефрем Осипович Мухин (1766–1850) является одним из самых известных русских медиков. Доктор медицины и хирургии, действительный статский советник, выдающийся хирург и анатом, автор первого в России руководства по хирургии и одного из первых курсов по анатомии. Мухин был автором множества медицинских трудов и трактатов, которых вместе с переводами насчитывается почти пятьдесят названий (Змеев, 2. С. 23–25). Мухин также имел громадную практику, которую оставил только восьмидесяти лет.

[1]. 26 ноября 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Имею счастье рекомендовать себя Вам в доме Его Сиятельства Графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского², коего имею честь быть Доктором, и, во время посещения Вашего Голицынской публичной больницы, имел честь поднести Вашему Сиятельству экземпляры трудов моих³, был рекомендован Вам Его Сиятельством, Князем Александром Михайловичем Господином Обер-Камергером Голицыным⁴. Вы, удостоив меня и труды мои Вашего милостиваго внимания; изволили сказать: что книги мои будут Вам напоминать о мне.

Поставляя себе самым приятным предметом быть известным Вашему Сиятельству и заслужить продолжение ко мне милостиваго Вашего внимания, имею честь поднести присем Вашему Сиятельству новый экземпляр трудов моих — знак особеннаго моего к Особе Вашей высокопочитания⁵. Я препроводил книгу сию начальству, в подкрепление сделаннаго о мне представления Его Сиятельством Князь Александром Михайловичем обер-камергером Голицыным к Высокомонаршему награждению: посему весьма щастливым почту себя есть ли Вы Ваше Сиятельство! окажете мне милость, сделав письменную рекомендацию о мне, и засвидетельствуете труды мои и успехи, оказываемые в Голицынской больнице, Его Сиятельству Графу Виктору Павловичу Кочубею⁶.

Я же за счастье поставляю себе всегда быть с истинным чувством глубочайшаго моего высокопочитания и совершенной преданности к Вашему Сиятельству,

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Ваш всепокорнейший слуга

Ефрем Мухин

Москва
1806 Года
Ноября 26 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 234. Л. 167–168. Писарское, с подписью-автографом.

² Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737–1807) — генерал-аншеф, прославившийся победой при Чесме в 1770 году, одержанной русским флотом под руководством Орлова.

³ Скорее всего, это были следующие издания сочинений Е. О. Мухина (по крайней мере, два из перечисленных): *De stimulis corpus humanum vivum afficientibus*. Gottingue, 1804; *Разговор о пользе прививания коровьей оспы*. М. 1804; *Рассуждение о средствах и способах оживотворять утопших, удавленных и задохшихся*. М. 1805.

⁴ Князь Александр Михайлович Голицын (1723–1807) — дипломат, вице-канцлер. После обострения отношений с Н. И. Паниным в 1775 году подал в отставку. Жил в Москве. После смерти в 1793 году в Вене своего двоюродного брата, русского посланника князя Д. М. Голицына, занимался на завещанные им деньги устройством Голицынской больницы.

Ефрем Мухин был с 20 апреля 1800 года главным врачом Голицынской больницы.

⁵ Речь идет о первом в России руководстве по хирургии: *Первая начала костоправных науки*, сочинение Оператора Ефрема Мухина, с анатомическими рисунками. М. 1806.

⁶ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), с 1799 года — граф, а с 1831 — князь. В то время занимал пост министра Внутренних дел. Мухин приводит имя В. П. Кочубея потому, что все медицинские учреждения империи относились тогда к его ведомству.

Андрей Андреевич
Нартов

Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) является не только известным ученым и литератором второй половины XVIII — начала XIX вв., но и общественным деятелем. Интересно, что своей удачной карьерой он во многом был обязан покровительству нашего князя Куракина, с которым лично познакомился во второй половине 1770-х годов.

Андрей Андреевич Нартов считался одним из просвященнейших людей своего времени. Обладал глубочайшими познаниями в вопросах рудных дел, минералогии и химии, много сделал для развития русского сельского хозяйства и земледелия, первым настаивал на введении парового отопления, и даже явился основателем лесоводства в России как науки. Владение иностранными языками позволило ему стать известным переводчиком и писателем, а Н. И. Новиков в своей книге (*Новиков. С. 145–147*) воздает ему множество похвал. Андрей Андреевич так же славился среди современников остроумием и ученостью.

Фамилия князей Куракиных была известна Нартову еще по рассказам отца — знаменитого русского механика и изобретателя Андрея Константиновича Нартова, который был хорошо знаком с князем Борисом Ивановичем, прадедом нашего князя. Особенно же его отец был полон благодарности к князю Александру Борисовичу Куракину — деду князя, который способствовал падению светлейшего князя А. Д. Меншикова, давнего противника и притеснителя А. К. Нартова.

Первая встреча Нартова с нашим князем могла произойти 20 февраля 1765 года, когда молодой князь еще жил во дворце. В этот день, как записал Порошин, «подполковник Нартов поднес государю переводу своего книжку, называемое «Торжество философии»» (Семена Порошина записки... Спб, 1881. С. 257—258).

Если А. К. Нартов был благодарен предкам нашего князя, то его сын Андрей Андреевич начиная с конца 1770-х годов был под покровительством князя Александра Борисовича, коему он в значительной степени обязан своей карьерой. Это, надо думать, происходило еще и потому, что области интересов Нартова часто совпадали с интересами князя, особенно что касается «экономии» — сельского хозяйства и земледелия.

По причине этих интересов князь Александр Борисович в конце 1790-х — 1800-х годах являлся главным благотворителем императорского Вольного Экономического общества, членом которого он был с 1776 года, постоянно на свои средства устраивая так прославившие Общество конкурсы. В знак благодарности 20 декабря 1796 года Общество направило князю просьбу возложить на себя звание президента, однако князь не смог принять этого предложения по причине занятости, но указал на Нартова «яко ревностного и трудолюбием своим всему Обществу известного сочлена», который и был 3 января 1797 года избран президентом, оставаясь в этом звании до самой своей смерти¹.

Здесь мы публикуем 21 письмо Нартова к князю Куракину за 1779 — 1811 годы, одно из которых коллективное (за № 14), а также три отпуска с писем самого князя, которые помещены между письмами в соответствии с хронологией. Началась же их переписка годом раньше — в 1778 году: первое известное письмо датировано 28 сентября 1778 года; оно было напечатано в 1902 году (АКК, X. С. 383—385).

¹ Это письмо от Вольного Экономического общества, датированное 20 декабря 1796 года и подписанное семнадцатью его членами, сохраняется среди бумаг князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 147. Л. 87 –78об):

«...Императорское Экономическое Общество неимея ныне в Собраниях своих Президента восприяло общим всех членов согласиём намерение, просить Вашего Сиятельства яко усерднейшаго Сочлена своего о принятии Президентскаго звания; чегоради возлагая изъявление усерднейшаго общественного прошения на Господ членов Ореуса и Надворнаго Советника и Кавалера Эйлера ожидает благосклоннаго отзыва, пребывая с отличным высокопочитанием и совершенною преданностию на всегда...».

[1]. Начало 1779 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

По отличной вашего Сиятельства к мне Милости, чрез вас поднесены были Его Императорскому Высочеству труды мои по горным и монетным делам², кои удостоились высочайшей Аprobации, и за которые Самолично я от Государя возблагодарен. Сие возродило во мне вновь желание собирать разныя сведения, заключающия в себе пользу Государственную. Я начал из Архивных известий сочинять выпись всем заводским производствам, от начальнаго их в России заведения по нынешнее время, дабы Его Императорское Высочество читая их, узнал существенныя причины медлительнаго сперва процветания минеральных промыслов, дабы усмотреть мог частыя перемены законов, друг другу противоречущие, нерадивое надзирание правительств, коим горныя дела были подчинены, и злоупотребления причинствующия успехам; наконец нынешние доходы вступающие в казну от выплавляемых металлов. По возвращении моем от целительных вод³, докончав сие сочинение, непременно представить вашему Сиятельству на рассмотрение, будучи уверен, что оно посредством представительства вашего обо мне, вручено будет Государю. Теперь же

имею честь сообщить вам пиесу достойную примечания, о рублевом вексельном курсе, в которой был я участником с некоторыми людьми, желающими добра Отечеству. Из оного усмотрите Фридрихсово попечение о возвышении курса⁴. Таинственную сию бумагу благоволите в праздное время прочесть, прося покорнейше потом показать оную Его Высочеству. В ней обнаружены обманы и хитрые вымыслы купеческие о курсе. Сохраните оное у себя так, чтоб никто не видал, и не сведал, что ваше сиятельство от меня получили, дабы мне притесненному вящаго нещастия не воспоследовало, ибо я и так за оное гонения претерпел. Для вас моего Милостивца, сердце мое откровенно; ведаю, что ваше сиятельство старание прилагаете о познании Государственных польз. Знаю, что вы готовитесь управлять в вечном правительстве делами такого существа, каково оное есть, а потому и должность моя есть сообщать вам для сведения полезное Отечеству. Если бы всемилостивейшая Государыня ведала о таком усердии моем, попотлинне не был бы я оставлен, не стenal бы я в бедности, не пресмыкался бы десять лет в одном чине. Погребен, и сочтен таким, как и прочие, кои ничево не делают. Разстроенным будучи от печалей в здоровье, и по болезням подверженный опасностям лишиться жизни, приемлю путешествие для врачевания своего. Удостойте ваше Сиятельство в отлучении моем вашим воспоминанием, которое для меня драгоценно.

Но я где бы нибыл, везде пребуду

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
нелицемерной почитатель и
покорнейший Слуга
Андрей Нартов.

P. S. Прошу попрочтении сие письмо разодрать.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117. Л 4–5. Автограф. Датируется по содержанию. В данном томе княжеской эпистолярной переписки переплетены письма с июля 1781 по декабрь 1783 года; и казалось бы, это недатированное письмо должно относиться к указанному отрезку времени, но это не так. Датировать это письмо можно лишь началом 1779 года. Основания наши суть: упоминающийся банкир барон Фредерик умер 25 сентября 1779 года; последний чин — статского советника — Нартов получил в 1770 году, а повышение (очевидно, оно последовало после получения князем этого письма) — в 1779 году.

² Речь идет о рукописных трудах Нартова, которые были отправлены князю Куракину при письме Нартова 29 сентября 1778 года (АКК. X. С. 383–385) — истории монетного двора и описания заводов, которые были поднесены князем цесаревичу Павлу Петровичу, с которым Нартова ранее познакомил граф Н. И. Панин. Нартов является автором множества трудов по горному делу, можно о них подробнее усмотреть ниже из прим. 4 к письму 4.

Что же касается работ Нартова по «монетному делу», то в 1772 году Нартов совместно с М. М. Херасковым и М. М. Щербатовым был поставлен во главе Медального комитета, созданного для подготовки «медалической со времени государя Петра Великого истории», который заседал с 1772 по 1774 год. Результатом работы комитета явился труд, состоящий из описания 128 медалей, 46 из коих были описаны самим Нартовым и чьи описания были наиболее подробными (хранится в НБ Казанского университета, № 4417; копия из Эрмитажного собрания — в РНБ, ф. 885, № 100). После этого Нартов один сочинил Медалическую историю императриц Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Работу по истории медалей он продолжал до начала 1780-х годов. Наибольший комплекс его трудов, созданных во время работы «медального комитета», хранится в научной библиотеке Казанского университета (см. кн.: Артемьев А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета. СПб, 1882. С. 77–84.).

³ Нартов был в Спа на водах; об этом он упоминает в следующем письме.

⁴ Имеется в виду барон Иван Юрьевич Фредерик (1723–1779) — русский государственный банкир. Скорее всего, размышления Нартова были действительно здравы, и попечение барона Фредерика об изменении вексельного курса было продиктовано личными резонами, а не заботой о благосостоянии государства. Куракину легко было понять суть подвоха, поскольку его экономические способности удивляли даже современников — в Надеждино, куда он удалился от двора и терпеливо дожидался воцарения Павла Петровича, он сам успешно управлял хозяйством.

[2]. 8 марта 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Отличная вашего сиятельства ко мне благосклонность заставляет меня уведомить вас, по приказанию вашему, когда я разстался с вами, что я нахожусь ныне в Берлине, и в здоровье моем слаб имел припадок на пути. На сих днях отправлюсь я чрез Лейпциг в Ахен и в Шпа для врачевания моего. Надеюсь на милость вашего сиятельства, покорнейше прошу неоставить защищением вашим в случае нужды жены и детей моих², сие великодушное снисхождение чувствительнейшую благодарностию преисполнят всю душу мою. Щастливым бы я себя почел, если бы при случае благоволите донести Его Императорскому Высочеству с коликою всеподданнейшею преданностию и рабскою верностию пребываю я к августейшей особе его и в отсутствии моем. Остается мне ласкать себя надеждою о продолжении вашей ко мне милости, и по возвращении персонально доказать, с каким отличным всекопочитанием я во всех днях пребываю

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга навсегда
А. Нартов

Берлин
8. марта
1779 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 193–193об. Автограф.

² А нужда приключилась, поскольку сорок дней спустя — 18 апреля 1779 года умерла жена Нартова — Елизавета Петровна, рожд. княжна Мещерская (1742–1779). Таким образом на его попечении остались четверо детей — Петр Андреевич, Андрей Андреевич, Александра Андреевна и Елизавета Андреевна.

[3]. 2 января 1780 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Сколь ни хотелось мне самолично поздравить Ваше Сиятельство с новым годом, при желании вам здоровья и благополучия, но не мог иметь сей чести в доме вашем, хотя и заезжал. Имея крайнюю нужду воспользоваться кратким с вами свиданием, прошу Вашего Сиятельства покорнейше оказать сию благосклонность и назначить свидание. Неоткажите в оном тому, который имея вас своим благодетелем, искренно почитает пребывая всепокорнейшим слугою

Андрей Нартов

2 января
1780 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453. Л. 4. Автограф. На л. 5 об. рукой Нартова написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александру Борисовичу Куракину».

[4]. 4 октября 1780 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Благосклонность, оказываемая Вашим Сиятельством мне при разных случаях, заставляет меня часто воспоминать редкия души вашей свойства, к которым сердце мое привлечено. Уверен будучи о продолжении оных, сообщая вам при сем, трудов моих описание пребывания Его Величества Государя Императора Петра Великого, в Париже². К сему изданию побудила меня редкая медаль, в память сего монарха натисненная, которая была ему поднесена во время присутствия Его в Королевском монетном дворе, которая у нас в Собрании медалей хранится.

Жалко бы было, Если бы в России неизвестна была оная медаль, свидетельствующая и славу Его, и то почтение, которое к нему имели чужестранные народы. Когда уже иноплеменники вечности предавали подвиги Его, то Грешно бы было и непросительно забывать Россиянам того, который разверз Хаос, который все устроил и все просветил! Когда любили его тогда, Как Отца Отечества, то для чего и ныне нелюбить и не памятовать Его, за великия деяния? На какое учреждение тогдашних времен, ни обратим взор наш, все провозглашает: Сотворил Он!³

Теперь склоняю всепокорнейшую прозбу мою к вам о том, чтоб приложенный присем другой Ексемпляр от меня чрез Ваше Сиятельство поднесен был Его Императорскому Высочеству, дабы я мог иметь щастие хотя при сем случае предстать Неоцененному Его воспоминанию, яко Такий подданный, который Ему и Отечеству верен.

Удостоите потом меня вашим уведомлением как оное будет принято Его Высочеством? Я оканчивая Горных дел историю⁴, и тружусь единственно для того, чтоб увидеть мог Его Высочество возрастание, падение и злоупотребление минеральных производств; Если предстательством Вашего Сиятельства наперед об оном Его Высочеству внушено будет. Истинну обнажать, есть дело скользкое.

Питаюсь надеждою, надеюсь, что когда нибудь воздан буду за труды и службу мою, хотя ныне удручаюсь, забыт и с детьми моими претерпеваю нужду.

С отменным высокопочитанием и преданностию во всю жизнь пребуду

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов

Октября 4 дня
1780 г.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453. Л. 250 — 250об — 251. Автограф.

² Речь идет о книге «Медаль на память пребывания Его Величества Императора Петра Великого в Париже, 1717 года, при осматривании Королевского монетного двора нечаянно в присутствии Его натисненная». (Б. м. и г. [Спб, 1780] 4о). До сих пор автор ее оставался неизвестен; без указания автора эта книга включена и в СК (II, 5757), причем, в СК она описана не на название, а по заголовку на с. 3 — «Путешествие его величества в Париж» и предположительно датирована 1771 годом, каковую датировку можно теперь опровергнуть.

Титульный лист упоминаемой Нартовым книги воспр.: Порше Ж. Петр Великий и Парижская Королевская библиотека. // Временник общества друзей русской книги. [Вып.] IV. Париж. 1938. С. 51. Что же касается непосредственно медали, то она воспроизведена в кн.: Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссии. Спб. 1840. С. 17, № 73., воспроизведение на т. XV. Текст: На посещение Петром I Парижского монетного двора. Работы Дювивье (Duuvivier). Также с нее в России была на Петербургском монетном дворе отчеканена копия, на которой лицевая сторона гравирована Тимофеем Ивановым, а оборот Самуилом Юдиным.

³ Вообще А. А. Нартов очень трепетно относился к личности Петра Великого, единственно покровительству которого его отец Андрей Константинович Нартов (1680—1756) — токарный мастер и механик — был обязан своим особым положением (что, впрочем, по смерти Петра I прекратилось, поскольку недолюбливавший Нартова князь А. Д. Меншиков своими интригами инспирировал удаление его от двора).

А. А. Нартов является автором широко известных «Рассказов о Петре Великом», составленных им также большей частью по рассказам отца, полное издание которых недавно было предпринято (Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом. Подг. П. А. Кротова. Спб. 2001.) К слову скажем, упомянутое издание этого замечательного произведения Нартова, к великому сожалению, разочаровывает читателя своей своей излишней пафосностью в предисловии и неудовлетворительной подготовленностью (не предпринято никаких, кроме

изнуряющих текстологических, комментариев, и даже инициалы всеильного князя А. Д. Меншикова так и остались для читателя непонятными («К. М...»).

В своих «Рассказах» А. А. Нартов упоминает и об эпизоде на парижском Монетном дворе, подробному описанию которого посвящено посылаемое издание (см.: Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом. СПб. 2001. С. 112.).

⁴ История эта издана не была, но увидели свет многочисленные статьи Нартова по горному делу, помещенные в периодических изданиях, а также переводы книг по горному делу.

Из отдельно изданных ему принадлежат только переводы: «Иоганна Готлоба Лемана, королевского прусского горного советника, императорской Академии наук химии профессора и и члена Минералогия. Переведена Андреем Нартовым, статским советником, членом Берг коллегии Монетного департамента, экономического общества и Лейпцигского собрания свободных наук. СПб, 1772» (СК, II, 385) и книги Иоганна Вальха: «Валха Каменное царство, перевел Андрей Нартов, действительный статский советник, Государственной Берг-коллегии вице-президент, Монетного департамента, разных ученых обществ член... СПб, 1784» (СК, I, 832).

Из неизданных произведений Нартова по горному делу интересен «Словарь минералогический, сочиненный Андреем Нартовым, действительным статским советником и королевского ордена Данеброга кавалером. 1790 года в С.-Петербурге» — 254 с., текст на латинском и русском языках (НБ Казанского университета).

[5]. 15 октября 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Болезнь моя лишила меня неоцененного удовольствия при отъезде вашем засвидетельствовать мое почтение, и самолично произнестъ желание усерднейшее о благополучном путешествии Вашего Сиятельства²; но душа моя и заочно всегда вам счастья и здравия совершенного у всевышняго испрашивает, ибо добродетели ваши твердо начертаны в сердце моем, а потому они руководствуют и мыслями моими, чтоб вспоминать редкия свойства души вашей. Благосклонность ваша ко мне навсегда меня привя-

занным вам учинившая, питает меня надеждою, что что Ваше Сиятельство прозьбу мою принять благоволите, прозьбу, основанную на люблении тех наук, к коим я себя посвятил, и которых служба и звание от меня требует. Она состоит в том, чтоб во время пребывания вашего в Вене достать для меня венгерских минеральных штуфов, с описанием тех мест, где они добываются, которых для вас конечно не пожалеют, и которыя сим средством доставят мне сведение и знание в минералогии тех сцеплений в коих премудрая натура содействие свое в недре земном над ними изъявила³. Сие произведет пользу как мне, так и отечеству ради того соображения, какое я намерен учинить с российскими рудами. Тамошнее горное правительство за честь себе поставит оным услужить Вашему Сиятельству, а я с моей стороны обязываюсь оному, по получении от туда штуфов, переслать им российских руд, которыя тамо весьма редки. Если сие Вашему Сиятельству не будет в тягость, и буде представление мое уважения достойно, то покорнейше прошу пополучении, оныя переслать на имя мое поспособности чрез какое нибудь место воденым путем⁴. Я сочту себе оное вашею ко мне милостию, и за особливую честь то, когда удостоите меня на оное вашим ответом, котораго с нетерпеливостию ожидаю, уверяя, что я во всю жизнь с должною преданностию и высокопочитанием пребуду

Вашего Сиятельства,
Милостиваго Государя моего
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов.
С. Петербург.
Октября 15 дня
1781.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 376—376об—377. Автограф.

² Речь идет об отъезде князя Куракина в путешествие за границу, когда он сопровождал в путешествии по Европе князя и княгиню Северных (цеса-

ревича Павла Петровича и Марию Феодоровну). Их отъезд из Царского Села состоялся 19 сентября 1781 года. 15 октября князь покинул Киев.

³ Известно, что Нартов собрал значительную коллекцию минералов, которую современники именовали «Кабинетом Нартова», из которого он в том числе делал подарки в Академию наук (*Летопись РАН, Т. 1, С. 717*). А в 1791 году Нартов «подарил Вольному Экономическому Обществу многочисленное собрание минеральных штуфов и положил таким образом первое основание минералогическому кабинету» (Цит. по: Ходнев А. И. История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года. Спб. 1865. С. 492). А в библиотеке Казанского университета сохраняется составленное Нартовым в 1780-х годах ее описание: «Собрание разных камней и руд, принадлежащее Андрею Нартову...».

⁴ Очевидно, для лучшей сохранности пород, поскольку при сухопутном пути они подвергаются сильной тряске.

[6]. 25 октября 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Пред сим имел я честь к Вашему Сиятельству писать в Вену о рудах минеральных, в Венгрии добываемых, и думая, что может быть каким нибудь случаем письмо мое до вас недойдет, почел занеобходимое, начертать вторичное с усугублением моей к вам покорнейшей прозбы, дабы благосклонности вашею ко мне достать от начальствующаго в горном правительстве венгерских руд с их горными породами, и доставить их ко мне, так, как удобность сие дозволит. Я с моей стороны верно обещаю сообщить тому российския штуфы, кому от Вашего Сиятельства предписано будет. Редкость минеральных произведений нашей земной утробы конечно тамошним любителям истории натуральной приятна будет, а сим средством и я, и они удовлетворятся. Не считите Милостивый Государь за дерзость сие, что я вас сим утруждаю, но за стремление мое к приобретению сведений рудословных, дабы расторжением составных частей, связывающих венгерские ми-

нералы, и испытанием огненным узнать содержание их, и сравнить с нашими. Рвение мое о пользе отечества моего в притеснениях и в печалях моих еще не потухает в той надежде, что если жив буду, со временем за руды воздаяние получу. Известно вам, что сильные, прямодушных не любят, да и людей имеющих знания в науках не весьма терпят, воображая себе, будто бы они все то сами знают. Удостойте Ваше Сиятельство меня на сие вашим ответом, могу ли я получить из Вены Руд? Равномерно и о вашем здравии, которое для меня неоцененно. С великим восхищением читаем мы в Петербурге артикулы чужестранных ведомостей, в коих путешествие их Императорских Высочеств описывается². Верные сыны Российскаго Государства денно и ноцно просят Бога о сохранении их здравия, дабы они путь свой продолжали счастливо под покровительством всевышняго, и возвратились паки в Россию в совершеннейшем здравии к обрадованию общему. Сего то и я один из их верных рабов от всего моего сердца усерднейше желаю, препоручая себя в милость вашу, с отличным высокопочитанием есмь

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
покорнейший слуга
Андрей Нартов
С. Петербург
Октября 25. дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 378–379об. Автограф.

Думается, князь не получил первого письма Нартова, поскольку прибыл в Вену только 10 ноября. Но скажем, что повторное письмо довольно важно, поскольку говорит о достаточно близких отношениях Нартова и князя Куракина, ибо при простых официальных отношениях послание такого письма было бы неуместным.

² В Санктпетербургских ведомостях печатались переводы из газет, писавших о передвижении графов Северных со свитою по Европе.

[7]. 24 сентября 1797 года¹.

Из Императорского Экономического Общества.

Его Сиятельству Господину вице канцлеру и разных
орденов кавалеру Князю Александру
Борисовичу Куракину.

Экономическое общество уважая великую пользу могущую произойти от заданной вашим сиятельством задачи в 1783^м году о исправлении степей, на которую тогда достойного ответа не было, в чрезвычайном собрании своем сего сентября 23го дня за благо разсудило повторить оную на будущий 1798^н год, ежели на то будет благоволение ваше, общество ожидает на сие разрешения Вашего Сиятельства², а между тем доставляет при сем речь произнесенную председателем онаго общества в помянутом торжественном собрании³. Общество непреминет расположить себя согласно отзывом на то от Вашего Сиятельства пребывая с отличным высокопочитанием

Андрей Нартов
Сентября 24 дня
1797 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 999. Л. 2. Писарское, с подписью-автографом.

Андрей Андреевич Нартов являлся одним из деятельнейших членов, а затем и президентом Вольного Экономического Общества. Он был и в числе 14 человек, учредивших в 1765 году по предложению И. И. Тауберта «патриотическое общество для поощрения в России земледельства и экономии», получившего при основании название Вольного Экономического Общества. Сперва Нартов, бу-

дучи подполковником артиллерии и членом Берг-коллегии, был назначен секретарем для российской переписки. Также на Нартова была возложена обязанность редактировать Труды Общества. Секретарем он был до ноября 1778 года, когда отказался от должности по случаю отъезда своего за границу, но в декабре 1787 года, по приглашению Общества, вновь принимает это звание и сохраняет его до 3 января 1797 года — дня избрания его президентом Общества. В виду исключительных заслуг Нартова перед Вольным Экономическим Обществом, в 1811 году (еще при жизни) в Обществе был поставлен его бюст.

Что же касается различных задач, то Общество прилагало множество усилий к распространению в России различных растений (манной травы, картофеля, винограда, кукурузы, земляных миндалей), земледельческих новшеств, употреблению сельскохозяйственных машин и т. д. С этой целью Общество из года в год предлагало для разрешения различные сельскохозяйственные задачи, на которые часто получало вполне удовлетворительные ответы. Князь Куракин на протяжении многих лет пересылал Обществу деньги для награждения решивших задачи, чем Общество было ему премного обязано.

² Эта задача была задана сперва 15 декабря, а в награду за удовлетворительный ответ князем было назначено 30 червонцев, но ответа не было. Полный текст задачи прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117. Лл. 3—4).

³ Имеется в виду речь А. А. Нартова, произнесенная 23 сентября 1805 года в чрезвычайном собрании Вольного Экономического общества. Она посылалась князю в виде рукописи, а фрагмент ее был включен в специальное объявление, которое в октябре месяце того же года было напечатано и приложено к №83 Санктпетербургских ведомостей (Объявление. [О собрании Вольного экономического общества, результатах конкурса 1796 года и объявление новых тем для следующего конкурса]. — 5 с.).

[Приложение 1].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от сентября 1797 года¹.

Его Пр<евосходительст>^{ВУ} Нартову
Милостивый Государь мой Андрей Андреевич.

Примите мою благодарность за доставленный ко мне вашим превосходительством от имени Вольнаго Экономическаго обще-

ства Экземпляр речи произнесенной вами в день чрезвычайнаго собрания онаго 23 сего месяца. Совершенно лестно для меня было узнать при том, что в сие собрание Общество заблаго разсудило возобновить и на следующий год предложить задачу о исправлении степей, которая от меня в 1783 году предложена была и которая до сего нерешенною оставалася. Назначенное мною награждение за достаточное сей задачи разрешение подтвердительно я сообщаю.

Еще раз извиняюсь я и изъяв<ляю> мое сожаление, что не мог я быть в помянутом чрезвычайном собрании. Не менее однако можете вы уверены быть и от имени моего общества удостоверить в моем искреннем к оному усердии.

Впрочем я на всегда с
отличным почтением есть
Милостивый Государь мой
Вашего превосходительства
покорный слуга

С. Петербург
Сентября дня
1797.

На большом листе

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 999. Л. 5—5об. Писарский.

[8]. 29 июня 1802 года¹.

Милостивый Государь!
Князь Александр Борисович!

Милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение подает мне повод и смелость, подателя сего честнейшаго и достойнаго, и мне по добрым своим качествам давно известнаго человека

полковника и кавалера Шлатера² не только рекомендовать в особенное Ваше Благоволение, но и всепокорнейши Ваше Сиятельство просить, оказать ему всевозможное вспоможение в таком деле которое почтет он за ревностную свою службу воздаянием.

Оказанную ему от Вашего Сиятельства милость сочту я мне самому учиненною, за которую не примину благодарить самолично, а в ожидании сего, уверяя Ваше Сиятельство о всегдашнем к особе вашей глубококом высокопочитании и преданности, имею честь навсегда пребыть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Послушнейший Слуга
Андрей Нартов
29 июня
1802 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 237. Нартов. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду Федор Иванович Шлаттер, старший сын статского советника Ивана Ивановича (Иоганна Фридриха) Шлаттера (1738—1780) и внук президента Берг-коллегии и известного ученого Ивана Андреевича (Иоганна Вильгельма) Шлаттера (1709—1768). К тому времени Федор Иванович имел звание инженер-полковника и был кавалером ордена св. Владимира IV степени.

Нартов был дружен с семьей Шлаттеров, особенно с имевшим шестерых детей Иваном Ивановичем (одно время он вместе с ним служил в департаменте Берг-Коллегии по монетным делам). В 1765 году он предлагал избрать И. А. Шлаттера членом Вольного Экономического общества в состав пятнадцати, но поскольку на то же место предлагался граф Ф. Г. Орлов, то решено было не избирать никого и оставить место вакантным.

[9]. 4 декабря 1804 года¹.

Милостивый Государь !

Князь Александр Борисович!

От всего Экономического Общества покорнейше прошу Вашего Сиятельства, яко усерднейшаго члена сего сословия, приложенную при сем 56 ю часть трудов наших² поднести Ея величеству, Государыне Императрице Марии Феодоровне, и сим самым ободрить и ошастливить общество наше. Список речи моей³ и печатное известие⁴ поднося здесь, имею честь пребыть навсегда с отличным высокопочитанием и преданностию

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

покорнейший слуга

Андрей Нартов

Декабря 4 дня

1804 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 215. Л. 143. Автограф.

² На общем собрании Общества 7 декабря 1765 года, когда утверждался порядок издания Трудов, отдельным пунктом было включено решение подносить экземпляры членам августейшей фамилии.

³ Имеется в виду список с речи Нартова, в том же месяце напечатанной отдельным изданием: «Речь, говоренная императорской Российской Академии президентом, Андреем Нартовым в первое торжественное собрание в новом сей Академии доме, 1804 года». (СПб, 1804).

⁴ Возможно, речь идет об оттиске из кн.: Записки деяний императорского Вольнаго Экономического Общества. СПб, 1804.

[10]. 14 декабря 804 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Почтеннейшее Вашего Сиятельства ко мне письмо, коим извещаете о поднесении вами книги трудов Экономического Общества² Ея Величеству Государыне Императрице матери и о изъявлении Ея Величеством благодарения Обществу, я представил собранию; и Именем его покорнейше благодарю вас Милостивый Государь, за сие усердное содействие к чести всего общества относящееся, пребывая на всегда с истинным моим почтением и преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Андрей Нартов
Из Собрания
14-го декабря 1804
Его С<иятельств>ву Князю А. Б.
Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 251. Л. 19. Писарское, с подписью-автографом.

² См. об этом в предыдущем письме.

[11]. 27 мая 1805 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Имею честь препроводить присем Вашему Сиятельству именем Вольнаго Экономического общества зделанную из земляных миндалей муку, которая с пользою употребляется для пригото-

ления разного рода пищи². Как разведение сих миндалей в России произошло единственно по старанию Общества; то я не сомневаюсь, что Вашему Сиятельству будет не неприятно видеть сей Новой способ употребления сего растения.

Пребываю с истинным моим и совершенным почтением и преданностию.

Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Андрей Нартов
Маия 27 1805
Его С<иятельству> -ву
Князь Ал. Бор. Куракину.

P.S. Не угодно ли будет Вашему Сиятельству показать сие произведение Государыне Императрице Марии Феодоровне, яко любительнице земледелия и хозяйства.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 222. Л. 126—126об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о т. н. Кипрской траве, называемой Карлом Линнеем *Suregus esculentus*. Из нее, согласно заверениям Нартова, можно в том числе делать муку для выпечки хлеба.

Вообще Нартов был очень сведущ в ботанике, а также является одним из первых русских лесоводов. Им была собрана замечательная коллекция образцов разных деревьев, кустарников, а также гербарий, вкпе состоявшие из 1121 образца. Это собрание, сопровождаемое двухтомным рукописным каталогом, в 1795 году было им пожертвовано в ботаническую коллекцию Общества.

[12]. 4 июня 1805 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Благодаря Ваше Сиятельство именем Вольнаго Экономическаго Общества за представление благоусердное посланной к вам земляных миндалей муки Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Матери, имею честь препроводить присем вам, Милостивый Государь, требуемое вами описание употребления сих миндалей², равно и книшку особенно по сему предмету от Общества Публикованную³; Пребывая с особенным моим совершенным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Андрей Нартов

С П Бург

Июня 4 дня

1805.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 222. Л. 169–169об. Писарское, с подписью-автографом.

² На Лл. 170–171об — рукописная заметка «Об употреблении земляного миндаля», писарская.

³ Речь идет об одном из двух изданий: Нартов А. А. Описание земляного миндаля и опыта над произращением онаго в Санктпетербурге 1803 года. [СПб], При Императорской Академии Наук. 1803 — 37, [1]с., а скорее всего переиздание следующего года ([1804] — 40 с.) с приложением двух листов иллюстраций.

[Приложение 2].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от 1 декабря 1805 года¹.

Копия письма моего к
Его превосходительству Андрею
Андреевичу Нартову от 1 декабря 1805-го года.

По болезни моей не могу я воспользоваться лестным для меня приглашением Императорского Вольного Экономического Общества в Собрание Его завтрешний день, сего 2го декабря. Не сомневаясь между тем, что бы назидаемое вами почтенное сословие сие не получило в продолжении сего истекающего года каких либо новых полезных изобретений, и что бы потому и сделанное мною в прошедшем годе приношение не послужило уже предположенною наградою, я покорно прошу Вас, Милостивый Государь Мой, пожаловать меня уведомить кто имянно и за какия точно общепользныя представления таковую награду заслужил.

Следующие же на будущий год онаго приношения моего сто червонных я буду иметь честь не в продолжительном времени Вашему Превосходительству доставить; при повторении моего искреннейшаго желания, что бы труды общества благим успехом увенчиваемы были, и новаго уверения о том отличном почтении и преданности, с коими и пребываю.

Вашего превосходительства.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 225. Л. 66.

[13]. 4 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Вольное Экономическое Общество в торжественном своем сего декабря 2го дня собрании определило в знак глубочайшаго своего благоволения поднести новоизданную книгу Трудов Своих², и Записки деяний нынешняго года³ Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне.

Препровождая при сем Экземпляры оных к Вашему Сиятельству, покорнейше прошу вас, Милостивый Государь, как усерднаго члена, представить оныя Ея Величеству от имени Экономическаго Общества.

Имею честь быть с истинным моим почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Андрей Нартов

Декабря 4 дня

1805 года

Его Сиятельству

Князю Александру

Борисовичу Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 49 — 49об. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду: Новое продолжение трудов Вольнаго Экономическаго Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. VIII [Общей нумерации Трудов часть 57]. Спб. 1805.

³ Имеется в виду: Записки деяний императорского Вольнаго Экономическаго Общества. Спб, 1805.

[14]. 10 декабря 1804 года, коллективное¹.

Из Вольного Экономического Общества, Члену онаго, Его Сиятельству Господину Действительному Тайному Советнику, Члену Государственного Совета, Сенатору, всех Российских Орденов Канцлеру, и Разных Российских и Иностраннных орденов Кавалеру Князю Александру Борисовичу Куракину.

Присланные от Вашего Сиятельства к Господину Президенту сего Общества от 5-го сего декабря Сто Червонных, при письме изображающем намерение ваше приносить ежегодно таковой же дар сему сословию, Общество приняло с чувствительным уважением. Оно прежняя ваши усердные подвиги к чести Его относящиеся Памятует, и сей новой знак вашей преданности к отечественной пользе, в Самоважнейших упражнении земледелия и домостроительства, торжественною признательностию запечатлело, определив изъявить пред всем светом признательность свою Вашему Сиятельству.

Желание ваше, касательно распоряжения сей суммы ныне и в пребудущия времена, имеет быть исполняемо со всею точностию; и общество не сомневается, что таковые Патриотическия подвиги не только будут вознаграждены всеобщим успехом и истинною славою, но и возродят благородное и нужное соревнование во всех подобных вам ревностных сынах отечества

Президент Андрей Нартов

Член и секретарь Николай Фус²

Член и секретарь Степан Джунковской³

Из Собрания

Декабря 10 дня

1804 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 251 Писарское, с подписями-автографами.

² Фусс Николай Иванович (1755—1825) — математик, уроженец Швейцарии. Переехал в Россию по приглашению Л. Эйлера. С 1776 года — адъюнкт Академии наук, с 1783 — ординарный академик по высшей математике, с 1800 по 1825 — непременный секретарь академической Конференции. Член и секретарь Вольного экономического общества.

³ Джунковский Степан Семенович (1762—1839) — известный русский деятель в области сельского хозяйства. В течение двадцати пяти лет руководил осушением болот вокруг Петербурга. Член Вольного экономического общества, в 1803—1828 годах был его секретарем.

[15]. 4 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 1го сего месяца я представил Вольному Економическому Обществу в Торжественном Его бывшем собрании. Повторяемое приношение ваше к распространению Его успехов принято всеми присутствовавшими с чувствительным удовольствием и благодарностию. Касательно прошлогодняго вашего Обществу дара, я имею честь по требованию Вашего Сиятельства известить вас, Милостивый Государь, что ответы на задачи предложенныя с обещанием награды из присланной вами суммы оказались неудовлетворительны, и потому оныя задачи ныне повторены, и некоторыя другия вновь предложены, о коих Ваше Сиятельство в непродолжительном времени будете извещены. Сумма же назначенная вами на приобретение машин и моделей, употреблена в награду моделей новоизобретенных машин. 1. для мятия кирпичной глины; 2. молотильни; 3. мяльни и трепальни для льна и пеньки. Сии две последния модели изобретены и представлены простым российским столяром Адмиралтейскаго ведомства Фокиным², коего природное остроумие Общество почло долгом своим ободрить.

При сем имею честь препроводить Вашему Сиятельству, именем Общества, новоизданную Книгу Трудов Его на сей 1805 год³. Пребывая с истинным моим почтением и совершенною преданностью

Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Андрей Нартов
Декабря 4 дня
1805 года.
Его Сият<ельст>ву Князю
А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 50 — 50об. Писарское, подпись-автограф.

² Фокин Авдей — столяр, возможно, происходил из привлекавшихся в Петербурге к столярной работе при Адмиралтействе охтенских поселян.

³ Новое продолжение трудов Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. VIII [Общей нумерации Трудов часть 57]. Спб. 1805.

[Приложение 3].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь мой Андрей Андреевич!

Я имел честь получить письмо Вашего Превосходительства от 4-го декабря и при оном прилежащую от имени Вольного Экономического общества Книгу Трудов Его на сей 1805-й год. Принося мою должную благодарность вам милостивый Государь мой, и всему почтенному Обществу за сие лестное для меня примечание, я с искренним удовольствием взираю на благоуспешные плоды попечений Его о пользе общественной. — весьма

приятно для меня также, что внесенная мною в прошедшем году сумма на приобретение машин и моделей послужила уже наградой изобретшим и Обществу представившим модели новых хозяйственных машин: 1) для мятя кирпичной глины, 2-е молотильни и 3-е мяльни и трепальни для льна и пеньки: машины сии для края нашего совершенно полезны. Я покорно прошу вас, милостивый Государь мой, приказать отыскать изобретшаго две последние модели столяра Фокина², пожаловать прислать его ко мне дабы мог я заказать Ему и для меня таковыя же модели сделать.

Пребывающий с отличным почтением и преданностию
Вашего Превосходительства

декабря -го дня

1805го.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 251. Л. 48 — 48об. Писарский.

² См. прим. 2 при письме 15.

[16]. 16 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

В ответ на почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от сего месяца касательно сделавшаго модель машины для мятя кирпичной глины, имею честь уведомить вас, Милостивый Государь, что Вольное Экономическое Общество во уважение к вашему усердию определило во первых препроводить Вашему Сиятельству одну означенную модель, собственно для вас предоставленную сим сословием; а во вторых поручить оную представить вам самому зделавшему ее члену Общества Коллежскому Советнику Пошману², которой и будет иметь честь объяснить расположение оной Вашему Сиятельству.

Пребываю с истинным моим почтением и совершенною преданностию Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

А. Нартов

Дек. 16.

1805 года

Его Сиятельству

Князю А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 51. Писарское, с подписью-автографом.

² Антон Петрович Пошман (1768—1829) — изобретатель, член Вольного экономического общества и хранитель моделей общества. Специалист по солеварению. В 1809 году он составил руководство к употреблению селитры, также является автором книги «Наставление о приуготовлении сухих и влажных туков, служащих к удобрению пашен» (Спб., издание Вольного экономического общества, 1810). С 1806 года статский советник.

В архиве князя Куракина хранится рукописный альбом с чертежами изобретенных А. Пошманом сельскохозяйственных машин, снабженный посвящением автора князю, без указания года. (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1181. 9 л.). Также среди бумаг князя имеется «Список изобретенным Коллежским советником Антоном фон Пошманом общеплезным машинам» с приложением письма самого Пошмана от 2 марта 1806 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 235. Лл. 9 — 9об, 14—15).

[17]. 26 января 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

В следствие почтеннейшаго отношения Вашего Сиятельства, коим вы изъявили желание лично видеть Адмиралтейскаго столяра Авдея Фокина², и которой за представленные им модели молотильни, мяльни и трепальни награжден был от Економическаго Общества суммою из присланных вами ста червонных, он

ныне приглашен в Общество, которое ему с сим письмом и приказало явиться к Вашему Сиятельству³.

Имею честь быть с истинным и совершенным почтением
Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов
Генваря 26
1806 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 178. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 2 к письму 15.

³ В том же томе имеется письмо морского министра П. В. Чичагова к князю Куракину по поводу Авдея Фокина (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 312. Писарское, с подписью-автографом):

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

По желанию Вашего Сиятельства приказал я уволить на три месяца столера Фокина и отправить его к Вашему Сиятельству.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Павел Чичагов

№ 332.

Февраля 23 дня

1806 года.

Его Сият<ельст>ву Кн. А. Б. Куракину.

[18]. 23 июня 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Присланные от Вашего Сиятельства при почтеннейшем отношении от 18-го сего месяца Сто червонных на сей второй год определенные вами для награждения ответов на задачи, и для

приобретения моделей полезных машин я представил собранию Императорского Вольного Экономического Общества, которое сим чрез меня изъявляет Вашему Сиятельству свою благодарность за столь ревностное ваше усердие к общей пользе.

Извещая о сем вас, Милостивый Государь, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов

Июня 23 дня

1806 года.

Его Сият<ельст>ву Князю

А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 240. Л. 174. Писарское, с подписью-автографом.

[19]. 1 декабря 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

По обещанию Вашего Сиятельства, объявленному 1804 года в собрании Вольного Экономического Общества, доставлять в оное ежегодно по сту червонных из коих 30 на полезные Экономическия Орудия, а 70 в награду за ответы на задачи, вы назначит изволили, Общество, получив за два года ваше Патриотическое приношение, поручило мне уведомить вас Милостивый Государь, что из того числа 60 червонных употреблены доселе действительно на модели и махины российского изобретения; 115 червонных назначены в награждение на задачи сего года², о чем, по совершении Торжественного Собрания в

сем месяце, я почту своим долгом вам обстоятельно сообщить; а 30 червонных предположено в награду, по получении вернейших сведений. Ваше Сиятельство изволите из сего усмотреть полезное употребление вашего дара. Общество просит вас, при сем случае, не оставить прислать назначенные на следующих год сто червонных для должного при будущих задачах распределения.

Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь быть с истинным и совершенным почтением,

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Андрей Нартов

Декабря 1, дня

1806-го года

Его Сият<ельств>ву Князю

А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 234. Л. 205 — 205об. Писарское, с подписью-автографом.

² Деньги, пожертвованные князем Куракиным, в этом году были употреблены на награждение решивших следующие задачи Общества: «о сборе червца для крашения», «о посеве горчицы», «о сравнительном достоинстве некоторых хлебопахотных орудий» и «о земляных миндалях».

[20]. 12 января 1807 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Присланные при почтеннейшем отношении Вашего Сиятельства от 9-го месяца Сто червонных, назначенные вами ежегодно в награду на задачи и модели для Вольного Экономического Общества, я представил собранию онаго, и от лица всех сочленов

приношу вам, Милостивый Государь, совершенную благодарность. Каким же образом будут оные на сей год распределены, я не премину уведомить Ваше Сиятельство в непродолжительном времени присылкою обстоятельнаго объявления. Между тем имею честь препроводить к вам, Милостивый Государь, при сем от Экономического Общества расчет присланным вами двум стам червонных для сведения вашего². Прошу покорнейше при сем случае принять подтверждение искренняго моего уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Вашего Сиятельства

Покорный Слуга

Андрей Нартов

Генваря 12 дня

1807 года.

Его Сият<ельст>ву Князю А. Б.

Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 244. Л. 29 — 29об. Писарское, с подписанием-автографом.

² Прилагается при настоящем письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 244. Л. 30) — Роспись потраченным 200 червонцам, присланным князем Александром Борисовичем Куракиным в 1805 и 1806 году, составленная 1806 года декабря 29 дня.

[21]. 13 мая 1811 года¹.

Его Сиятельству Князю А. Б. Куракину.

Милостивый Государь мой

Князь Александр Борисович!

Имею честь получить почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 4/16 Апреля коим вы, Милостивый Государь мой,

изволите уведомлять о назначении вашем и на сей год ежегоднаго вашего приношения в Вольное Экономическое Общество в сто червонных, для награждения сочинителей ответов на хозяйственные задачи, и на покупку новых экономических моделей, я представил оное Обществу, которое истребовало от Г. Банкира Ливио² означенную сумму и оную согласно первоначальному патриотическому желанию Вашего Сиятельства определило употребить, изъявив всеобщее в собрании своем вам благодарность.

Сообщая о сем вам, Милостивый Государь мой, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Андрей Нартов

С. П. Бург

13-го Маия 1811-го

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 282. Л. 105—105об. Писарское, с подписью-автографом.

² Ливио Степан — известный петербургский банкир. Указом Александра I от 1 марта 1817 года, согласно утвержденного мнения Государственного Совета от 18 декабря 1816 года «О причислении иностранцев к российскому дворянству, по дипломам от чужих государей им данным, не иначе, как по оказанным их заслугам Российскому государю и Государству» банкир Степан Ливио был причислен к российскому дворянству на основании диплома от Баварского короля. (ПСЗ, XXXIV. С. 99.)

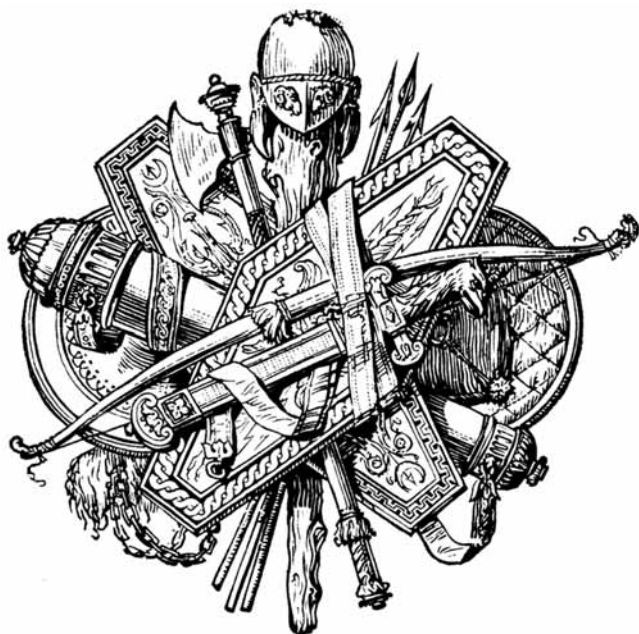

Николай Петрович
Николев

Николай Петрович Николев (1758—1815) с раннего детства был хорошо знаком с московским кругом князей Куракиных и их родственников. Это прежде всего проистекало из древней дружбы, которую между собою имели граф Петр Иванович Панин и отец поэта — генерал-майор лейб-гвардии Преображенского полка Петр Михайлович Николев. Существует, правда, мнение, что с графами Паниными его познакомила княгиня Е. Р. Дашкова (*СРП*, 2. С. 350),

но это, конечно же, заблуждение, которое полностью развеивает приложенное нами письмо самого графа Петра Ивановича к своему внуку-племяннику.

В отношениях с Николевым князь Александр Борисович является продолжателем дела графа П. И. Панина, и память о дядюшке, очевидно, главная причина расположения князя к Николеву. Вместе с Николевым князь Александр Борисович был действительным членом императорской Российской Академии.

Здесь мы печатаем четыре письма Николая Петровича к князю (два из них французские), при первом из которых поэт, с целью завоевать расположение ближайшего друга нового государя, приложил стихотворение на смерть Екатерины II и воцарение Павла I.

[1]. 13 ноября 1796 года¹.

Милостивый Государь!

Князь Александр Борисович!

Имея честь поздравить Ваше Сиятельство с получением перьваго правосудия новаго нашего Государя²; а между тем помня что я некогда имел щастие быть вам рекомендован от покойнаго вашего дядюшки Графа Петра Ивановича³ и каторой удостоивал оценивать мои не лицемерныя чувствования, осмеливаюсь чрез вас препроводить перьвую жертву моего сердца, как в знак памяти блаженной Матери отечества, так и в знак ревностнаго усердия к новому Отцу Российскому⁴. Лстец не смел бы столь похвалять Государя по Его кончине; но я уповая на благия дары Павла Перьваго пролил чувствования мои без робости. Удостойте лишь вы Милостивый Государь быть моим покровителем! Давно Европа Мецената не имела, воскресите Ево в лице вашем Парнасу Российскому! Дабы и я малинькой житель сей высоты, получил случий присоединить душевную благодарность к таму

глубочайшему почтению и совершенной преданности с каковыми
пребудет к вам навсегда за честь ставящий называться

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

верно-пакорнейшим и усерднейшим слугою

Николай Николев

1796 Года

Ноября 13 дня

Р. С. Лястясь что слабая жертва моя будет напечатана Ежели
покровительством вашим угодою, покажется, покорно прошу
Ваше Сиятельство! в противном случае надежды мои, иметь ве-
ликодушие, хоть строчкою меня уведомить, дабы я от неведе-
ния не выпустил Ее в свет!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 146. Л. 54 — 54об, 59. Стихотворение
— л. 55—58. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь речь идет о первой милости, полученной князем Куракиным при
восшествии на престол Павла I: 6 ноября 1796 года он был пожалован тай-
ным советником.

³ Действительно, граф Петр Иванович Панин (1721—1789) был счита-
телем творчества Н. П. Николева и его другом (см. приложение в настоящем
разделе). Николев посвятил графу ряд своих стихотворений: «Послание к графу
Петру Ивановичу Панину» (Творении Николая Петровича Николева... Ч. IV.
М, 1797. С. 105—114); «Графу Петру Ивановичу Панину, на случай истреб-
ления злодея Пугачева» (Там же. С. 178); «Письмо к графу Петру Иванови-
чу Панину» (Там же. С. 183—186); «Стихи на кончину Графа П. И. Панина,
последовавшую 1789 года апреля 15 дня» (Там же. С. 257).

⁴ Стихотворение «Плачь России по Кончине Матери Отечества Екатери-
ны II и утешение при восшествии на всероссийский Престол императора Павла
Перваго», приложенное Николевым к настоящему письму, мы поместили в
конце книги в числе приложений.

Князь послал Николеву ответ на настоящее письмо, датированный 20
ноября 1796 года, где сообщил о получении стихотворения и благодарил по-
эта, отпуск его раньше хранился в архиве Зимнего дворца и числится в доре-

волюционной описи, однако в самом деле (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Е.х. 397) его ныне не имеется.

[2]. Декабрь 1801 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Болезнь удерживающая меня и до ныне в моей мурье² лишила меня чести и удовольствия в бытность вашу в Москве засвидетельствовать не лицемерное почтение и поблагодарить за те благие Вашего Сиятельства чувствования коими вы удостоили радовать беднова слепца, в бытность его в Питербурге. Теперь отпуская сына моего³ почти из мертвых воскресшаго служить за глазами отца, немогу удержать надежды уверяющей сердце мое, что вы Милостивый Государь не откажетесь принять ево в ваше покровительство, удастоить ево ваших милостей и отеческих наставлений с полною властиею великодушнаго благодетеля и с чисточердечием той чувствительности и человеколюбия коими вы столь давно привлекаите к себе любовь и почтение всех добрых людей. Сын слепова отца есть сирота и потому великодушные и добродетель остаются единым прибежищем и покровом в путях ево щастья. Удастойте Милостивый Государь приказать ему к себе чаще являться, а иногда иметь честь быть при вашем столе. Сия милость подаст ему средства, как заимствовать от разума и просвещения Вашего Сиятельства, так и получить оценение от достойных людей. Я уверен что Бог рано или поздно вознаграждающий за добрыя дела порадует вас и за те благодеянии о коих теперь Ваше Сиятельство просит и надеется с готовым сердцем присоединить вечную к вам благодарность, к глубочайшему высокопочитанию и совершеннейшей преданности за честь поставляющий называться

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства!
Всеусерднейшим и всепокорнейшим слугою
Николай Николев
1801 года
декабря дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 195. Л. 207 — 207об — 208. Писарское, с подписью-автографом. Дата не проставлена в оригинале.

² Ср.: мурья — «лачуга, конура, землянка, тесное и темное жилье, пещерка» — Даль В. И. Толковый словарь живного великорусского языка. Т. II. Спб-М, 1905. Стлб. 942. Возможно, Николев здесь напоминает князю о своей слепоте.

³ Николев Николай Николаевич (1779–1835). В 1785 году зачислен в Преображенский полк подпрапорщиком, с 1797 года в статской службе. С 1799 года опять в Преображенском полку, а в 1805 — в Апшеронском. В 1813–1815 годах принимал участие в походах против армии Наполеона. Неоднократно отличался в сражениях. С 1820 года в отставке. Известный масон, автор ряда стихотворений.

[З]. [Январь 1802 года?]¹.

Votre Excellence!

Obligй de me tenir dans mon petit coin, autant que le gelant Borйе souffle, et pressй du dйsir de profiter de votre гйнйreuse permission de vous prйsenter mon fils, j'ose le prйsenter a Votre Excellence comme porteur de sa propre recommandation. Daignez condescendre a l'honorer de quelque portion de cette прйcieuse bontй dont vous comblez avec tant de гйнйrositй son pire, et quoique la face de mon jeune homme est un peu gothique pour son vge, je puis vous assurer qu'il a un bon снур et assez de bon sens pour se faire une loi de la conservation de ce profond respect et dйvouement parfait avec lesquels j'aurai toujours l'honneur d'кtre

De Votre Excellence
 Le tris humble et tris obïissant serviteur
 Nicolas Nicolleff

[Перевод:]

Ваше превосходительство!

Принужденный из дому не выходить, покуда дует ледяной Борей, но желая, однако же, воспользоваться великодушным вашим дозволением сына своего² Вашему Превосходительству представить, дерзаю его вам представить, дабы сам он себя отрекомендовал. Благоволите его почтить частицею тех драгоценных милостей, коими столь великодушно награждаете его родителя, и хотя лицо его возрасту не вполне приличествует, уверяю вас, что сердце у него доброе, а здравого смысла довольно, чтобы за правило себе поставить вечно то глубокое уважение и совершенную преданность питать, с коими честь имею быть

Вашего Превосходительства
 Покорнейший и почтительнейший слуга
 Николай Николев.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 479 («Записки ко мне от разных особ 1801–802»). Датируется по содержанию). Л. 110. Писарское, с подписью-автографом. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

² См. прим. 3 к письму 2.

[4]. [Вíààðü 1802 ãî àà?]¹.

Votre Excellence,

Invariable dans les sentiments de respects et de reconnaissance que m'inspire Votre Excellence, je me croirais indigne de vos bontés et de la bienveillance que vous voulýtes

bien me tĳmoigner a mon dĳpart de Moscou, si j'aurais retardĳ jusqu'a prĳsent a fĳliciter Votre Excellence sur son heureuse arrivĳe en cette ville. Mais comme le traitement des esclaves par rapport a ma vue me prive si longtemps de cet honneur, en me retenant chez moi toutes la matinĳes, je supplie V<otre> E<xcellence> de vouloir bien me sacrifier quelques momens de vos apris-doner, afin de mĳriter le regret de n'avoir pu vous assurer de vive voix des sentiments du plus profond respect avec lequel je ne cesserai jamais d'ĳtre

De Votre Excellence

Le trĳs humble et trĳs dĳvouĳ serviteur

Nicolas Nicolleff

[Перевод:]

Ваше превосходительство,

Питая неизменное к вам почтение и признательность, почел бы я себя недостойным милостей ваших и благосклонности, кою изволили вы ко мне изъявить при отъезде моем из Москвы, ежели бы промедлил поздравить вас со счастливым прибытием в сей город. Однако же эскулапы, зрение мое пользующие, надолго сей чести меня лишают, ибо по утрам принужден я оставаться дома, посему умоляю Ваше превосходительство уделить мне несколько мгновений времени вашего послеобеденного, дабы смог я словесно засвидетельствовать вам глубочайшее почтение, с коим вечно пребуду

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

Николай Николев

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 479 («Записки ко мне от разных особ 1801–802». Датируется по содержанию). Л. 118–118 об. Писарское, с подписью-автографом. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[Приложение].

Письмо графа П. И. Панина к князю А. Б. Куракину¹.
Из Москвы Марта 14 дня 1781-го.

Препровождаю чрез сие ходатайством моим в милостивое, где возможно, воспоможение ваше, любезный мой Друг Князь Александр Борисович вручителя сего Николая Петровича Николева, сына покойнаго давняго приятеля моего Петра Михайловича². Вы пожалуете выслушать от него каким ужасным безчеловечием отец жены его³, князь Александр Алексеевич Долгорукой⁴, ввергает их с невинно нарожденными уже детьми в бедственнейшую нищету, под видом за то будто, что дочь его возростом в двадцать семь уже лет вышла за муж уходом от родителя; но за дворянина, со всем себе равнаго, и за честнаго человека; в самой же вещи для того, чтоб не допустить ее получить из своего, и матернее имение, ничего до своей смерти, и чтоб сносила она с терпением когда он раздает оное побочным детям от своей холопки, которую держит явно своею наложницею; да и для чего дочь ево нарушила и тем целомудрие свое, что вышла законно за муж в двадцатисеми летах за дворянина, и народила детей от него, а не по примеру его от холопа; вот, дарагой друг! Как могут еще в нашей земле мыслить о истинной правоте и добродетели и самых знатных родов князья, не упрекаясь отнюдь в своей совести, что никак не позволено того взыскивать от других, чего сам собственно делать не хочешь, и не делаешь. Сей Господин Николев надеюсь вам уже именем известен, по нескольким его стихотворческим изданиям⁵.

<...> Я есмь всегда непременно всем сердцем и душою весь
ваш

Искренним другом и слугою. <Граф Петр Панин>

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 949. Л. 141—141об. Писарское, с подписанием-автографом.

² Николев Петр Михайлович (?—1772), генерал-майор Преображенского полка, член кригс-комиссариата. Был женат на купеческой вдове Мавре Афанасьевне Аникиевой.

³ Екатерина Александровна, рожд. княжна Долгорукая (ум. 1829). Николай Петрович Николаев женился на ней в 1778 году.

⁴ Князь Александр Алексеевич Долгорукий (1718—1782), премьер-майор в отставке. Через год после его смерти — в 1783 году — все имения его перешли сыновьям Александру, Федору и Михаилу.

⁵ К тому времени вышли следующие издания его произведений: Испытанное постоянство комедия, в одно действие... М, 1776 (СК, II. №4618); Ода ея императорскому величеству государыне Екатерине Алексеевне ... на заключение славою увенчанного мира. М, 1774 (СК, II. № 4625); Письмо к Федору Григорьевичу Карину... М, 1777 (СК, II. № 4626); Попытка не шутка или Удачной опыт комедия, в трех действиях. М, 1774 (СК, II. № 4627); Сатира на обычаи и нравы развращенных людей нынешняго века. М, 1777 (СК, II. № 4631). Вполне вероятно, что здесь граф Панин имеет в виду две книги, вышедшие непосредственно в 1781 году: Розана и Любим драма с голосами в четырех действиях. М, 1781 (СК, II. № 4629) и Прикащик, драматическая пастельга с голосами, в одном действии. М, 1781 (СК, II № 4628).

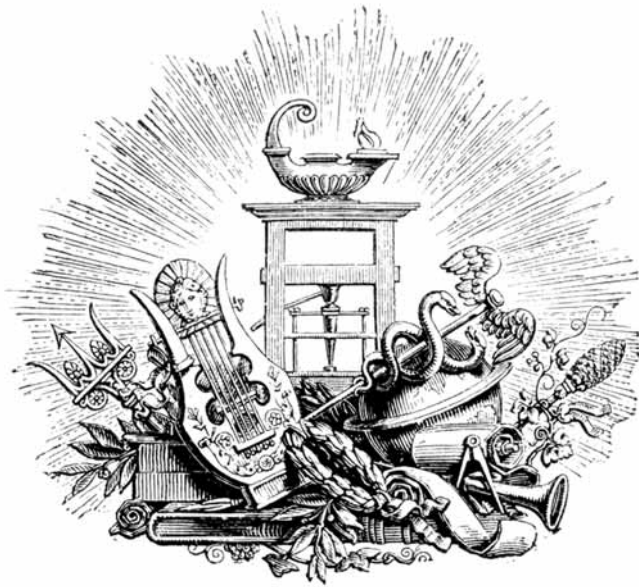

Даниил Самойлович
Самойлович

Даниил Самойлович Самойлович (1744 или 1743—1805) — действительный статский советник, член медицинской коллегии и многих иностранных академий. Выдающийся русский эпидемиолог, яркий представитель русской школы эпидемиологов-контагионистов. В 1776 году был отправлен за границу учиться, пробыл в Лейдене четыре года, где 26 октября 1780 года получил степень доктора медицины. Затем в Страсбурге и Париже изучил акушерство, после чего возвратился в Россию и в 1784 году был признан Медицинской коллегией доктором медицины. Автор множества сочинений, причем как написанных до отъезда, так и написанных и напечатанных им в городах его пребывания — Лейдене, Страсбурге и Пари-

же. Подробный их список приведен Змеевым (II. С. 93 — 94). О знакомстве Самойловича с князем Куракиным повествуется непосредственно в публикуемом письме. Целью же этого послания к князю было поторопить решение дела по имению Самойловича, ожидающего решения в Сенате.

[1] .18 января 1797 года.¹

Сиятельнейший Князь!

Вы были мне, в Монбелиаре, ходатай мой многомилостивейший², успособствовали меня быть пред лицом всеавгустейшаго монарха нашего, и у ручки Ея Величества³! Вам известно, что я получил из Вены и вседрагоценнейшее по конец дней моих от Его Величества письмо. Не лишайте меня, сиятельнейший Князь, пред лицом всеавгустейшаго Государя нашего толиких же благотворений ваших и ныне. В письме своем к Сергею Ивановичу Плещееву⁴ я объяснился, где-бы мог я быть всенаипольнейшим по службе моей, яко доктор, в которой нахожуся я с 1761го года⁵. В сей же стране служу с 1784го года: коллежским советником с 1785го года от 21го Апреля, представляем был в 1787^м году от Графа Самойлова⁶. И от Графа Суворова-Рымникскаго⁷, к получению ордена⁸, а получил 4 степени прошлаго 28-го июня.

За блага мне ваши, Сиятельнейший Князь, соделанныя, предостанется мне 54 летнему старику, вам благодарить, благодарить вам, со умилением души моя, благодарить вам, воздевая горе Руци мои, прославляя имя Ваше и пребывая к вам с душевною преданностию, и с повсегдашным высокопочитанием моим

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Данило Самойлович

Самойлович

Генваря 18 дня

1797 года

Очаков

Где и по долгу службы моя и всегдашнее пребывание мое.

Р. S. По Сенату есть дело мое о забрании в казну и последняго имения моего, после всех разграблений сторонних. Прошу вас, Сиятельнейший Князь, испросить мне милость у Князя Алексея Борисовича⁹, чтобы дело мое было-бы в Сенате представленно к решению. Сим вы, Сиятельнейший Князь, облагодотворите всенаубетильнейшее <!> письмо мое о сем-же самом к Князю Алексею Борисовичу!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 150. Л. 276—276об—277. Писарское, с подписью-автографом. Пунктуация оригинала — в виду ее хаотичности — не сохранена.

² Самойлович был представлен великокняжеской чете в Этюбе близ Монбельяра, где графы Северные находились с 21 июля по 21 августа 1782 года. Судя по тексту письма, Куракин способствовал этому.

³ Здесь имеется в виду Мария Феодоровна, которая тогда была еще Высочеством.

⁴ Плещеев Сергей Иванович (1752—1802) — служил во флоте. В 1781 году был назначен состоять при цесаревиче Павле Петровиче, также был в его свите при путешествии по Европе. В 1796 году после смерти Екатерины II был назначен адъютантом Павла I, а при коронации — в 1797 году — был произведен в вице-адмиралы и поставлен при принятии прошений. Находясь при Павле Петровиче с 1781 года, он уже после воцарения более других пользовался его милостью, но не избежал общей судьбы его приближенных и был отправлен в отставку 28 июля 1798 года. Плещеев получил известность как масон.

⁵ В 1761 году Самойлович поступил 15 ноября в Московский госпиталь учеником, но уже 27 ноября был принят принят в Петербургский адмиралтейский госпиталь, где в 1765 году получил звание подлекаря, а в 1767 году — лекаря.

⁶ Граф Александр Николаевич Самойлов (1751—1814) — племянник князя Г. А. Потемкина, отличился при осаде Очакова. При Екатерине назначен генерал-прокурором Сената, а при Павле I — действительным тайным советником.

⁷ Суворов Александр Васильевич, граф Рымникский, князь Италийский (1729—1800) — генералиссимус.

⁸ Речь идет об о награждении Самойловича орденом св. Владимира IV степени.

⁹ Князь Алексей Борисович Куракин (1759—1829) — родной брат нашего князя Куракина. В то время — генерал-прокурор правительствующего Сената и главный директор ассигнационного банка.

Николай Николаевич
Сандунов

Николай Николаевич Сандунов (Зандукели; 1769–1832), ординарный профессор гражданского и уголовного судопроизводства императорского Московского Университета. Окончил Дворянскую гимназию при Университете, а потом и сам Университет, причем в последнем в 1787 году получил Золотую медаль за отличные успехи. Преподавал синтаксис в Гимназии, а затем был приглашен М. М. Херасковым к себе в секретари. После этого служил секретарем при генерал-губернаторе возвращенных от Польши губерний и областей, где был произведен в чин титулярного советника.

По требованию князя Алексея Борисовича Куракина, в бытность его генерал-прокурором правительствующего Сената, вступил в канцелярию о составлении законов Российской Империи в звании сочинителя. В чине коллежского советника в 1798 году был переведен в Москву, на должность обер-секретаря Шестого департамента Сената, где и прослужил двенадцать лет, после чего вышел в отставку в чине статского советника.

В 1811 году, по приглашению попечителя Московского учебного округа П. И. Голенищева-Кутузова, занял место профессора Московского университета и преподавал российское законоведение.

[1]. 1 августа 1803 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Повеление Вашего Сиятельства, возлагающее на меня лестную обязанность печься о Неофите Ивановиче Прокудине² получить я честь имел. Приемля единое препоручение Вашего Сиятельства за милостивый знак отличнаго ко мне благоразположения со всем усердием готов я употребить себя, сколько в возможности моей есть к содействию в пользу Неофита Ивановича; и говорил уже с кем должно. Примеры были, что подобные случаи окончаны с успехом; но по недавнему дела сего вступлению надобно несколько обождать. Я весьма почту себя щастливым, есть ли случай сей дозволит мне сделать воле вашей благоугодное во всей полноте желания Неовита Ивановича.

С совершенным высокопочтанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть навсегда

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Николай Сандунов

1 августа
1803 года.

Р. S. Ея превосходительство Александра Ивановна³ призывала мне благодарить Ваше Сиятельство за приписку к ней в письме моем.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Е. х. 207. Л. 302 — 302 об. Автограф.

Сандунов в то время служил обер-секретарем Шестого департамента правительствующего Сената; именно это обстоятельство и послужило причиной возникшей в данном случае переписки.

² Прокудин Неофит Иванович — коллежский советник, в службе состоял с 1756 года. 28 декабря 1785 года пожалован надворным советником. Князь Александр Борисович познакомился с Прокудиным в конце 1780—начале 1790-х, когда Неофит Иванович служил Губернским прокурором в Пензенском наместничестве. Дело по нижегородскому винокуренному заводу, коего он был начальником, находилось на рассмотрении в Четвертом департаменте Сената. Сам Прокудин просил князя Куракина о помощи еще в письме от 11 марта 1802 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 267). Также Прокудин просил о помощи по службе его сыну — письмо от 10 января 1805 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Е. х. 220. Л. 87).

Сандунов, желая угодить князю, снесся тогда же по этому делу с сенатором Петром Петровичем Нарышкиным (1764—1825), который сообщил Сандунову, что дело Прокудина стоит на очереди в Сенате и опасаться ему нечего. Нарышкин, в свою очередь, и сам отписал князю Куракину о сношениях с ним Сандунова в письме из Москвы от 25 августа 1803 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Е. х. 207. Л. 348, в постскриптуме).

³ Жена писателя. Известная красавица того времени.

[2]. 12 февраля 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Снисходительное внимание, каковым удостоен я от высокой Особы Вашей, Сиятельнейший Князь и милостивое дозволение, данное мне при отъезде моём из Петербурга, осмеливают меня принять дерзость по участию моему в судьбе брата моего² искать ему высокого покровительства вашего, Сиятельнейший Князь и испрашивать ему милостей Ваших.

Обстоятельствами вовлечен он в построение двух каменных в Москве домов; дороговизна непредусмотренная обременила его долгами; желая лучше быть должным казне, по вызову от московского опекунского Совета сделанному, просил он ссуды под залог домов своих; но сверх чаяния лишен надежды без Высочайшаго Ея Величества вдовствующия Государыни Императри-

цы³ повеления; крайность принудила его двукратно утруждать Высочайшую Ея Особу просьбою и по обеим предоставлено рассмотрению Его Высокопревосходительства Александра Михайловича Лунина⁴. В следствие первого о том повеления донесено от него Ея Величеству, что дома и места брата моего больше стоят просимой братом моим ссуды; но на сие никакого повеления не последовало; а за сим Александр Михайлович не осмеливается сам собою приступить к удовлетворению брата моего ссудою; денег же по собственным его словам находится теперь на лице знатная сумма.

Удостоите, Сиятельнейший Князь, великодушно снизойти к покорнейшей просьбе моей и сильным покровительством Вашим извлеките брата моего из крайности, милостиво вспоможествуя в исходатайствовании ему всемилостивейшаго соизволения на выдачу просимой им из Московскаго Опекунскаго Совета под залог домов его ссуды. Облаготворя его, Сиятельнейший Князь, облагодетельствовать соизволите меня, как истинное участие в судьбе его приемлющаго.

С совершенным высокопочитанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть всегда

Сиятельнейший Князь!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 251. Л. 237 — 237об — 238. Автограф.

² Речь идет о Силе Николаевиче Сандунове (Зандукели; 1756–1820), знаменитом драматическом актере. Его финансовые дела были довольно длительное время, вплоть до 1810-х годов, в сильном расстройстве. Строительство, упомянутое в письме, есть не что иное, как сооружение в будущем знаменитых Сандуновских бань.

³ Т. е. Марии Феодоровны.

⁴ Лунин Александр Михайлович (1745–1816) — действительный тайный советник, в то время почетный опекун Московского опекунского совета и управляющий Вдовьим домом (с 5 мая 1803 года), управляющий экспедицией при Воспитательном доме О воспитании детей по деревням.

[3]. 26 февраля 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Удостоясь чести почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства в разсуждении брата моего я почитаю себе непременною обязанности изъяснить вам, Сиятельнейший Князь, живейшую признательность за милостивое внимание ко мне и брату моему. Движимый сердечным участием в крайности его осмелюсь обременить высокую особу Вашего Сиятельства покорнейшею моею о нем прозьбою, сим же самым чувством к брату моему, а паче надеждою на снисхождение Вашего Сиятельства, побуждаюсь я донести вам Сиятельнейший Князь, что последняя просьба от брата моего Ея Величеству вдовствующей Государыне Императрице поданная быв, как и прежняя брата моего просьбы, прислана к Его высокопревосходительству Александр Михайловичу Лунину, поставила его в необходимости на сей почте поновительно представляя свое мнение относительно ссуды брату моему просить высочайшаго Ея Величества на то соизволения. Сиятельнейший Князь! крайность брата моего велика; но он не может иметь более смелости утруждать Высочайшую Ея Величества Особу новою просьбою. Одно предстательство, одно слово Вашего Сиятельства спасти его может от гибельной крайности. Чувства мои увлекают меня далеко; но Бога для того и просят дерзновенно, что он Бог.

С совершенным высокопочитанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть навсегда

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга
Николай Сандунов
26-го февраля
1806 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 251. Л. 319 — 319об. Автограф.

Василий Иванович
Тибекин

Василий Иванович Тибекин (Тебекин; 1765—1831), пять писем которого мы решили здесь напечатать, принадлежит к числу малоизвестных поэтов начала XIX столетия. Он был знаком с графом Д. И. Хвостовым и быстро удостоился его благорасположения, поскольку у графа была слабость покровительствовать начинающим литераторам.

Основная ценность публикуемых писем в том, что они проливают некоторый свет на биографию Тибекина. Н. П. Смирнов-Сокольский, описывая сборник его басен 1816 года, писал в комментарии: «Каких-либо биографических сведений об авторе книжечки разыскать не удалось» (Моя библиотека. Библиографическое описание. Т. I. М., 1969. С. 447).

Будучи сыном екатеринославского губернатора, Василий Тибекин сперва служил в гвардии, а затем перешел в статскую службу и после смерти отца занимал невысокие должности. В 1812 году в столице вышло из печати его первое отдельное произведение — ода «Ура на победы, одержанные Российскими войсками под командою Фельдмаршала

Светлейшаго Князя Михайла Ларионовича Голенничева-Кутузова над Французами», после выхода которой Тибекин поверил в собственный талант. Он начал усиленно искать себе покровительства и пытался подступиться к высоким особам. Около 1814 года им был написан акростих в память П. А. Румянцева (ОР РГБ, Р. а. Карт. 5. Д. 24). В 1816 году, когда он переехал в Петербург, вышла его первая книга басен, посвященная князю Александру Борисовичу Куракину. В 1819 году вышла еще одна книга («Басни». Спб, при императорской Академии Наук, 1819). В 1820 году Тибекин подает в цензуру новую книгу басен, испрашивая разрешения посвятить их уже Александру I, но издание в свет не вышло. Большинство невышедших басен были им два года спустя включены в сборник «Новые басни», рукопись которого он поднес графу М. С. Воронцову, но также без успеха — книга в свет не вышла.

Стоит упомянуть, что Тибекин постоянно менял написание собственной фамилии — Тибекин и Тебекин. Две его первые книги были изданы под фамилией Тебекин, а в 1819 году — Тибекин, то же происходит и в его подписях под посылаемыми письмами (как и можно усмотреть ниже). Отец нашего баснописца писался опять же двояко: как Тибекин (так подписано его прошение на имя Екатерины II от 10 марта 1791 года, хранящееся в АВПРИ МИД РФ (Ф. 13. Оп. 2. Д. 1046)), так же он фигурировал и в росписях чиновных особ, и как Тебекин (*КФЖ*. С. 385, 434, 474). Немногие произведения баснописца, публиковавшиеся в XX веке, напечатаны под фамилией Тибекин. Это написание мы также решили взять в качестве основного.

[1]. 18 октября 1815 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Благотворения Вашего Сиятельства во время болезни моей в Вене² на меня излианная так сильно впечатлились во глубине души моей, что одна смерть будет колько <!> в состоянии из-

гладить оныя и принудить язык мой не воздавать Вам ежеминутную жертву достодожного благодарения! И сия-то самая незабвенность оных Милостей Ваших оживляет меня надеждою, что и теперь, Сиятельнейший Князь! нижайшая прозьба моя не останется без милостиваго воззрения!

Возвратясь в Любезное отечество вступил я, будучи переименован из Ротмистров в Титулярные советники, в статскую службу и в 1812-м сент. 11-го дня определен по Министерству Финансов, Департаменту Внешней Торговли членом контрольной Дубосарской Таможни, где я продолжал и по сие время служение в действительном исполнении должности³. Но как Комитет Г. Г. Министров нашел за благо уничтожить всю часть контрольного Таможенного управления, то я и остаюсь уже теперь без места. Я же за непременный долг поставляю быть сколько силы и способности позволяют; полезным Отечеству и Государю. Здоровье, привычка к делам таможенным, а более всего, желание старушки Матери моею⁴ побуждают и влекут к объясненной службе. По сей части есть, как я известился, два праздные места; одно в Радзивилов окружного Начальника; другое в Астрахани директора Таможни. Но неимея личного доступа к Его Высокопревосходительству Дмитрию Александровичу Гурьеву⁵ и будучи в таком отдалении нет возможности и думать о успехе в сем желании. Вся моя надежда на Бога и на Вас, Великодушный Покровитель! К Вам, к Вам, Сиятельнейший Князь! прибегаю. Услышьте нижайшую прозьбу мою, прозьбу престарелой матери, прозьбу всего моего семейства: Ощастливьте меня одобрением Вашим пред Его Высокопревосходительством и если можно, произнести хотя одно слово в пользу мою Его Превосходительству Михайле Алексеевичу Обрезкову Г-ну Директору Департамента Внешней Торговли⁶! Благоволите, Сиятельнейший Князь! таким образом простереть ко мне могущую, покровительную Десницу Вашу и заставьте меня с семейством моим быть

единственно Вам обязанным нашим спокойствием, нашим благополучием! Да вознесем теплые мальбы к Небу о благоденствии вашем и предадим оныя чувства потомству нашему! Да взглянет полумертвыми глазами согбенная старостию мать на сына Вашим словом ощастливленного! Да прольет она вместо слезы горести, слезу сладостнаго благодарения за Вас пред престолом Вышняго представши в вечность.

Имею честь присоединить к сему точную копию с Аттестата выданнаго мне Харьковским Университетом⁷ и поручая себя и все мое семейство в благодетельное покровительство Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию

Сиятельнейший Князь!
Милостивейший Государь!
Вашего Сиятельства,
покорнейший и нижайший слуга
Василий Тебекин
1815го года
Октября 18-е число
Тульской Губернии
Г. Белев.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 327. Л. 131–132об. Автограф.

² Где князь Куракин был полномочным министром.

³ Как кажется, на службу в таможду В. И. Тибекин был устроен стараниями Ивана Тибекина (не Васильевича), который очевидно был старшим братом поэта. Он также был из военных (служил в Мариупольском легкоконном полку с 1777 года сержантом, с 1779 кадетом, а с 1781 корнетом) (РГАДА. Ф. 286. Кн. 790. Л. 185), и в 1786 году по представлению князя Г. А. Потемкина был назначен в Красносельскую пограничную таможду контролером с чином титулярного советника (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6367. Л. 715), а 12 апреля 1790 года был уволен от службы по представлению графа Я. А. Брюса с чином коллежского ассессора (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6383. Л. 112–113). До 1793 года он находился не у дел, а 31 августа 1793 года опреде-

лен советником Таврического областного правления (РГАДА. Ф. 286. Кн. 875. Л. 350).

⁴ Сведений о ней разыскать не удалось.

⁵ Дмитрий Александрович Гурьев (1751—1825) — сенатор, член Государственного совета. В 1810 году вместе с назначением в Государственный совет был назначен министром финансов, однако фактически занял эту должность только в 1812 году (все это время финансами управлял граф М. М. Сперанский). Отставлен с поста министра финансов в 1823 году.

⁶ Обресков Михаил Алексеевич (1764—1842) — действительный тайный советник и сенатор.

⁷ Копия прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 327. Л. 133. Автограф В. И. Тибекина). Считаю нужным поместить ее здесь:

Копия

№ 704

Аттестат

Член Контрольной Дубосарской Таможни Титулярный Советник Василий Иванович сын Тибекин, подвергнув себя экзамену в комитете учрежденном в следствие имянного Высочайшаго указа от бго Августа 1809го года для испытания Гражданских чиновников при Императорском Харьковском Университете оказал следующие сведения: в праве Римском, в древней и новой Всеобщей Истории, в Арифметике и Геометрии Хорошия; В Российском, Горажданском и Уголовном правоведении, в праве Естественном, Частном, Всеобщем, Государственном и Народном, в Политической Экономии, в Истории, Географии и Статистике Российскаго Государства, в Российской Грамматике, Риторике и в Физике, очень хорошия; сверх того сочинение его на Российском языке, так же и переводы с Российскаго на Немецкый, Англинскый и Французскый, равно и с Немецкаго, Англинскаго и Французскаго на Российский языки, по рассмотрении оказались очень хорошими. В удостоверении чего и дан сей Аттестат ему Тибекину из Правления онаго Университета за нижеявствующим подписанием и приложением казенной печати Июля 8 дня 1815-го года.

На подлинном:

Статский советник и кавалер Проректор Павел Шумлянскый

Декан Антон Дегуров

Декан Карл фон Нельдехен

Decanus et Professor Dr G. Dreyssig

Decanus Bernhardus Reith

Секретарь Демиан Адамович

Повытчик Губернский Секретарь Дмитрий Назаров

место казенной печати

Следующия за отпечатные

сего Аттестата, за перга-

мент и приложение печати

Х. И. Университета, деньги двадцать

девять рублей взяты

С. Д. Адамович.

[2]. 12 апреля 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь

Милостивый Государь!

Не имея щастливого случая быть пред лицом Вашего Сиятельства осмеливаюсь при сих строках представить мои Басни и Сказки которыя дерзнул украсить именем Вашим². Щастлив если сии слабыя произведения обратят на себя хотя на одну минуту взор Вашего Сиятельства.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею щастие быть

Вашего Сиятельства

Милостивейшаго Государя

Покорнейший и нижайший слуга

Василий Тебекин

Апреля 12 дня

1816 года

С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 330. Л. 199. Автограф.

² Речь идет о книге «Басни и сказки Василья Тебекина» (Спб, в Типографии К. Крайя 1816 года). Книга снабжена следующим посвящением: «Его Сиятельству Господину Действительному Тайному Советнику I го класса, Государственного Совета Члену, Сенатору, всех Российских Орденов Канцлеру, Действительному Камергеру, Орденов Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Равно-Апостольнаго Князя Владимира I й степени большого Креста, Св. Анны I го класса, Св. Иоанна Иерусалимскаго большого Креста и разных иностранных Орденов Кавалеру, Князю Александру Борисовичу Куракину, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию посвящает Василий Тебекин».

[3]. 27 апреля 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Благотворительное расположение Вашего Сиятельства, милостивое участие к семейству нашему лестнейшими выражениями в письме, которым Вашему Сиятельству угодно было меня удостоить, ознаменованное, и наконец благосклонность с каковою изволили сказать мне, что вы желаете только, чтоб посредство Ваше не было тщетно и чтобы я избрал вакантное место, все сие подает мне твердую надежду найти в высокой особе Вашей Ангела-покровителя.

Сими-то чувствами преисполнен осмеливаюсь прибегнуть к великому саном и душею!

Теперь есть вакантное место Члена в пограничной Либавской таможене. Благодетель человечества! Удостоите меня могущим покровом Вашим да приосенясь оным достигну желаемой цели! Но если бы на сем пути случились бы не преборимыя препоны — нет! Великому из Князей — сынов России дерзнут ли они встретиться? Но если бы оне случились то будьте столько милостивы Сиятельнейший Князь! Снизойдите указать мне благоотво-

рительным перстом место советника, кроме Грузии, Кавказа, Херсона, в какой бы то ни было по произволу Вашему губернии.

Я избрал бы предпочтительно Либаву, Петербург, Москву, Тамбов, Астрахань: первые два места по тому, что жена моя², которой чрез два месяца ожидаю, весьма худо разумеющая Руской язык нашла бы в них необходимый для жизни круг знакомства, не была бы, так сказать, немою, брошенною среди шумного множества, остальные по тому, что старостию удрученная мать моя, проведя в них несколько лет своей жизни, имеет в них то знакомых юности, то родственников. Но смею ли думать о выборе? Нет! Ваша благоусмотрительность, Ваша воля Сиятельнейший Князь! будут моим собственным желанием, моим законом.

Благоденствие Вашего Сиятельства врежется неизгладимыми чертами в глубине души моей.

Впрочем препоручая себя в полное расположение Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию к высокой особе Вашей.

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,

Всепокорный и всенижайший слуга

Василий Тебекин

Апреля 27 дня

1816 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 330. Л. 240–241об. Писарское, с подписью-автографом.

² Сведений о ней разыскать не удалось.

[4]. 8 сентября 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Благотворения Вашего Сиятельства неоднократно уже на меня излиняныя ободряют меня надеждою, что и теперь удостоюсь я Вашего могущаго покровительства.

Оставшись за уничтожением контрольных таможен без места, хотя и определен во временный Департамент Коммерц-Коллегии переводчиком, но как на сем не видном месте я не могу показать сколь неограниченно усердие мое к службе Великаго Монарха, и как ныне получаемое мною жалованье пять сот рублей в год составляет только третью часть получиваннаго мною в должности члена главной таможни, то и осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство, взяв в уважение нижайшую прозбу мою оцастливить меня хотя одним одобрительным словом пред Его Высокопревосходительством Дмитрием Александровичем Гурьевым² и удостоении к получению просимаго в записке, которую здесь приложить дерзаю.

В прочем препоруча себя совершенно в волю Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочитанием и неограниченною преданностию

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,

всепокорнейший и всенижайший слуга

Василий Тибекин

Сентября 8го дня

1816 года

Санктпетербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 333. Л. 47 — 47об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 5 к письму 1.

Письмо [5]. 19 сентября 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Священнейшим долгом поставляю принести Вашему Сиятельству чувствительную мою благодарность за удостоверение меня одобрительными строками пред Его Высокопревосходительством Дмитрием Александровичем Гурьевым².

В следствие письма Вашего, Сиятельнейший Князь, имел я честь быть несколько раз у Его Высокопревосходительства, и наконец удостоился его видеть. На прозбу мою и напоминания о строках Вашего Сиятельства изволил он сказать мне; «очень хорошо — я поговорю Михайле Алексеевичу³».

О сем донеся Вашему Сиятельству и запечатлев благодеяния Ваши в недрах души моей. С глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшею преданностию имею щастие быть

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,

всепокорнейшим и всенижайшим слугою

Василий Тебекин

1816 -го года

Сентября 19-го дня

Васильевский Остров.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 333. Л. 104—104об. Автограф.

² См. прим. 5 к письму 1.

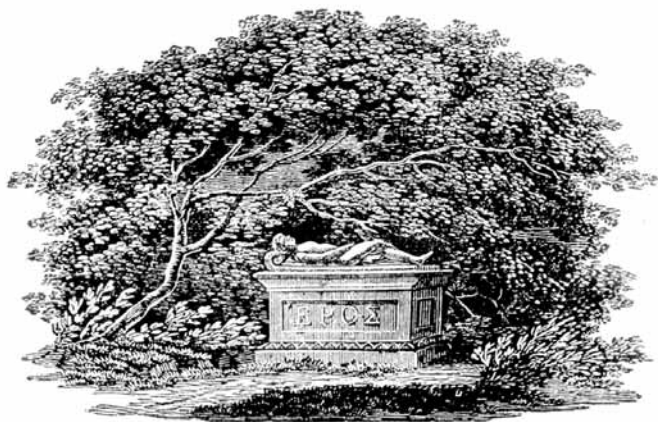
³ Обресковым, см. прим. 6 к письму 1.

Борис Михайлович
Федоров

Борис Михайлович Федоров (1798—1875) — прозаик, стихотворец и журналист XIX столетия, а известная эпитафия на него «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи», сочиненная А. С. Пушкиным, отражает иронически-пренебрежительное отношение к нему в литературных кругах первой половины века. В юности Федоров имел возможность бывать у Г. Р. Державина, который снисходительно относился к молодым литераторам. В 1815 году он начал издавать свой первый журнал — «Кабинет Аспазии», который закончился на седьмой июльской книжке. Когда Федоров писал это письмо к князю Александру Борисовичу, ему было семнадцать лет и он искал покровительства.

[1]. <Около 14 октября 1815 года>.¹

Сиятельнейшия Князь!

Милостивый Государь!

Удостоите с свойственною Вам благосклонностию принять сие произведение², которое осмеливаюсь Вам представить, как Знаменитому Саном и Делами Вельможе, Любителю всего Отечественнаго, и разделяющаго общия чувства радости в День рождения Матери Великаго Александра!³

Льщусь приятнейшею надеждою, что Ваше Сиятельство не откажете молодому Русскому в милостивом Покровительстве. Приемля свидетельство глубочайшей преданости, с коею имею щастие быть

Вашего Сиятельства!
Милостиваго Государя!
всепокорнейшим слугою
Борис Федоров
Находящийся при должности
в Департаменте Г. Министра
Юстиции в чине Коллеж
скаго секретаря

Его Сиятельству

Князю А. Б.

Куракину

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 327 («Письма от разных особ за сентябрь-октябрь 1815 года»). Л. 91. Автограф. Датируется по содержанию.

² Речь идет о книге: День рождения императрицы Марии и воспоминания о Павловске. Поэма. Сочинение Бориса Федорова. Посвящается Россиянам. Октября 14 дня 1815 года. Спб., печатано в Императорской типографии, 1815 года.— 28 с.

Федоров при издании этой книги оказался изобретательным: издал он ее раньше описываемого в поэме события. Это можно понять из того, что цензурное разрешение на книгу датировано 5 октября 1815 года.

³ Императрица Мария Феодоровна родилась 14 октября 1759 года.

[Приложение]

Кроме публикуемого письма, среди бумаг внучатого племянника и полного тезки нашего князя, в томе «Смесь Алексея Борисовича Куракина П-го» <1850-е гг.> (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 802. Л. 46 — 46 об) находится рукопись стихотворения Федорова «Князю Алексею Борисовичу Куракину», якобы посвященное памяти князя Алексея Борисовича Куракина (1759—1829). Однако даже исходя из первой строки — «Князь и поэт, сановника потомок...» — становится ясно, что оно написано в память скончавшегося 2 октября 1850 года князя Бориса Алексеевича Куракина (1783—1850) — сына князя Алексея Борисовича и племянника нашего князя Куракина.

Хотя печатание этого стихотворения явно выходит за рамки настоящего издания, и среди бумаг куракинского архива находится достаточно любопытных автографов литераторов, адресованных другим членам княжеской семьи, мы все-таки решились для любопытства поместить его, но здесь, в дополнении к примечаниям.

Князь и Поэт, Сановника Потомок,
Орла в путях Великаго Петра,
Твой предок был в посольствах славою громок —
И представителем Двора.

Желал бы я собрать о нем сказанья,
И передать воспоминанье их —
Тебе в почет, другим — для назиданья,
На память славных лет былых.

Да будет то и сердца выраженьем
За доброе внимание ко мне,
Когда меня почтил ты предложеньем
Мне счастья путь открыть вполне.

Открыть туда доступный путь поэту,
Где в царственном чертоге красота
Могла б внимать его души привету,
Для коей — истина свята.

Могла б узнать, как чтил я дарованья,
И гения искусств в лучах венца,
Как выражал сердечных чувств признанья —
И к доблестям ея Отца.

Передаю простые звуки лиры
Тому, кто сам Поэзию любя,
Хоть близким был к носителям порфиры,
Жил для добра, не для себя!

Борис Федоров.

Денис Иванович
Фонвизин

Денис Иванович Фонвизин (Фон Визин; 1743—1792) был особенно близок к семье князей Куракиных. Первоначально это сближение могло произойти из-за того, что с 1768 по 1782 год он служил в Коллегии Иностранных дел и состоял при графе Никите Ивановиче Панине, который ценил способности своего помощника. Примерно с того же времени — то есть с конца 1760-х годов — с сатириком был знаком и наш князь, во второй половине 1770-х — середине 1780-х годов они общались особенно часто; во время своего лейденского обучения приятель князя Куракина князь Н. Б. Юсупов передавал через нашего князя приветы Фонвизину (напр., в письме от 27 мая 1774 года — АКК, VII. С. 303). Публикуемые письма открывают неизвестную часть их отношений — покупку князем у Дениса Ивановича произведений искусства. Несомненно, наиболее интересным моментом их отношений является вопрос авторства и перевода «Жизнеописания графа Н. И. Панина», которому посвящен раздел в конце настоящей книги.

Не подлежит сомнению, что Фонвизин был одним из любимых русских писателей князя Александра Борисовича. Находясь в Павловском (на Юлове), князь писал 23 марта 1794 года своему управляющему Михайле Иванову: «Удивляюсь я, что ты комедию Недоросля прислал ко мне скорописную: я знаю точно, что она есть печатная. Любя сочинения покойного автора оной, желаю я иметь и комедию Бригадир. Ежели не найдешь ее печатную, то хотя скорописную где-нибудь достань и сюда пришли» (XVIII. Т. 1. С. 460). Некоторые списки с произведений сатирика, как например «Рассуждение о суетности жизни человеческой», посылал к князю Куракину его давний московский друг Н. Н. Бантыш-Каменский. Также отметим, что Денис Иванович даже после смерти графа Никиты Ивановича пользовался непререкаемым авторитетом у княжеских родственников — особенно у графов Петра Ивановича и Никиты Петровича Паниных.

[1]. 13 марта 1772¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Его Сиятельство Граф Никита Иванович² изволил препоручить мне отправить к вам письмо от Его Высочества³. Радуюсь сердечно, что могу воспользуюсь сим случаем, привести Вашему Сиятельству на память себя, как человека истинно вам усердного. Позвольте мне просить о продолжении ко мне вашей благоклонности и дружбы, в награду за то совершенное почтение и преданность, с которыми пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга

Денис Фон Визин

P. S.

В С: Петербурге

13/23 Марта 1772.

Р. S. Покорно прошу засвидетельствовать мое почтение милос<тивым> Госуд<арям> моим Гр<афу> Николаю Петровичу⁴ и Князь Гавриле Петровичу⁵.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 443. Л. 103—103об. Писарское, подпись и постскрипtum — автограф.

² Граф Никита Иванович Панин (1718—1783) — непосредственный начальник Фонвизина по службе в Коллегии Иностранных дел.

³ Цесаревича Павла Петровича.

⁴ Граф Николай Петрович Шереметев (1751—1809) — действительный тайный советник, обер-камергер, шеф Пажеского корпуса, основатель Страноприимного дома в Москве. Тогда был камер-юнкером двора.

⁵ Князь Гавриил Петрович Гагарин (1745—1808) — сенатор, действительный тайный советник. Видный масон, о нем см. подробнее в прим. к письмам И. Ф. Богдановича на стр. 118.

[2]. Без даты [1780]¹.

Щот Вашего Сиятельства за взятые у меня вещи состоит в тысячи десяти рублях. Вы, Милостивый Государь мой весьма меня одолжите, есть ли оную сумму пришлете мне ко вторнику; ибо я в тот день стану переводить в Париж деньги².

При сем посылаю Oeuvre de Greuze цена 80 руб³. Не понравится ли Вашему Сиятельству? О збавке цены с миниатюры я уже писал.

Фон визин.

вторник по утру

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453 («Письма разных особ к князю А. Б. Куракину. Т. 13. 1780 год»). Л. 336. Автограф. На л. 341 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю моему Князь Александру Борисовичу Куракину».

² Судя по всему, деньги князь Куракин тогда Фонвизину не прислал, ограничившись выпиской векселя на год, поскольку тогда находился в довольно

стесненных обстоятельствах. По крайней, мере уехав 19 сентября 1781 года в свите графов Северных за границу, он оставил за собой в Петербурге долг, который к декабрю того же года составлял 123 793 рубля.

В ведомости этим долгам, в части именуемой «Долги по векселям, щетам и закладам, требующия неотлагательной заплаты спервоначальными деньгами» имеется и следующая запись: «Фон Визину. 1300 р. (За покупку эстампов вексель коему срок уже прошел, и которой заплачен должен быть вскоре по обязательствам Дениса Ивановича с комиссионером его в Париже)» (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 253 об.).

³ Жан-Батист Грез (Greuze; 1725—1805) — французский живописец, с 1767 года член Парижской академии. Благодаря посредничеству Д. Дидро и князя Д. А. Голицына снискал расположение Екатерины II. Среди русских, купивших его живописные работы, была и сама императрица, а также князь Н. Б. Юсупов, граф А. П. Шувалов, позднее Павел I и другие.

Это упоминание работы Греза (судя по цене, здесь говорится о рисунке или о небольшом живописном эскизе) в связи с биографией Фонвизина не лишне, поскольку еще В. Ф. Левинсон-Лессинг в своей замечательной работе «Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство» писал: «Весьма многое остается неясным. Почему, например, Фонвизин не упоминает о Грезе, который явно должен был его заинтересовать и мастерская которого была легко доступна. Или же об этом случайно не говорится в дошедших до нас письмах?» (Указ. Соч. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 127).

[3]. 7 июля 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Получа вчера высочайшее позволение отлучиться на 29 дней, намерен я выехать завтра². Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить их Императорским Высочествам, что еду <туда>³ прямо к Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу⁴, и что есть ли им угодно писать со мною, то буду ожидать их послания. Я имел честь получить письмо ваше для доставления Его Сиятельству, которое верно вручу в собственные руки.

С совершенным почтением и истинною преданностию на век есм

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Денис фон Визин

7. июл. 1781.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 273. Автограф. На л. 278 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Моему Князь Александр Борисович Куракину».

² Жизнь Фонвизина в период между вторым и третьим заграничными путешествиями практически неизвестна, да и вообще подробности его времяпрепровождения более нам открываются по его письмам из-за границы, сведения же о пребывании в России, особенно после выхода в отставку, скудны. Также ничего не было известно о поездках в 1781 году — одном из наименее изученных периодов биографии сатирика.

Речь же идет об отъезде в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии — имение на реке Вазузе, некогда принадлежавшее патриарху Никону, пожалованное государыней графу Н. И. Панину, при котором состоял Фонвизин с 1768 до 1782 года. Сам же граф взял отпуск 13 мая 1781 года и выехал в Дугино, сопровождаемый князем Алексеем Борисовичем Куракиным. В Дугино они доехали 24 мая, после чего князь Алексей Борисович поехал в Москву (все это он подробно сообщал в своих письмах нашему князю). Граф Никита Иванович вернулся в Петербург в начале сентября, поскольку не в силах был сидеть в имении во время подготовки заграничного вояжа Цесаревича.

³ Первые три буквы слова прожжены сургучом.

⁴ Панину.

[4]. 4 апреля 1784¹.

4-го апр: 1784.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Хотя в проданных вашему Сиятельству Клостерманом² картинах я никакова участия не имею, но тем не менее старался я исполнить ваше повеление. Он представляет мне в резон, что тот-

час после подписания вами векселя, занял он, как мне и самому известно, у своей тещи 1500# по восьми процентов и перевел во Францию, в доказательство чего он Вашему Сиятельству покажет свои вторые вексели. Со всем тем я уговаривал его сколько мог, и вот на что привлек я Его согласиться.— Условие ваше было заплатить половину в три, а другую в шесть месяцев. Теперь соглашается он не требовать с вас и первой половины прежде, как срок придет второй половины, то есть, считая от 23-го ноября прошлого года через шесть месяцев с тем однакож, чтоб за три месяца акорд — чем вам сверх условия ваше Сиятельство за половину долга заплатить ему изволили тех самых процентов, кои он теще своей платит, и кои составляют не больше, как около тридцати рублей.

Желая, чтоб услуга моя угодна была Вашему Сиятельству пребываю с свершенным почтением и такою же преданностию
вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Денис Фон-Визин.

¹ ОПИГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 461. Л. 111—111об. Автограф. На л. 116 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Александр Борисович Куракину» и там же остатки сургучной печати.

² Герман (Иоганн) Клостерман (1757—1838?), уроженец Голландии, приехал в Петербург в 1758 году. Познакомился с Фонвизиним в 1777 году в Париже, когда поэт там покупал произведения искусства для цесаревича Павла Петровича и графа Никиты Ивановича Панина. Подробно об их взаимоотношениях см.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 97—132.

Фонвизиним и Клостерманом была заведена «коммерция вещами до художеств принадлежащая», и велась она совместно. Скорее всего, здесь Фонвизин, говоря о его отстраненности от этого дела, лукавит. Попросту он не желал открываться, этим же обстоятельством объясняется и то, что все счета

подписывал только Клостерман, а счета иногда были немаленькие. 10 сентября 1782 года Кабинет ее императорского величества купил у Клостермана 46 картин (из предложенных не менее 74) на сумму 10 635 рублей, а 25 января 1785 года выплачено «Иностранцу Клостерману за разныя бронзовые статуи и другие вещи» 3 685 рублей.

Клостерман постоянно продавал князю Куракину картины и эстампы. Причем задерживал ему князь деньги и раньше (финансовое положение князя тогда хотя и не было критическим, но все же и не было блестящим).

В 1781 году, уезжая с графами Северными, князь Куракин оставался должен не только самому Фонвизину, но и Клостерману. В части долговой ведомости «для перваго случаю нужной к удовлетворению не зговорчивых взаимодавцов» вписана строка «Клостерману 341 р». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 250 об.) Князь Куракин переписывался с Клостерманом даже в начале 1810-х годов.

Кроме того, Клостерман был известным столичным книгопродавцем; известны его книгопродавческие росписи, выходившие в качестве приложений к издаваемым книгами, а также отдельно. Интересно, что на титульном листе первого издания фонвизинского Недоросля (СПб, 1783) кроме выходных данных напечатано: «Продается у Клостермана, против адмиралтейства, в доме мещанскаго клоба, № 106».

[5]. 1 июля 1788 года¹

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

Не в силах будучи за болезнию ехать сам к Вашему Сиятельству приемлю смелость в сих строках принести к вам покорнейшую прозбу в твердом уповании на вашу ко мне милость и на доброту сердца вашего, что вы не отречетесь ни когда сделать доброе дело; а теперь предстоит к оному вот какой случай:

Знакомой мне от армии подпорутчик Алексей Дьяконов² имеет двоих сыновей Петра девяти и Павла восьми лет, которых за бедностию воспитать не может. Не можно ли удостоить сих младенцов вашим покровительством и испросить у его Императорс-

каго высочества повеления о записке их в морской кадетской корпус в комплект: ибо платить он ничего не может.

Его Императорское высочество учиня сие благодеяние обрадует несказанно меня в болезни страждущаго и к стопам Его повергающагося; а вашего сиятельства заступление будет новый опыт ваших милостей ко мне пребывающему с совершенным почетом и преданностию.

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга

Денис Фон Визин

1-го июля

1788-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 217 — 217об. Писарское, с подписью-автографом.

² Сведений об Алексее Дьяконове установить не удалось.

Дети его — Петр Алексеевич и Павел Алексеевич Дьяконовы в Морской кадетский приняты не были.

Павел Иванович
Фонвизин

Павел Иванович Фонвизин (Фон Визин; 1746—1803) — брат Дениса Ивановича Фонвизина, переводчик и писатель, с 1784 по 1796 годы занимал должность директора Московского университета. В виду очень близких отношений двух братьев, П. И. Фонвизин был также давним знакомым князя Александра Борисовича, причем Павел Иванович постоянно выполнял массу просьб князя об устройстве разных лиц в университет и университетский пансион.

Публикуемые письма дополняют биографию писателя интересными сведениями, особенно послание от 23 ноября 1796 года.

[1]. 11 декабря 1790 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 25 минувшаго ноября я имел честь получить. Желею сердечно, что на сей раз не могу удовлетворить требования Вашего Сиятельства помещением в число казенных учеников находящагося при вас офицерского

сына; ибо теперь праздного места нет и когда оное открыться может на верное донести вам не могу. Но есть ли угодно вам чтоб он учился в университете и пользовался всеми правами казенных учеников, то Ваше Сиятельство следуя побуждению природного вам великодушия, можете исполнить желание ваше доставлением в университет ежегодно по сту рублей, на которыя деньги и будет он обучаем и содержан точно так как казенные пансионеры и каковых мы имеем уже человек десять. Сим средством удовлетворится в полной мере желание Вашего Сиятельства, а между тем откроется случай и мне доказать Вашему Сиятельству то истинное почтение и преданность с каковыми я имею честь быть

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

Всенижайший Слуга

Павел Фон Визин

декабря 11 дня

1790 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 467. Л. 313—313об. Писарское, с подписью-автографом.

[2]. 6 февраля 1795 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 27-го минувшаго Генваря я имел честь получить. Сердечно бы желал выполнить волю Вашего Сиятельства принятием представляемого вами дворянина в Университет на казенное содержание, есть ли бы не препятствовало тому в прошлом году постановленное от Господ Кураторов учреждение, чтоб на казенное содержание принимать не иначе как таких свокоштных учеников, которые пробыв уже

несколько лет в Университете, оказали довольные в науках успехи; а как рекомендуемой Вашим Сиятельством дворянской сын в Училище нашем не был, то определить его во оное иначе не возможно, как на собственном его иждивении, на котором обучаясь несколько лет, есть ли окажет в науках хорошие успехи, то и на казенное содержание принят со временем быть может. Между тем долгом поставляю донести Вашему Сиятельству, что при Университете заведен давно уже Пансион благородных детей, коего план при сем имею честь доставить к сведению Вашего Сиятельства и есть ли родители сего младенца имеют столько достатка, чтоб заплатить определенную на содержание его сумму 225 рублей в год, то я смело могу удостоверить Вашего Сиятельства, чтоб он в сем пансионе несравненно более мог учением воспользоваться нежели в самом университете. Все сие предавая на ваше Милостивый Государь благоразсуждение, во ожидании на сие благосклоннаго Вашего Сиятельства отзыва, с истинным почтением и совершенною преданностию навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

Всенижайший Слуга

Павел Фон Визин

Февраля 6 дня,

1795 года.

Москва

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 475. Л. 119–119об. Писарское, с подписью-автографом.

[3]. 11 июня 1796 года¹.

Милостивый Государь Мой Князь Александр Борисович!
Имея честь препроводить к Вашему Сиятельству письмо сес-

тры моей Федосьи Ивановны Аргамаковой², в коем она просит вас Милостивы Государь об оказании ей и детям ея сроднаго особе вашей великодушия и справедливости по делу ея, которому при писме своем доставляет она краткой экстракт, беру смелость при-совокупить к сему и мою всепокорнейшую просьбу в полном удостоверении, что Ваше Сиятельство следуя побуждению благодетельнаго сердца вашего, не отречетесь в сем случае ее с детьми покровительствовать и довершить те милости. Которыя оказывал ей при жизни своей Его Сиятельство покойный Граф Петр Иванович Панин³ и которыя довершить не допустила его, последовавшая ему кончина. Исполнением сей моей всепокорнейшей прозбы соделаетесь вы благодетелем всего ея семейства, а купно обяжете в особенности вечною к себе благодарностию того, которой с истинным почитанием и совершенною преданностию навсегда имеет честь быть

Милостивый Государь Мой

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший Слуга

Павел Фон Визин

Июня 11 дня

1796 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 149. Л. 32 — 32 об. Писарское, с подписью-автографом.

² Аргамакова Феодосия Ивановна, рожд. Фонвизина (1744-?), родная сестра трех братьев Фонвизиных (Дениса Ивановича (1743–1792), Павла Ивановича и Александра Ивановича (1749–1819)). Была замужем за сыном директора Московского университета А. М. Аргамакова Василием Алексеевичем Аргамаковым. Упомянутое письмо Ф. И. Аргамаковой к князю А. Б. Куракину прилагается при публикуемом письме (Там же. Л. 16–17 об, без даты). Дело Аргамаковых в то время рассматривалось в вотчинном департаменте Правительствующего Сената (справка об этой тяжбе приложена в деле. Там же. Л. 33–34.)

³ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф.

[4]. 23 ноября 1796 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Простите мне великодушно Ваше Сиятельство, что я взял смелость сими строками отвлечь вас на несколько минут от важных ваших упражнении. Благоснисхождение Вашего Сиятельства которого я имел честь видеть несколько ответов, удостоверяет меня, что я и в настоящем случае найду в особе вашей истинного себе благодетеля. Известно мне Милостивый Государь, что Ваше Сиятельство имеет щастие пользоваться доверенностию Государя, Государя премудраго, просвященного, прозорливаго, правосуднаго и милосердаго. Сия известность возродила во мне смелость во всей откровенности прибегнуть к великодушию Вашего Сиятельства со всепокорнейшею моею прозьюбою, в полном надеянии видеть оную исполненную, тем паче что делать людям добро, есть пища душ благотворительных.

Двенатцать уже лет нахожусь я в должности директора Университета. Начальники мои, и вся здешняя публика, надеюсь, отдадут справедливость трудам моим, которые прилагал я в течение сего времени к приведению в должной порядок сего крайне при вступлении моем разстроенная места. Не намерен я здесь объяснять Вашему Сиятельству разных претерпенных мною по службе огорчений; а донесу только то, что вовсе продолжение оной, несмотря на все мое в исполнении ея усердие и ревность, не получал я ни малейшаго ободрения: ибо чинами награждаем был по старшинству с прочими наряду. Я имел бы долг Милостивый Государь и прежде сего просить о перемене моей службы, тем паче что настоящей чин мой Тайнаго Советника², нимало несоответствует отправляемой мною должности, поелику дирек-

тор университета по статусу должен быть чина поковничьего; но как с одной стороны не имея донныне никакого покровительства, не надеялся я, чтоб прошение мое достигло слуха монаршаго, а с другой опасаясь потерять место котораго жалованье одно поддерживает крайне недостаточное мое состояние; то и принужден я был остаться при отправлении прежней моей должности, имевши между тем неудовольствие видеть над собою одного из начальников моложе меня чином. Но теперь, когда при благословенном от бога вступлении на престол Всемилостивейшаго нашего Государя, каждый Его верноподданный, единым предметом должен поставлять себе, усердие и ревностное Государю и отечеству служение, когда от престола его текут реками щедроты, милость и правосудие, неужель Милостивый Государь один я буду столько несчастлив, что останусь в забвении, и лишен буду способов доказать то усердие и верноподданническую приверженность, которыми я с юных лет моих к священнейшей особе его был преисполнен. Я должен и в том признаться Вашему Сиятельству в полной откровенности, что хотя место ныне мною занимаемое и имеет в разсуждении недостаточного моего состояния довольныя выгоды; ибо сверх президентскаго жалованья, живу я в казенном доме, и пользуюсь всеми принадлежащими к нему надобностями; но несмотря на все сие, желал бы я иметь должность с меньшими выгодами, но с большими способами к оказанию некоторых моих к продолжению службы способностей. И вот Милостивый Государь, в чем состоит моя к Вашему Сиятельству всеусерднейшая просьба. Не мешкал бы я ни минуты предстать пред лице Государя, пылая желанием удостоиться Его лицезрения; но отлучаясь от места, боюсь при первом шаге подвергнуться Его Гневу. И для того решился я всепокорнейше просить Вашего Сиятельства быть истолкователем, как верноподданнического моего усердия к священнейшей особе Его Величества так и безпредельнаго желания посвятить жизнь мою на

ревностное Ему и отечеству служение; в исполнении чего, удостоверяет меня благодетельная душа ваша.

С истинным высокопочитанием, и совершеннейшею преданностию имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Павел Фон Визин
Ноября 23-го дня
1796 Года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф.3 Оп. Ст. Е. х. 146. Л. 239—240. Автограф.

² Указ о пожаловании П. И. Фонвизина тайным советником был подписан государыней недавно — 28 июня 1796 года.

[5]. 11 декабря 1796 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Приятель мой Борис Петрович Островской² имел честь вручить Вашему Сиятельству Мое письмо, в котором я представляю весьма невыгодное тогдашнее мое положение, и просил о употреблении благодетельного Вашего Ходатайства в мою пользу. Вслед за сим к несказанному моему обрадованию получен здесь указ о пожаловании меня сенатором³. Комуж иному обязан я сим неожиданным щастием как не милостивому Вашего Сиятельства обо мне напоминовению, пред престолом всемилостивейшаго Нашего Отца и Государя, от Котораго льющиеся ежечасно щедроты и милости, превышают все человеческое воображение. Простите мне Ваше Сиятельство беспорядочное изъяснение моей к Вам благодарности, оно есть плод Сердечнаго моего удовольствия, я чувствую ее гораздо более в душе, нежели изъяснить

могу словами. Довершите Милостивый Государь Ваши ко мне благодеяния испрошением мне Всевысочайшаго позволения приехать в Петербург и повергнуться к стопам Его Императорскому Величеству. Исполнением сей моей всепокорнейшей прозьбы к Вашему Сиятельству соделаетесь Вы единым и истинным моим благодетелем; и усугубите в душе моей чувства того истинного к особе Вашей высокопочитания и совершеннейшей преданности, с коими я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин

11 декабря
1796 года.
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 148. Л. 195—196. Писарское, с подписью-автографом.

² Островский Борис Петрович — полковник, в 1781—1782 годах исправлял должность московского обер-полицеймейстера.

³ Здесь имеется в виду высочайшее повеление Павла I от 4 декабря 1796 года, в котором «Всемилоостивейше повелено Тайному Советнику Павлу Фон-Визину присутствовать в Сенате».

[6]. 2 июля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Получа на прошедшей неделе, из здешняго Государственной Коллегии иностранных дел Архива повестку, чтоб сын мой явился в оной, для приведения к присяге, узнал я, что он по милости Вашего Сиятельства определен уже юнкером². Позвольте мне Милостивый Государь, принести Вашему Сиятельству за сие

благоденствие, судьбу его устроившее, наичувствительнейшую мою благодарность, и уверить вас притом, что я употребляю все мои силы к тому, чтоб он окончанием начатых им наук сделался достойным как будущего его звания, так и высокога Вашего Сиятельства к нему покровительства; продолжения котораго испрашиваю для него у Вашего Сиятельства с глубочайшим почтением и сердечною преданностию навсегда имею честь быть

Милостивый Государь

вашего Сиятельства

всепокорнейший и обязательнейший слуга Павел Фон Визин

Июля 2-го ч.

1797 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 151. Л. 137. Автограф.

² Сергей Павлович Фонвизин (1783—1858 или 1860), сын П. И. Фонвизина от второго брака с Марией Васильевной рожд. Толстой. Был тридцать три года (т. е. одиннадцать трехлетних сроков) клинским уездным предводителем дворянства Московской губернии. Также являлся видным деятелем московского масонства, состоял в ложе «Ищущих манны».

[7]. 6 августа 1797 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович.

18-го минувшаго июля, по приезде моем из деревни, я имел честь получить. Лестно для меня Милостивый Государь видеть из онаго милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение, котораго новым опытом были присланные от Вашего Сиятельства рекомендательные о сыне моем письма, к Господам Членам здешняго Коллежскаго Архива². Приймите Милостивый Государь повторении всеpokорнейшей моей благодарности, так как и

нелицемерное усердие, что истинное мое к особе вашей высокопочитание и душевная преданность не иначе кончатся как с жизнью моею.

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин
6-го Августа
1797.
Москва

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 155. Л. 215. Автограф.

² Конечно, имеются в виду Н. Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) и А. Ф. Малиновский (1762–1840).

[8]. 24 декабря 1797 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович !

С наступающим праздником Рождества Христова и с новым годом позвольте мне принести Вашему Сиятельству всеусерднейшее мое поздравление. От искреннейшего сердца желаю, чтоб Ваше Сиятельство как сей год, так и множество последующий препроводили в совершенном здоровье и незыблемом благополучии. Сие искреннейшее желание примите Мой благодетель знаком того истинного высокопочитания и душевной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть,

Милостивый Государь !
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Павел Фон Визин

декабря 24 дня
1797 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 28. Писарское, с подписью-автографом.

[9]. 22 марта 1798 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

С наступающим торжественным праздником святых пасхи, позвольте мне милостивый государь, принести вашему Сиятельству яко истинному моему благодетелю, мое всеусерднейшее поздравление. Я от искренняго сердца желаю, чтоб ваше сиятельство, как сей праздник, так и многия последующия проводили в совершенном здравье и в незыблемом благополучии. Сие искреннее сердца моего желание примите милостивый государь знаком того истиннаго высокопочитания, и совершенной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!
вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Павел Фон Визин

22-го Марта
1798г.
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 165. Л. 498. Автограф.

[10]. 1 января 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович !

С наступающим праздником Рождества Христова и с новым годом позвольте мне принести Вашему Сиятельству всеусерднейшее мое поздравление. От искреннейшего сердца желаю, чтоб Ваше Сиятельство как сей год, так и множество последующий препроводили в совершенном здоровье и незыблемом благополучии. Сие искреннейшее желание примите Мой благодетель знаком того истинного высокопочитания и душевной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть,

Милостивый Государь !

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший слуга

Павел Фон Визин

декабря 24 дня

1797 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 28. Писарское, с подписью-автографом.

[11]. 4 марта 1801 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович

Всегдашнее милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение, коего опытами неоднократно имел я щастие пользоваться, удостоверяет меня, что я и в настоящем случае найду в особе вашей прежнего моего благодетеля. Излишняя на меня щедроты Государя Императора увольнением меня от службы с награждением чина и полным пенсионом, положили предел моему любочестию, составившей совершенное благо остальных детей

моих. Единая забота их остается во благо моего сына², которой в особе Вашего Сиятельства имеет истинного себе благодетеля и покровителя. Он по милости вашей в 1797-м году принят в службу в коллегию иностранных дел юнкером, и третий уже год, как находится в здешнем архиве переводчиком из старших по всей коллегии. Труды и прилежность его к должности, может засвидетельствовать начальник Его Господин Бантыш-Каменской³. Желал бы я Милостивый Государь! чтоб они обратили на себя благодетельное внимание Вашего Сиятельства, и чтоб он покровительством вашим мог удостоен быть к награждению чина Коллежского Ассессора. Тогда б назвал я себя прямо благополучным, и всем тем обязан бы был особливым ко мне милостям Вашего Сиятельства. За что не престану по жизнь мою сохранять в сердце моем чувства живейшей благодарности сопровождаемой отличным к особе вашей высокопочитанием и совершенною преданностию с каковыми до конца пребыть честь имею

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства!

всепокорнейший Слуга

Павел Фон Визин

Марта 4-го дня

1801 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 194. Л. 152—152об. Автограф.

² См прим. 2 к письму 6.

³ Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814) — историк, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел, давний друг князя А. Б. Куракина.

[Приложение].

Отпуск письма А. Б. Куракина к П. И. Фонвизину от 27 января 1802 года¹.

Его высокопр-ву П. И. Фон-Визину.

Я имел честь получить почтенное письмо В<ашего> Высокопр<евосходительств>а от 12-го сего месяца которое вручил мне ваш сын сюда приехавший. За особое себе удовольствие поставлю употребить случай сей в пользу принятием его в особое мое попечение и тем оказать вам новый опыт истинной и давнншней <!> моей к вам привязанности, а с тем уверением что В<ашему> Высокопр<евосходительств>у приятно быть может чтоб сын ваш неимел недостатку в упражнении, то желая доставить ему более к тому способов причислив его к своей Канцелярии. В прочем же прошу вас быть уверенным о непоколебимости искренней дружбы моей к вам и того совершенного почтения с коим на всегда быть честь имею &.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 993. Л. 32 — 32об. Писарский.

Письмо [12]. 3 февраля 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 27-го минувшаго января я имел честь получить. Позвольте Милостивый Государь принести Вашему Сиятельству наичувствительнейшую мою благодарность за оказанную сыну моему милость, причислением ево в вашу канцелярию, которую щитаю я новым опытом прежняго Вашего Сиятельства благосклоннаго ко мне разположения; и смею уверить вас Милостивый Государь, что он потщится быть достойным столь лестнаго для него с стороны вашей отличия. Сие

конечно послужит ему большим поощрением к трудам, и откроет ему путь, к оказанию на самом деле некоторых Его способностей, кои временем и опытом будучи усовершенствованы, могут наконец сделать из него полезного отечеству члена; а всем оным обязан он будет великодушному о нем попечению Вашего Сиятельства.

Примите Милостивый Государь повторение искреннейшей моей благодарности, и будьте уверены, что сие чувство, во все продолжение моей жизни, неразлучно будет с чувствами истинного к особе вашей высокопочитания и сердечной преданности, с которыми навсегда имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин
3-го февраля
1802 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 128–128об. Автограф.

[13]. 7 апреля 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Чувство сердечной благодарности налагает на меня долг принести Вашему Сиятельству, усерднейшее мое поздравление, с наступающим торжественным праздником Святыя Пасхи. Я от искренняго сердца желаю, чтоб вы Милостивый Государь, как сей, так и множество последующих проводили в совершенном здоровье, и в непоколебимом благополучии. Сие искреннейшее сердца моего желание, примите Ваше Сиятельство, нелицемер-

ным знаком, того истиннаго к особе вашей высокопочитания
и душевной преданности, с каковыми я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

всепокорнейший и обязаннейший

Слуга Павел Фон Визин.

7-го Апреля

1802. Года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 389. Автограф.

Граф
Дмитрий Иванович
Хвостов

Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835) начал переписку с князем сперва только по служебным делам, будучи обер-прокурором Святейшего Синода. Отношения князя Александра Борисовича с ним не были короткими, что доказывается хотя бы отсутствием стихов графа Хвостова в адрес нашего князя (при удивительной плодovitости сего знаменитого стихотворца это обстоятельство все равно удивительно).

Граф Хвостов с 5 июля 1791 года был членом императорской Российской Академии, куда 12 апреля 1798 года был избран и князь Александр Борисович. Через нашего князя, кроме решения насущных проблем, граф Хвостов предпринимал безуспешные попытки доставить к членам императорской фамилии свои обильные сочинения. Также князь Александр Борисович принимал участие в судьбе сына стихотворца — графа Александра Дмитриевича Хвостова: в 1802 году князь способствовал приему его в число юстицких кавалеров ордена св. Иоанна Иерусалимского (постановление священного совета ордена от 19 марта 1802 года; копия письма князя Куракина — великого канцлера Мальтийского ордена — к графу А. Д. Хвостову по этому поводу сохраняется в ОР РГБ. Ф. 344. Д. 344. Л. 10).

Также мы помещаем в виде приложения письмо князя Я. И. Лобанова-Ростовского к нашему князю, небызinteressное для настоящего раздела.

[1]. 9 января 1801 года¹.

Милостивый Государь!

Князь Александр Борисович !

За долг и честь поставляю сие доставить Вашему Сиятельству, копию с определения Святейшего Синода в исполнение Высочайшаго Имянного Указа, о всемилостивейшем дозволении иметь в московском доме вашем, На Басманной церковь во имя Апостол Петра и Павла², и донести имею что на завтрешней почте не премоно и указ из Синода к Митрополиту Московскому³ пошлетсЯ. Поздравляя Ваше Сиятельство, с совершением по милости Великаго Монарха благочестиваго намерения сего, пребуду с истинным почтением и преданностию

Вашею Сиятельства

Милостиваго Государя

Всепокорнейший Слуга

Дмитрий Хвостов

1801 Года

Января 9 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х.194. Л. 29. Автограф.

Д. И. Хвостов с 10 июня 1799 года до 7 октября 1802 состоял обер-прокурором святейшего правительствующаго Синода.

² Упоминаемый дом был куплен князем Куракиным в 1798 году у П. А. Демидова за 150 тысяч рублей, после чего новая отделка была поручена архитектору М. Ф. Казакову. По именному указу Павла I, данному Святейшему Синоду 7 января 1801 года, князю было позволено устроить в этом доме церковь Петра и Павла.

Поскольку наш князь Куракин в то время в Москве отсутствовал, этим делом занимался его брат князь Алексей Борисович. Постройка домовою церкви происходила под смотрением того же Казакова, который обещал все закончить к маю 1801 года, но на деле освящена церковь была только 12 декабря 1802 года. Здесь скажем, что за всю свою жизнь нашим князем Куракиным было устроено одиннадцать церквей.

В этом доме князь Куракин жил во время приездов его в Москву. В 1812 году дом уцелел — французы пощадили его из уважения к фамилии князей Куракиных.

³ Имеется в виду Платон (Петр Егорович Левшин; 1737—1812), с 1787 митрополит Московский, знаменитый проповедник со времен Екатерины II до царствования Александра I. С 1763 года состоял преподавателем Закона Божия и латыни при цесаревиче Павле Петровиче.

[Приложение].

Отпуск письма князя А. Б. Куракина к графу Д. И. Хвостову от 4 июня 1802 года¹.

Его Сият<ельству> Гр<афу> Д. И. Хвостову.

Зная издавна расположение В<ашего> Сият<ельства> ко мне и с такою Надеждою к попечению вашему обращаю прозьбу давно мне знакомаго и в Пензе находящагося Отца Архимандрита Израиля², который по некоторым своим обстоятельствам желает заступитъ место открывшееся кончиною отца Архимандрита Феодорита³ бывшаго с Суздальском Ефимиевском Монастыре поелику известны мне благочестивыя его Качества и способности по прохождению сей священно́й должности и желая охотно поспешествовать таковому его желанию покорно прошу вас М<илостивый> Г<осударь> мой принять на себя старание о помещении Отца Израиля на желаемое им место, чем вы окажете ему большое благоденствие, а меня чувствительно обязать изволите.

Преб<ываю> &. &.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 993. Л. 193об — 194. Писарский.

Это ходатайство князя было инспирировано письмом к нему архимандрита Израиля от 18 мая 1802 года с просьбой хлопотать о назначении его на место скончавшагося на 1 день Пасхи отца Феодорита (Там же. Л. 90—91).

По этому поводу князь Куракин писал 4 июня к митрополиту Амвросию (Там же. Л. 194. Отпуск), и в тот же день князь написал непосредственно архимандриту Израилю о своих ходатайствах за него (Там же. Л. 195об—196. Отпуск).

² Израиль, архимандрит (ум. ок. 1818). Многолетний друг и духовник князя во время его пребывания в Надеждине. Когда писалось это письмо, он был архимандритом Пензенского Спасо-Преображенского монастыря. 21 июля 1802 года переведен архимандритом в Александро-Свирский Спасский монастырь Олонецкой епархии, а уже 31 октября 1802 года также архимандритом в Нижеломовский Казанской Богородицы монастырь Пензенской епархии. В 1814 году переведен оттуда в Макарьевский Желтоводский монастырь Нижегородской епархии, где был архимандритом до 1818 года.

³ Феодорит (ум. 13 апреля 1802) — в 1789—1802 годах архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, куда был переведен 11 марта 1789 года из Желтикова (Желтинского) Успенского монастыря Тверской епархии.

Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь имел большую известность особенно тем, что в нем содержались «разные государственные преступники и лишенные ума особы высших классов».

[2]. 6 июня 1802 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

С удовольствием моим во всякое время поручении Вашего Сиятельства нетолько я желал бы исполнить в точности, *кои* <но и> Преосвященнейший Митрополит и весь Святейший Синод не оставил бы без уважения рекомендации Вашего Сиятельства к переводению из Пензы Архимандрита Израиля в Суздальский Евфимиевский монастырь настоятелем; но к чувствительному *моему сожалению моему*² несоответственный желанию моему имею честь донести отзыв: потому что по Представлению Преосвященнаго владимирскаго Святейшим Синодом в оный Евфимиевский монастырь минушаго 2-го мая уже переведен

Боголюбова Монастыря Архимандрит Филарет³; почему льщу себя надеждою, что в оном Ваше Сиятельство меня извините, а я с моей стороны постараюсь впредь оправдать доверенности Вашего Сиятельства в каком либо возможном случае, и доказать ту мою нелестную преданность и совершенное почтение, с коими навсегда имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший Слуга
Граф Дмитрий Хвостов.
Июня 6-го дня
1802 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 232 — 232об. Писарское, с подписью-автографом.

Это письмо графа Хворстова князь Куракин переслал архимандриту Израилю при своем послании 9 июня 1802 года, а получил обратно при его письме от 29 июня.

² Курсив наш. Повторение в оригинале.

³ Филарет — архимандрит Боголюбова монастыря Владимирской епархии. Назначен туда в 1795 году игуменом, а в 1799 году по определению святейшего Синода (на основании именного указа от 18 декабря 1797 года) игумен Филарет произведен в архимандриты. В мае 1802 года переведен архимандритом в Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, в 1809 году уволен в Киев на покой.

[З]. 17 мая 1806 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Пользуясь лестным благорасположением Вашего Сиятельства за честь поставляю себе отнестися к вам, о том что Князь Аркади<!> Александрович² имел честь при отъезде своем к полку

препроводить к вам Штатс-Дамской Его покойной родительницы портрет³ для доставления куды следует, а как слышал я что по щедроте всероссийского Императорского двора есть обыкновение бралианты на сих знаках имеющиеся возвращать наследникам, на случай что ежели последует каковое либо Высочайшее Его Императорского Величества благоволение в пользу Князь Аркадия Александровича, о портрете который мать его имела щастие носить я всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство о милости оное препроводить ко мне для употребления на уплату оставшихся после покойницы долгов. Думаю что Князь Аркади Александрович сообщая вам о потере своей сообщил что устроение дел покойной матери его поручил шурина моему Князь Алексею Ивановичу Горчакову⁴, Павлу Николаевичу Приклонскому⁵ и мне.

Препоручая себя к продолжению милости Вашего Сиятельства имею честь быть с истинным почтением и душевною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Всепокорнейший слуга
Граф Дмитрий Хвостов.
Маия 17 дня
1806 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 240. Л. 65–65об. Писарское, с подписью-автографом.

Здесь укажем, что в публикуемом письме речь идет о родственниках графа, поскольку он с 1788 года был женат на княжне Аграфене Ивановне Горчаковой (1768–1843), родной племяннице генералиссимуса графа А. В. Суворова (дочери его сестры Анны Васильевны и князя Ивана Романовича Горчакова).

Именно это родство позволило ему получить графское достоинство, как и говорилось: уважая «давние геройские подвиги покойного Генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского его величество король Сардинский пожаловал родственнику его святейшего Синода обер-прокурору тайному советнику Дмитрию Хвостову диплом на графское достоинство», а 28 января 1802 года Александр I разрешил своим указом пользоваться этим титулом и в России.

² Граф Аркадий Александрович Суворов-Рымникский, князь Италийский (1780—1811). Сын полководца, утонул в реке Рымник.

³ Графиня Варвара Ивановна Суворова-Рымникская, княгиня Италийская (1750—1806). Статс-дама, супруга полководца.

Судя по всему, после смерти мужа она наделала довольно долгов. Уже в конце 1802 года она продавала свои драгоценности, о чем и поместила объявление в Известиях к Московским ведомостям: «В доме Княгини Италийской, Графини Суворовой-Рымникской, на Никитской, в приходе Большого Вознесения, продаются брильянты разных сортов, солитеры, в том числе один в 8 крат и кратами разных сортов, брильянты же самой лучшей воды» (впервые: № 93, 19 ноября 1802 года; повторено в № 96, 29 ноября и в № 102, 20 декабря).

⁴ Князь Алексей Иванович Горчаков (1769—1817) — сенатор, генерал от инфантерии, с 1812 по 1815 годы управлял военным министерством. С 1815 года — член Государственного совета.

⁵ Приклонский Павел Николаевич (1766 — после 1825) — полковник, затем камергер двора, поэт-лирик. Приходился свояком князьям Куракиным, поскольку был женат вместе с князем Степаном Борисовичем Куракиным на родных сестрах рожденных Измайловых — княгине Екатерине Дмитриевне Куракиной и Анне Дмитриевне Приклонской. Этой родственной связью объясняется и то, что сын Приклонского Дмитрий Павлович получил после смерти в 1841 году вдовы княгини Е. Д. Куракиной все ее движимое и недвижимое имение. Приклонский был близок к князю П. А. Зубову и в 1796 году, будучи в звании подполковника, официально находился при его особе.

[4]. 28 июня 1806 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Почтеннейшия Вашего Сиятельства Письмы от 28 мая и 5-го июня со вложением письма Вашего к Князю Италийскому², кое я к нему и отправил, с истинною благодарностию имел щастие получить. Что же касается до того объяснения Вашего Сиятельства, на котором я ныне и основался, что Штатс-дамския Портреты как изволите примером указывать не обращаются в пользу наследников, то в извинение мое донесу, что я к требованию сему приступил, как из усердия моего к делам покойницы, так более по примеру, что по высочайшей щедроте покойнаго Государя Императора Павла Перваго, портрет Его дорогой цены Покойному Генералисиму³ пожалованный был возвращен наследникам по смерти Князя Александра Васильевича. Препоручая себя как и всегда милостям Вашего Сиятельства, имею честь быть с истинным почтением и душевную преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Граф Хвостов.
Село Слободка
1806 года
28. июня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ею. х. 236. Л. 50—50об. Автограф.

² Т. е. князю А. А. Суворову. См прим. 2 к письму 3.

³ Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, князь Италийский (1729—1800) — генералиссимус.

[5]. 16 июля 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович.

Почтенное Вашего Сиятельства Письмо от 9-го июля имел счастье получить. Не знаю как возблагодарить вас за то Родственное участие которое вы принимаете в делах К. Аркадия Александровича², уведомлением меня о том, что за штатс-дамской портрет можно получить из кабинета 4000р. уважая таковое благорасположение ваше не премину о том сообщить вскоре К<нязю> А<ркадию> А<лександровичу> а как я прежде доносил вам, что я, К<нязь> Горчаков³ и Приклонской⁴ имеем доверенность от Князя о получении высочайшаго благоволения из кабинета то и отношусь с сею почтою к Дмитрию Александровичу⁵ прося Его Высокопревосходительство, о наставлении могу ли я с товарищами моими получить оные деньги по данной от князя доверенности, или употребить на то другой какой приказной обряд. Удостоверен будучи на опыте о том чувстве с каким сохраняете память дружбы покойной К<нягини> Варвары Ив<ановны> сверх того, что я и шурин льстимся иметь право доверенности кабинета на 4000, Еще прошу покорнейше Ваше Сиятельство о Милости при случае напомнать, Дмитрию Александровичу, что я приму себе за истинное одолжение пребывая

С истинным почтением и преданностию вечною

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

всепокорнейший Слуга

Г<раф> Дмитрий Хвостов.

16 июля

1806 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 236. Л. 112–112об. Автограф.

² Суворова см. прим. 3 к письму 3.

³ см прим. 4 к письму 3.

⁴ см прим. 5 к письму 3.

⁵ Очевидно, имеется в виду граф Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825), действительный тайный советник, в то время управляющий Кабинетом его императорского величества, товарищ министра финансов и министр уделов.

[6]. 16 августа 1807 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Лестно при всяком случае мне думать, что Ваше Сиятельство удостоверены в моем к вам почтении и преданности, за долг себе почитаю нося ваше благорасположение иметь честь поздравить вас с высоким благоволением Его Императорскаго Величества пожалованием в Первый класс, со всеми отличиями которыя вы ревностью о славе отечества получить изволили². Препоручаю себя в дальнейшее ваше благоволение, имею честь быть.

С истинным высокопочитанием и преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Граф Д Хвостов

С. Слободка
1807 года
августа 16 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 246. Л. 130–130 об. Автограф.

² Князь Александр Борисович был пожалован в Первый класс именным указом Александра I правительствующему Сенату от 22 июля 1807 года; 2 августа указ был опубликован в Санктпетербургских ведомостях (№ 62, пятница, с. 767).

[7]. 17 августа 1813 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Почтение и преданность, которыя я всегда питал и питаю в душе моей к Вашему Сиятельству, равномерно и ваша ко мне благосклонность возбудили во мне смелость препроводить к Вам оду, мною в новь сочиненную² и просить Вас о благосклонном оной принятии. Сочинение сие не есть плод труда долговременнаго; оно, так сказать, вылетело из мыслей, восторженных громкими Российскаго и дружественных нам народов победами; оно лилось из сердца восхищеннаго славою нашего монарха, котораго имя в отдаленных пределах вселенной с любовью и радостію из уст в уста переносится, и вскоре будет развеваться на знаменах в отечестве знаменитаго Гонзальва³. Стихотворение сие есть соображение чувств Россиянина, свято чтущаго веру своих праотцев и совершенно преданнаго своему Отечеству и Государю. Оно столько же мое сколько и всех соземцев моих, и может заслужить благоволение ваше собственно потому, что писано в свойстве Русскаго Народа и в духе ненависти к врагу всей вселенной. Вот мои права на одобрение ваше, яко мужа просвещеннаго и знаменитаго по любви и заслугам к отечеству!

Я не дерзаю обременить Ваше Сиятельство просьбою, поднести сию оду мою Ея Императорскому Величеству Императрице Марии Феодоровне, Государыне Великой Княгини⁴ и Государям Великим Князьям⁵. Но за щастие себе почту, ежели вы сие заблагоразсудите, для ради чего и препровождаю к вам четыре экземпляра в бумажном переплете; и прошу принять искреннее уверение в том, что я честь имею пребыть навсегда

с истинным почтением и совершенною преданностію

покорнейший и

преданнейший слуга

Гр. Хвостов
Августа 17 дня
1813 г.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 313. Л. 140—141. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду сочинение: Ода на истребление французской армии в России. 1812 года при случае отправления из Кронштадта Императорского Александровского гишпанского полка. 1813 года, июня 31 дня. Сочинение Графа Хвостова. СПб. В Морской типографии. 1813. (Текст параллельно на русском и французском языках.)

³ Т. е. в Испании. Граф Хвостов здесь упоминает о выдающемся испанском полководце Гонсальво (Gonsalvo Hernandez de Cordova y Aguilar; 1442—1515). В основном он прославился тем, что в свое время изгнал французов из Италии.

⁴ Анна Павловна (1795—1865), с 1816 — замужем за королем Нидерландов Вильгельмом II.

⁵ Николай Павлович, будущий император Николай I (1796—1855), и Михаил Павлович (1798—1849).

[8]. 6 ноября 1813 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович !

Ваше Сиятельство будучи всегда ко мне милостивы, приобыкли² изъявлять высокое благоволение и к Музе моей. Вы удостоили принять благосклонно и поднести Государыне Императрице Марии Феодоровне оду мою, сочиненную в прошедшем июне месяце³. Стихотворение сие столько счастливо, что ныне становится пророчеством. Громовой удар уже пал под Лейпцигом на врага вселенныя. Гн Мейер⁴, служащий в военном министерстве перевел оду сию на Немецкой язык, и желает иметь счастье поднести перевод свой Ея Императорскому Величеству императрице Марии Феодоровне. Я приемлю смелость покорнейше просить

Ваше Сиятельство об оказании сеи милости переводчику; которую приму в число ваших многих к себе благодарений; и пребуду навсегда

с истинным почтением и
совершенною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя

покорнейший слуга

Г<раф> Хвостов

Ноября 6-го дня

1813 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 309. Л. 14—14об. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь описка — следует читать «привыкли».

³ См. прим. 2 к письму 7.

⁴ Возможно, Андрей Мейер, — подполковник, затем генерал-майор, переводчик и писатель.

[9]. 5 июля 1815 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Пользуясь благоволительным позволением Вашим, имею честь приложить у сего мерку с портрета Вашего Сиятельства, который я осмелился у Вас испрашивать и Вы изволили мне обещать масляными красками на холсте для залы Российской Императорской Академии². Удостоите исполнить прозбу мою и желание всего почтеннаго сословия; доставьте Российской Академии удовольствие видеть изображение того члена ея, который отличными заслугами отечеству, просвещением своим и познанием в языке приносит Академии толикую честь ожидая на сие благо-

склоннаго уведомления, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
покорный слуга
Г<раф> Хвостов

5 июля 1815.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 326. Л. 14—14об. Писарское, с подписью-автографом.

² Граф Дмитрий Хвостов был избран членом Российской Академии 5 июля 1791 года и принимал деятельное участие в ее жизни. Об эпизоде с портретами подробно пишет М. И. Сухомлинов (в кн. История Российской Академии. Вып. 7. СПб, 1885. С. 186—187): желая украсить зал академических собраний портретами замечательных наших писателей, граф Хвостов принес в дар Российской Академии портреты М. В. Ломоносова, князя А. Д. Кантемира и А. В. Олсуфьева, а также прислал сто рублей для снятия копий с портретов И. П. Елагина, В. Н. Татищева и митрополита Самуила (Миславского). Сверх этого им были присланы еще сто рублей — для снятия копий с портретов членов Российской Академии и других лиц, прославившихся в русской литературе. Впервые эта идея была озвучена графом Хвостовым на заседании 21 июня 1802 года и, как видно из публикуемого письма, не отпущала графа достаточно длительное время.

В числе портретов, которые были присланы графом в Академию, находился и его собственный портрет (что, впрочем, ничуть не противоречит его общеизвестным особенностям). Кроме того, граф сам начал сочинять подписи для этих портретов, часть из которых печатались в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный» в 1822 году: к портретам И. И. Хемницера и Г. Р. Державина (Ч. 18. № 14. С. 36—37); Я. Б. Княжнина и Д. И. Фонвизина (Ч. 18. № 15. С. 77—78); а также И. Ф. Богдановича и Ж. Лафонтена (Ч. 18. № 18. С. 197—198), а также были перепечатаны в других журналах того времени.

Что же относится до князя Куракина, то он был избран членом Российской Академии 12 апреля 1798 года и благожелательно отнесся к этому.

[10]. 18 августа 1815 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович!

Вашему Сиятельству, истинному сыну Отечества и покровителю Российской Словесности приемлю смелость поднести у сего последнее стихотворение мое². Счастлив будет сочинитель, если стихи его против лжемудрости, безверия и безначалия удостоятся благосклонного Вашего одобрения.

С совершенным высокопочитанием и душевною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Г<раф> Хвостов
18ть Августа
1815 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 326. Л. 93. Писарское, с подписью автографом.

² Речь идет об отдельно изданном стихотворении «На вторичное вступление сынов Европы в Париж, после победы при местечке Прекрасный союз называемом. Сочинение графа Дмитрия Хвостова». Оно вышло в этом году двумя изданиями: на русском языке (СПб. В типографии Иос. Иоаннесова. 1815.— 8 с.) и с параллельным французским текстом (СПб. В типографии Военного министерства. 1815.— 15 с.)

[Приложение]

В дополнение к письмам самого графа Дмитрия Ивановича мы решили присоединить письмо князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского (1760—1831) к нашему князю от 16 мая 1804 года, которое, кажется, не будет лишним в данном разделе¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович

В донесении моем сей день императрице о бывшей сей день закладке больницы для бедных не хотел упоминать о числе сочинений поступивших ко мне от разных лиц но поелико вложенныя четыре стиха кажется цену свою имеют я бы желал что б удостоились оные воззрения, изберите удобный час сего просит тот кто паче всех имеет опыты дружескаго и родственническаго расположения вашего к себе. Имею честь быть с совершенной преданностию и почтением

всепокорнейший слуга и брат

Князь Яков Лобанов Ростовский

16 мая

1804=

На заложение в Москве
больницы для бедных

В отраду страждущим созданием больницы
Достойный вышняго днесь заложен алтарь:
Благотворение достойное царицы,
Котору освятил с небес могущим царь.

Сочинение Гр. Дм. Хвостова.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 212. Л. 126, стихи на л. 127. Автограф князя.

Михаил Матвеевич
Херасков

Отношения Михаила Матвеевича Хераскова (1733—1807) с князем Александром Борисовичем Куракиным были случайными, а потому нам известно лишь два письма его к князю. Первое, датированное 13 июля 1778 года, было напечатано в 1902 году (АКК, X. С. 340). Второе мы печатаем здесь.

Поскольку первое письмо было опубликовано В. Н. Смольяниновым без постскриптума, то мы позволили себе поместить его в приложении к печатаемому письму.

[1]. 28 апреля 1798 года¹.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

За отменную честь почитаю, что Вашему Сиятельству угодно иметь мои сочинения; давно бы доставлены они были в вашу библиотеку, ежели бы я уверен был, что вы слабые мои труды вашего внимания удостоите — теперь получа на то ваше дозволение, первые четыре части моих творений² для поспешности в простой бумаге на завтрешней тяжелой почте отправляю; а следующие еще печатаемая, при издании каждой части доставлять не замедлю; препоручая себя в ваше покровительство. — с моим глубочайшим почтением и преданностию есмь:

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
все покорнейший и послушный
слуга
Михайла Херасков

Апреля 28 дня
1798 года.

¹ ОПИ ГИМ, Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 166. Л. 60. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь Херасков имеет в виду первые части издания «Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные» ([М, 1796, 1797, 1797, 1798]), полностью вышедшего в двенадцати частях только к 1803 году (Описание см.: СК, III, 7962). Публикуемое письмо позволяет уточнить дату выхода в свет четвертой части Творений.

Также по указанию Хераскова об остальных «еще печатаемых» частях можно сделать некоторые предположения: скорее всего здесь имеются в виду части пятая, шестая и седьмая, которые вышли без указания года и типографии (восьмая часть была напечатана после некоторого перерыва в 1801 году)

и дата выхода которых в свет до сих пор неизвестна. Таким образом, выход этих частей можно датировать 1798–1799 годами.

И, наконец, СК не отмечает различий среди экземпляров по качеству бумаги, а в настоящем письме автор сам недвусмысленно извиняется, что может послать только части на простой бумаге.

[Приложение].

В письме Хераскова к князю Александру Борисовичу от 13 июля 1778 года из Москвы, напечатанном в АКК (X, 340), изъят последний абзац — постскриптум. Мы приводим его здесь по оригинальной рукописи¹:

«Жена моя², за ваше о ней напмятование, приносит Вашему Сиятельству свою искреннюю благодарность».

¹ ОПИ ГИМ, Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 263.

² Здесь говорится о Елизавете Васильевне Херасковой, рожд. Нероновой (1737–1809), стихотворице и переводчице, характеризую которую князь П. А. Вяземский приводил строфу А. П. Сумарокова: «В прекрасной быть должна прекрасная душа». Ей же граф Д. И. Хвостов в год смерти супруга посвятил стихотворение «Милостивой государыне, Елисавете Васильевне Херасковой, на смерть творца Россияды» (опубл. в журнале «Друг юношества», М. 1807. Октябрь. С. 50–52).

Александр Васильевич
Храповицкий

Александр Васильевич Храповицкий (1749–1801) был известен современникам не только как статс-секретарь государыни, но и как писатель. Державин писал, что «Храповицкий был хороший стихотворец и прозаический писатель, который ввел легкий и приятный слог в канцелярские дела» (Державин, I. С. 543). Но памятен Александр Васильевич прежде всего своими записками, которые он вел с 1 января 1782 по 2 сентября 1793 года, будучи секретарем государыни «по собственным ее делам и у принятия прошений». Конечно же, князь был знаком с Храповицким, поскольку тот служил в Сенате при генерал-прокуроре князе А. А. Вяземском. Однако следов каких-либо отношений мы не имеем, и надо полагать, что если они и имели место, то после 1782 года должны были бы прекратиться.

Печатаемые здесь два письма, хотя и являются строго официальными, представляют значительный интерес. Удаление князя от двора, произошедшее после возвращения 20 ноября 1782 года графов Северных, в 1788 году получило логическое заверше-

ние — он был уволен от службы. Этому событию посвящены интересные строки в дневнике Храповицкого, которые мы уже поместили в биографии князя в начале этой книги.

[1]. 8 октября 1788 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Имею честь почтеннейше уведомить ваше сиятельство, что прошение ваше Ея Императорскому Величеству всеподданнейше мною поднесено², и дано уже высочайшее повеление о заготовлении указа.

С совершенным почитанием и истинною преданностию,

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

всепокорнейший слуга

Александр Храповицкой

8 Октября 1788.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 182. Автограф.

² Речь идет о прошении, поданном князем Куракиным на имя Екатерины II 4 октября 1788 года.

Считаем нужным воспроизвести его здесь по отпуску, хранящемуся среди бумаг князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 160. Л. 36. Автограф):

Всемилоостивейшая Государыня,

Положение дел моих принуждает меня припасть к освященным стопам вашим со всеподданнейшею просьбою о всемилоостивейшем увольнении моем из службы вашего Императорского Величества.

Я всегда был; теперь есмь, и до коле жив буду непрестану с душою преисполненною чувствами искреннейшаго усердия, подданической верности, и Глубочайшаго Благоволения,

Вашего Императорского Величества

верный — Подданный

Князь А. Куракин
Октября 4-го дня
1788.

[2]. 10 октября 1788 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Копию с Указа Ея Императорским Величеством сего дня подписанного имею честь препроводить к Вашему Сиятельству², пребывая с совершенным почитанием и истинною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший слуга
Александр Храповицкой
10 октября 1788.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 233. Автограф.

² Писарская копия с указа прилагается при том же деле (Л. 234):

Копия.

Указ нашей Придворной Канторе.

Нашего Действительнаго Камергера Князя Александра Куракина по прошению Его всемилостивейше увольняем от всех дел.

На подлинном подписано собственною Ея Императорскаго Величества
Рукою:

Екатерина.

В Санктпетербурге
Октября 10 дня
1788 Года.

Князь
Михаил Михайлович
Щербатов

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) — русский историк и публицист. Князь Щербатов был в свойстве с князьями Куракиными и пользовался дружеским расположением еще отца нашего князя — президента Камер-коллегии князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина, а по его смерти оставался в дружбе с его родней.

Выходившая с 1770 по 1791 год в семи томах (пятнадцати книгах) его «История российская» сделала автора знаменитым среди современников, однако он вынужден был терпеть довольно критики. Это объяснялось, как писал С. М. Соловьев, главной бедой Щербатова-историка — что «он стал изучать российскую историю только тогда, когда начал писать ее»; а поскольку писать он ее очень торопился, то не обошлось и без явных промахов, которые посредством пера И. Н. Болтина оказались известны публике. Да и язык его «Истории» был столь тяжел, что мало кто из современников его выдерживал.

Уместно в этой связи привести строки из письма Н. Н. Бантыш-Каменского к князю Александру Борисовичу, написанные в конце де-

кабря 1790 года после смерти автора Российской истории: «Историограф наш Кн<язь> Щербатов 12 дек<абря> кончил свою жизнь. Он не мог перенести того огорчения, каково ему нанес Г. Болтин, делая на всю Его историю пристрашную (которую и печатает) критику и доказательствами ясными и неоспоримыми. Я некоторыя читал, и судя по самолюбию нашему, не мог бы перенести сего стыда». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 467. Л. 335об).

Кроме помещенных здесь двух писем известно еще одно, напечатанное в 1902 году (АКК, X. С. 385–386), в котором автор благодарит князя Куракина за орден св. Анны, который тот прислал от имени Павла Петровича. Также мы решили напечатать здесь постскриптум, изъятый издателями из упоминаемого письма, он следует после писем.

[1]. 19 августа 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.

Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 8-го числа августа я с должным почтением имел честь получить по которому во удовольствие Вашего Сиятельства все возможное мне сделать приказал, как изволите усмотреть ис приложенной при сем копии с каллежскаго определения, остаетца токмо желать чтоб другие правители с таким тщанием постарались Вашему Сиятельству в справедливости сделать удовольствие колико я желаю чтоб оно ко всем напряжена была, в прочем прося о сохранении ко мне вашей благосклонности пребуду с искренним почтением

Милостивый Государь Мой

Вашего Сиятельства

Нижайший слуга

Князь Михайло Щербатов

Москва

августа 19 дня

1779 года

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 450. Л. 17—17об. Писарское, с подписью-автографом.

Очевидно, что письмо относится ко времени службы Щербатова в Коммерц-коллегии, президентом которой он был назначен в 1778 году и выполнял одну из просьб нашего князя.

[2]. 6 марта 1783¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.

Получив приятное вашего сиятельства письмо писанное февраля от 22 числа, по благодарении моем за оное и за дружеское ваше напamятование, о том что мы о польском ордене белаго орла говорили, имею честь в ответ на оное донести. Ваше сиятельство могли сами приметить из лица и слов моих что я не мог как многия жадно его желают; имея уже знак благоволения ее императорскаго Величества, и его императорскаго Высочества, мне остается новою ревностию к службе отечества моего достойных новых почестей учинится. правда что честолюбие возбуждающее благородные сердца, сие честолюбие толь полезное в истарических правлениях, и могло бы побудить меня к желанию получить сей орден полской, что без воли Ее величества нашей государыни, ни обещание ни получение онаго иметь невозможно; а сия самая воля оказующая благоволение монарше и есть лестна подданному; к тому же яко чужестранный орден никому бы получением его прискорбия не нанесет. Но как в самом сем случае должен я тяготить прозбою моею, мою Государыню обремененную делами, то нещитая что бы и вся служба моя, занимающая все часы моей жизни, могла того сносить что бы какое обременение монархине сделать. и токо предавая на судьбу, и на благоусмотрение монаршее моих подвигов, я разсудил сие оставить; ибо в прочем милостивый государь уже мои леты не те что бы орденами красо-

ваться, но чтобы знак милости монаршей иметь; и расположение мыслей моих, что служба отечеству, и государыне, и исправление своей должности, само сабою делает внутреннее удовольствие. и тако донести вам все расположение моих мыслей, за доброе ваше намерение паки принося мое благодарение пребуду с искренним постением

Милостивый Гоударь мой
вашего сиятельства
всепокорный слуга
Князь Михайло Щербатов

Москва
марта 6 дня
1783.

P. S. Жена моя² вашему сиятельству за ваше напаметование приносит свое благодарение, и засвидетельствует вам почтение свое.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 460. Л. 76—76об—77. Автограф.

Это письмо очень интересно, особенно если помнить, что автор этого письма является одновременно автором знаменитого сочинения «О повреждении нравов в России», и известен как строгий судья нравов современников.

Кажется, все разговоры князя Щербатова остались без последствий. В списке кавалеров ордена (Loza S. Historja orderu Orła Białego. Warszawa. 1922) его имя не упоминается.

² Князь Щербатов был с 1756 года женат на своей родственнице, княжне Наталии Ивановне Щербатовой (ум. 1798), страдавшей душевным заболеванием.

[Приложение].

В письме князя Щербатова князю Куракину от 4 октября 1778 года из Москвы, напечатанном в АКК (X, 385—386), изъят постскрип-

тум. По оригинальной рукописи¹ мы приводим его здесь по случаю в виде приложения:

«Жена моя² Вашему Сиятельству, засвидетельствует свое почтение и благодарит за приписание ваше, сама же не пишет за тем, что ныне больна».

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 308. Автограф.

² См. прим. 2 к письму 2.

Егор Антонович
Энгельгардт

Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862) памятен теперь прежде всего как директор Царскосельского лицея. Энгельгардт был одним из протеже князя Александра Борисовича. Знакомство его с князем произошло не позже начала 1797 года: 3 декабря 1795 года он был уволен от военной службы и поступил в Коллегию Иностранных дел в канцелярию вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина. «Куракин очень милостиво относился к Энгельгардту и заботился о нем всю свою жизнь» — эти слова Д. Ф. Кобеко не подлежат сомнению (Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Спб. 1911. С. 73). После своего увольнения от дел в 1799 году, князь устроил Энгельгардта в Мальтийский орден на должность секретаря магистра.

С этого времени началась оживленная переписка, но подавляющее большинство писем посвящено текущим делам Мальтийского ордена и для нас неинтересны. Из всего объема писем Энгельгардта мы выбрали два, которые касаются непосредственно литературной работы и представляют нам новые сведения о нем как о писателе.

[1]. 2 октября 1804 года¹.

Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь.

У сего честь имею препроводить к Вашему Сиятельству, семь книжек журнала издаваемого Г-м Шторхом², в коих по приказанию вашему сделал я некоторыя пометки, а имянно: Лит: А / :Aьflatz:/ означает обработанныя мною сочинения, Лит: В / :Bbnosatzung:/ переводы мною с русскаго сделанные; прочее же принадлежит Г-ну Шторху и некоторым посторонним особам, и я в оных участвовал токмо по поколику<!> настоять могла иногда надобность в помощи моей при обработывании Русских Материалов. Статьи же «Miscellen» и «Elde und patriotische handlungen» собираем мы общими трудами.

Исполнив сим столь лестное для меня приказание Вашего Сиятельства, осмеливаюсь однако просить вас покорнейше оставить отметки сии только для вашего употребления, ибо мы с Г. Шторхом условились таковое различие наших в сем предприятии трудов и участия хранить между собою, и единое только повиновение воле вашей могло меня заставить нарушить сие наше условие.

Коль скоро придут сюда следующие тетради, я не премину оныя немедленно к Вашему Сиятельству доставить.

Есмь с совершеннейшим высокопочитанием

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

всепокорнейший и послушный

слуга Егор Энгельгардт

С. П. бург

Октября 2-го дня

1804.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 153. Л. 183–183 об. Автограф.

В публикуемом письме речь идет об издаваемом академиком А. К. Шторхом (см. след. прим.) журнале «Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch» (St. Petersburg und Leipzig, ben Johann Friedrich Hartknoch, 1804 [1803] — 1808), нерегулярно выходившем с июля 1803 года. Журнал давал обзор наиболее значительных событий современной русской жизни и был ориентирован прежде всего на немцев и жителей западных провинций Российской империи. Первый том (кн. 1—3, июль-август, сентябрь-октябрь и ноябрь-декабрь 1803 года) был издан Шторхом самолично, а со второго тома (с 4 книжки журнала) он привлек к постоянному сотрудничеству «коллежского советника и кавалера Егора фон Энгельгардта», занимавшего тогда должность помощника экспедитора в канцелярии Государственного Совета (об этом объявлено в 4 книжке, вышедшей в январе 1804 года, на с. 4).

Князю Куракину Энгельгардт при настоящем письме переслал семь книжек журнала, которые суть: первая — июль-август 1803; вторая — сентябрь-октябрь 1803; третья — ноябрь-декабрь 1803 (первые три книжки составили первый том журнала, к нему был напечатан титульный лист с датой 1804); четвертая — январь 1804; пятая — февраль 1804; шестая — март 1804 (книжки 4—6 составляют второй том журнала); седьмая — апрель 1804.

Журнал, как видно из публикуемых писем, выходил со значительным опозданием (этим и объясняется общий титульный лист к первому тому с измененной датой), поскольку, судя по всему, Иоганн Фридрих Гарткнох печатал его в Лейпциге.

По поводу невозможности определения авторов статей, которые публиковались без подписи, уже высказывались мнения: «Трудно, однако, установить, насколько значительно было участие его <Энгельгардта-П.Д.> в работе по журналу и какие статьи написаны им лично, так как в этом журнале статьи обыкновенно печатались без подписи. Можно предполагать, что заметка об Ордене св. Иоанна Иерусалимского написана лично им; вероятно, и некоторые переводы на немецкий язык законодательных актов, напечатанные в этом издании, сделаны если не им самим, то под его руководством» (Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Спб. 1911. С. 80).

Для сравнения расскажем о другом коллективном, уже не периодическом, издании — сборнике в двух частях «Bagatelles. Promenades d'un desoeuvre dans la ville de S. Petersbourg», изданном в 1811 году (SPb, imp. de Pluchart. 2 tt. in 1 vol. 12-о), переизданном в 1812 году в Париже (Paris, J. Klosterman fils & Delaunay), а затем и переведенном на немецкий и голландский языки.

В этом сборнике, автором которого традиционно считается уроженец Риги Теодор Фабер (Gotthilf Theodor von Faber), был помещен 31 небольшой рассказ, часть из них принадлежала перу Энгельгардта. В библиотеке последнего сохранился экземпляр этого издания с карандашными пометами «С. Е». под написанными им рассказами (Кобеко Д. Ф. Указ. Соч. С. 81).

² Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766—1835) — писатель, тайный советник, член и вице-президент императорской Академии Наук. Энгельгардт был знаком со Шторхом с восьмилетнего возраста — начала своего обучения в пансионе.

[2]. 18 октября 1804 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович.

У сего честь имею препроводить к Вашему Сиятельству две вновь полученные книжки нашего Журнала² в коих по приказанию вашему продолжаю я начатые пометки. — Положение о Лифляндских крестьянах³ большею частию отпечатано по сделанному здесь от Комитета официальному переводу в коем осмелился я только тут сделать некоторыя перемены, где чистота слога или верность перевода того неотменно требовали. — Находящиеся в 8-й книжке две таблицы одна о правах и обязанностях крестьян а другая о подсудимости их, сочинены были мною еще тогда, когда немецкаго перевода всего положения не было, в том намерении чтобы дать Лифляндским знакомым моим некоторое общее понятие о сем новом положении⁴. Посланная мною тогда в Лифляндию таблица сия одобрена была многими, и по изъявленному желанию иметь ее в общем употреблении, решился я включить оба <!> сии таблицы в Журнал.

С великим нетерпением ожидая дозволения Вашего Сиятельства, внести в наш Журнал известие о великодушном подвиге вашем относительно отпускаемых вами на волю Крестьян⁵.

Я ласкаюсь надеждою что вы удостоите меня тогда снабдить нужными сведениями о подробностях всего положения. При том еще должен я приметить что Если и теперь воспоследует ваше на то разрешение, то Книшка в которую включится сия достопамятная Статья, не прежде как чрез три месяца, то есть около Генваря месяца сюда прибыть сможет⁶.

Препоручая себя в продолжение драгоценнейшаго вашего ко мне благорасположения Есьм с сердечным высокопочитанием и непоколебимою преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и послушный
слуга Егор Энгельгардт
С. Петербург
Октября 18-го дня
1804.

P.S. Вчера Г-н Шторх повез в Гатчино X-ую книжку Журнала, по почте для Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы⁷ полученную, в коей помещено уже начало пожалованнаго нам от Августейшаго сего друга человечества начертания о благодетельных Ея заведениях⁸.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 153. Л. 233 — 233 об — 234. Автограф.

² Имеются в виду восьмая книжка (за май) и девятая (за июнь) 1804 года.

³ Энгельгардт говорит о статье «Die Livlandische Bauernversammlung», напечатанной на страницах 173—201 восьмой книжки.

⁴ Две большие раскладывающиеся таблицы помещены между страницами 282 и 283.

⁵ Речь идет об известном широком жесте князя, когда он даровал свободу своим крестьянам, уволив в 1804 году крестьян 22 хуторов слобод Белокуракинской и Павловки (обе в Старобельском уезде Харьковской губернии), числом до 3000 душ, вечно и потомственно в вольные хлебопашцы, и уступив им до 60 000 десятин земли. Со своей стороны крестьяне обязались внести в

продолжение двадцати пяти лет один миллион рублей ассигнациями в Петербургский опекунский совет в пользу воспитанников князя баронов Сердобиных. Заметим, что эта сумма являлась ничтожной по сравнению с реальной стоимостью.

Интересно, что в своем завещании князь записал даровать после его смерти свободу 1372 крепостным душам надеждинского имения за их многолетнюю службу при князе в годы его опалы. Этот поступок также получил широкую огласку и одобрение (см., например, статью «Благодеяние» в Вестнике Европы (Ч. XXXIII, июнь, № 12. М. 1807. С. 279–283), но воля князя после его смерти наследниками исполнена не была.

⁶ Князь не упустил случая прославиться и вскоре посвященная ему статья под заголовком «Freue Ackerbauern» была опубликована в четырнадцатой книжке журнала за ноябрь 1804 года на страницах 84–92 (она входит в 5 том журнала с датой 1805 на титульном листе).

⁷ Марии Феодоровны.

⁸ Павел I именным указом своим от 2 мая 1797 года повелел о принятии императрицей Марией Феодоровной главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах, таким образом открыв для супруги обширное поприще, благодаря чему имя императрицы навсегда созвучно с благотворительностью.

Упомянутое положение печаталось в журнале под заглавием «Wohlthatige Wirksamkeit der Kaiserinn-Mitter», начало — в десятой книжке (июль 1804, с. 5 — 23), продолжение в одиннадцатой (август 1804, с. 127–136).

Приложение I

Ипполит Федорович
Богданович

Мы помещаем здесь неизвестное стихотворение И. Ф. Богдановича, которое поэт послал в подарок князю Александру Борисовичу при своем письме от 9 мая 1802 года¹. Публикуемое стихотворение интересно еще и тем, что оно написано поэтом за полгода до смерти и является одним из последних творений «певца Душеньки».

Стихи от проезжаго к Ульяне, сиротке в деревне, просящей милостыни.

В весне цветущих лет, богатая красами,
И крайней скудости пример под небесами,
Тебе ль принадлежит твой образ нищеты?
Ульяна! Дай сама мне милостинку ты!
Твой взор не есть ли дар? И лъзя ли понапрасну
Природе произвестъ Ульяну так прекрасну?
Не толи голубой небесный луч зорков,
Под занавесою ресниц густых, чернявых,
И белости лилей, и алости шипков,
Разсыпанных в тени волос темнокудрявых?
Не толи стройный ряд жемчужистых зубков,
В отверстой пурпурной дверщ дыханий райских,
Иль тихо веющих Зефиров тепломайских,
Когда они дышат от Южных облаков?
Не толь отродия щедротливых богов,
Легкоподатныя, пригожия ладоши?
Не толи складныя, приютистыя ножки,
Возвестницы своих имуществ и даров?
Не толи нежныя карминистыя губки,
Зовущия ко тьмам целуев и смехов?
Не толь стыдливыя зачинных роз вылупки,
Бегущия от глаз под спорливый покров?
Не толь волшебных тайн и прелестей преграда
Влокущия к себе обвороженны взгляды?
Ульяна! В простоте, ты низишь все наряды,
Ты дарствуешь прося, господствуешь служа:
О! Как бы ты была в наряде госпожа!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 61 — 61 об. Автограф. Письмо, сохраняющееся в бумагах князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 60—60 об.) напечатано нами в соответствующем разделе настоящей книги.

Приложение II

Князь
Петр Борисович
Козловский

Здесь мы публикуем неизвестную эпистолу князя Петра Борисовича Козловского (1783—1840) к князю Куракину¹. Личность князя Козловского, одного из «умнейших и образованнейших» персонажей первой половины XIX столетия, уже рассматривалась многими исследователями. Общение князя Куракина с князем Козловским, ко времени которого и относится публикуемое стихотворное послание, является наименее изученным периодом биографии князя Петра Борисовича. Покровительство, оказанное ему князем Куракиным, либо вовсе не отмечается или отмечается вскользь, либо описывающие это строки противно читать (напр., в кн. В. Я. Френкеля «Петр Борисович Козловский» Л. 1978). А между тем князь Александр Борисович умел выбирать умных и талантливых молодых людей, которым покровительствовал, и совершенно при этом не пытался, приручив, оставить при себе, а, напротив, старался всеми силами ускорить их продвижение по службе. Среди них и барон Егор Энгельгардт, в будущем директор Царскосельского лицея, и Дмитрий Бантыш-Каменский, выдающийся историк, и многие другие. К ним же относится и князь Петр Борисович Козловский — легендарный «русский европеец».

6 января 1801 года князь Козловский был определен камер-юнкером на службу в Коллегию иностранных дел, а 14 числа был причислен к Московскому архиву Коллегии. Неизвестно, когда разглядел его князь Куракин, но в сентябре 1801 года, когда князь Куракин, как и все высшие чины, поехал со двором в Москву на коронацию Александра I, он пригласил семнадцатилетнего князя Петра Борисовича на великолепный бал, который давал в своем дворце на Басманной 28 сентября 1801 года. Там присутствовал и государь, которому, скорее всего, впервые в жизни был представлен князь Козловский. По случаю бала князь Петр Борисович написал стихи, которые в начале октября уже были напечатаны: «Стихи на польской игранной в день высочайшего присутствия его императорского высочества государя императора Александра I на бале в доме господина вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина 28 сентября 1801 года» (М., 1801).

Князь Куракин решил взять его в Петербург. 9 октября 1801 года князь Козловский подает прошение о переводе из Москвы в Петербург в Коллегию, которое и было удовлетворено 13 числа. В конце 1801 года он переехал в Петербург, где поселился в доме князя Куракина и состоял при его особе. Уже в начале весны он приступил к своим обязанностям, причем князь Куракин старался его достойно ввести в высший свет, усмотрев таланты молодого князя. Именно об этом периоде — примерно с февраля по июль 1802 году — князь Козловский в публикуемом стихотворении говорит: «И полгода прекрасно жил». В то время князь Петр Борисович был ослеплен придворной жизнью и почти бредил ею (см. Записки Ф. Вигеля. М, 1928. Т. 1. С. 161—162).

В августе 1802 года князь Куракин заболел, а к его выздоровлению князь Козловский написал стихотворение, в том же году преданное печати: «Его Сиятельству Князю Александру Борисовичу Куракину. Стихи на выздоровление благодетеля» (Спб., 1802). Эпиграфом к этому стихотворению была избрана французская цитата из Руссо.

Стоит опять же отдать должное князю Куракину, который уходя в отставку (именной указ был подписан 5 сентября 1802 года), подал государю представление о повышении в чинах ближайших своих сотрудников. Из шести человек, за которых хлопотал князь, один был его

сын барон Александр Сердобин, а самым младшим был восемнадцатилетний князь Козловский. Седьмого сентября 1802 года Александр I подписал именной указ, где «во уважение засвидетельствования вице-канцлера, действительного тайного советника, князя Куракина, об усердной службе и отличном прилежании находившихся при его канцелярии чиновников» юнкер Коллегии иностранных дел князь Петр Козловский был пожалован в переводчики.

Отставка князя Куракина была для князя Петра Борисовича безрадостным событием, хотя тот не забыл о своем помощнике: не без его участия князь Козловский был 24 марта 1803 года причислен к русской миссии при сардинском дворе. А позже князь протезировал ему уже через своего троюродного брата — канцлера графа Николая Петровича Румянцева.

Считаем не лишним привести здесь мнение князя П. А. Вяземского по поводу двух стихотворений князя Петра Борисовича — «Чувствование россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных его императорским величеством Александром I-м 1801 апреля во 2-й день» (М, 1801) и упомянутого выше «На исцеление...». Эти слова, как кажется, могут с успехом относиться и к публикуемому посланию:

«Опять покаемся в мягкосердечной слабости своей: мы с удовольствием прочитали стихотворения Козловского, хотя далеко не отличаются они ни поэтическим вдохновением, ни даже художественною отделкою. Но они замечательны, но они нравятся нам по чувству, по духу, которое возбудило их, по некоторым мыслям, которые они выразили. Смешно признаться, нравится нам и эпитафия, приложенный к стихам, посвященный князю Куракину. Нравится нам сей эпитафия и потому, что признаем его искренним предисловием, сказанным автором; верною вывескою того, что он чувствовал. Мы убеждены, что не лезть и не низкопоклонство водили пером его; мы убеждены, что одно простосердечие, одна признательность внушили ему эти стихи. Наши убеждения подкрепляются и оправдываются тем, что и позднее, среди соблазна света, среди испытаний жизни, Козловский до конца сохранил это свежее благоухание простосердечия. От этих стихов, от эпитафия, заимствованного у Ж. Ж. Руссо, так и веет на душу кроткое и сладостное ощущение. Нам приятно находить в Козловском, в этом

отъявленном либерале, эти чувства, эту простоту, которые ныне заклеямили пошлостью» (Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. VII. Спб. 1882. С.233–234).

Из стихотворений князя Козловского, которыми он почтил своего покровителя, до настоящего времени были известны только два печатных, указанные выше. Во время просмотра бумаг князя Куракина в деле под данным им самим названием «Всячина по делам второго министерства» (1801–1802 годы) нашелся сложенный вдвое лист с неизвестным стихотворным посланием князя Петра Борисовича. Это стихотворение не датировано, но относится оно, судя по всему, к сентябрю-октябрю 1802 года. Если в прошлом стихотворении на выздоровление князя стихотворец взял эпиграфом французскую цитату из Руссо, то здесь он также дает французскую цитату, но уже из самого князя, прекрасно этим языком владевшего, где князь цитирует произнесенные в его адрес слова Болингброка, по поводу которых мы хотели бы высказать несколько соображений.

Во время своего путешествия по Европе две страны тронули сердце молодого князя Куракина — то были Франция и Англия. И хотя довольно часто и много говорится о французофильстве князя Александра Борисовича, особенно в связи с его пребыванием послом в Париже, пребывание в Англии в конце 1772 — начале 1773 года оставило неизгладимый след. Конечно, этому впечатлению способствовал и прекрасный прием, оказанный князю русским посланником графом Алексеем Семеновичем Мусиным-Пушкиным, но он только усилил чувствования князя. Тогдашнее впечатление как нельзя лучше отражают строки из его письма к графу Н. И. Панину: «Критиковать англичан — значит их не знать; они достойны уважения и почтения всякого здравомыслящего человека. Если за ними и водятся некоторые странности, то они вполне выкупаются блеском их великих качеств»².

Знакомство князя с виконтом Болингброком произошло в Англии, когда граф Мусин-Пушкин сводил 21 января 1773 года молодого князя Куракина на открытые сесии Парламента. Конечно знакомцем князя был не знаменитый Генри Сент-Джон, пожалованный в 1712 году

титолом виконта Болингброка (1678–1751), а его сын — Фредерик Сент-Джон, второй виконт Болингброк (1734–1787). Происходивший из старинной дворянской семьи, второй Болингброк по семейной традиции занял место в Палате общин; куда традиционно избирались члены семьи Сент-Джонов для представления родового бурга Вутон-Бассет (Беркшир); как и отец, он был тори по своим политическим убеждениям. Судя по всему, произведенное Болингброком на князя Куракина впечатление было колоссальным, если и много лет спустя князь Куракин так отзывался о нем.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 983. Лл. 118–119об. Автограф. Перевод эпитафии выполнен В. А. Мильчиной.

² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е.х. 904. Л. 365. Без даты, оригинал по-французски.

Стихи
Его Сиятельству
Князь Александру Борисовичу
Куракину.

«Oui, mon cher ami, dans ma jeunesse Mylord Bolingbroke m'accueillit; c'ÿtait un homme comme il n'y en a point et c'est lui qui m'a prouvé que dans de grandes maisons, il y a quelquefois de grandes vmes; je m'en rappellerai toute ma vie, mes premiers jours dans le monde ÿtaient beaux, j'ai peut-ктре connu le bonheur, mais pourquoi l'avoir connu quand il devait se passer si vite!»

[«Да, любезный друг, в молодости принял меня милорд Болингброк; то был человек, каких мало, он-то и доказал мне, что порой великая знатность великой душе не помеха; помнить о сем буду я всю мою жизнь; первые дни мои в свете были прекрасны; пожалуй, узнал я счастье, но зачем же узнал, коли суждено мне было так скоро его лишиться!»]

Был добрый человек на свете,
Любил всех пламенной душой,
У счастья не был на примете
И прожил — с нищенской клюкой.
Он в младости, в странах далеких
Нашел и друга и отца,
Узнал что и в домах высоких
Еще есть нежные сердца!..

Узнал — и дни его светлее
По лугу жизни потекли,
Все чувства стали в нем живее,
Все мысли в счастье расцвели;
Не долго бедный наслаждался
Приятной, сладостной мечтой,
Он с другом и отцем разстался
И в свет опять пошел с сумой.

Со вздохом горьким, со слезами
О прежней жизни вспоминал,
Один, один под облаками
Покрова тщетно он искал:
«За чем я в горе не жил вечно,
Сказал от сердца своего,
«Когда так счастье скоротечно,
«За чем-же было знать его?» —

Так я вздохнул когда с тобою
Разстался, нежный человек!
Ты благодетельной рукою
Украсил в младости мой век.
В годах неопытных, незрелых
Вошел я в общество людей,
Средь пиршеств шумных и веселых
Я грусть носил в душе своей.

Когда-же под своим покровом
Меня ты к счастью приучил,
Я все увидел в блеске новом
И полгода прекрасно жил;
Но быстро время пролетело:
Сего дня счастье расцвело,
Поблекло завтра, помертвело
И ветром цвет его снесло!

Осталось лишь — вспоминанье,
Источник радости и слез,
О прежнем сладкое мечтанье,
В степи пустынной — призрак роз,
Последнее отрады чувство,
Последний в томном сердце жар!...
Тебе не лезть и не искусство,
Тебе оно приносит дар!

Прими его — он всех светее!
Хотя монархом ты почтен,
И что еще того славнее,
Любовью общей награжден;
Но больше ты себя прославил,
Свой большой скрасил в жизни путь:
Ты бедных по себе заставил
От сердца глубоко вздохнуть!

Великих, сильных истуканы
Времян удары сокрушат,
Властители миров поправаны,
Уже давно о них молчат.
Во славе гордый и коварный
Минуту чтим, потом — забыт;
Но гений кроткой, благодарный
о добрых память Сохранит!...

К<нязь> П<етр> Козловской.

Приложение III

Алексей Данилович
Копьев

Алексей Данилович Копьев (Копиев; 1767–1846) — драматург и поэт, чьи произведения с большим успехом игрались на столичной сцене в последние годы екатерининского царствования. Он был сыном давнего друга князя Куракина — пензенского вице-губернатора Даниила Самойловича Копьева, «всю цену дружбы своей к его сиятельству <...> доказавшему»¹, и сохраняющаяся с коим переписка в княжеских бумагах исчисляется более чем сотней посланий.

По натуре Алексей Копьев был балагур и остро слов, что соединилось в нем с прескверным характером, и одновременно являлся одной из колоритнейших фигур петербургского общества. Его характеристики превосходно даны князем И. М. Долгоруким и Ф. Ф. Вигелем².

Здесь мы публикуем его стихи. Само по себе это обстоятельство уже крайне важно, поскольку все комедии его сочинены прозой, а по поводу стихов его биографы только констатируют, что «Копьев писал также стихи <...> которые до нас не дошли» (*СРП*, 2. С. 126). Из его стихотворных сочинений известны лишь предисловие к изданию комедии «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» (СПб, 1794), сочиненное стихами (С. [3–6]), а также одно четверостишие, которое приводит Вигель в своих записках (Вигель Ф. Ф. Записки.

М. 2000. С. 287). Таким образом, теперь читателю будет интересно узнать и Копьева-стихотворца.

Стихотворение относится к середине августа 1792 года, когда Копьев вместе с Пензенским вице-губернатором И. А. Ступишиным приехал к князю Куракину в Надеждино; об этом сам князь писал к брату князю Степану Борисовичу в письме от 19 августа: «У меня гостили здесь три дни Пензенский вице-губернатор и сын Данилы Самойловича Копьева. Они оба сделали мне неожиданные приношения стихами»³.

Кроме этого, мы ниже в качестве приложений сочли нужным поместить письмо Копьева-отца к нашему князю, в котором он рассказывает об успехах сына и преподносит нам массу интересных биографических сведений о писателе, а также отрывок из письма брата князя Алексея Борисовича.

¹ Описание путешествия в 1786 году его сиятельства двора ея императорского величества действительного камергера и разных орденов кавалера князя Александра Борисовича Куракина, вниз по Суру от Красноярской до Чирковской пристани, находящейся при устье впадающей в Суру реки Инзы, с приобщением известия о той реке. СПб. 1793. С. 26.

² Долгорукий И. М. Капище моего сердца... М, 1997. С. 55; Вигель Ф. Ф. Записки. М, 2000. С.285–287.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 95об.

Продолжение
Надписи к дверям Дома
В селе Надеждине¹

Здесь пристанище покоя.
Удаляся от сует,
Сам прелестно все устроя,
Здесь КУРАКИН князь живет.

Здесь не те уже забавы,
Забав имя что несут

Здесь нет блесков пышной славы,
Что тщеславный дух влекут.

Здесь природа, упражненье,
Здесь богатство дар земли.
Здесь двор тем², кто для веселья
Изо-всех стран притекли.

Здесь поля, луга и рощи,
Быть в печали не дают;
Здесь спокойно спят средь ночи,
И в забавах дни текут.

Здесь музыка, здесь катанье,
Сердоба стала Невой;
Здесь тем весело гулянье,
Что нет почести пустой.

Здесь все веселы предметы,
И в палатах, и в избе;
Здесь и песни и Арьеты,
Здесь рожок и Изабе³. —

Прелесть сельску здесь вкушаем,
И приятность городов;
Изъяснить что здесь встречаем,
Нет на то способных слов.

Здесь и воздух столь полезен,
Что не можно больну быть;
Здесь хозяин столь любезен,
Что нет способу грустить.

Сии Стихи сочинял Алексей
Данилович Копьев.
В селе Надеждине августа 16-го
дня 1792-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1018. Л. 78—79. Писарская копия. Судя по присутствующему в названии слову «Продолжение», очевидно прежде Копьевым писано было и начало, но его среди бумаг князя нам отыскать не удалось.

² В рукописи «те», то есть при списывании явно была потеряна буква.

³ Имеется в виду мадам Изабе — настоящая «маркиза», которая была выписана из Парижа специально для развлечения приезжавших в Надеждино гостей и приехала вместе с мужем — музыкантом-скрипачем, а также со своей прислугой. В русской переписке она часто зовется Изабейшею. По словам князя И. М. Долгорукого, часто гостившего у нашего князя в Надеждине и Павловском на Юлове, «она была женщина ловкая, приятная и очень не дура» (Долгорукий И. М. Указ. Соч. С. 206.).

【Приложение 1】.

Письмо Д. С. Копьева к князю А. Б. Куракину от 12 июня 1794 года¹.

Милостивый Государь!
Князь Александр Борисович!

Сей час я почтенное Вашего Сиятельства письмо, со изъявлением мне вашего удовольствия о усердии к вам сына моего, и благорасположенного соучаствования вашего в моем обрадовании, х которому я и подлинно имел не малую причину: комедия сия представлена в Петербурге в Таврическом дворце 10го числа прошедшаго месяца², в присутствии Ея Императорскаго Величества, а 15го получил сын мой в Царском селе награждение, табакерку с бриллиантами; наипаче же всего обрадован я тем, что

Государыня изволили ему сказать: комедия ваша так меня развеселила, что я и до ныне об ней думаю. В последнем же письме пишет он ко мне, что по особливой благосклонности к нему Графа Платона Александровича³, имеет щастие видеть часто Государыню; и каждой раз изволит с ним говорить; да повелела ему написать еще что нибудь; и он написал петиписиес⁴, которую будут там две графини, Шувалова⁵ и Головина⁶, да и камерюнкеры Бибииков⁷ да Разтопчин⁸ и сам он тут же. Покорнейшее благодарение приношу, за благосклонное ваше приглашение меня к надеждинскому приятному и здоровому воздуху, а еще более желал бы я видеть тамошняго почтеннейшаго и безценнаго помещика; и ежели бы слабыя силы мои и здоровье дозволят, то непременно сим воспользоваться. Жена моя⁹ покорнейше благодарит Вашему Сиятельству за напамытование; я же с непремяемыми высокопочитанием и преданностию честь имею пребывать.

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

всенижайший слуга

Данило Копьев

1794го Года

Июня 12го дня

Пенза.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 473. Л. 230 — 230об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о наиболее знаменитой комедии Копьева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка». Отец писателя ошибся на один день: она была поставлена в четверг 11 мая 1794 года: «После полудня, в 7-м часу, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств <...> на тамошнем Таврического дворца театре представлена русская комедия «Лебедянская ярморка», без балета, придворными актерами» (КФЖ. С. 356).

³ Зубова (1767–1822), в штате которого он официально состоял, и в котором нашел себе всемогущего покровителя.

Что касается присутствия во дворце и встреч с государыней, то его фамилия — «Гвардии офицер Копьев» упоминается в *КФЖ* лишь один раз, однако, скорее всего, анонимным «гвардии офицером», постоянно в числе прочих гостей присутствующим за трапезами с государыней, зачастую был именно Копьев.

⁴ Имеется в виду одноактная комедия Копьева «Что наше, тово нам и не нада», которая в том же году была напечатана в Петербурге (См. *СК, II. № 3133*). Очевидно именно она была поставлена в пятницу 29 сентября 1794 года: «На Эрмитажном театре в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств <...>, с приглашением в тот театр некоторых знатных особ <...> инкогнито представлена русская комедия и при ней небольшой балет» (*КФЖ. С. 712–713*). Есть сведения, что это случилось 10 октября 1794 года (*СРП, 2. С. 125–126*), однако *КФЖ* их не подтверждает (возможно, это неудачная попытка перевести дату в новый стиль, что тоже странновато).

⁵ Графиня Екатерина Петровна Шувалова (1743–1817), рожд. Салтыкова.

⁶ Графиня Головина Варвара Николаевна (1766–1821), рожд. Голицына, оставившая в своих мемуарах не лучшие строки о Копьеве.

⁷ Очевидно, Бибииков Александр Александрович (1765–1822), с 1 мая 1795 года камергер.

⁸ Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), позднее граф и камергер.

⁹ Женой Д. С. Копьева была Надежда Карловна Копьева, рожденная Ельчанинова. По словам того же князя И. М. Долгорукого, она была «достойнейшей барышней, хотя старинного покроя» (Долгорукий И. М. Указ. Соч. С. 55).

[Приложение 2].

Поскольку отец поэта Д. С. Копьев через нашего князя не раз передавал в Петербург деньги для сына, то рассказ об этом фигурирует в его переписке с братом князем Алексеем Борисовичем. В виду интересных подробностей, мы сочли возможным привести выдержку из его письма к нашему князю от 7 декабря 1786 года¹.

Сержанта Копиева я отыскал, деньги 100 рублей чрез вас отцом его пересланныя ему отдал, и ответ его об оных присем присылаю. Разговаривали, и образом бытъя сего молодого человека я весьма был доволен, он очень хорошо мыслит и рассуждает, имел кажется достаточное воспитание, и труды для сего употребления непотерены, он мне друг сердечной так полюбился, что просил к себе ходить обедать и всегда когда не придет очень буду рад. Судя по его разговорам кажется что хочется получить ему отпуск ежели в офицеры не останется. И не знаю для чего бы Данилу Самойловичу на сие не согласиться; а я для сего отпуска с охотою себя употребляю.

¹ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 381. Л. 191-191об, дата на л. 189. Писарское, с подписью-автографом.

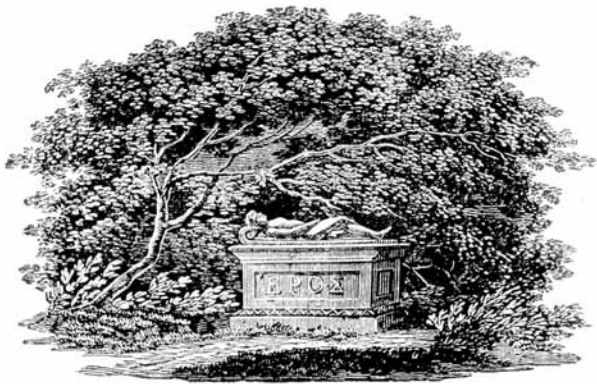

Приложение IV

Андрей Фролович
Кропотов

Андрей Фролович Кропотов (1780–1817) был весьма плодовитым литератором начала XIX столетия — писал прозой и стихами, занимался журналистикой. Особенную часть его наследия составляют сатирические сочинения, которые при жизни автора не могли быть напечатаны и распространялись в списках. Несколько наиболее невинных из них — прошения разным министрам, датированные 1808 годом, позднее все же были напечатаны (*Русская Старина*. Спб, 1876. № 9. С. 181–185), другие известны по воспоминаниям современников, например остроумные стихи к командиру Кронштадтского порта П. И. Ханькову (См. Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. VI. Спб, 1849. С. 130–133), но, по-видимому, большая часть этих творений до настоящего времени не сохранилась.

В томе куракинского архива, сформированном князем Борисом Алексеевичем Куракиным в 1850-х годах из разрозненных фамильных бумаг дяди и отца, а также графа Н. И. Панина, имеются два стихотворения А. Ф. Кроптова. Быть может они небезупречны по стихосложению, но чрезвычайно любопытны по содержанию. Относятся эти стихотворения, по-видимому, к ноябрю-декабрю 1802 года

(в период времени от учреждения министерств до отставки Н. С. Мордвинова) и посвящены, как нам кажется, учреждению министерств, да и вообще преобразованиям начала александровского царствования¹.

Теперь уж и не мудрено, почему автор сих вызывающих строк был уволен в 1804 году от службы «по худой аттестации» и умер в бедности, поскольку после одного только печатаемого здесь стихотворения можно было угодить и подальше.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 239. Л. 203—203об—204 («Бостон»), Л. 202—202 об («Пикет»). Автограф. Перед стихотворениями вплетен конверт, в котором они находились (Л. 201), на котором начертано название с ошибочной датой: «Стихи на Бостон в 1782-м году сочиненныя Кропотовым». Сбивчивая пунктуация подлинника приближена к современной.

Бостон¹

Игра бостон явилась нова
 Ея Совет опробовал²,
 В Москву сослали Беклешова³
 За то, что ею презирал.
 А Воронцов⁴ король бубновой
 Довольный сей пременою новой,
 Стал Черторыжскому⁵ под масть.
 Товарищ сей не помогает —
 Всегда на свои играет.
 Топить, его охота,— страсть!

Гранд суверен в руках имея
 Весь Кочубей⁶ объемлет свет.
 Да разыграть то не умея
 Легко поставить и лабет⁷.
 Некстати козыря подложит
 Ренонс⁸ он также сделать может
 И станет масти провожать,

С ним правда Строгонов⁹ играть
Но козырей сей граф не знает
С чего не знает и ходить!

Румянцов¹⁰ носится с мизером
Введя везде двойной платеж
И хочет собственным примером
Менять заставить рубль на грош.
Давно по свету слух носился
Что женщин он всегда страшился
И для того относит дам.
Игру он худо разумея
И карты, лишь в руках имея
Играть велит секретарям.
Трощинский¹¹ сюры¹² подхватил
Когда б не женщины пострелы!
Игрок великих был бы сил

Им овладели девки-бабы
И тащат все из рук;
Но кто же бабушке не внук¹³ ?
А ты валет веновой масти!
Вязмитинов¹⁴, какой судьбой
Забывши прежняя напасти
Ты — как занялся игрой?
Ты человек, сударь не бойкой
Тебя всегда мы знали двойкой
Теперь — фигура — ты!!
Не дивитесь вы никто ни мало
Всегда то было и бывало
Что в гору лезут и кроты!

¹ Карточная игра Бостон происходит из Соединенных Штатов, откуда в Европу ее привез Б. Франклин. Она изображает Северо-Американскую войну и состоит из шестнадцати игр, первая из которых есть Бостон (на пять взяток) — город, в котором неприятельские движения англичан получили начало, а последняя именуется Конкордией (на тринадцать взяток), которая олицетворяет согласие после революции тринадцати Соединенных штатов. В Англии это игра игнорировалась.

Возможно, Кропотков полагал что это не американская, а английская игра, а потому и связал с ней преобразования в английском духе.

Бостон игра не из простых и очень подходит для отображения жизни русского двора той эпохи: «Игра сия сколько ни кажется запутанною, но можно ей научиться в четверть или по крайней мере в пол часа, — но это разумеется вообще об игре, ибо бесчисленные тонкости, которые она, особливо для противоиграющих игроков, имеет, изъяснить было бы невозможно». (Искусство играть в карты в коммерческие игры, или полный карточный игрок... Ч. I. М, 1830. С.13).

² Очевидно, речь идет о первом масштабном государственном преобразовании — учреждении министерств, именной высочайший указ о чем последовал 8 сентября 1802 года (*ПСЗ. Т. XXVII. С. 243–248*). Были учреждены восемь министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции, народного просвещения, военно-сухопутных сил, военно-морских сил и иностранных дел.

Совет — имеется в виду Непременный совет, учрежденный 30 марта 1801 года Александром I «для рассуждения и уважения дел государственных, затем дел, особую важность в себе содержащих» (*ПСЗ. Т. XXVI. С. 598*); именно с помощью Непременного совета было подготовлено учреждение министерств.

³ Беклешов Александр Андреевич (1745–1808). Александр вызвал его из отставки и назначил 16 марта 1801 года генерал-прокурором правительствующего Сената. Поскольку Беклешов не разделял взглядов государя и его приближенных о необходимости реформы государственного управления, первым шагом которой было учреждение министерств, вышел в 1802 году в отставку и уехал в Москву. В 1804–1806 годах был московским генерал-губернатором.

⁴ Имеется в виду граф Александр Романович Воронцов (1741–1805). Александр I также вызвал его из отставки и назначил 27 апреля 1801 года присутствовать в Первом департаменте правительствующего Сената, а 29 апреля членом Непременного совета. 15 сентября 1801 года назначен государ-

ственным канцлером. Граф Воронцов активно участвовал в преобразовании правительствующего Сената и в работах по учреждению министерств. 8 сентября 1802 года назначен министром иностранных дел, при самом учреждении министерства.

⁵ Адам Адамович Чарторыжский (1770—1861), князь. Александр I вызвал его 20 июня 1801 года от должности посла при Сардинском дворе. Князь Чарторыжский входил в Негласный комитет, а 8 сентября при учреждении министерств назначен товарищем министра иностранных дел графа А. Р. Воронцова, которого сменил 16 января 1804 года. Чарторыжский в своих мемуарах называет Воронцова «самым опытным государственным человеком» (Мемуары князя Адама Чарторыжского. Т. I. М., 1912. С. 264).

⁶ Виктор Павлович Кочубей (1768—1834), граф (с 1799), князь (с 1831). Александр I вновь пригласил его на службу, с повелением от 23 июля 1801 года присутствовать в Первом департаменте правительствующего Сената и состоять при особе его императорского величества (что подчеркивало его тогдашнее исключительное положение). 30 сентября 1801 года назначен вновь членом Коллегии иностранных дел и вице-канцлером. С 11 декабря 1801 — член неперменного совета. 8 сентября 1802 года уволен от должности вице-канцлера и назначен министром внутренних дел при самом его учреждении (уволен 24 ноября 1807 года).

⁷ Лабет — картежный термин, означающий штраф, налагаемый за невзятые заявленные взятки.

⁸ Ренонс — картежный термин, означающий отказ, неимение на руках масти, с которой пошли; либо снос по ошибке другой масти.

⁹ Строганов Павел Александрович, граф (1774—1817), который после революционной Франции пленился английской свободой и, как писал Вигель, «молодой русский лорд долго потом еще бредил Англией» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 101). 24 июня 1801 года назначен членом Негласного комитета. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств был назначен к графу В. П. Кочубею в министерство внутренних дел на должность товарища министра.

¹⁰ Граф Румянцев Николай Петрович (1754—1826). Александром I вызван из отставки и назначен 17 августа 1801 года членом Непременного совета, 27 августа — присутствовать в первом департаменте правительствующего Сената. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств назначен министром коммерции. Граф умер холостяком.

¹¹ Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749—1829). Принят Александром вновь на службу, 15 января 1801 пожалован чином действительного тайного советника, 13 марта 1801 года назначен состоять при особе его императорского величества, главным директором почт и сенатором. С 30 марта 1801 года член Непременного совета. В 1801 году Трошинский являлся одним из самых близких к государю людей, он был автором манифеста о восшествии его на престол и других важнейших актов первых лет александровского царствования. 9 сентября 1802 года назначен министром уделов. Был холост, имел «воспитанницу» по имени Надежда.

¹² Сюры — картежный термин, означающий козырей.

¹³ Это намек на прежнюю его покровительницу — Екатерину II, бабушку государя, которая назначила его 2 сентября 1793 года состоять у собственных ее императорского величества дел.

¹⁴ Вязмитинов Сергей Козмич (1744—1819). 9 сентября 1801 года вызван Александром I из отставки и 9 ноября 1801 года вновь внесен в Воинский список. 1 января 1802 года назначен вице-президентом Военной коллегии, 15 января — сенатором и членом Непременного совета. 10 сентября 1802 года назначен первым министром военно-сухопутных сил.

Интересно мнение все того же Вигеля, по иному трактующее изображенные в стихотворении качества Вязмитинова: «Его доброта и честность были столь же известны, как ум его и деятельность: трудолюбием и долговременною беспорочною службой единственно попал он наконец в люди. К сожалению, нахождение его в малых чинах и при лицах строгих и не весьма вежливых начальников оставило в нем какое-то раболепство, не согласное с достоинством, которое необходимо для человека, поставленного на высокую степень» (Указ. Соч. С. 107).

Пикет¹

Стихи твои Бостон прекрасны
 Я их сейчас же прочитал.
 В игре ошибки очень ясны
 И ты порядок потерял!
 Зачем не всех играть заставил?
 И против общих правил
 Трацинского ты честь вредишь?

Хвалить его — я не беруся,
Однако — смело побожуся,
Что ты неправду говоришь!
Приди к нему — он с лаской примет,
Проси — он даст а не отымет
Так как министр морских сил²

.....

.....

.....

.....

Когдаж верить автору обедни
И счесть все не за бредни
Я душу в Трощинском люблю

Явился ерш³ в петит мизере⁴
И долго очень он молчал,
Но вдруг в туманной темной сфере
Он восемь в сюрках прокричал.
И верно б в век не отыграл.
Но я писать пикет а не бостон обещал.
К тузам и королям держался
Ерш протчи карты относил
Себе того не вообразил
Что в наших просвещенных летах
Нужда бывает и в валетах,
Без них мажор и кварт не будет никогда,
Вот от чего и вся беда!
Что плохо ерш играет в карты,
Теряя все ращоты взяток
Теряет все терцы и кварталы...
Погрешность нову в нем нашел
За что он бедненьких девяток

За что пол-флота обошол⁵?
 Во флоте мичман вам неболе
 Сколькo девятка в рокамболе⁶:
 Вот как он правильно играл!
 Возымет его провал!

Кропотов.

¹ «Ежели есть какое либо средство заняться приятностию картами вдвоем, то это конечно игра в Пикет, которая, так сказать, и создана для двух только особ» (Искусство играть в карты... С. 106).

² То есть Николай Семенович Мордвинов (1754—1845), граф (с 1834). Письмом Александра I от 9 июля 1801 года он был вызван в Петербург, 10 августа принят вновь на службу и назначен вице-президентом Адмиралтейской коллегии. 15 сентября 1801 назначен членом Непременного совета. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств назначен министром морских сил. Уволен от должности 28 декабря 1802 года, будучи вытеснен П. В. Чичаговым. Упоминаемый выше граф А. Р. Воронцов говорил про Мордвинова: «Морской департамент вверен теперь человеку, который в состоянии держать часть сию в порядке» (Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. М, 1859. Ч. III. С. 100).

³ Ерш — очевидно, речь идет о морском министре Н. С. Мордвинове (см. выше).

⁴ Петит мизер является частью бостона, а не пикета.

⁵ Здесь, наверно, речь идет уже о самом Кропотове, поскольку он с 1788 года учился в Морском кадетском корпусе, был выпущен в 1796 году мичманом и служил в Кронштадте на кораблях Балтийского флота, но больше повышений не имел, поскольку в 1801 году по жалобе на высочайшее имя против него было возбуждено дело об отказе жениться, а позднее (видимо после написания этих виршей), к этому присоединилось еще дело о просрочке отпуска (до начала 1803) года, после чего он и был уволен в сентябре 1804 года.

⁶ Карточная игра.

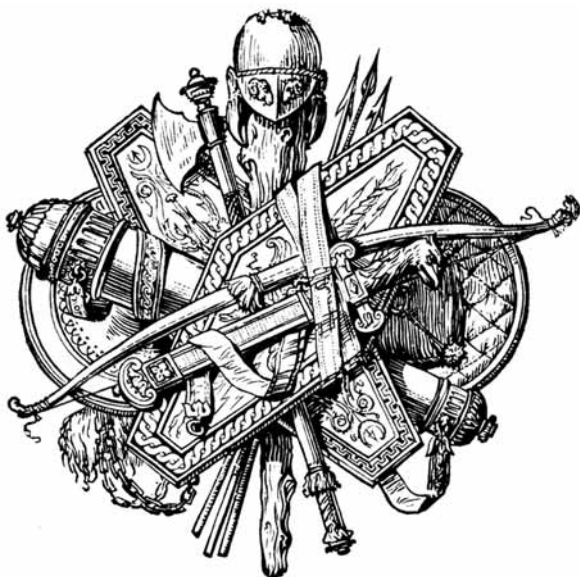
Приложение V

Павел Артемьевич
Левашов

Печатаемая здесь ода принадлежит перу Павла Артемьевича Левашова, письма которого напечатаны в настоящем издании. Ода эта была послана Левашовым князю Куракину при письме от 19 февраля 1797 года¹.

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 874. Л. 63об—64. Писарская копия. Письмо — там же, л. 62 — 62 об.

Ода

Дух радостию восхищенный.

Не Солнце ль Ново возсияло
В полных России странах
Туманы и печаль прогнало
С лазурью блещет в облаках
Борей уже реветь не смеет
Зефир там ароматный веет
В полях, лесах и над водой
Приятный всюды слух разлился
Что Павел в Россах воцарился
При нем се век настал златой.

Я в нем Героя зрю на троне
Держаща скиптр своей рукой
В порфире светлой и короне
Дающа Северу покой
В судах им правда утвердится
Мздоимство всюды изребится
При нем всем равный будет суд
И по достоинствам награда
Невиннострадающим отрада
Пред ним России <так!> враги падут.

Ликуйте ныне вы народы
Мосоха храбры племена
Не бойтесь злой уже невзгоды
В блаженны Павла времена
Покою в мире наслаждайтесь
Однак в полезном упражняйтесь
Прострите руки и к торгам

Тогда увидите и сами
Как золото потечет реками
Со всех стран к нашим берегам

Поля покроются плодами
И самые вершины гор
В пестреющих лугах цветами
Услышится свирелей хор
Но естли внешний враг возникнет
И против Россов брань воздвигнет
Стремясь нарушить их покой
Узрев же Павла пред полками
Падет он пред ево ногами
Стремглав сражен ево рукой.

Уже Москва градов царица
Является красней зари
Монархов древняя столица
Готовит новы олтари
О Павел к твоему приходу
Толь радостна всему народу
Там холмы, доли, дебри, лес
И рек брега руками плещут
Златые кровы храмов блещут
Подобясь красоте небес.

Приложение VI

Петр Степанович
Молчанов

Петр Степанович Молчанов (1770—1831) был долгие годы управляющим в куракинском Надеждине. И хотя тцаниями князя Александра Борисовича 18 июля 1791 года он был зачислен фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, до вступления на престол Павла I он оставался при князе. После переезда князя ко двору, Молчанов был зачислен в Коллегию Иностранных дел и начал быстро продвигаться по службе. Этому причиной многие исследователи (*СРП*, 2. С. 297) ставят женитьбу на Е. И. Кушелевой — племяннице А. Д. Ланского, однако это родство в павловские времена могло скорее помешать возвышению, нежели его ускорить. Конечно же ему протезировал князь Александр Борисович, что являлось благодарностью за многолетнее при нем служение. При Александре I он дослужился до большой должности — стал тайным советником и статс-секретарем государя, который, уважая способности Молчанова, во время своего отъезда в 1812 году к армии вверил ему государственные дела.

В княжеском архиве хранится большое число писем Молчанова, но все они посвящены делам по службе, поэтому мы сочли возможным не печатать их. В настоящем разделе мы решили поместить стихотворение, сочиненное Петром Степановичем в 1792 году на освящение церкви в Надеждине.

Это сочинение сохраняется в княжеском архиве в двух экземплярах, оба писарские, с разночтениями в заглавиях. Они не имеют подписи, но могут быть атрибутированы по письму самого князя от 10 сентября 1792 года к брату князю Степану Борисовичу, при котором он ему посылал экземпляр стихотворения: «Считая что приятно будет тебе знать как проведен был здесь день моих именин, прилагаю при сем описание об оном моим Молчановым сочиненное»¹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 108об.

Стихи
на Торжество, бывшее в день Ангела
Его Сиятельства
Князя
Александра Борисовича
Куракина
и
освящение
новаго, каменнаго, великолепнаго
Храма
в селе Надеждине
30 августа, 1792 года¹.

Без внутренняго зреть не можно утешенья
На те живейшия не лестны восхищенья,
Которых сей твой день Виновник и Творец

В толиком множестве собравшихся сердец;
И видя общия веселья, ликованья
Не лзя не сделать, Князь дражайший, примечанья,
Ко славе вящшей и великости твоим
Колико ты почтен и сколь от всех любим,
Простолюдинами, высокими чинами
И благородными рабов твоих душами,
И кем лишь знаешь ты, любим равно от тех,
Которые среди покоя и утех
Тебя с преданностью не лестной окружают
И благости твоей души благословляют,
— Толико общая любовь к тебе дает
Великости твоей и Славе вящший свет.
Сия любовь к тебе в сем торжестве блистает;
И паче тем она тебя да утешает,
Что с громко славою и знатностью она
Бывает редко, князь! в душах сопряжена.
— Но чем, зрю, радости еще усугубленны,
И что раждает всех в груди восторг священный?
Воздвигнутой тобой великолепной храм,
В котором воскурен днесь первый фимиам.—
Сим знаком к вере столь усердия любви
Явил, что отрасль ты Владимировой крови²,
И что достойнейший потомок ты того
Родоначальника Почтенна твоего,
Котораго любовь подобная к Мессии
Спасительна была мглой крившейся России.
— Сей подвиг твой и все достоинства твои
От муз напишутся на вечны Хартии;
Напишутся времен в глубокою маститость
Те Добродетели и Слава и Великость,
Которы в кровь твою един монарх излил,
Которыя другой достойно возлюбил.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х.1018. Л. 75—76об. Писарское. Второй экземпляр, посланный князю Степану Борисовичу и после его смерти в 1805 году возвратившийся к князю, сохраняется там же: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 98 — 99об.

Торжество, которому посвящено это стихотворение, было великолепным — более тысячи гостей (в том числе, думается, посчитаны куракинские крестьяне), спектакль, огромное количество накрытых столов.

Что касается церкви, то имеется в виду каменная церковь во имя св. Александра Невского, храмозданную грамоту на строительство которой дал 30 мая 1790 года епископ Тамбовский и Пензенский Феофил. Построена она была в 1791 — 1792 годах на месте старой деревянной церкви во имя св. Бориса и Глеба.

² Здесь имеется в виду происхождение князя — ведь родоначальник Гедминовичей, к которым принадлежит и княжеский род Куракиных, великий князь Литовский Гедимин, происходил от российского великого князя Владимира Святославовича, крестившего Русь.

Любопытно суждение князя Алексея Борисовича об этом послании, высказанное им в письме к брату от 4 ноября 1792 года: «Способность Молчанова, о которой судить я могу по сделанному им описанию, бывшему в день ангела вашего праздника, хорошее показывает начало и в нем надежду, оно бы еще лутче было, ежели бы лесть не была главною притчиною онаго, а сего во всякой вещи должно избегать, покорно вас друг благодарю за сообщение мне его». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х.386. Л. 166об.)

Приложение VII
Николай Петрович
Николев

Здесь мы печатаем неизвестное стихотворение Н. П. Николева «Плач России..», отправленное поэтом в подарок к князю А. Б. Куракину при письме от 13 ноября 1796 года¹, которое опубликовано нами в соответствующем разделе настоящей книги.

Плачь России
по
Кончине
Матери Отечества
Екатерины II
и
утешение
при восшествии
на
всероссийский Престол
императора
Павла Первого
подносит
Его верноподданный
Николай Николев
1796-го Года.

Плачь и утешение
России.

Какая ночь род смертных кроет!
Ужель померкл всеобщий свет?
Весь мир вздрагнул!... Россия воет
С кровавым вздохом вопиет:
Угасло солнце многих лет!...
Скончалась нежна мать народа,
Кем тридесять четыре года
Предел полночный был согрет,
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Щедрота Мира! Тыль сокрылась?
Пять царств оставила сирот!
Любовь сердец, краса доброт!
Ты ль смертной тению покрылась?
Тебя ль каснулась алчна смерть,
Чтоб Росс не мог слезы отерть
На долго время вспоминая
Дни своего с табою Рая?
Но се.... Россия вопиет
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!
Пакров вдовиц! Защита бедных!
Пред взором чьим злодей был мертв!
Гонительница ябед вредных!
Спасенья тьмы невинных жертв!
Ах!... О тебе ли наши стоны
Тебя ль народов милионы
Тебя ль лишилися навек?
Кем будет щастлив человек?
Пред кем он в нужде смело вздохнет?
Под чьею дланию отдохнет
Уже нещетность вопиет:
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Устав к блаженству смертных рода!
Наказ самой к нему любви!
Чей лучь ума для благ народа
Посеил доблести в крови!
О милосердия заветы!
Души великия предметы,
Был под законом естества?

Лице ли видим божества
России давша вечну славу
Подверженно Его уставу?
Но дщерь твоя уж вопиет:
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Сокровище людей сердечно!
Магнит чувствительных сердец!
Твоих ли дней мы зрим конец!
Тебя ли не увидим вечно?...
Но уж самкнулись те уста
Из коих милости лилися
Без действия десница та
Каторой мне венцы плелися
Цари!... смолк добрый вам совет
Вам друг в стране уже Эфира
И слышу вздох всего я мира
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Но кое радостно явленья
Небесный пронизает зрак
Какой судьбы определенья
Светилом новым гонит мрак?
Отверзлось небо!... зрю сиянья
Росс! Росс! умерь твои стенанья
Твой рок не с смертным быть одром!
Воззри в селения небесны
Увидь явления чудесны
Екатерина уж с Петром!

Покрыты светлыми лучами
Они явлены перед нами
Для нас отверзлись Небеса!
Услышь Россия словеса
Отца и Матери нежнейших
В утеху поданных<!> вернейших!

Рекут.... и двух есть глас един
«Россия не отчавайся
«Таске о нас не предавайся
«Мы с Богом средь благих судьбин;
«С тобой Екатеринин сын,
«Петрова кровь навек с табою,
«Блаженствуй под такой судьбою
«Под скиптром Павла процветай!
«Его десницей укрепися,
«Его щитами оградися,
«Ему сердца свои отдай!
«Он доража к тебе любовью
«Воздаражит твоею кровью
«Даст пользу правды разуметь;
«Петрову в нем узришь ... заботу
«Екатеринину .... щедроту
«С ним будешь благи все иметь.

Рекли.... и в небесах сокрылись....
Сердца на Павла устремились
Зрят всю Его к себе любовь
И ждут блаженств сугубых вновь
Народы!... долг отдав стенаньям
По нежной матери своей
Готовьтесь добрым чувствованьем

Свет новых воспрять лучей
Всей правдой Павлу послужите
Законом Царства .... дорожите!
А та каму вручили Трон
Будь новой в мире Саламон.

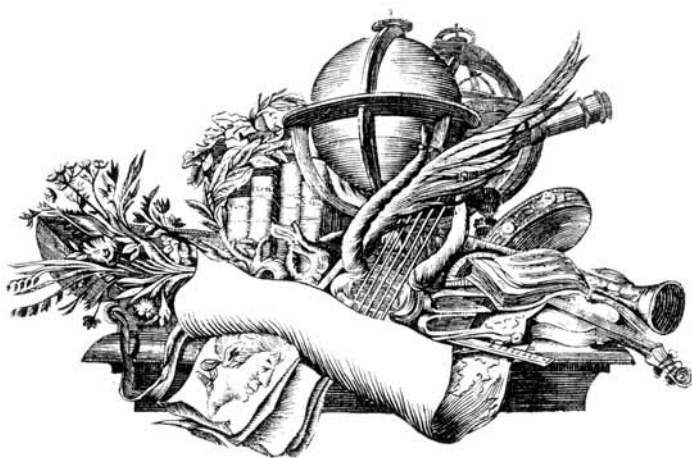
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 146. л. 55–58. Текст стихотворения писарский, подпись (на заглавном листе) — автограф.

Князь А.Б. Куракин
— переводчик Фонвизина

Здесь мы обратимся к новым, и, как следует из заглавия, совершенно неизвестным ранее обстоятельствам, которые интересны для биографии нашего князя, но прежде всего, конечно, для биографии Дениса Ивановича Фонвизина.

Произведение, о котором пойдет речь, — «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина». Это сочинение Фонвизина, чье литературное наследие вообще изучено не слишком детально, является одним из наиболее запутанных в текстологическом отношении творений писателя.

Сперва постараемся очертить круг известных об этом сочинении сведений.

В 1784 году из печати вышла книга «*Precis historique de la vie du comte Nikita Iwanowitsch de Panin*» с выходными данными «*A Londres 1784*» (28 р., 8°)¹, а два года спустя — в четвертой книжке издаваемого Ф. О. Туманским и П. И. Богдановичем еженедельного петербургского журнала «Зеркало света» от 28 февраля 1786 года был

напечатан русский текст, озаглавленный «Сокращенное описание жизни Графа Никиты Ивановича Панина» (в разделе «Разные статьи» на с. 73—89). В том же году последовало и отдельное издание², повторенное затем в 1787³ и 1792⁴ годах. А после смерти сатирика это произведение было включено П. П. Бекетовым в четвертую часть его полного собрания сочинений, которая была издана в Москве в 1830 году⁵.

Не было бы ничего странного, если бы на проверку все предыдущие русские издания, совпадающие между собой по тексту, не имели значительных отличий с текстом 1830 года. Это обстоятельство породило массу версий и предположений, часть которых со временем переросла в утверждения, а другая часть, причем более здравых, была отнесена к разряду небывлиц.

По поводу французского издания текста среди многочисленных библиографов и исследователей сомнений не имеется: оно единогласно считается несомненным произведением Д. И. Фонвизина. Но вот русские издания, а точнее говоря вопиющее их различие, породили множество мнений:

Во объяснение этой несообразности в 1848 году П. А. Вяземский писал: «Нам сказывали за верное, что автор написал эту «Жизнь» первоначально на французском языке. Читая ее в рукописи одному из своих приятелей, заметившему неверность в какой-то подробности, он сказал ему, что тут неверность умышленная, дабы приписали это сочинение иностранцу. Достоверно то, что сей биографический отрывок в первый раз показался в печати на французском языке; переведенный с него, он напечатан в 1787 году Иваном Ивановичем Дмитриевым, не знавшим, что он переводчик Фон-Визина; а авто-перевод, напечатанный ныне, отыскан уже после в бумагах покойного Фон-Визина»⁶.

М. Н. Лонгинов — видный библиограф и комментатор дмитриевского «Взгляда на мою жизнь» — включил жизнеописание графа Панина в составленный им список сочинений И. И. Дмитриева⁷.

Авторитетный же наш редактор и библиограф П. А. Ефремов, издавая в 1866 году сочинения Фонвизина, писал по этому поводу, что «...русский текст принадлежал самому Фонвизину и что пущенное

в нашу литературу известие, будто И. И. Дмитриев, не зная о существовании русского подлинника, перевел Жизнь гр. Панина с французского издания, принадлежит к числу басен»⁸.

Академик Н. С. Тихонравов, сделавший для изучения и розыска сочинений Фонвизина едва ли не более всех остальных, скончался, не успев издать задуманного полного собрания его сочинений. Относительно интересующего нас произведения он писал: «В издании сочинений Фонвизина (ред. г. Ефремовым) напечатан сокращенный перевод этой брошюры, сделанный И. И. Дмитриевым, а неполный русский текст Фонвизина, изданный Бекетовым, устранен. Это сочинение может быть отнесено и ко второму отделу моего сборника <Неизданные произведения или не вошедшие в прежние издания — П. Д.>, потому что во французском тексте не вошло ни в одно издание сочинений Фонвизина»⁹.

Объяснить сложившуюся несообразность пытались многие. Например, Г. П. Макогоненко посвятил этому несколько страниц: «Написав «Жизнь Н. И. Панина», Фонвизин должен был искать возможности ее опубликования (конечно, анонимно). Это удалось сделать, но несколько неожиданным образом. Новое сочинение появилось в Петербурге в 1784 году в переводе на французский язык. Обстоятельства публикации французского текста нам неизвестны. Во всяком случае, видимо уже тогда писатель испытал трудности и оказался вынужденным произвести некоторые сокращения <...> *В 1830 году П. П. Бекетов, издавая собрание сочинений Фонвизина, напечатал «Жизнь графа Н. И. Панина» по оригиналу, восстановив пропуски, бывшие в публикациях XVIII века. В феврале 1786 года русский текст этого сочинения был опубликован в журнале Ф. О. Туманского «Зеркало света». Впоследствии вышло еще несколько отдельных изданий «Жизни Н. И. Панина». Объяснить это можно, пожалуй, тем, что Фонвизину удалось сохранить полную анонимность»¹⁰.

Двумя годами раньше тот же исследователь, сравнивая опубликованную Бекетовым рукопись с печатными изданиями, писал: «Рукопись значительно полнее печатного текста. Отличается она

и стилистически. Публикация Туманского и в последующем Богдановича проходили при жизни Фонвизина и явно при его согласии. Значит, этот текст исходил от него. Может быть, дошедший до Бекетова автограф есть первоначальный вариант, который Фонвизин затем переработал для печати. Во всяком случае, в нашем распоряжении имеются два отличающиеся друг от друга текста, контаминировать которые нельзя. В нашем собрании воспроизводится текст, известный читателям XVIII века по последнему прижизненному изданию 1792 года»¹¹. П. А. Ефремов, напротив, не обратил внимания на явные разночтения двух русских публикаций: «Текст этот <в Зеркале Света — П. Д.> отличается от сохранившейся части рукописи Фон-Визина сокращением некоторых подробностей, которые Фон-Визин, вероятно, считал тогда несвоевременным для печати и исключил при переводе рукописи на французский язык и при печатании русского текста»¹².

Отнюдь не прояснило ситуацию и опубликованное в 1966 году письмо П. И. Богдановича к князю Алексею Борисовичу Куракину, брату нашего князя, от 1 июня 1797 года: «...Граф Никита Иванович, дядя ваш, был муж великий душою и саном. Денис Фон-Визин, хранивший по смерти свою ко мне дружбу и оставивший для издания мне все свои творения и переводы, изобразил в кратких чертах житие его. Я печатал оное неоднократно на отечественном языке...»¹³.

В последнем труде, посвященном биографии писателя, который был написан А. Стричком и переведен на русский язык, автор также не нашел ответа: «Таинственность эта объясняется тем, что публикация жизнеописания была очень смелым шагом. Ведь это настоящий политико-философский манифест. Можно только удивляться, почему биографы придают ему так мало значения. Фонвизин хотел прежде всего отомстить Екатерине и ее приспешникам за нанесение Никите Панину обиды <...> Наконец, анализ русского оригинала показывает, что у Фонвизина есть и другие идеи: жизнеописание заканчивается словом «Павел», как будто для того, чтобы показать, что труд одобрен и подписан самим великим князем. <...> В заключение работы автор цитирует письмо Павла к митрополиту Платону, в котором наследник говорит о своей скорби по поводу смерти выдающегося государствен-

ного деятеля. <...> И наконец отметим, что галлофоб Фонвизин стал франкоязычным автором. Свободное владение французским свидетельствует о глубокой языковой культуре нашего автора, его произведение (ставшее ныне библиографической редкостью) не портит собранную Национальной Библиотекой Франции коллекцию жизнеописаний. Словарь Фонвизина богат, и наш автор абсолютно точно знает значение каждого слова. Если мы и замечаем иногда некоторую тяжеловесность, это не уменьшает нашего восхищения — ведь французский был для нашего москвича всего лишь «вторым иностранным». Еще одно доказательство, что в России отнюдь не легкомысленно относятся к языку Корнеля, Расина и Мольера»¹⁴.

В первую очередь попытаемся поколебать единственную в этой истории твердь, остававшуюся более двухсот лет незыблемой, — несомненное авторство французского текста жизнеописания. Как будет показано ниже, это отнюдь не аксиома.

В 1896 году в примечаниях к шестому тому Архива князя Ф. А. Куракина (АКК, VI. С. 471) появились строки, ни разу, кажется, не цитировавшиеся в обширной литературе вопроса. Они суть: «*Precis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de Panine. A Londres, 1784. 16°, 28p.* Что брошюра эта, на коей фамилии автора не обозначено, принадлежит перу кн. Александра Бор., видно из черновой рукописи, хранящейся в Надеждинском архиве кн. Ф. А. Куракина». Это примечание В. Н. Смольянинова, конечно же, курьезно, но все-таки крайне важно, поскольку рождает у любого читателя неизбежный вопрос: «Кто же, в конце концов, написал эту многострадальную книгу?!» Этот вопрос мы не могли разрешить до того, пока не нашли упоминаемые далее материалы.

В 1018 томе рукописей куракинского архива, озаглавленном «*Varia*», в который в конце XIX столетия были переплетены разрозненные материалы нашего князя Куракина, хранятся и французский печатный текст, и рукопись.

Печатный экземпляр (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1018. Л. 94—103) в превосходной сохранности, заключен в обертку из мрамор-

ной бумаги европейского производства (по типу немецкого или голландского). Отпечатан на лучшей, по сравнению с другими виденными нами экземплярами, бумаге. На титульном листе в нижней части надпись чернилами рукою князя А. Б. Куракина: «Получил в Судогде, близ Володимера, 29го июня, 1784». Таким образом книга, очевидно, была напечатана в конце весны 1784 года, и князь получил ее в уездном городе Судогде Владимирского наместничества по дороге из Петербурга в свои саратовские вотчины.

Рукопись (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1018. Л. 108—117) — беловая, в лист, рукою князя Александра Борисовича. Заглавие на первом листе: «*Note historique de la Vie du Comte Nikita Iwanowitsch de Raniņ*». Рукопись прекрасной сохранности, имеет следы перегибов (вероятно она подвергалась пересылке), но явно не наборная, поскольку не запачкана руками наборщиков. Очевидно, она была возвращена князю одновременно с присылкою опубликованного перевода. При сличении печатного и рукописного текстов нами найдены мелкие разночтения, но их крайне мало, в основном они касаются акцентов текста — слов с прописными буквами в начале или знаков препинания.

Внизу заглавного листа рукописи карандашная надпись по-французски рукою князя Александра Борисовича, которая дает ответ на все накопившиеся у нас вопросы: «*Traduction que j'ai faite, en 1784*», то есть «Перевод, который я сделал в 1784».

Таким образом, князь Александр Борисович явился переводчиком Фонвизина. С чего бы писателю привлекать переводчика? На этот вопрос ответить затруднительно, отметим лишь, что князь Александр Борисович знал французский не только свободно, а просто блестяще; в этом он превосходил и своего брата князя Алексея Борисовича, да и всех представителей колонии русских аристократов, обучавшихся в середине 1770-х годов в Лейденском университете — князя Н. Б. Юсупова, графов Н. П. Румянцова, Н. П. Шереметева и других. Немецким языком он также владел в совершенстве.

Думается, что перевести сочинение Фонвизина было желанием самого князя Александра Борисовича, исключительно из чувств благодарной памяти своему «второму отцу», а Денис Иванович трудам князя

не препятствовал, потому как никакого вреда от этого и быть не могло. Напротив, этот в прямом смысле совместный труд князя Куракина и Фонвизина есть самое верное доказательство их близости, основанной на почти родительском отношении к ним со стороны покойного графа Никиты Ивановича Панина.

Также ввиду существования такого вопроса, скажем немного о месте печатания французского издания: П. А. Ефремов утверждал что будто бы оно отпечатано в Петербурге¹⁵; не усомнился в этом и Г. П. Макогоненко¹⁶; но в 1966 году это было опровергнуто в Сводном каталоге, поскольку шрифты и виньеты, использованные в книге, не характерны для русских типографий этого времени¹⁷. Исследователь Стричек по этому поводу делает заявление, представляющееся нам странноватым: «Лондон — читаем мы на одних экземплярах, Париж — на других...»¹⁸. — Нам не известно ни одного экземпляра ни в одной крупной библиотеке России и Европы, где бы в выходных данных был указан Париж.

Однако с П. А. Ефремовым, кажется, нельзя не согласиться в том, что место издания вымышленное. Думается, если князь только в 1784 году закончил перевод, то такая скорость печатания, а более всего перевозки, да еще и морем, по меньшей мере, сомнительна. Вместе с тем эта книга явно напечатана не во Франции, в пользу чего говорит хотя бы то, что на титульном листе в слове *Précis* отсутствует аксант над буквой *e*, а фамилия графа начертана без такой же буквы в конце. Это, конечно же, не Россия, потому как если бы легко можно было напечатать ее здесь на французском языке, то наверное она бы вышла тогда же на русском.

Возможно родиной этого издания стоит считать Германию или Север Европы — скорее всего, столицу Дании Копенгаген. Кроме того, что князь с конца 1766 года жил в Копенгагене и неплохо был знаком с этой страной, во время издания книги российским чрезвычайным посланником и полномочным министром там был барон Карл Иванович Остен-Сакен — многолетний друг и корреспондент князя Александра Борисовича, а также бывший воспитатель при Павле Петровиче.

Обстоятельство куракинского перевода дает нам повод обратиться к русскому тексту, поскольку, если французский текст принадле-

жит не Фонвизину, а князю Куракину, то должно же было остаться что-то от автора? Для этого стоит посмотреть варианты русского текста.

К любопытным результатам привела нас неожиданно простая свертка текста первой публикации в Зеркале Света (которая во всех изданиях XVIII века была повторена слово в слово) и тома бекетовского собрания.

В 1830 году текст публиковался по автографу Фонвизина, однако первого листа в этой рукописи не хватало, а потому издатели решили восстановить недостающий текст (он заканчивается перед словами: «а в 1767 году благоволила почтить его графским достоинством») по печатному изданию. Это обстоятельство было отмечено издателями в сноске: «В сем сочинении, писанном рукою самого Автора, недостает одного листа, заключающего в себе начало. Издатели, для сохранения оному полноты, решились недостаток сей пополнить извлечением из книги: Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина, (Спб, 1787, у Гека)».¹⁹

Потому читатель, который хотел бы сравнить два варианта, наткнется везде на одно и то же начало, а, даже зная об уведомлении издателей, многие успокаивались, видя одни и те же первые строки жизнеописания.

Если сравнить два русских текста, даже не думая об авторе французского варианта, можно выяснить больше того, что цитировалось выше. И отличие языка — а в бекетовском издании он более простой, живой и легкий, лишенный типичных казенных «художественных» штампов — не самое основное обстоятельство, хотя и важное. Сразу видно, что это переработка текста, причем в нашем случае вполне очевидно, что все печатные переиздания — перевод с французского.

Удивительно, что многие исследователи, которые, надо полагать, владели этим языком явно лучше автора этих строк, не усмотрели главного: такое же в точности деление на абзацы, даже допущенная во французском издании ошибка, когда датой учреждения ордена св. Владимира означен 1783 год, кочует из одного русского издания в другое, тогда как в бекетовском издании подлинной фонвизинской рукописи, естественно, стоит правильный 1782.

Конечно, были и цензурные изъятия в русском тексте, но они не суть главное, и мы их коснемся после. Сперва для наглядности мы воспроизведем три варианта текста — А. французский (по единственному изданию), Б. прижизненный русский (по первому изданию в Зеркале света) и В. русский бекетовский (по первому его изданию в четвертой части собрания):

А: «C'est avec la plus grande application, & pour ainsi dire avec une application йgale aux soins pour la conservation de Son Altesse Impйriale, que le Gouverneur doit veiller, & ne pas permettre qu'il se fasse & se dise rien qui puisse mkme soiblement altйrer & pervertir les dispositions de son coeur aux vertus innйies de l'homme» (Р.17).

Б: «Наставник с величайшим рачением и так сказать равным тому, каковое будет прилагать о сохранении Его Императорского Высочества, должен наблюдать, дабы ничего такого пред Ним неделаали и неговорили, что могло бы хотя малейшим образом повредить и ослабить сердца Его расположение к добродетелям» (С. 82).

В: «Воспитатель должен с крайним прилежанием, и так сказать, равно с попечением о сохранении здоровья Его Императорского Высочества, предостерегать и не допускать ни делом, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить те душевныя способности к добродетелям, с которыми человек на свет происходит...» (С. 11).

Или:

А: «Le caractйre du Comte de Panin йdigne du respect & de l'amour les plus sincires...» (Р. 21).

Б: «Нрав Графа Панина достоин был искренняго почтения и непритворныя любви;». (С. 85).

В: «Характер покойнаго Графа Никиты Ивановича достоин был искреннейшаго почтения и любви» (С. 15).

Иногда переводчик подпускал в русский текст официоза, как, например, в случае с уже упоминавшимся награждением орденом:

А: «& retut l'ordre de St. Wolodimir, lors de sa fondation en 1783» (Р.10).

Б: «а в 1783 году удостоен Ордена Святого равноапостольного князя Владимира первой степени в самый день учреждения онаго» (С. 78).

В: «В 1782 году получил орден Святого Владимира при самом его установлении» (С. 6).

Таким образом можно прийти к выводу, что основной авторский текст — бекетовский, с него князем Куракиным был сделан перевод на французский, а с этого перевода был уже выполнен И. И. Дмитриевым (нет причин не доверять рассказу князя Вяземского) обратный перевод, который и публиковался многократно. Так мы и будем с настоящего момента именовать три этих текста: авторский, куракинский и дмитриевский.

Дополнительным доказательством того, что перевод был сделан Дмитриевым служит и то, что активное участие его в 1786 году в журнале «Зеркало света» является общеизвестным фактом (СРП, 1. С. 270).

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) — известный русский поэт, не был далек от семьи князей Куракиных. Он входил в столичный литературно-музыкальный кружок, образовавшийся вокруг княгини Наталии Ивановны Куракиной (1766–1831) — жены князя Алексея Борисовича, которая прекрасно пела, да и вообще была весьма даровитой особой. У нее в гостях, кроме И. И. Дмитриева, посвятившего ей ряд своих стихотворений, часто бывал С. Н. Марин, писавший для нее тексты романсов, князь П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин и другие. Прекрасным отголоском этого кружка является хранящийся среди куракинских бумаг Альбом княгини Наталии Ивановны²⁰, в который И. И. Дмитриев вписал несколько своих стихотворений.

Приведем четверостишие Дмитриева из этого альбома, адресованное княгине Наталии Ивановне²¹:

Что пред соперницей Эраты наше пенье?

Она лишь голосом находит путь к сердцам!

Я лиру положу Куракиной к ногам,
И буду сам внимать в безмолвном восхищенье.

Также известно, что И. И. Дмитриев, будучи по сенатской службе в подчинении у князя Алексея Борисовича, состоял в переписке с ним²².

Но вернемся к жизнеописанию.

Стоит сказать, что, конечно, эти тексты не полностью повторяют друг друга — ведь тогда бы это было заметно сразу и нам было бы нечего объяснять. Есть некоторые интересные особенности, на которые мы хотели бы обратить особенное внимание.

Сперва скажем об уже упоминавшихся цензурных изъятиях: в авторском тексте, например, есть абзац:

«Всем оным происшествиям представления его по большей части были первым основанием, а труды его производили оные в действительное исполнение. Все рескрипты и Военачальникам и Министрам, все сообщения и отзывы к дворам чужестранным, примышляемы были им самим. История его негоциаций, сокровенная ныне по государственным причинам, будет в последующия времена служить руководством в делах политических, и представить свету великость души его и дарований» (С. 8), который присутствует в куракинском тексте (Р. 12–13), но изъят в дмитриевском. Также есть в тексте еще несколько подобных случаев, которые в свое время отметил и Г. П. Макогоненко²³.

Кроме изъятий, дмитриевский перевод имеет откровенные сглаживания:

Князь Куракин: «Citoyens, йtrangeres, tous йtoient plongйs dans une consternation profonde. La mort du Comte de Panin a privй la Russie d'un citoyen utile & vertueux. L'humanitй entiure a perdu un homme de bien. <Курсив в оригинале — П. Д.>» (С. 28).

Фонвизин: «Всеобщее сожаление сограждан и чужестранных ясно доказало, что кончина Графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для России, но и для самага человечества» (С. 19).

Дмитриев: «Граждане, иностранцы, все были погружены в глубокую печаль. Смерть Графа Панина лишила Россию полезного и добродетельного гражданина» (С. 89).

Или же упоминание о Пугачеве:

Князь Куракин: «itouffii le grande gïvolte, excitïe par le rebelle Pugatschew...» (Р. 4–5).

Дмитриев: «... Прекратил великой мятеж» (С. 74). (Вариант Фонвизина, вместе с первым листом рукописи, утрачен).

Дмитриев все-таки отнесся к переводу с усердием; этот вывод мы можем сделать из того, что текст документов он не переводил с французского, а цитировал оригинальный текст. Это было возможно, поскольку списки с императорских рескриптов, тем более такого знаменитого, как об увольнении в отставку графа Панина, часто ходили в то время по рукам. Кроме того, Дмитриев изменил конец текста: в заключении он дополнительно цитирует строки из скорбного письма Павла Петровича к митрополиту Платону. Кто проявил инициативу, чтобы поместить это прибавление, остается неясным, но точно не Фонвизин.

После этого текст пострадал еще один раз, причем по вине П. А. Ефремова. Готовя собрание сочинений сатирика, он к фонвизинскому тексту присоединил окончание дмитриевского, сделав следующее пояснение: «Здесь оканчивается рукопись. Заключение взято из «Зеркала света»²⁴. А поскольку большинство переизданий (до 1959 года) этого текста печаталось в ефремовской редакции, то оно оказалось наиболее распространено в этом компилятивном варианте.

Остается вопрос, а знал ли Фонвизин о переводе Дмитриева и о русских изданиях? Конечно же, знал, поскольку отдельные русские издания «Жизни графа Панина» продавались в магазине его друга Клостермана на Невском в доме графа Д. А. Зубова²⁵. Но, думается, узнал Фонвизин это только после выхода в феврале 1786 года первой журнальной публикации перевода. Понятно, что такая несообразность вышла из-за того, что сам Фонвизин в июле 1784 года выехал в путешествие по Италии (т. н. Третье заграничное путешествие), а по возвращении в Москву 28 августа 1785 года был разбит параличом. То есть Фонвизину было явно не до сочинительства.

Современники же, кажется, не знали истинного автора «Жизнеописания», и он достаточно долго оставался неизвестен. Даже Н. Н. Бантыш-Каменский — ближайший друг нашего князя, в своих библиографических материалах, в которых он часто при описании

анонимного сочинения надписывал на копии титульного листа имени автора или переводчика, при описании издания 1787 года указал лишь число страниц²⁶.

А письмо издателя П. И. Богдановича, цитированное выше, написано уже в 1797 году, спустя пять лет после смерти автора, когда Богданович, издавший несколько раз перевод Дмитриева, получил в свое распоряжение фонвизинские рукописи и смог определить истинного автора издававшейся им книги.

Что касается знакомства Фонвизина и Дмитриева, то познакомились они только 30 ноября 1792 года, накануне смерти сатирика. Об этом Дмитриев пишет в своих воспоминаниях: «Через Державина я сошелся и с Денисом Ивановичем Фон-Визиным. По возвращении из белорусского своего поместья, он просил Гаврила Романовича познакомиться его со мною. Назначен был день нашего свидания. В шесть часов по полудни приехал Фон-Визин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и тщету человеческую. <...> Уже он не мог владеть одною рукою, равно и одна нога одеревенела. Обе поражены параличом. <...> Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а на утро он уже был во гробе»²⁷.

Теперь мы можем подвести итоги:

«Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» была написана Д. И. Фонвизиним в конце 1783 года, после чего автор передал ее князю А. Б. Куракину, который выполнил перевод на французский язык и издал книгу анонимно. В июне месяце 1784 года первые отпечатанные экземпляры издания достигли России. В 1785 году поэт И. И. Дмитриев, не подозревая об авторстве этого панегирика и не зная о существовании русского оригинала, перевел текст с французского на русский. Перевод Дмитриева был напечатан в феврале 1786 года. Авторская рукопись Фонвизина, с утратой начала, была опубликована только в 1830 году П. П. Бекетовым.

Таким образом, непосредственно Д. И. Фонвизину принадлежит лишь один из трех текстов — напечатанный в 1830 году по оригинальной рукописи, он и является единственным подлинным текстом произведения писателя.

¹ П. А. Ефремов, единственный из всех исследователей, сообщает, что имелось титульное издание этой книги (т. е. титульный лист был заменен новым, а листы не перепечатывались) со следующими выходными данными: «A Paris. Chez Largilliere, rue de la Pelleterie MDCCLXXXVIII» (Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1866. С. 679). Этого издания с титульным листом 1788 года мы не видели, а в крупнейших библиотеках Европы его не имеется. Возможно, это сообщение не является правдой. Также стоит сказать, что такого издателя в Париже никогда не существовало.

² Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Второе издание. Спб., печ. у Вильковского и Галченкова, 1786. Описание см.: *СК, III, №7847*.

³ Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. На ижд. П. Б[огдановича]. Спб., печ. у Гека, 1787. Описание см.: *СК, III, №7848*.

⁴ Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Новое издание. Спб., печ. и прод. по Невской перспективе у Аничк. мосту в доме графа Д. А. Зубова. [Тип. П. Богдановича]. 1792. Описание см.: *СК, III, №7849*.

⁵ Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М., изд. И. Г. Салаева, 1830. С. 1–19.

⁶ Вяземский П. А. Фон-Визин. / Собрание Сочинений. Т. V. Спб., 1880. С. 172–173; с ошибками цит. в кн.: *СК, III, С. 311*.

⁷ Лонгинов М. Н. Материалы для полного собрания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева // Русский архив. Год первый (1863), издание второе. М. 1866. С. 898.

⁸ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1866. С. 680; цит. также в кн.: *СК, III, С. 311*.

⁹ Письмо Н. С. Тихонравова о плане сборника «Материалы для полного собрания сочинений и переводов Д. И. Фонвизина» во Второе отделение императорской академии наук. // Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.-Л., 1961. С. 436.

¹⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.-Л., 1961. С. 308–309, курсивом нами дана сноска внизу с. 309.

¹¹ Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследства. // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М.-Л., 1959. С. 648–649.

¹² Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1866. С. 680.

¹³ *СК, III, С. 311*. Оригинал: РГАДА. Гос. Архив, разряд VII. Д. 2894. Л. 59.

¹⁴ Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. Пер. с французского. М. 1994. С. 407, 409, 410.

¹⁵ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Спб, 1866. С. 679.

¹⁶ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 309.

¹⁷ СК, III. С. 311.

¹⁸ Стричек А. Указ. Соч. С. 407. Думается, что здесь он основывается на словах П. А. Ефремова.

¹⁹ Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М, 1830. С. 1.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673. Л. 8. Автограф. Под стихотворением подпись: «Дмитриев».

²² Собственноручное письмо от 15 декабря 1808 года из Костромы, по делам в Сенате, было опубликовано в 1895 году: Русская старина. Спб, 1895. № 8. С. 167. Хотя адресат письма определен как князь А. Б. Куракин, уточнить его не составило труда.

²³ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М-Л, 1959. С. 687—688.

²⁴ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. Спб, 1866. С. 226.

²⁵ См. книгопродавческую роспись Клостермана в приложении к книге: Лаво Ж. Сельския ночи. Спб, 1786. (СК, II. № 3404).

²⁶ РГАДА. Ф. 182. Оп 1. Е.х. 797—7. Л. 26.

²⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М. 1866. С. 58—60.

Роспись переписки
князя А.Б. Куракина

Поскольку существует только карточная опись фонда, то разобраться в княжеской переписке крайне затруднительно. Здесь мы даем ее роспись, которая включает в себя 411 томов и насчитывает в общей сложности 85 174 листа. Нумерация архивных дел дается по т. н. Старой описи.

	Годы	Номер	Название дела	Кол-во листов
1.	1750—1810-е	107	Официальные письма и бумаги	285
2.	1763—1764	364	Письма отца Б. А. Куракина	80
3.	1766—1773	956	Письма Сальдерна	29
4.	1766—1780	427	Письма от графа А. А. Безбородко и барона К. И. Остен-Сакена	148
5.	1766—1782	952	«Письма второго отца» — графа Н. И. Панина	59
6.	1767—1773	110	Отпуски некоторых писем	225
7.	1768—1771	972	Письма герцога Мекленбургского	47

8.	1769–1774	365	Письма княжны Аграфены Александровны Куракиной. Ч. 1	177
9.	1770 –1800-е	400	Семейные письма	109
10.	1770 –1810-е	830	Рескрипты и собственноручные письма августейших особ братьям Куракиным	88
11.	1770–1773	108	Отпуски писем к дяде графу Н. Панину	162
12.	1770–1775	432	Письма князя и княгини Репниных	321
13.	1770-е	977	Отпуски князя Куракина из Лондона и Парижа	306
14.	1771	441	Письма от разных особ. Т. 1	172
15.	1771–1779	378	Письма брата князя Алексея	245
16.	1772	442	Письма от разных особ. Т. 2	86
17.	1772–1774	113	Письма от разных особ	187
18.	1772–1787	433	Письма Ольдекопа	355
19.	1773	188	Черновые письма	194
20.	1773	443	Письма от разных особ. Т. 3	209
21.	1773–1805	401	Письма брату князю Степану	227
22.	1773–1805	402	Письма брату князю Степану	141
23.	1773–1805	403	Письма брату князю Степану	82
24.	1773–1805	405	Письма брату князю Степану	83
25.	1773–1805	406	Письма брату князю Степану	118
26.	1773–1805	407	Письма брату князю Степану	140
27.	1773–1805	408	Письма брату князю Степану	87
28.	1773–1805	409	Письма брату князю Степану	81
29.	1773–1805	410	Письма брату князю Степану	205
30.	1773–1805	411	Письма брату князю Степану	201
31.	1773–1805	412	Письма брату князю Степану	94
32.	1774	444	Письма от разных особ. Т. 4	361

Роспись переписки			473	
33.	1775	445	Письма от разных особ. Т. 5	275
34.	1775—1778	109	Письма от разных особ	98
35.	1775—1783	439	Письма Лесажа	156
36.	1775—1783	440	Письма Зиновьевой	102
37.	1775—1788	367	Письма княжны Аграфены Александровны Куракиной	151
38.	1775—1788	368	Письма княжны Аграфены Александровны Куракиной	93
39.	1775—1788	369	Письма княжны Аграфены Александровны Куракиной	156
40.	1775—1788	370	Письма княжны Аграфены Александровны Куракиной	88
41.	1776	446	Письма от разных особ. Т. 6	338
42.	1776	915	Письма Софии Ферзен	91
43.	1776	945	Отпуски писем к графу Н. И. Панину	138
44.	1776	995	Отпуски донесений из Стокгольма	58
45.	1776—1781	429	Письма митрополита Самуила	124
46.	1776—1782	457	Письма от разных особ. Т. 17	387
47.	1776—1783	366	Письма княжны Аграфены Куракиной. Ч. 2	236
48.	1776—1809	160	Отпуски писем к Екатерине II и Александру I	137
49.	1777	447	Письма от разных особ. Т. 7	390
50.	1777—1778	448	Письма от разных особ. Т. 8	381
51.	1777—1781	428	Письма графа П. А. Румянцева-Задунайского	65
52.	1777—1782	1003	Письма Станислава-Августа Понятовского	77
53.	1778	122	Письма разных особ. Т. 27	128

54.	1778	449	Письма от разных особ. Т. 9	471
55.	1778–1779	112	Письма от разных особ	164
56.	1778–1780	114	Разных персон письма	309
57.	1778–1783	430	Письма Штакельберга	84
58.	1779	115	Разных персон письма	293
59.	1779	450	Письма от разных особ. Т. 10	300
60.	1779	451	Письма от разных особ. Т. 11	294
61.	1779–1783	949	Письма графа П. И. Панина	215
62.	1780	452	Письма от разных особ. Т. 12	291
63.	1780	453	Письма от разных особ. Т. 13	490
64.	1780 -е	119	Письма П. Вельяшева	173
65.	1780–1783	379	Письма брата князя Алексея Т. 2	240
66.	1780–1787	434	Письма Андрепа	253
67.	1781	454	Письма от разных особ. Т. 14	500
68.	1781	455	Письма от разных особ. Т. 15	256
69.	1781–1782	456	Письма от разных особ. Т. 16	198
70.	1781–1782	459	Письма от разных особ	143
71.	1781–1783	502	Письма управляющего Малимонова	352
72.	1781–1783	503	Письма М. Багинской	330
73.	1781–1787	117	Письма от разных особ. Т. 25	352
74.	1782	458	Письма от разных особ	457
75.	1782	954	Разные письма	81
76.	1782–1786	496	Письма приказчиков	215
77.	1783	460	Письма от разных особ	341
78.	1783–1784	461	Письма от разных особ	372
79.	1783–1789	950	Письма графа Н. П. Панина	189
80.	1783–1789	951	Письма графа Н. П. Панина	231
81.	1784–1785	380	Письма брата князя Алексея Т. 3.	338

82.	1784—1785	939	Интимные письма князя Куракина к Екатерине Петровне Голштейн-Бек	112
83.	1784—1786	413	Семейные письма	125
84.	1784—1788	437	Письма Ф. Л. Вигеля	239
85.	1784—1788	438	Письма Ф. Л. Вигеля	97
86.	1784—1791	978	Отпуски писем к цесаревичу Павлу Петровичу. Т. 1	156
87.	1784—1798	414	Семейные письма	154
88.	1784—1798	415	Семейные письма	143
89.	1784—1798	416	Семейные письма	174
90.	1784—1798	417	Семейные письма	87
91.	1784—1798	418	Семейные письма	169
92.	1785	462	Письма от разных особ	325
93.	1785—1790	495	Письма В. Всеволожского	213
94.	1786	463	Письма от разных особ	212
95.	1786—1787	381	Письма брата князя Алексея	416
96.	1786—1787	118	Письма к брату князю А. Б. Куракину.	182
97.	1786—1787	371	Отпуски писем к великой княгине Марии Феодоровне	21
98.	1786—1790	483	Письма управляющего Карташова	149
99.	1786—1790	484	Письма управляющего Карташова	167
100.	1786—1790	485	Письма управляющего Карташова	126
101.	1786—1790	492	Письма Н. М. Заварицкого	166
102.	1786—1790	493	Письма Н. М. Заварицкого	141
103.	1786—1790	494	Письма Н. М. Заварицкого	172
104.	1786—1804	477	Письма Зиновьевой	180
105.	1786—1804	482	Письма Зиновьевой	169
106.	1787	464	Письма от разных особ	419

107.	1787–1805	372	Письма к брату князю С. Б. Куракину	317
108.	1787–1805	373	Письма к брату князю С. Б. Куракину	200
109.	1787–1805	374	Письма к брату князю С. Б. Куракину	267
110.	1787–1805	375	Письма к брату князю С. Б. Куракину	369
111.	1788	382	Письма брата князя Алексея	222
112.	1788	424	Разные письма	241
113.	1788	465	Письма от разных особ	429
114.	1788–1805	383	Письма брата князя Алексея	256
115.	1788–1805	384	Письма брата князя Алексея	209
116.	1788–1805	385	Письма брата князя Алексея	188
117.	1788–1805	386	Письма брата князя Алексея	287
118.	1788–1805	387	Письма брата князя Алексея	207
119.	1788–1805	388	Письма брата князя Алексея	145
120.	1788–1805	389	Письма брата князя Алексея	356
121.	1789	425	Разные деловые письма	247
122.	1789	466	Письма от разных особ	428
123.	1789–1790	126	Письма от разных особ	127
124.	1789–1791	980	Отпуски писем к Павлу Петровичу и Марии Феодоровне	174
125.	1790	125	Отпуски писем к разным особам	168
126.	1790	426	Разные письма	265
127.	1790	467	Письма от разных особ	359
128.	1790	919	Разные письма	252
129.	1791	127	Отпуски писем к братьям князьям А. Б. и С. Б. Куракиным	154

Роспись переписки			477	
130.	1791	128	Письма от разных особ	179
131.	1791	133	Письма брата князя С. Б. Куракина	99
132.	1791	468	Письма от разных особ	345
133.	1791	498	Письма управляющих	114
134.	1791—1792	486	Письма управляющих	132
135.	1792	132	Приложения к письмам братьев Алексея и Степана	131
136.	1792	135	Отпуски писем брату князю А. Б. Куракину	101
137.	1792	136	Отпуски писем братьям князьям А. Б. и С. Б. Куракиным	135
138.	1792	168	Отпуски писем к брату князю С. Б. Куракину	52
139.	1792	469	Письма от разных особ	395
140.	1792	920	Разные письма	288
141.	1792—1796	979	Отпуски писем к цесаревичу Павлу Петровичу. Т. 2	156
142.	1792—1796	994	Отпуски писем к цесаревичу Павлу Петровичу	111
143.	1793	419	Письма родственников и друзей	184
144.	1793	470	Письма от разных особ	231
145.	1793	471	Письма от разных особ	226
146.	1793	472	Письма от разных особ	219
147.	1793—1799	487	Письма управляющих	122
148.	1793—1799	488	Письма управляющих	205
149.	1793—1799	489	Письма управляющих	144
150.	1793—1799	490	Письма управляющих	150
151.	1793—1799	491	Письма управляющих	226
152.	1794	138	Письма к брату князю А. Б. Куракину	73

153.	1794	420	Письма фамильные	93
154.	1794	473	Письма разных особ. Ч. 1	249
155.	1794	474	Письма разных особ Ч. 2	285
156.	1794	917	Письма от друзей	277
157.	1794—1795	134	Разные приложения к письмам брата Алексея	111
158.	1794—1818	578	Письма князю Б. А. Куракину	348
159.	1795	139	Письма к брату князю А. Б. Куракину	160
160.	1795	140	Письма Н. М. Заварицкого	249
161.	1795	141	Письма от разных особ. Т. 40	162
162.	1795	421	Письма фамильные	72
163.	1795	475	Письма разных особ Ч. 1	352
164.	1795	476	Письма разных особ Ч. 2	296
165.	1795	918	Дружеские письма	334
166.	1795—1800	137	Письма П. Молчанова	265
167.	1796	390	Письма от брата князя Алексея	222
168.	1796	145	Письма от разных особ. Т. 43	267
169.	1796	146	Письма от разных особ. Т. 44	421
170.	1796	147	Письма от разных особ. Т. 41	328
171.	1796	148	Письма от разных особ. Т. 45	351
172.	1796	149	Письма от разных особ. Т. 42	270
173.	1796—1798	422	Семейные письма	231
174.	1796—1798	435	Письма князя И. С. Барятинского	182
175.	1797	391	Письма от брата князя Алексея	218
176.	1797	102	Письма от разных особ	125
177.	1797	150	Письма от разных особ	506
178.	1797	151	Письма от разных особ	408
179.	1797	152	Письма от разных особ	318

Роспись переписки			479	
180.	1797	153	Письма от разных особ	334
181.	1797	154	Письма от разных особ	263
182.	1797	155	Письма от разных особ	257
183.	1797	156	Письма от разных особ	212
184.	1797	157	Письма от разных особ	210
185.	1797	158	Письма от разных особ	250
186.	1797	874	Письма от разных особ	231
187.	1797	946	Письма графа Н. П. Панина	163
188.	1797—1798	162	Письма и записки ко мне по службе от Покойн. Князя <!> Безбородки 1797 и 1798 годов	208
189.	1797—1798	163	Письма от главного директора водяных коммуникаций Сиверса	50
190.	1797—1798	943	Отпуски писем к графу Н. П. Панину	154
191.	1797—1806	192	Забывшие письма от разных особ 1797—1806. Том III	81
192.	1797—1825	103	Рескрипты Александра I князьям Алексею и Александру Куракиным	238
193.	1798	105	Письма от разных особ	558
194.	1798	165	Письма князя Н. В. Репнина из Берлина	62
195.	1798	166	Письма от разных особ	439
196.	1798	177	Письма от разных особ	376
197.	1798	947	Письма графа Н. П. Панина	261
198.	1798—1799	104	Копии с писем к разным особам	26
199.	1798—1799	161	Письма от разных особ	282
200.	1798—1799	178	Копии с писем к разным особам	114
201.	1799	392	Письма от брата князя Алексея	188

202.	1799	164	Письма от разных особ [т. 48]	187
203.	1799	478	Письма от разных особ	488
204.	1799–1801	953	Письма Н. В. Репнина	54
205.	1799–1802	180	Разные письма по счетам	185
206.	1799–1802	181	Письма Е. Энгельгардта	103
207.	1799–1802	436	Письма князя А. А. Вяземского	204
208.	1800	393	Письма от брата князя Алексея	345
209.	1800	182	Письма от разных особ	286
210.	1800	193	Письма от разных особ	276
211.	1800	955	Письма князя Г. П. Гагарина	32
212.	1801	394	Письма от брата князя Алексея	309
213.	1801	194	Партикулярные письма к государственному вице-канцлеру Куракину	619
214.	1801	195	Письма от разных особ	214
215.	1801	196	Письма от разных особ	303
216.	1801	197	Партикулярные письма от разных особ	699
217.	1801–1802	431	Письма графа В. П. Кочубея	171
218.	1801–1802	479	Записки от разных особ	176
219.	1801–1802	480	Письма от разных дам	162
220.	1801–1802	839	Письма от императора Александра I	49
221.	1801–1802	944	Письма Е. Малахова	134
222.	1801–1802	968	Письма от иностранных министров	326
223.	1801–1802	975	Переписка по делам ордена св. Иоанна Иерусалимского	185
224.	1801–1806	173	Переписка князя Куракина и дела по Венскому посольству	265
225.	1802	395	Письма от брата князя Алексея. Т. 1	153

226.	1802	396	Письма от брата князя Алексея. Т. 2	167
227.	1802	198	Письма от разных особ	96
228.	1802	199	Письма от разных особ	453
229.	1802	200	Партикулярные письма от разных особ	389
230.	1802	201	Письма от разных особ	448
231.	1802	202	Письма от разных особ	484
232.	1802	921	Письма графа В. П. Кочубея и отпуска писем князя к Александру I	170
233.	1802	993	Журнал партикулярным письмам [отпуска]	290
234.	1802—1803	376	Деловая переписка	137
235.	1802—1803	966	«Мое заблуждение в Москве» — письма графини А. А. Орловой-Чесменской	94
236.	1803	397	Письма от брата князя Алексея	229
237.	1803	204	Письма от разных особ	351
238.	1803	206	Копии с некоторых писем моих	113
239.	1803	207	Письма от разных особ	372
240.	1803	208	Письма от разных особ	210
241.	1803—1804	210	Письма от разных особ	261
242.	1804	398	Письма от брата князя Алексея	172
243.	1804	212	Письма от разных особ. Т. 2	263
244.	1804	215	Письма от разных особ. Т. 4	331
245.	1804	216	Письма от разных особ. Т. 1	406
246.	1804	218	Письма от разных особ. Т. 3	257
247.	1804	481	Письма разных особ без чисел	121
248.	1804—1806	225	Письма от разных министров	112

249.	1804–1807	251	Письма от разных особ и от разных времен до 1807 года. Т. 3	334
250.	1805	399	Письма от брата князя Алексея	269
251.	1805	220	Письма от разных особ	334
252.	1805	221	Письма от разных особ	255
253.	1805	222	Письма от разных особ	407
254.	1805	223	Письма от разных особ	392
255.	1805	224	Письма от разных особ	465
256.	1805	226	Письма по делам ордена св. Иоанна Иерусалимского	95
257.	1805	230	Письма командора Мезоннева	317
258.	1805	423	Письма от разных особ	138
259.	1805	500	Письма П. Молчанова	78
260.	1805–1806	219	Письма без чисел от разных особ	88
261.	1805–1806	499	Письма В. Ф. Боголюбова	103
262.	1806	175	Дипломатическая переписка	162
263.	1806	234	Письма от разных особ	435
264.	1806	235	Письма от разных особ	471
265.	1806	236	Письма от разных особ	324
266.	1806	238	Письма от разных особ	344
267.	1806	240	Письма от разных особ. Т. 1	202
268.	1806	241	45 писем командора Мальтийского ордена <i>Maissonneuve</i> . Протоколы заседаний ордена	155
269.	1806	242	Письма Слесарева	97
270.	1806	243	Письма от разных особ	136
271.	1806	507	Письма Я. И. Лобанова-Ростовского	54
272.	1806	529	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	205

273.	1806	566	Деловые письма	171
274.	1806—1807	174	Переписка на иностранном языке	311
275.	1806—1807	275	Письма Отта из Вены	136
276.	1806—1808	553	Донесения управляющих	66
277.	1806—1808	554	Донесения управляющих	200
278.	1807	244	Письма разных особ	176
279.	1807	246	Письма разных особ	156
280.	1807	247	Письма разных особ	171
281.	1807	249	Письма разных особ	230
282.	1807	508	Письма Геденовой	91
283.	1807	552	Донесения управляющих	203
284.	1807—1808	245	Секретные письма И. Б. Маллия в бытность Куракина послом в Вене	42
285.	1807—1808	252	Письма ко мне в Вену и Париж кн. А. Н. Салтыкова	18
286.	1807—1808	509	Письма от графини Литты и княгини Кочубей	151
287.	1807—1808	511	Некоторые письма выбранных особ	148
288.	1807—1808	535	Родственные письма	123
289.	1807—1808	540	Дружеские письма	194
290.	1807—1808	551	Донесения управляющих	164
291.	1807—1808	555	Донесения управляющих	274
292.	1807—1808	567	Деловые письма	207
293.	1807—1808	858	Письма от Я. И. Лобанова-Ростовского и И. В. Тутолмина	121
294.	1807—1808	860	Донесения управляющих	117
295.	1807—1808	957	Письма немецких владельческих князей	53
296.	1807—1809	530	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	149

297.	1807–1809	531	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	122
298.	1807–1809	532	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	48
299.	1807–1809	533	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	138
300.	1807–1809	549	Приглашения от разных особ	141
301.	1807–1810	253	Отпуски писем князя Куракина к князю Алексею Куракину	125
302.	1807–1811	563	Деловые письма банковские	98
303.	1808	169	Переписка по делам посольства в Вене	108
304.	1808	254	Письма разных особ	226
305.	1808	256	Письма разных особ	241
306.	1808	258	Письма разных особ	257
307.	1808	259	Письма разных особ	206
308.	1808–1809	264	Письма секретаря Отта из Вены	209
309.	1808–1809	1189	Отпуски писем из Парижа	82
310.	1808–1810	255	Письма Анстета после моего отъезда из Вены	107
311.	1808–1811	564	Деловые письма банковские	88
312.	1808–1812	261	Депеши графа Штакельберга	521
313.	1808–1814	257	Письма братьев Куракиных к И. А. Федорову	144
314.	1809	260	Письма разных особ	254
315.	1809	262	Письма разных особ	237
316.	1809	265	Письма разных особ	243
317.	1809	267	Письма разных особ	335
318.	1809	510	Письма от графини Литты и княгини Кочубей	116

319.	1809	513	Письма А. Коленкура	80
320.	1809	562	Деловые письма от разных особ	72
321.	1809	929	Письма родственников	124
322.	1809—1810	266	Депеши князя Куракину к графу Н. П. Румянцову	161
323.	1809—1810	268	Письма приказчиков	71
324.	1809—1810	512	Секретные письма Фанни Биа	398
325.	1809—1810	541	Записки от разных дам, парижские	296
326.	1809—1810	568	Деловые письма	202
327.	1809—1810	861	Донесения управляющих	129
328.	1809—1811	176	Письма банкиров Арнштейна и Энкеля в Вене	170
329.	1809—1812	263	Забывтые письма	103
330.	1809—1813	948	Письма высокопоставленных иностранных особ	141
331.	1809—1814	322	Письма банкира Арштейна в Вене	101
332.	1810	269	Письма разных особ. Т. 4	142
333.	1810	270	Письма разных особ. Т. 7	170
334.	1810	271	Письма разных особ. Т. 2	170
335.	1810	273	Письма разных особ. Т. 1	138
336.	1810	276	Письма разных особ. Т. 5	179
337.	1810	277	Письма разных особ. Т. 6	189
338.	1810	278	Письма разных особ. Т. 3	161
339.	1810	514	Письма А. Коленкура	65
340.	1810	536	Письма без дат	121
341.	1810	542	Дружеские письма	120
342.	1810	571	Деловые письма	95
343.	1810—1811	172	Партикулярные письма Румянцева в бытность Куракина послом в Париже	100

344.	1810—1812	272	Депеши Штакельберга	196
345.	1810—1812	279	Дополнение к письмам разных особ	86
346.	1810—1812	280	Отпуски писем разным особам	215
347.	1810—1812	303	Отпуски писем разным особам	196
348.	1811	274	Письма разных особ	274
349.	1811	281	Письма к брату князю Алексею Куракину	186
350.	1811	282	Письма разных особ	233
351.	1811	283	Отпуски депеш к канцлеру графу Румянцеву	151
352.	1811	284	Письма разных особ	229
353.	1811	286	Отпуски депеш к канцлеру графу Румянцеву	156
354.	1811	287	Письма от разных особ	274
355.	1811	288	Письма секретаря Отта из Вены	50
356.	1811	289	Письма разных особ	219
357.	1811	291	Письма разных особ	226
358.	1811	515	Письма А. Коленкура	56
359.	1811	534	Письма от княгини Н. И. Куракиной и князя Б. А. Куракина	205
360.	1811	537	Письма без дат	104
361.	1811	538	Парижские письма от разных дам	208
362.	1811	539	Письма от разных особ	90
363.	1811	569	Деловые письма	213
364.	1811	570	Деловые письма	102
365.	1811	572	Деловые письма	123
366.	1811—1812	293	Письма от банка «Перриго и Лафитт»	69
367.	1811—1812	301	Письма князя Куракина к герцогу Бассано	123

Роспись переписки			487	
368.	1812	292	Письма от разных особ	139
369.	1812	294	Письма А. Н. Салтыкова	49
370.	1812	295	Письма от разных особ	245
371.	1812	296	Письма разных особ	246
372.	1812	297	Отпуски депеш к канцлеру Румянцову. Т. 5	77
373.	1812	298	Отпуски депеш к канцлеру Румянцову. Т. 7	133
374.	1812	299	Отпуски депеш к канцлеру Румянцову. Т. 8	119
375.	1812	304	Отпуски писем к брату князю А. Б. Куракину	68
376.	1812	307	Письма от разных особ	230
377.	1812—1813	543	Письма от родных	242
378.	1812—1814	290	Письма банкиров братьев Ливио к Куракину из Петербурга в Париж и Вену	77
379.	1812—1814	302	Письма от разных особ	287
380.	1812—1814	516	Письма графине Литге и княгине Барятинской	84
381.	1812—1817	300	Письма к банкирам Перрего в Париж	65
382.	1813	308	Письма от разных особ	265
383.	1813	309	Письма от разных особ	190
384.	1813	312	Письма Я. И. Лобанова	38
385.	1813	313	Письма от разных особ	196
386.	1813	314	Письма от разных особ	131
387.	1813—1814	316	Письма разных дам	77
388.	1813—1815	315	Забывтые письма	182
389.	1814	317	Письма от разных особ	175

390.	1814	318	Письма от разных особ	186
391.	1814	319	Письма от разных особ	232
392.	1814	320	Письма от разных особ	131
393.	1814	544	Письма от родных	98
394.	1814	967	Донесения управляющих	30
395.	1815	323	Письма от разных особ	172
396.	1815	324	Письма от разных особ	148
397.	1815	325	Письма от разных особ	140
398.	1815	326	Письма от разных особ	140
399.	1815	327	Письма от разных особ	174
400.	1815	328	Письма от разных особ	262
401.	1815—1816	335	Письма Лафитта из Парижа	72
402.	1815—1816	545	Письма от жен братьев	96
403.	1815—1818	546	Письма племянников	57
404.	1816	329	Письма от разных особ	259
405.	1816	330	Письма от разных особ	255
406.	1816	331	Письма от разных особ	431
407.	1816	332	Письма от разных особ	235
408.	1816	333	Письма от разных особ	327
409.	1816	334	Письма от разных особ	334
410.	1816	912	Письма управляющим	933
411.	1816	913	Письма управляющим	675

- АКВ* — Архив князя Воронцова. Кн. I—XL. М, 1870—1895.
- АКК* — Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. I—X. Спб, Саратов, Астрахань, М. 1890—1902.
- XVIII век* — Восемнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива почетным членом Археологического института князем Федором Алексеевичем Куракиным. Под ред. В. Н. Смольянинова. Т. 1—2. М, 1904—1905.
- Державин* — Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными прим. Я. К. Грота. Т. I—IX. Спб, 1864—1883.
- Змеев* — Русские врачи писатели. До 1863 года. Составил Л. Ф. Змеев. Тетр. 1—3. Спб. 1886.
- Летопись РАН* — Летопись Российской Академии Наук. Т. 1 (1724—1802). Спб, 2000.
- ПСЗ* — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. I—XL. Спб, 1830.
- Новиков* — Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Спб, 1772.
- РП* — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1 — 4. М. 1989—1999.
- СРП* — Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 — 2. Л, Спб. 1988—1999.
- КФЖ* — Камер-фурьерский церемониальный журнал на 1794 год. Спб, 1893.

- Адамович Д. 310
Адамович С. Д. 310
Адодуров В. Е. 177
Александр I 10, 39, 42, 45, 46,
48–63, 65–67, 69, 70, 74, 80,
138,
149, 164, 165, 169–171, 188, 190–
193, 224, 227, 275, 306, 318, 353,
357, 360, 404, 405, 426–428,
430, 439, 473, 479–481
Александр Павлович, великий
князь см. Александр I
Алексей Петрович, царевич 11, 78
Алламан Ж.-Н.-С. 17
Амвросий, митрополит 354
Аникиева М. А. 287
Анна Иоанновна, императрица
247
Анна Павловна, великая княгиня
362
Анреп Р. К. 474
Анстет И. О. 58, 484
Апраксин Ф. А., граф 13
Апраксин П. Ф., граф 203, 204
Апраксин С. С., граф 17, 203,
204, 207, 208
Апраксин С. Ф. граф 11, 204
Апраксина А. Л., графиня 13, 18
Апраксина Е. С., графиня см. кня-
гиня Куракина Е. С.
Апраксины, графы 197
Аргамаков А. М. 336
Аргамаков В. А. 336
Аргамакова Ф. И., рожд. Фон-
визина 336
Аргамаковы 336
Арнштейн И. фон 158, 159, 160,
161, 485
Артемьев А. И. 247
Асеев М. В. 86, 87
Багинская М. 474
Байков 155
Бакунина Т. А. 88, 91
Бантыш-Каменский Д. Н. 10, 403
Бантыш-Каменский Н. Н. 6, 10,
36, 80, 324, 342, 345, 381, 464
Барсов Е. В. 88
Бартенева П. И. 37, 78, 80, 83, 84,
89, 90
Барятинская Е. П., княгиня,
рожд. Голштейн-Бек 475, 487
Барятинский И. С., князь 478
Басов В. 104
Бассано, герцог См. Марэ Г. Б.
Бастидон Е. Я. 144
Бастидон М. Д. 144
Безак Х. Х. 176
Безбородко А. А., граф 28, 47,
160, 233, 471, 479
Бекетов П. П. 454, 455, 465
Беклешов А. А. 158, 424, 426
Белосельская А. М., княжна 23
Бенкендорф Х. И. 29
Бергин И. 158–161
Бертье Л. А. 53
Бецкий И. И. 145, 146, 176
Биа Ф. 324
Бибииков А. А. 417, 418
Бибииков П. А. 30–33

- Бирон К.-Л., рожд. принцесса Вальдекская 200
Бирон П. 199, 200
Бирон Э.-И. 200
Блудов Д. Н., граф 142
Богаевский И. И. **93–104**, 175, 184
Богаевский И. 101
Богданович А. Ф. 132
Богданович А. Ю. 122
Богданович Г. П. 121, 122
Богданович Ив. Ф. 128
Богданович И. Ф. 5, 10, 100, **105** – **134**, 137, 325, 364, **395–399**
Богданович М. Ю. 122
Богданович Н. Ф. 110, 122, 123
Богданович П. И. 453, 456, 465, 466
Богданович П. Ю. 121, 122
Богданович С. Ю. 122
Богданович Т. С. 122
Богданович Ю. 122
Боголюбов В. Ф. 482
Болингброк I, Г. Сент-Джон, виконт 18, 407
Болингброк II, Ф. Сент-Джон, виконт 406, 407
Болтин И. Н. 381, 382
Бонапарт Ж. 56
Борцова Н. С. 29
Брюммер К. В. фон 170
Брюс Я. А., граф 144, 145, 308
Будберг А. Я., барон 52, 53
Буксгевден Н. А., графиня 42
Буксгевден Ф. Ф., граф 42
Булгарин Ф. В. 423
Бутурлина Е. А., графиня 207
Бутягин Е. С. 65
Бычков А. Ф. 82
Вадковский Ф. Ф. 28, 29, 38
Вальх И. 252
Вельяшев П. 474
Веселовский К. С. 100, 101
Вигель Ф. Л. 475
Вигель Ф. Ф. 9, 404, 413, 414, 427, 428
Вильгельмина-Луиза, принцесса Гессен-Дармштадтская см. Наталия Алексеевна, великая княгиня
Вильковский Е. К. 466
Владимир Святославович, великий князь 442
Воронцов М. С., граф 306
Воронцов А. Р., граф 46, 221, 424, 426, 427, 430
Воронцов М. С., граф 54
Воронцов М. Л., граф 12
Воронцов С. М., князь 84
Воронцов С. Р., граф 44, 54, 148, 149, 187, 193
Воронцовы, графы и князья 77, 89
Вревская М. А., баронесса, в замуж. Траскина 74
Вревские, бароны 22, 74
Вревский А. А., барон 74
Вревский Б. А., барон 74
Вревский И. А., барон 74
Вревский П. А., барон 74

- Вревский С. А., барон 74
Всеволожский В. А. 475
Вяземский А. А., князь 28, 102, 108, 109, 110, 119, 120, 141, 146, 162, 205, 206, 375, 480
Вяземский П. А., князь 371, 405, 406, 454, 462, 466
Вязмитинов С. К. 51, 169, 425, 428
Гагарин Г. П., князь 17, 19, 26, 117, 118, 119, 214, 215, 325, 480
Галченков Ф. 466
Гарткнох И. Ф. 391
Гедеонова 483
Гедимин, вел. кн. литовский 11, 442
Гейкинг К. Г. 43
Гек Б. 460, 466
Генрих, принц прусский 25
Георг III, король английский 16
Георги И. И. 96
Гершель В. 96
Гоздаво-Голомбиевский А. А. 87, 90
Голенищев-Кутузов М. И., князь 54, 306
Голенищев-Кутузов П. И. **135–138**, 297
Голицын А. М., князь 238, 239
Голицын А. Н., князь 171
Голицын Д. А., князь 326
Голицын Д. М., князь 159, 239
Голицын М. М., князь 59
Голицын С. Ф., князь 37
Голицыны, князя 37, 77
Головина В. Н., графиня 417, 418
Головина Н. И., графиня См. Куракина Н. И., княгиня.
Головкина Е. Г., графиня 21
Голомбиевский А. А. См. Гоздаво-Голомбиевский А. А.
Голштейн-Бек Е. П. См. Барятинская Е. П., княгиня.
Гонзальво Э. 361, 362
Горчаков А. И., князь 356, 357, 359
Горчаков И. Р., князь 356
Горчакова А. И., княжна 356
Грез Ж.-Б. 19, 325, 326
Гримм Ф. М. 33
Грот Я. К. 142, 143, 157, 170, 489
Гудон Ж.-А. 19
Гурьев Д. А. 307, 309, 313, 314, 359, 360
Густав III, король шведский 26, 27
Артуа Ш.-Ф. де, граф 39, 45
Даль В. И. 166, 283
Даннескольд-Левендаль Ф., граф 48
Дашкова А. М., княжна 21
Дашкова Е. Р., княгиня 21, 102, 198, 279
Дегуров А. 309
Демидов А. Н. 19
Демидов П. А. 352
Демидова А. Е. 19
Державин Г. Р. 5, 10, 28, **139–172**, 193, 198, 231, 233, 317, 364, 375, 465, 489

- Джеймс Д. 205, 206
Джунковский С. С. 266, 267
Дидро Д. 326
Дмитриев И. И. 157, 454, 455, 462-467
Долгорукий А. А., князь 286, 287
Долгорукий А. А. младший, князь 287
Долгорукий И. М., князь 413, 414, 416, 418
Долгорукий М. А., князь 287
Долгорукий Ф. А., князь 287
Долгорукий В. С., князь 96, 101
Домашнев С. Г. 100, 101, 103, 104, **173–184**
Орвиль К. де 95
Дрейзинг П. 310
Дроз Ж. 65
Дружинин П. А. 91
Дружинина Е. В. 6
Дукшта Д. П. 121
Дукшта И. Д. 121
Дьяконов А. 329, 330
Дьяконов Павел А. 329, 330
Дьяконов Петр А. 329, 330
Дювивье 251
Евдокия Федоровна, царица 11
Екатерина II, императрица 11, 12, 22, 24-26, 29, 31, 33, 38, 41, 97, 101, 164, 177, 200, 204, 246, 247, 280, 287, 293, 294, 326, 339, 353, 376, 377, 416, 417, 446-449, 473
Екатерина Павловна, великая княжна 51
Елагин И. П. 22, 26, 118, 119, 364
Елизавета Алексеевна, императрица 54
Елизавета Петровна, императрица 12, 247
Ефремов П. А. 454-456, 459, 464, 466, 467
Жозефина, императрица 62
Забелин И. Е. 88
Заварицкий Н. М. 475, 478
Зименкова А. С. 74
Зиновьева В. М. 473, 475
Змеев Л. Ф. 237, 292, 489
Зорич С. Г. 30
Зотов Г. К. 208
Зотова Е. А. См. Куракина Е. А., княжна
Зубов Д. А., граф 464, 466
Зубов П. А., князь 357, 417
Зюдерманландский К., герцог 26, 118, 119
Иван IV Грозный 33
Иванов М. 324
Иванов Т. 251
Иероним, король вестфальский 53
Изабе 415, 416
Измайлов А. Е. 364
Измайлова Е. Д. 208
Израиль, архимандрит 353, 354, 355
Иоаннесов И. 365
Иосиф II, император австрийский 30
Казаков М. Ф. 352
Кантемир А. Д., князь 364

- Карамзин Н. М. 137
Карин Ф. Г. 287
Карташов А. Г. 475
Кашгалинский М. Ф. 207, 217
Кваренги Д. 164
Кладухин С. 122
Клаудий Х. 138
Клингер Ф. И. 29
Клостерман Г. 327–329, 464, 467
Княжнин Я. Б. 364
Кобеко Д. Ф. 389, 391, 392
Козловский П. Б., князь 6, 46, **401–410**
Козодавлев О. П. 6
Койе Г. Ф. 95, 101
Коленкур А. 60, 485, 486
Коллоредо Ф., граф 48
Колокольцов Ф. М. 37
Кольчев С. А. 47
Комаровский Е. Ф., граф 59
Константин Павлович, великий князь 53, 208.
Копьев А. Д. **411–419**
Копьев Д. С. 413, 414, 416, 418
Копьева Н. К., рожд. Ельчанинова 418
Корнель П. 457
Корсаков А. И. 226, 227
Корф М. А. 170
Косовский А. 121, 122
Котельников С. К. 97, 100–102, 181, 183, 184
Кочубей В. П., граф 47, 159, 238, 239, 424, 427, 480, 481
Кочубей М. В., графиня 483, 484
Край К. 311
Кривцов А. К. 150, 152-155
Кропотов А. Ф. **421–430**
Кротов П. А. 251
Крузе К. Ф. 29
Крюденер А. И. 47
Кузнецов Н. А. 167
Курака А. И., князь 11
Куракин А. Б. I, князь 11, 244
Куракин А. Б. III, князь 142
Куракин Ал. Б., князь 13, 15, 17, 19, 27, 34, 42, 65, 78, 84, 91, 152, 164, 165, 204, 207, 212, 214, 217-293, 294, 297, 319, 352, 415, 418, 456, 458, 462, 463, 467, 472, 474-480, 482, 484, 486, 487
Куракин Ал. Б. II, князь 319
Куракин Б. А., князь 123, 319, 423, 482, 483, 484, 486
Куракин Б. И., князь 11, 34, 78, 82, 83, 244
Куракин Б.-Л. А., князь 11-13, 381, 471
Куракин И. А., боярин, князь 33
Куракин И. Б., князь 13, 204, 207, 214
Куракин П. А., боярин, князь 33
Куракин С. Б., князь 12, 13, 204, 207, 214, 357, 414, 440, 442, 472, 476, 477, 484
Куракин Ф. А., князь 80, 81, 82–85, 86, 88-91, 108, 179, 457, 489
Куракина А. А., княжна 13, 21, 199, 200, 201, 212, 472, 473

- Куракина А. И., княгиня 199-201, 203, 211, 212
Куракина Е. А., княжна, в зам. Зотова 91
Куракина Е. Д., княжна, рожд. Измайлова 357
Куракина Е. С., княгиня 11, 204
Куракина Н. И., княгиня 84, 207, 462, 463, 482, 483, 484, 486
Куракина Н. П., княгиня, рожд. Нарышкина 207, 214
Куракина С. В., княгиня 79, 80, 88
Куракина Т. А., княжна См. Нелединская-Мелецкая Т. А.
Куракина Т. Б., княжна 59
Куракины, князя 34, 71, 88, 89, 197, 223, 279, 323, 353, 381, 442
Кушелева Е. И. 439
Лаво Ж. 467
Лазарева В. П. 157
Ланжерон А. Ф. 45
Ланской А. Д. 42, 164, 439
Лаптева Т. А. 6
Лафермьер Ф. Г. 28, 29
Лафитт 486, 488
Лафонтен Ж. 364
Лебедев Г. С. **185–194**
Левашов П. А. **195–228, 431–435**
Левинсон-Лессинг В. Ф. 326, 328
Лексель А. И. 96
Леман И. Г. 100, 252
Леонтьева П. И. 23
Лесажа 473
Ливио С. 275
Ливио, бр. 487
Линней К. 27, 262
Литта Е. В., графиня 483, 484, 487
Лобанов-Ростовский Д. И., князь 52, 53, 78, 482, 483, 487
Лобанов-Ростовский Я. И., князь 351, 365, 366
Лоза С. 384
Ломоносов М. В. 364
Лонгинов М. Н. 454, 466
Лопухин П. В., князь 157
Лопухина Е. Ф. см. Евдокия Федоровна, царица
Лопухины 43
Лористон Ж. 71
Лунин А. М. 300, 301
Львов А. Н. 156, 157, 159, 233
Львов Л. Н. 233, 234
Львов Н. А. 157, 160, **229–234**
Львов П. П. 157
Людовик XIV, король французский 54
Людовик XV, король французский 39
Людовик XVI, король французский 32, 39
Макогоненко Г. П. 455, 459, 463, 466, 467
Малахов Е. 480
Малимонов Д. Г. 474
Малиновский А. Ф. 10, 342

- Маллий И. Б. 483
Мамуровский В. А. 87
Марин С. Н. 462
Мария Антуанетта, королева французская 36, 39
Мария Николаевна, великая княжна 142
Мария Феодоровна, великая княгиня См. Мария Феодоровна, императрица
Мария Феодоровна, императрица 10, 11, 18, 19, 24-26, 28, 30, 32, 38, 39, 42, 46, 52, 54, 60, 73, 78, 168, 169, 170, 171, 187, 193, 220, 253-256, 260, 261, 262, 263, 265, 292, 293, 299, 300, 301, 318, 319, 329, 361, 362, 375, 393, 394, 475, 476
Мария-Луиза, эрцгерцогия австрийская 64
Мармон О. 72
Марэ Г. Б., герцог Бассано 67, 68, 70, 78, 486
Мезоннев 482
Мейер А. 362, 363
Мекленбург-Стрелицкий Э.-Г.А., герцог 16, 471
Меланде 162
Меншиков А. Д., князь 244, 251, 252
Меттерних К., граф 68
Мещеринов См. Н. П. Шереметев, граф
Мильчина В. А. 114, 115, 183, 284, 285, 407
Михаил Павлович, великий князь 362
Модерах Ф. 12
Мокиевская С. В. См.
Куракина С. В., княгиня
Моллер И. И. 145, 146
Молчанов П. С. 40, 164, 165, **437–442**, 478, 482
Мольер Ж. Б. 457
Моналди 161, 162
Мордвинов Н. С. 424, 430
Морков А. И., граф 41, 47
Муравьева-Апостол А. С., рожд. Черноевич 234
Муравьев-Апостол И. М. 233, 234
Мусина-Пушкина С. А., графиня 18
Мусин-Пушкин А. С., граф 18, 19, 28, 406
Мухин Е. О. **235–239**
Мюрат И. 53, 56
Назаров Д. 310
Наполеон Бонапарт, император 51-54, 56, 57, 59-71, 283
Наримунт Гедиминович, князь 11
Нартов А. А. 10, 37, 133, 134, **241–275**
Нартов А. А. младший 248
Нартов А. К. 244, 251
Нартов П. А. 248
Нартова А. А. 248
Нартова Е. А. 248
Нартова Е. П., рожд. княжна Мещерская 248

- Нарышкин А. Л. 39
Нарышкин П. П. 299
Нарышкина Е. А. 82, 86
Нарышкина Н. Л. 153
Нарышкина Н. П. См. Куракина Н. П., княгиня.
Наталия Алексеевна, великая княгиня 22, 23, 175
Нейкомм С. 171, 172
Неклюдов П. В. 149
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 6, 20, 223
Нелединская-Мелецкая Т. А., рожд. княжна Куракина 20
Нелидова Е. И. 29, 34, 42
Нельдехен К. фон 309
Нессельроде К. В. граф 67, 69
Николаи А. Л., барон 193
Николаи Г. Л., барон 28, 29
Николай I, император 72, 73, 362
Николай Павлович, великий князь См. Николай I, император.
Николев Н. Н. 283, 284
Николев Н. П. **277–287, 443–450**
Николев П. М. 279, 286, 287
Николева Е. А., рожд. княжна Долгорукая 287
Никон, патриарх 327
Новиков Н. И. 36, 198, 243, 489
Обресков М. А. 307, 309, 314
Оливиери 161, 162
Олсуфьев А. В. 364
Ольдекоп И. 72
Ореус Г. 245
Орлов В. Г., граф 100
Орлов Г. Г., граф 33
Орлов Ф. Г., граф 59
Орлова-Чесменская А. А., графиня 21, 481
Орлов-Чесменский А. Г., граф 21, 175, 238, 239
Орловы, графы 22
Остен-Сакен К. И., барон 15, 459, 471
Остерман И. А., граф 26
Островский Б. П. 339, 340
Отт М. И. 483, 484, 486
Павел Петрович, великий князь См. Павел I, император
Павел I, император 10, 12–14, 18, 19, 23–26, 28–30, 32–34, 36–48, 88, 102, 107, 118, 120, 124–127, 129, 131, 133, 141, 151, 159, 164, 165, 170, 175, 187, 190, 191, 193, 198, 208, 219, 223, 231–233, 245, 247, 248, 250, 253–256, 280, 292–294, 324–330, 337, 339, 340, 344, 352, 353, 358, 375, 382, 394, 449, 450, 456, 459, 464, 475–477
Паллас П. С. 102
Панин Н. И., граф 11–16, 19, 20, 22, 23, 26, 28, 33, 96, 101, 107, 110, 111, 118, 124, 125, 197, 199–203, 207, 210, 212–214, 216–218, 220, 221, 232, 233, 239, 247, 323–328, 366, 406, 423, 453–461, 463–465, 471, 472, 473

- Панин Н. П., граф 20, 49, 324, 474, 479
Панин П. И., граф 13, 17, 18, 20—22, 101, 107, 178, 179, 199—204, 211, 212, 279—281, 286, 287, 324, 336, 337, 474
Панина А. И. 11
Панина М. Р., графиня 20, 199—201
Панины, графы 22, 118, 197, 204
Панчулидзева С. А. 86
Пензин См. Гагарин Г. П., князь
Перриго 486, 487
Пестель Ф. В. 17
Петр I, император 11, 54, 82, 102, 200, 247, 249, 251, 252, 448
Петр II, император 11
Петр III, император 11, 12, 24, 28
Петр Федорович, великий князь
См. Петр III, император
Платон, митрополит 20, 352, 353, 456, 464
Плещеев С. И. 28, 29, 39, 42, 292
Подобедов М. 122
Полетика Г. А. 12
Понятовский С.-А. 30, 473
Порошин С. А. 9, 14, 244
Порше Ж. 251
Потемкин Г. А., князь 23, 28, 31, 164, 294, 308
Пошман А. П. 269, 270
Приклонская А. Д. рожд. Измайлова 357
Приклонский Д. П. 357
Приклонский П. Н. 356, 357, 359
Прозоровский А. А., князь 50
Прокудин Н. И. 298, 299
Пугачев Е. И. 463, 464
Пушкин А. С. 142, 317
Пушкин В. Л. 462
Пфейль И. Г. Б. 96
Радищев А. Н. 37, 75, 208
Разумовский А. К., граф 21, 23, 24, 51, 55, 158, 159
Расин Ж. 457
Рейф Б. 310
Репнин Н. В., князь 28, 29, 204, 206, 207, 212, 217, 218, 472, 479, 480
Репнина Н. А., княгиня, рожд. княжна Куракина 203, 207, 212, 213, 216—218, 472
Рикорд П. И. 192, 194
Ровинский Д. А. 132
Рославлев 148, 149
Рослен А. 19
Ростопчин Ф. В. 39, 44, 47, 417, 418
Руа Ж. 65
Румовский С. Я. 100, 178, 180—184
Румянцев Н. П., граф 17, 28, 51, 56, 59, 60, 61, 63, 64, 66, 69, 70, 90, 405, 425, 427, 458, 485, 486, 487
Румянцев С. П., граф 17
Румянцев-Задунайский П. А., граф 28, 30, 306, 473
Румянцева Е. М., графиня 23, 59

- Рункениус Д. 17
Руссо Ж. Ж. 404, 405
Салаев И. Г. 466
Салтыков А. Н. 71, 72, 483, 487
Салтыков Н. И. 23, 24, 28, 29, 71
Сальдерн К.-Г. 17, 471
Самборский А. А. 29, 187
Самойлов А. Н., граф 292, 294
Самойлович Д. С. **289–294**
Самуил (Миславский), митрополит 364
Сандунов Н. Н. **295–302**
Сандунова А. И. 298, 299
Саурау Ф. 48
Северные, графы См. Мария Феодоровна, императрица и Павел I, император
Сегюр Ф. де, граф 62
Седлецкий А. 122
Семевский М. И. 81–83, 85, 86, 90, 169
Семенников В. П. 101
Семенов М. П. 86
Сент-Эленс Ф., барон 48
Сердобин А. Н., барон 65, 72, 74, 79, 405
Сердобин Ал. Н., барон 74
Сердобин М. А., барон 85
Сердобин М. Н., барон 74, 86
Сердобин П. М., барон 85, 86
Сердобин П. Н., барон 74
Сердобина А. Н., баронесса 74
Сердобина Е. Н., баронесса 74
Сердобина Л. Н., баронесса 74
Сердобина С. Н., баронесса 74, 90
Сердобины, бароны 22, 50, 74, 394
Сиверс Я. Е., граф 151, 479
Смирнов Я. И. 193
Смирнова К. Д. 88
Смирнов-Сокольский Н. П. 305
Смолянинов В. Н. 81–83, 85–88, 90, 91, 109, 110, 179, 369, 457, 489
Соболев А. Л. 6
Соболевский Г. Ф. 27
Соколовская Т. 118
Соллогуб И. А., граф 150, 153–155
Соловьев С. М. 381
София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Виртемберг-Штутгартская См. Мария Феодоровна, императрица
София-Шарлотта, королева Англии 16
Спарре К., граф 27
Сперанский М. М., граф 63, 67, 69
Стадион И., граф 56, 58
Сталь Ж. де 59
Станислав-Август, король польский См.
Понятовский С. А.
Столыпин А. Е. 37
Стричек А. 457, 467
Строганов Г. Н., барон 19

- Строганов П. А., граф 425, 427
Ступишин И. А. 414
Суворов-Рымникский А. А., граф 355–359
Суворов-Рымникский А. В. граф 292, 294, 356–358
Суворова А. В., в замуж. княгиня Горчакова 356
Суворова-Рымникская В. И., графиня 357, 359
Сумароков А. П. 371
Сухомлинов М. И. 133, 134, 364
Талейран Ш. М., князь Беневестский 47, 43, 54, 59
Талызин А. Ф. 13, 203, 204, 207, 217, 218
Талызина М. С., рожд. графиня Апраксина 18, 203, 204, 207, 217, 218
Талызины 38
Тамара В. С. 148, 149
Татищев В. Н. 364
Татищева А. А. 20
Тауберт И. И. 256
Тенишев Д. В., князь 165, 166
Теплов А. Г. 15
Тибекин В. И. **303–314**
Тибекин И. 308
Тибекин И. В. 306
Тимошук В. В. 90
Тихонравов Н. С. 455, 466
Толстой П. А., граф 55, 57
Тормасов А. П., граф 72
Траскина М. А. См.
Вревская М. А., баронесса
Троцинский Д. П. 193, 425, 428
Туманский Ф. О. 453, 455, 456
Тутолмин И. В. 483
Уайт Д. 193
Уваров С. С., граф 59
Уваров Ф. П., граф 226, 227
Уитворт Ч., лорд 68
Устинов М. А. 38
Фабер Т. 392
Федоров Б. М. **315–320**
Федоров И. А. 484
Феодорит, архимандрит 353, 354
Феофил, епископ 442
Фергюссон Д. 192
Ферзен С., графиня 26, 27, 373
Ферзен Ф.-А., граф 26
Филарет, архимандрит 355
Фокин А. 267–271
Фонвизин А. И. 336
Фонвизин Д. И. 5, 10, **321–330**, 333, 336, 364, **451–467**
Фонвизин П. И. **331–348**
Фонвизин С. П. 341, 345
Фонвизина М. В., рожд. Толстая 341
Формей И. Г. С. 25
Франклин Б. 426
Франц I, император австрийский 48, 51, 58, 64, 74
Фредерик V, король датский 15
Фредерикс И. А., барон 246, 247
Френкель В. Я. 403
Фридрих II Великий, король прусский 25, 45, 54, 175

- Фус Н. И. 266, 267
Ханыков П. И. 423
Хвостов А. Д., граф 351
Хвостов Д. И. граф 305, **349–366**, 371
Хемницер И. И. 364
Херасков М. М. 5, **367–371**, 247, 297
Хераскова Е. В., рожд. Неронова 371
Ходнев А. И. 254
Храповицкий А. В. 28, 38, **373–377**
Христиан VII, король датский 15, 28
Хэдли Г. 192
Чарторыйский А. А., князь 424, 427
Черкасский А. М., граф 21
Чернышев А. И., граф 61, 66, 67
Чернышев Г. И., граф 150, 152, 153
Чернышев И. Г., граф 151, 152, 154, 155, 158, 160, 161
Чичагов П. В. 271
Чичагов П. В. 430
Шагаров А. И. 132
Шагаров Л. 132
Шагаровы 131
Шаликов П. И., князь 462
Шампаньи Ж. 59, 60, 66, 67
Шварценберг К. Ф., князь 48, 64
Шварценберг П., княгиня 64
Шениг Н. И. 90
Шереметев Б. П., граф 21
Шереметев Н. П., граф 17, 19, 325, 458
Шереметев С. Д., граф 85, 91
Шереметева В. П., графиня 21
Шлаттер И. А. (И. В.) 259
Шлаттер И. И. (И. Ф.) 259
Шлаттер Ф. И. 259
Шлаттеры 259
Шопен Ж.-М. 71
Штакельберг О. М. 474, 484, 486
Штединг К., барон 48
Штелин Я. Я. 100, 180, 182, 184
Шторх А. К. (Г.) 50, 390–393
Штрубе де Пирмон Ф. 12
Шубин Ф. И. 19
Шувалов А. П., граф 23, 326
Шувалов И. И. 28
Шувалова Е. П., графиня 417, 418
Шумлянский П. 309
Щербатов М. М., князь 10, 28, 123, 247, **379–385**
Щербатова Н. И., княгиня 384
Щербов К. С. 121
Щукин П. И. 86
Эйлер И. А. 100, 245
Эйлер Л. 100, 177, 267
Энгельгардт В. В. 37
Энгельгардт Е. А. 50, **387–394**, 403, 480
Энкель 485
Юдин С. 251

Юлиана, королева датская 15

Юсти И. Г. Г. 95, 101

Юсупов Н. Б., князь 17, 29, 30,
32, 232, 326, 458

Юсупова Е. Б., княжна 200

Ян III Собеский, король польский

95, 101

Оглавление

Предисловие	5
Князь А. Б. Куракин. Опыт биографии	7
Судьба архива князя А. Б. Куракина	77

Письма

Богаевский И. И.	93
Богданович И. Ф.	105
Голенищев-Кутузов П. И.	135
Державин Г. Р.	139
Домашнев С. Г.	173
Лебедев Г. С.	185
Левашов П. А.	195
Львов Н. А.	229
Мухин Е. О.	234
Нартов А. А.	241
Николев Н. П.	277
Самойлович Д. С.	289
Сандунов Н. Н.	295
Тибекин В. И.	303
Федоров Б. М.	315
Фонвизин Д. И.	321
Фонвизин П. И.	331
Хвостов Д. И., граф	349
Херасков М. М.	367
Храповицкий А. В.	373
Щербатов М. М., князь	379
Энгельгардт Е. А.	387

Приложения

I. Богданович И. Ф.	395
II. Козловский П. Б., князь	401
III. Копьев А. Д.	411
IV. Кропотов А. Ф.	421
V. Левашов П. А.	431
VI. Молчанов П. С.	437
VII. Николев Н. П.	443
Князь А. Б. Куракин — переводчик Фонвизина	451
Роспись переписки князя А. Б. Куракина	469
Список сокращений	489
Указатель имен	490

Научное издание

Дружинин Петр Александрович

Неизвестные письма русских писателей

князю

Александрю Борисовичу Куракину

(1752—1818)

Заставки и концовки почерпнуты из книги:

Specimen des divers caracteres, vignettes et ornemens typographiques de

la fonderie de Laurent et de Berny, rue des Marais Saint-Germain,

№ 17. P. I-II. Paris, Imp. par H. Balzac, 1828.

Москва, издательство «Трутень», 2002.

e-mail: truten@rarebook.ru

Формат 60 × 90 1/16. Печать офсетная. 32 печ. л.

Тираж 500 экземпляров.

Корректор Ю. П. Питецкая.

Компьютерная верстка — А. Шпринц.

ISBN 5—94926—001—5

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ №